

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 3 том - «Анжелика и король»

Перевод: с фр. Ю. Д. Хлебников

Издательство: АСТ, 1999 г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР**

Глава 1

В эту ночь Анжелика никак не могла заснуть. Ей, как ребенку в канун Рождества, грезилась волнующие события будущего дня.

Дважды она вставала и зажигала свечу, рассматривая костюмы на стульях возле кровати – один для предстоящей завтра королевской охоты, а другой – бальный. Наряд для охоты нравился ей больше. Портной в точности исполнил приказания, придав жемчужно-серому бархатному жакету мужскую строгость линий, подчеркивающих обольстительные формы ее фигуры. Каскад страусиных перьев на огромной шляпе из белого фетра был подобен снежной лавине. Но особое восхищение вызывал шарф. Шарф этот, по мнению Анжелики, должен был привлечь всеобщее внимание и возбудить черную зависть у дам высшего света. Ярды крахмаленной материи, обвитые кольцами вокруг ее прелестной шеи, скреплялись в огромный бант, концы которого, восхитительно отделанные жемчужным бисером, смотрелись как крылья причудливой бабочки. Мысль придать шарфу такую форму возникла у нее прошлой ночью. Целый час она крутилась перед зеркалом, перемеряя с десятков шарфов из магазина тканей, прежде чем окончательно остановила свой выбор на эффектном шарфе, модном среди шевалье. Она знала, что строгие очертания воротничка амазонки не украшают лицо. Но вздымающиеся белые волны кружев придадут фигуре женственность и кокетство.

Анжелика беспокойно ворочалась в кровати. Может быть, стоит позвонить в колокольчик и приказать служанке принести ей чашку чая с вербеной, которая помогла бы ей уснуть? Ведь уже через несколько часов ее ждет напряженный день. Встреча охотников назначена в лесу Фосе-Репо. Как и всем гостям короля, которые поедут из Парижа, Анжелике необходимо будет встать очень рано, чтобы в назначенное время встретить на дороге к Ле Беф кавалькаду из Версаля. Здесь, в самом центре леса, были выстроены конюшни, в которых охотники-аристократы оставляли лошадей отдохнуть перед продолжительной погоней за быстроногими оленями. Днем раньше она наблюдала, как два конюха отводили туда ее любимую Цереру. В прошлом году она заплатила тысячу пистолей за эту чистокровную испанскую кобылу.

Еще раз Анжелика поднялась с постели и зажгла свечу. Ее бальное платье из огненно-красного атласа, с накидкой, ослепительно белой, как облака при восходе солнца, с корсажем, усеянным крохотными

перламутровыми цветочками, было эффектным и нарядным.

Из драгоценностей она выбрала розовый жемчуг. Он будет гроздьями свисать с ее точеных ушей, а великолепные длинные бусы трижды обовьют шею и плечи. Волосы украсит тиара в форме полумесяца. Драгоценности она приобрела у ювелира, увлекшего ее рассказами о жемчужинах, омытых водами теплых морей, и о долгом пути, проделанном ими от торговца-араба к греку, затем к венецианцу, о запутанных сделках, в результате которых он в конце концов завладел ими. Ювелир сумел в три раза завесить стоимость драгоценностей, искусно представляя каждую жемчужину, как сказочно редкую, выкраденную прямо из райских садов.

И Анжелика всерьез считала, что ей очень повезло с жемчугом. Она любовалась драгоценностями в бархатных футлярах на ночном столике.

Стремление обладать красивыми и дорогими вещами преследовало ее всю жизнь. Теперь появилась такая возможность — как вознаграждение за годы лишений, выпавших на ее долю. Хвала небесам, невзгоды остались позади, а впереди достаточно времени, чтобы окружить свою красоту изящными безделушками, роскошной одеждой, изысканной мебелью и великолепными гобеленами, созданными знаменитыми художниками.

Все в ее доме было, точно и со вкусом подобрано, даже в мелочах нельзя было обнаружить ни тени вульгарности.

Анжелика не утратила интереса к жизни. Это и удивляло, и радовало ее, и втайне она благодарила Бога за то, что перенесенные страдания и муки не сломили ее. Она сохранила поистине юношеский задор. Как дитя, она приходила в восторг при виде какой-нибудь дорогой побрякушки.

Кто никогда не был голодным, не может знать цену ломтю свежего, еще теплого хлеба! А той, что еще недавно ходила босиком по бульжным мостовым Парижа, можно ли сомневаться, что она счастливейшая в мире женщина?!

Задув свечу, Анжелика скользнула под одеяло, вытянулась во весь рост и подумала: «Какое счастье быть молодой, красивой и богатой!»

И чуть погодя добавила: «...и желанной».

Это напомнило ей о Филиппе. Тяжкий стон вырвался из груди:

— Филипп!..

Как она презирала его! Она вспомнила те два месяца, которые прошли после ее свадьбы с Филиппом, маркизом дю Плесси-Белльер. Этим браком Анжелика обрекла себя на унижения и одиночество.

На следующий день после того, как Анжелика была принята в Версале, королевский двор возвратился в Сент-Антуан. Но двери дома Филиппа захлопнулись перед ее носом. На ее протесты мажордом заявил,

что хозяин последовал за королевским двором, а на ее счет не дал никаких указаний. И Анжелике пришлось вернуться в особняк Ботрей, которым она владела еще до замужества. С тех пор она стала постоянно жить здесь, ожидая нового королевского приглашения и позволения занять достойное место при дворе. Но приглашения не приходило, и она стала всерьез беспокоиться, думая, что ею просто пренебрегают.

И вот однажды мадам де Монтеспан, с которой Анжелика встретилась у Нинон де Ланкло, обратилась к ней:

— Что с вами, моя дорогая? Вы просто потеряли голову! Вы не ответили на три приглашения короля! Может быть, у вас лихорадка или расстройство желудка? Или прыщ на носу настолько испортил вашу красоту, что вы не решаетесь появиться в свете? Должна вам сказать, что королю не нравятся такие отговорки, и потом он испытывает отвращение к часто болеющим людям. Вы рискуете вызвать недовольство его величества...

Так Анжелика обнаружила, что ее муж, которому король трижды поручал привести ее на прием, не только не передал ей приглашений, но и выставил перед королем в самом неприглядном свете.

— Во всяком случае, — подвела итог мадам де Монтеспан, — предупреждаю вас, что своими ушами слышала, как его величество говорил маркизу дю Плесси, что хотел бы видеть вас в среду на охоте. «Смею надеяться, — сказал он, — что здоровье мадам дю Плесси-Белльер не заставит ее отказать нам. В противном случае мне придется письменно уведомить ее о необходимости вернуться обратно в провинцию...»

Анжелика была взбешена. Ну что ж, ей потребуется совсем немного времени, чтобы разорвать паутину лжи. Она сама отправится на охоту и поставит Филиппа перед свершившимся фактом. И если король станет ее расспрашивать, она скажет всю правду. А почему бы и нет? Ведь в присутствии короля Филиппу придется признаться во всем!

В обстановке величайшей секретности она приобрела новые наряды, заранее отправила в лесную конюшню свою лошадь и приготовилась к отъезду в собственном экипаже. Вот уже скоро и рассвет, а она еще не сомкнула глаз. Она принудила себя выбросить из головы все мысли и медленно погрузилась в сон. Внезапно ее маленькая собачка по кличке Арей, которая, свернувшись, лежала на одеяле, вскочила и хрипло зарычала. Анжелика схватила пса и прижала к себе, говоря:

— Ш-ш-ш... спокойно, Арей!

Но крошечное животное дрожало и продолжало рычать. На секунду он затих, а затем снова пронзительно затыкал.

— В чем дело, Арей, — обеспокоилась Анжелика, — что произошло? Наверное, мышь?

Она зажала ему пасть рукой, пытаясь услышать, что так беспокоило ее любимца. Так и есть, вот и она уловила какой-то шум, настолько слабый, что невозможно было понять, откуда он исходит. Арей продолжал глухо ворчать.

— Спокойно, Арей, спокойно!

Ох, лучше бы она совсем не засыпала!

И тут перед ее глазами промелькнуло видение из прошлой жизни — грязные, загрубевшие руки обитателей парижского дна, которые в ночной темноте проникают в квартиры через окна и бесшумно удирают с ворованными драгоценностями.

Она вскочила с кровати. Так и есть!.. Звук шел от окна в нише. Грабители! Сердце забилось так сильно, что она не слышала ничего, кроме его ударов.

Арей выскользнул из рук и затыкал снова. Анжелика схватила собаку, стараясь заглушить лай, теперь у нее возникло отчетливое ощущение, что в комнате кто-то есть. Громко хлопнуло окно.

— Кто здесь? — воскликнула она, полумертвая от страха.

Никто не отозвался. Послышался звук приближающихся к алькову шагов.

«Мой жемчуг!» — мелькнуло у нее в голове.

Анжелика схватила с ночного столика горсть драгоценностей. И тут же удушливая тяжесть теплого одеяла окутала ее. Сильные руки обхватили ее, лишив возможности двигаться. Извиваясь, как угорь, под одеялом, она все же ухитрилась высвободиться из неожиданного плена и, набрав полные легкие воздуха, закричала:

— Помогите!.. По... мо...

Мощные пальцы сдавили ей горло, яркий свет блеснул перед глазами. Неистовый лай собаки отдалился и совсем затих.

«Умираю, задушенная взломщиком, — подумала она. — Безумие!.. Филипп! Филипп!..»

Все погрузилось в темноту.

Когда вернулось сознание, Анжелика почувствовала, как что-то выскользнуло из ее пальцев и с легким стуком упало на пол.

«Мой жемчуг!..»

Она наклонилась с постели и увидела нитку розового жемчуга. Видимо, ожерелье было у нее в руке все то время, пока она была в беспомощности.

Анжелика окинула взглядом комнату, похожую на камеру. Слабый свет проникал сквозь небольшое зарешеченное окно, пробитое в готическом стиле. В нише под окном мерцал светильник. Грубо отесанный стол, колченогий стул и деревянный топчан с волосяным тюфяком, покрытым старой простыней, — вот и все, что было в комнате.

«Где я?.. В чьи руки я попала?.. Чего же они хотят от меня?..»

Они не тронули ее драгоценностей. Грубое одеяло прикрывало ее тело в розовой ночной сорочке. Она подобрала ожерелье и приложила его к шее, но затем, передумав, сунула под валик в изголовье.

Снаружи зазвенел серебряный колокольчик, ему ответил другой. Глаза молодой женщины остановились на маленьком деревянном распятии с заложенной за него веточкой самшита.

«Монастырь... Я в монастыре!..»

Послышалась отдаленная мелодия органа и женские голоса, певшие какой-то псалом.

«Что же все это значит? О, Боже, как болит шея и горло!..»

Минуту она пролежала в изнеможении, мысли ее путались. Втайне она считала все события дурным сном и надеялась, что ночные кошмары развеются, как только она окончательно проснется.

Громкие шаги в коридоре заставили ее приподняться и сесть на тюфяке. Шаги мужчины, может быть, ее похитителя... Ага!.. Она не выпустит его отсюда, пока не получит объяснений. Она достаточно насмотрелась на разбойников и не боится их. Если понадобится, она напомнит, что Деревянный Зад, король преступного мира, был ее другом!.. Шаги замерли. Ключ повернулся в замочной скважине, и дверь распахнулась. При виде стоявшего перед ней человека Анжелика на мгновение остолбенела.

— Филипп!

Меньше всего она ожидала увидеть мужа, ибо в течение двух месяцев после замужества Филипп ни разу не посетил ее и ни разу не дал понять, что у него есть жена.

— Филипп! — повторила она. — О, Филипп, какая радость! Вы пришли, чтобы спасти меня?

Но его безразличный, отсутствующий вид мигом охладил ее порыв. Он равнодушно стоял у двери, красивый, в высоких белых сапогах, в сизом замшевом костюме с серебряными галунами. Локоны тщательно подогнанного светлого парика падали на венецианское кружево воротничка. Плюмаж из белых перьев развевался на шляпе из серого бархата.

— Как ваше здоровье, сударыня? — поинтересовался он. — Надеюсь, вы довольны?

— Я не могу понять, что случилось, Филипп. — Молодая женщина слегка заикалась. — Кто-то напал на меня прямо в моей спальне. Меня вытащили из постели и приволокли сюда. Интересно, кто мог такое проделать?

— Рад возможности сообщить вам, что это совершил Ла-Виолетт, мой слуга...

Анжелика от удивления не могла вымолвить ни слова.

— И по моему приказу, — добавил он любезно.

Теперь Анжелике все стало ясно. Она спрыгнула на пол, побежала по холодным каменным плитам к окну и ухватилась за решетку. Восход солнца предвещал чудесный день. Король будет охотиться на оленей в лесу Фосе-Репо, но мадам дю Плесси-Белльер снова не будет среди присутствующих. Дрожа от ярости, она обернулась к мужу:

— Вы поступили так, чтобы не допустить меня на королевскую охоту?!

— Как быстро вы догадались, мадам!

— Неужели вы не понимаете, что его величество никогда не простит мне этого? Ведь он сошлет меня в провинцию!

— Я так и предполагаю.

— Вы дьявол, Филипп!

— Вы так считаете? Уже не первая женщина награждает меня таким титулом! — засмеялся он: ярость жены доставляла ему огромное удовольствие. — Но я не такой уж дьявол, ибо собираюсь заключить вас в монастырь, где в молитвах и уединении вы сможете начать новую жизнь, полную смирения и раскаяния. Сам Господь Бог не найдет ничего дурного в таком поступке.

— И как долго я буду в положении кающейся грешницы?

— Посмотрим... Еще несколько дней.

— Филипп, я в самом деле ненавижу вас!

Он рассмеялся громче обычного, язвительно обнажив белые зубы.

— Ваше заявление меня радует, мадам. Мне ведь пришлось потратить много времени, чтобы изменить ваши планы!

— Изменить мои планы! Вот как это называется! Ворваться в мой дом, похитить меня... Подумать только, когда ваше чудовище душило меня, я призывала вас на помощь!..

Смех Филиппа оборвался, он сердито нахмурился. Подойдя ближе, он стал внимательно рассматривать кровоподтеки на ее шее.

— Проклятье! Негодяй зашел слишком далеко. Он, похоже, решил отличиться. А он из тех парней, которые должны выполнить лишь то, что я приказываю. Я велел ему быть по возможности осторожным, чтобы не привлечь внимания ваших слуг. Но вы не беспокойтесь, я прикажу ему, чтобы в следующий раз он не был слишком груб с вами.

— Вы считаете, что будет следующий раз?

— Так будет продолжаться до тех пор, пока я не вышколою вас... Так будет до тех пор, пока вы не перестанете гордо вскидывать свою головку, дерзко отвечать мне и всем своим видом выражать неповиновение. Недаром я главный ловчий — распорядитель королевской охоты. Мне доверено учить самых свирепых сук. И в конце концов, они всегда лижут мне руки...

— Скорее я умру, — возмущенно воскликнула Анжелика, — или вы сами убьете меня!

— Нет, я просто превращу вас в рабыню! — Он вперил в нее свирепый взгляд голубых холодных глаз, Анжелика вынуждена была отвернуться. Дуэль складывалась не в ее пользу. Но ей уже приходилось бывать в таких переделках; и она снова вызывающе повернулась к нему:

— Не слишком ли многого вы ожидаете? И какие же приемы вы хотите применить?

— О-о... их у меня достаточно, — раздраженно произнес он. — Запру вас здесь, к примеру. Как вам понравится, если ваше пребывание здесь продлится на неопределенное время? И я могу разлучить вас с сыновьями.

— Вы не посмеете...

— Почему? А еще я могу ограничить вас в пище до такой степени, что вы станете молить о куске хлеба, чтобы остаться в живых.

— Глупо! У меня есть состояние, и я сама им распоряжаюсь.

— Ха! Вы моя жена, а мужу дана абсолютная власть. И я не так глуп, чтобы не найти способа получить все ваши деньги.

— Я буду защищать свои права!

— А кто прислушается к вам? С такими просьбами следует обращаться к королю, но после того, как вы и сегодня не появитесь на охоте, боюсь, сударыня, вам уже не придется рассчитывать на его помощь... Теперь я удаляюсь, оставляя вас и позволяя предаваться размышлениям. Я больше не могу задерживаться, ибо мне надо еще спустить с цепи свору гончих. Вы ничего не хотите мне сказать?

— Да, хочу. Я ненавижу вас всем сердцем.

— Все это пустяки в сравнении с тем, что вам еще предстоит. Настанет день, когда вы будете призывать к себе смерть, чтобы избавиться

от моей власти.

— Что толкает вас на такие поступки?

— Радость отмищения. Вы столь глубоко унизили меня, принудив жениться на себе, что мне доставит огромное удовольствие возможность увидеть вас рыдающей, молящей о снисхождении и превратившейся в полубезумное, несчастное существо.

— Прелестная картинка! А почему тогда не камера пыток? Каленое железо, дыба, тиски для дробления пальцев?

— Ну, нет, заходить так далеко я не собираюсь. Возможно, я получу еще некоторое удовольствие от вашего тела.

— В самом деле? Кто бы мог подумать? По вашему виду нельзя даже предположить, что вам этого хочется...

Филипп дю Плесси у самой двери круто повернулся:

— И вы жалеете об этом? Я разочаровал вас? Разве не достаточно жертв я принес на алтарь вашей красоты? Вам мало любовников, вам подавай еще и поклонение мужа! У меня осталось отчетливое ощущение, что вы испытали отвращение при исполнении обязанностей во время брачной ночи. Может быть, я ошибаюсь?

— Подите прочь, Филипп. Оставьте меня!

Но тут Анжелика с ужасом увидела, что Филипп направляется к ней. Она ощутила себя нагой и совершенно беззащитной.

— Чем больше я смотрю на вас, тем меньше мне хочется покидать вас, — заметил он.

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Молодая женщина задрожала. У нее перехватило горло, так что она не смогла дать волю рыданиям, душившим ее.

— Пустите меня, пустите! Прошу вас...

— Мне нравится слышать ваши мольбы! — Он легко, как куклу, приподнял ее и почти бросил на волосяной тюфяк, служивший постелью какой-то монахини.

— Вы забываете, что вы в монастыре!

— Да?! Вы хотите сказать, что двух часов, проведенных в святом месте, хватило вам на то, чтобы дать обет целомудрия? Но вам не придется хранить верность своему обету, мне всегда доставляло большое удовольствие лишать чести молодых монахинь.

— Вы самое презренное существо из всех, кого я когда-либо знала.

— Ваши любовные разговоры не из самых приятных, которые мне приходилось слышать, — проговорил он, срывая с себя перевязь. — Вам следовало бы проводить больше времени в салоне у прелестной Нинон.

Хватит жеманничать, мадам. Вы, к счастью, вовремя напомнили мне о моем супружеском долге, и я намерен выполнить его.

Анжелика закрыла глаза. Она перестала сопротивляться, зная по опыту, чего ей это стоило бы. Безразлично вынесла она унижительное совокупление, к которому принудил ее Филипп, причинив боль и страдания.

Она подумала о несчастных в браке женщинах — имя им легион, которые покорно исполняют свои супружеские обязанности, думая о любовнике или страдая в объятиях пузатого старика.

Иное дело с Филиппом. Он не был ни старым, ни пузатым, и Анжелика сама хотела выйти за него замуж. Да, теперь она раскаивалась, но было уже поздно. Наверное, ей следовало, научиться быть обходительной со своим повелителем — она сама его выбрала.

Но что он за чудовище! Женщина для него всего лишь орудие для удовлетворения низменных страстей. И в то же время он был мужественным и стройным чудовищем. По зову похоти Филипп бросился в атаку, как настоящий воин. Дрожь борьбы и жажда обладания великолепным телом не оставили в его душе места для малейшего проявления нежности. И все же, оставив наконец ее в покое, он прикоснулся пальцами к ее шее в том месте, где грубые руки слуги оставили след, и слегка провел по ней пальцами, будто желая выразить этим пренебрежительную ласку.

Выпрямившись, он оглядел ее с усмешкой:

— Ну, моя радость, похоже, вы поумнели. Я предупреждал вас, что так и будет. Скоро вы станете моей покорной рабыней... А пока я пожелаю вам приятного времяпрепровождения за этими толстыми стенами. Вы можете плакать, стонать и ругать меня, сколько вам заблагорассудится: никто вас не услышит. Монахиням приказано кормить вас, но запрещено выпускать из кельи — а у них репутация превосходных тюремщиков. Для них вы не представляете никакого интереса и являетесь просто нежелательной нахлебницей в монастыре. Развлекайте себя сами, сударыня. Может быть, сегодня вечером вы услышите звуки охотничьих рогов, когда королевская охота будет проезжать мимо. Я прикажу трубить в вашу честь!..

Он разразился громким хохотом и вышел. Как ненавистен для Анжелики был его смех! В нем не было ничего, кроме злобной радости мести.

Анжелика осталась недвижимо лежать под грубым тяжелым одеялом, сохранившим запах мужского пота. Она чувствовала себя уставшей и

безразличной ко всему. Напряжение прошедшей бессонной ночи, раздражение от ссоры и удовлетворение желания мужа истощили всю ее энергию. Силы оставили ее.

Неожиданно она почувствовала боль в животе. Во рту появился неприятный привкус желчи, на лбу выступили капельки пота. Она попыталась справиться с приступом боли, но не смогла и вновь бессильно распростерлась на постели.

Симптомы были те же, что и месяц назад, тогда она решила их не замечать. Теперь пришлось взглянуть правде в глаза. Ужасная брачная ночь, которую Анжелика не могла вспомнить без содрогания, принесла свои плоды. Она была беременна. Она понесла от Филиппа, от человека, ненавидевшего ее и поклявшегося мучить ее до тех пор, пока не доведет до безумия.

На мгновение Анжелика почувствовала себя настолько беззащитной, что появилось искушение уступить в борьбе и умереть. Если бы ей удалось заснуть! Сон восстановил бы силы и придал мужества. Но утро уже наступило, время сна прошло. Король останется недоволен, и ей придется навсегда покинуть Версаль и Париж.

Она вскочила, побежала к двери и забарабанила по ней, пока на костяшках пальцев не выступила кровь.

— Откройте! — кричала она. — Выпустите меня отсюда!

Вот солнце проникло в келью. Приглашенные на королевскую охоту уже собрались в Кур д'Онор, а экипажи с гостями проследуют из Парижа через ворота Сент-Оноре. Только Анжелика не будет присутствовать на чудесном празднике.

«Я должна быть там! Я должна!.. Если король отвернется от меня, я погибла! Только король сможет сдержать Филиппа! Я во что бы то ни стало должна попасть на охоту! Да, ведь Филипп упоминал, что я смогу из окна услышать звук рогов! Значит, монастырь расположен поблизости от Версаля! О, мне просто необходимо выбраться отсюда!..»

Но сколько она ни ходила по келье, ломая голову, не могла придумать, что делать.

Внезапно Анжелика услышала гулкое эхо от стука деревянных сабо. Она застыла, исполненная внезапной надежды, а затем бросилась к тюфяку и распростерлась на нем с самым беззаботным видом.

Ключ повернулся в замке, и вошла женщина, очевидно, прислужница, а не монахиня. На ней было плисовое платье, а голову украшал белый чепец. В руках она держала поднос.

Угрюмо пробурчав «Доброе утро!», вошедшая принялась переставлять

на стол скудную еду — кувшин с водой, чашку, от которой шел слабый запах бобов, и маленькую булочку.

Анжелика внимательно наблюдала за служанкой. Возможно, эта женщина окажется тем единственным существом, с помощью которого она сможет общаться с внешним миром. Надо попытаться извлечь хоть какую-то пользу из их короткой встречи.

Женщина не походила на толстых неуклюжих крестьянок, обычно обслуживающих монастыри. Она была молода и довольно привлекательна. В ее больших черных глазах таилась лютая злоба, а полные бедра, подчеркнутые плисовой юбкой, достаточно красноречиво говорили о ее прошлых занятиях. Наметанный глаз Анжелики не мог ошибиться в том, кем прежде была служанка, — особенно после того, как услышала ругательство, слетевшее с губ прислужницы, когда оловянная ложка упала с подноса на пол. У Анжелики не осталось и тени сомнений, что перед ней одна из подданных Великого Кезра — короля отверженных.

— Эй, сестра! — шепнула она.

Служанка обернулась. Ее глаза округлились, когда она увидела жест взаимопонимания, принятый в воровском мире Парижа.

— Господи Боже! — воскликнула она, придя в себя от изумления. — Могла ли я подумать! А они говорили, что ты — настоящая маркиза. Бедняжка, значит, и тебя захватили подонки из банды Святых Даров? Не повезло тебе, да? Никто не может справиться с такими стервятниками... — Она присела на край тюфяка. — Шесть месяцев я уже торчу в этой дыре. И не сердись, что я так глупо хихикаю, мне так приятно увидеть тебя, будто я только что сытно поужинала. У меня все заботы сразу из башки вылетели. Ты где работала?

Анжелика неопределенно махнула рукой:

— И там и тут... везде. У Деревянного Зада в основном.

— О, Великий Кезр! О тебе, наверное, хорошо заботились! Для новенькой ты довольно быстро забралась на самый верх! Ты ведь новенькая? Никогда не видела тебя раньше... А как тебя зовут?

— Милый Ангел.

— А меня — Воскресенье. Мне дали такое имя, потому что я работала только по выходным. Я не хотела быть такой, как все. Я гуляла перед церковью. Боже, какие чопорные и набожные все господа, когда идут в церковь. У них там много времени, чтобы поразмышлять во время молитвы. А после мессы — хорошенькая девчонка, почему бы и нет? Так что к окончанию службы у меня куча клиентов, можно выбирать... Но какой хай подняли всякие там святоши и ханжи! Можно было подумать,

будто из-за меня весь Париж перестал ходить на мессу. Они прямо из кожи вон лезли, чтобы меня арестовать. И вот теперь я здесь, в проклятом монастыре, должна отстаивать вечерню. А с тобой что? Что у тебя произошло?

— Один сводник хотел, чтобы я сошлась с ним. Я было согласилась, да он стал заставлять меня отдавать ему весь мой заработок. Черта ему! Он так и не смог меня заставить и тогда, чтобы отомстить, законопатил сюда, пока я не покорюсь.

— Ад земной! — вздохнула прислужница, возведя глаза к небу. — Он, должно быть, настоящий скупердяй. Я слышала, как он договаривался с матушкой-настоятельницей о цене. Он так и не дал больше двадцати эку. Как раз столько платят за мое заключение сволочи из банды Святых Даров. А жрать дают только горох да бобы...

— Негодяй! — воскликнула Анжелика, задетая за живое последним сообщением. — Едва ли същется еще хоть один такой мерзавец, как Филипп! Еще и скупердяй в придачу!..

«Платить за меня, как за простую проститутку!» — подумала она про себя, а потом схватила женщину за руку:

— Послушай, помоги мне выбраться отсюда. У меня есть идея: одолжи мне свою одежду и покажи калитку...

— Как я тебе помогу, если сама не могу выбраться?

— Ты — совсем другое дело. Монахини тебя знают и тут же схватят. А меня, кроме настоятельницы, никто не видел. Даже если они и остановят меня в коридоре, я наплету им с три короба.

— Пожалуй, ты права. Тебя доставили сюда спеленатую, как младенца, да еще среди ночи. И они сами принесли тебя сюда.

— Вот видишь! Значит, какой-то шанс у меня есть. Давай юбку!

— Не торопись, Ангел, — сказала женщина. — «Все для меня и ничего другими — таков у тебя девиз? А что достанется бедняжке Воскресенье, забытой всеми в здешних стенах? Может, еще худшая темница? Как ты думаешь?

— А что ты скажешь теперь? — Анжелика сунула руку под тюфяк, вытащила нитку розового жемчуга и поднесла ее к свету.

Мерцающий свет внутри жемчужин, пронизанных лучами восходящего солнца, поразил женщину. Она даже присвистнула.

— Наверное, подделка, сестра?

— Нет. Взвесь на ладони. На, бери. Она твоя, если поможешь мне.

— Ты шутишь, сестра?!

— Даю слово. За такую штуку ты оденешься, как принцесса, когда

выберешься на волю.

Воскресенье играла ниткой жемчуга, перебрасывая его с руки на руку.

— Ну, решайся!

— Хорошо. Но у меня есть идея получше твоей. Погоди, я сейчас вернусь... — Сунув ожерелье за пазуху, она быстро выскользнула из кельи.

Анжелике несколько последующих минут показались вечностью. Но женщина снова появилась, неся в руках охапку старой одежды и небольшую деревянную бадейку.

— Меня задержала матушка Ивонна, старая стерва. Уф-ф! Я бы убила ее... А теперь поторапливайся. Время молочниц уже заканчивается, они приходят за молоком на монастырский скотный двор. Надевай одежду, бери бадейку и спускайся вниз по лестнице. Я тебе покажу... Во дворе затеряйся в толпе молочниц и вместе с ними выходи. Только постарайся хорошенько держать бадейку на голове.

План, придуманный прислужницей, удался, и меньше чем через четверть часа маркиза дю Плесси-Белльер уже шагала по пыльной дороге в Париж, видневшийся сквозь легкое марево. На ней была короткая юбка в красную полоску, отделанная дешевыми черными кружевами. В руке она несла деревянные башмаки, слишком большие для нее, а другой поддерживала бадью у себя на голове.

Анжелика торопилась. Находясь на полпути между Парижем и Версалем, она решила, что идти в Версаль глупо. Как бы она предстала перед Людовиком и всем королевским двором в полосатой крестьянской юбке? Лучше добраться до Парижа, одеться как приличествует, взять экипаж и поспешить на охоту!

Анжелика спешила, но до Парижа было далеко. Острые камешки резали босые, ноги, она попробовала надеть сабо, но те только мешали идти. Молоко расплескивалось, и тяжелая бадейка съезжала с головы.

Неожиданно Анжелика услышала позади шум повозки. Она отступила в сторону и, когда та с ней поравнялась, обратилась к вознице:

— Возьмешь меня с собой, дружок?

— Пожалуйста, радость моя! Подари мне поцелуй, и я отвезу тебя прямо в Нотр-Дам.

— Даже не рассчитывай! Я уже обещала жениху и храню свои поцелуи для него. Но я отдам бадью молока для твоих детишек.

— Ладно, ладно. Хоть это и надувательство, но пусть будет по-твоему. Забирайся в повозку, милашка.

Возница щелкнул кнутом, и копыта лошади зацокали по камням. В десять утра они въехали на набережную квартала Марэ. Анжелика

спрыгнула с повозки, промчалась бегом к своему дому и, открыв дверь, ворвалась в вестибюль, где ее швейцар едва не упал в обморок, увидев госпожу в одежде бедной крестьянки.

Ей сразу доложили о таинственных событиях, с самого утра происходивших в доме. К испугу, вызванному неожиданным исчезновением маркизы, добавилось еще удивление, когда слуга маркиза дю Плесси, появившись рано утром, забрал все экипажи и всех лошадей из конюшен отеля Ботрей.

— Все лошади!.. Все экипажи!.. — эхом повторяла Анжелика.

— Да, мадам.

Но постепенно она пришла в себя.

— Ничего! Друзья помогут мне... Жавотта! Тереза! Быстрее готовьте ванну! Приготовьте платье для верховой езды! Достаньте дорожную корзинку и положите бутылку вина!

Часы пробили полдень. Анжелика вздрогнула от неожиданности.

— Один Бог знает, как объяснит Филипп мое отсутствие королю... — вслух размышляла она. — Расскажет, что я лежу в постели с приступом рвоты. На него похоже! А без лошадей и экипажа я не доберусь туда и до заката солнца. Проклятый. Филипп!

Глава 2

— Проклятый Филипп! — снова повторила Анжелика, разглядывая из окна кареты изрытую глубокими колеями дорогу, по которой тащилась ее убогая колымага. Они все дальше углублялись в лес. Корни огромных дубов высывались из грязи прямо посреди дороги, как туловища толстых змей. Дорогу вконец изранили колеса экипажей и копыта лошадей, проехавших ранее.

— Мы никогда не доберемся, — со стоном добавила она, повернувшись к Фелониде де Паражон.

Старая дева бережно поправила парик, съезжавший набок от постоянных толчков.

— Не спорьте с судьбой, дорогая, — весело заметила Фелонида. — Ведь даже самому длинному путешествию когда-то приходит конец.

— Все зависит от того, как вы путешествуете, куда направляетесь и когда хотите прибыть, — вызывающе ответила Анжелика.

— Если вы хотите попасть на королевскую охоту, па которой вам следовало быть еще шесть часов назад, то у вас, конечно, есть причины для недовольства.

— Ох, я бы направилась туда даже пешком, если бы была хоть капелька надежды попасть вовремя. Если король заметит мое отсутствие, он не простит мне такого оскорбления, — секунду помолчав, добавила Анжелика.

Толчок экипажа бросил их друг на друга.

— Чума на эту повозку! — воскликнула молодая женщина. — Она похожа на старую бочку от селедки. Только и годна, что на костер!

Мадемуазель де Паражон сдержанно заметила:

— Я допускаю, что моей маленькой карете недостает великолепия ваших экипажей, но мне кажется, вы должны быть счастливы, что она в вашем распоряжении. Особенно когда ваш муж придумал новую забаву, переместив всех ваших лошадей в некое таинственное место, известное только ему.

Анжелика глубоко вздохнула.

Ну где теперь ее хлыст с золотой рукояткой и алой кисточкой? А как она радовалась, узнав о приглашении на королевскую охоту! Еще два дня назад она мысленно рисовала себе картины, как появится среди почетных гостей в карете, запряженной тройкой вороных, с лакеем в ливрее голубого

цвета, с кучером и с фореитором в красных кожаных сапогах и в шляпах с перьями. Она даже надеялась услышать завистливый шепот: «Чей же это экипаж? Ах, упряжка маркизы дю Плесси?! Ее редко видно, потому что муж прячет свое сокровище от нас. Он ревнив, как тигр. Похоже, сам король пригласил ее!»

Так готовилась Анжелика к охоте, наивно полагая, что никто уже не сможет помешать ей. Только бы просунуть один пальчик в двери королевского дворца, а там она встанет на обе ноги так крепко, что Филипп, как ни старайся, ничего не сможет сделать. Все присутствующие были бы очарованы ее красотой и несравненным изяществом. Она бы боролась и, конечно, затесалась бы, как клин, в самую сердцевину... впрочем, как и все остальные паразиты, находящиеся сейчас там. К черту скромность и сдержанность!

Прикрывшись веером, Паражон хихикнула:

— Не нужно много ума, чтобы догадаться, о чем вы думаете. В ваших глазах блеск предстоящего сражения. На кого вы хотите совершить нападение — на короля или на мужа?

Анжелика содрогнулась:

— Король? Но он уже занят и хорошо защищен. У него есть королева — законная жена — и есть любовница, мадемуазель де Лавальер, и еще куча других. А что касается моего мужа, то зачем мне пленять его, когда он и так принадлежит мне? Логично ли, пользуясь вашими же словами, интересоваться друг другом, когда брачный контракт уже подписан? Оставим такое на долю буржуа!

Старая дева захихикала:

— Не могу себе даже представить, как ваш очаровательный маркиз интересуется вами. — Она со смешком провела языком по тонким губам. — Расскажите мне, милочка, обо всем еще раз! Самая восхитительная история из всех, которые мне довелось слышать. В самом деле из ваших конюшен исчезли все лошади и как раз в тот момент, когда вы собирались отправиться в Версаль? И половина ваших домашних слуг исчезла, да? Должно быть, маркиз дю Плесси хорошо заплатил им! И подумать только, у вас и подозрений никаких не было. Он оказался хитрее вас, моя радость!

Карету снова тряхнуло, и Жавотту, маленькую горничную, сидевшую напротив на откидном сиденье, подбросило так, что она свалилась на Анжелику и помяла ее наряд. Ничуть не расстроившись, молодая женщина подхватила девушку и помогла ей усесться. Но она с трудом преодолела желание шлепнуть ладонью по отвисшим щекам Фслониды де Паражон, смотревшей с нескрываемым удовольствием на ее измятое платье. Но

синий чулок была единственной особой, к которой она смогла обратиться за помощью. К тому же Фелонида была достаточно близкой приятельницей. Мадам де Севинье жила в провинции. Могла бы помочь Нинон де Ланкло, но ее не принимали при дворе, а экипаж куртизанки легко бы узнали. Остальные друзья Анжелики или сами были на охоте, или были ненадежны. И мадемуазель де Паражон оказалась единственной, на кого можно было положиться в данном случае.

И Анжелике, сгоравшей от нетерпения, пришлось ждать, пока старая дева в страшном волнении облачалась в свою допотопную одежду. Потом горничная с раздражающей медлительностью расчесывала парик мадемуазель Фелониды, а возница счищал грязные пятна со своей ливреи и отмывал разбитую колымагу.

И вот наконец-то они скачут, вернее, плетутся по лесу.

— Тропинка какая-то, а не дорога! — простонала Анжелика, вглядываясь в глубину туннеля, образованного ветвями и стволами деревьев.

— Вы простудитесь, — произнесла мадемуазель Паражон тоном старой няньки, — и испортите свой внешний вид. А какую же дорогу вы ожидали? Вам остается осуждать только короля за то, что он выдумал такую утомительную прогулку по грязи. Когда-то здесь гоняли скот на рынок из Нормандии. Дорога и сейчас называется «Бычий путь». Наш прежний сюзерен Людовик XIII тоже порой охотился здесь, но он никогда не таскал за собой придворный цветник. Людовик Целомудренный был тактичным королем, простым и благоразумным...

Речь старой девы прервал толчок и оглушительный треск. Возок сильно накренился, колесо отлетело, и пассажиры повалились друг на друга.

Анжелика оказалась в самом низу, так как сидела со стороны сломавшегося колеса. Придавленная тяжестью Жавотты и мадемуазель Паражон, она боялась пошевелиться, чтобы не порезаться об осколки стекла от разбитого окошка, молча сожалея о вконец помятом костюме.

Сверху открылась дверца, и лакей Флипо сунул внутрь кареты свою лисью физиономию.

— Ничего страшного, мадам! — выпалил он. Анжелика была не в состоянии даже отчитать его за неуважительный тон.

— Наша темница не развалилась на куски?

— Нет, конечно, — радостно отозвалась де Паражон, которой, видимо, пришлось по вкусу милое развлечение. — Дерзкий мальчуган, дай-ка мне руку и помощи выбраться отсюда!

С помощью Флипо и кучера обе женщины и служанка выбрались и вскоре стояли на дороге, в центре глубокой грязной лужи. Обошлось без увечий, но положение их стало еще более безрадостным, чем прежде. Анжелика едва сдержалась, чтобы не разразиться проклятиями.

Но гневом делу не поможешь. Это был конец! Теперь-то ей точно не попасть на королевскую охоту, и никогда-никогда она не будет принята при дворе. Едва ли можно надеяться, что король простит отказ от приглашения. Разве попробовать написать ему, или броситься к ногам, или попросить замолвить словечко мадам де Монтеспан или герцога де Лозена? Но что сможет сказать она в свое оправдание? Сказать правду, что поломался экипаж? Ее слова покажутся явной отговоркой — ведь так всегда говорят те, кто опаздывает...

Подавленная мрачными раздумьями, она опустила на пень, не заметив небольшого отряда приближающихся всадников.

— Мадам, кто-то едет! — произнес Флипо. Тишину леса нарушил топот копыт, становившийся с каждой секундой все громче.

— Милостивый Боже! — пролепетала мадемуазель де Паражон. — Разбойники! Мы пропали!..

Анжелика подняла глаза. Густая тень леса скрывала всадников. Но можно было различить, что это были высокие смуглые люди. Галуны на их голубой форме потускнели, а перья на шляпах уныло повисли. Одежда была рваной, однако каждый был при шпаге. Во главе кавалькады ехали два молодых человека приятной наружности, державшие богато украшенные знамена. Часть отряда, вооруженная пиками и мушкетами, двигалась пешком, замыкая шествие.

Один из всадников, по виду предводитель, остановился возле женщин, а отряд, не обращая на них внимания, прошел мимо опрокинувшегося экипажа.

— Клянусь, красавицы, что Меркурий — покровитель путешественников — покинул вас самым бессовестным образом.

Когда он приподнял свою шляпу, Анжелика увидела, что лицо у него смуглое и веселое, а певучий акцент выдавал гасконца.

Анжелика улыбнулась ему в ответ и, собрав всю силу воли, стараясь быть спокойной, поинтересовалась, лаская его взглядом красивых глаз:

— Вы, должно быть, гасконец, сударь?

— От вашего взгляда ничто не ускользнет, прекрасная лесная нимфа. Чем могу служить?

— Сударь, — живо отозвалась она, — вы можете оказать нам громадную услугу. Мы должны были попасть на королевскую охоту, но

произошел досадный инцидент. Не может быть и речи о починке кареты, но, если вы поможете мне и моей подруге добраться до дороги на Ле Беф, мы будем чрезвычайно признательны вам.

— Дорога на Ле Беф? Мы и сами туда направляемся. Клянусь Юпитером, вам повезло!

И полчаса спустя всадники, посадив женщин на лошадей позади себя, прибыли в назначенное место.

На вершине холма Фосе-Репо им открылась поляна, заполненная повозками и лошадьми. Кучера и лакеи играли в бабки, поджидая возвращения хозяев, пили дешевое вино в маленьком трактире, не знавшем ранее такого наплыва посетителей.

Анжелика увидела своего лакея и быстро спрыгнула на землю:

— Жанику, приведи мне Цереру!

Юноша бросился к стойлу, и через несколько минут Анжелика уже была в седле. Она вонзила шпоры в бока лошади и помчалась к лесу, но затем свернула с тропинки и двинулась рысью вверх по склону холма. Лошадь сначала сбивалась с шага на мягком ковре из опавших листьев, но вскоре приноровилась.

Раскидистые деревья закрывали обзор. Она приложила ладонь к уху. Вдали послышался собачий лай, а затем звук одинокого рога, к которому присоединились другие. Вот она разобрала сигнал «Вода!» и улыбнулась:

— Охота еще не закончилась. Вперед, Церера, крошка моя! Быть может, мы еще спасем свою репутацию!..

Теперь она гнала лошадь по краю леса под низко склоненными ветвями. Ранее это была глухая, отдаленная часть леса, в которую изредка забредали бродяги и одинокие охотники. Людовик XIII и Людовик XIV разбудили древнюю дубраву от вековой спячки. Свежий ветер охот блестящего королевского двора разогнал густые туманы. Запахи духов знатных дам перебили влажное дыхание грибов и гниющих листьев.

Лай собак все приближался. Олень, которого они травили, по-видимому, собирался пересечь ручей. Гон двигался навстречу Анжелике, рога трубили во всю мочь.

Анжелика сдержала лошадь, потом совсем остановилась. Топот копыт слышался совсем рядом. Она выехала из лесной чащи. Отлогий склон вел вниз, в заросшую травой долину, на дне которой под лучами солнца блестела топь. На другой стороне болота снова поднималась темная стена леса, но отсюда над ней было видно небо, затянутое серыми дождевыми тучами, сквозь которые пробивались слабые лучи заходящего солнца.

Приближающиеся сумерки сгущали призрачную мглу летнего леса.

Неожиданно многоголосый лай собак пронесся совсем рядом. Мелькнула коричневая тень молодого оленя-самца с едва заметными рогами. Камыш на берегу ручья закачался — животное промчалось сквозь него. Свора собак мельтешила за ним, подобная бурному разноцветному потоку. Затем из подлеска вынырнул всадник в алом костюме, а следом почти одновременно на открытое место со всех сторон выехало множество верховых и направилось вниз по травянистому склону. На темном фоне леса изысканные костюмы кавалеров, и дам блестяли, а догорающий закат расцветивал их украшения, пряжки и плюмажи.

Последним усилием олень метнулся в брешь, возникшую в цепи преследователей, и скрылся в спасительной чаще леса. Раздались крики разочарования и недовольства. Перепаханные грязью собаки вновь устремились в погоню.

Анжелика пришпорила Цереру и стала спускаться с холма. Ей показалось, что наступил момент, когда следует быть в толпе.

— Не стоит преследовать животное, — вдруг раздался голос у нее за спиной. — Олень долго не протянет, а перебираться через болото — значит по уши вымазаться в грязи. Поверьте мне, милая незнакомка, вам лучше остаться здесь. Держу пари, что охотники вернутся сюда, чтобы собрать собак, а мы, свежие и отдохнувшие, появимся перед королем.

Анжелика обернулась. Она не могла узнать, кто скакал рядом с ней. Приятное лицо под напудренным париком улыбалось ей. Поклонившись, незнакомец приподнял шляпу со снежно-белыми страусиными перьями:

— Черт меня побери, если я имел удовольствие видеть вас раньше, сударыня. Ибо я никогда не забываю таких лиц, как ваше.

— А при дворе?

— При дворе? — переспросил он, задумываясь на мгновение. — Нет, вряд ли. Я там живу, сударыня, и вы не могли бы пройти мимо меня незамеченной. Не пытайтесь дурачить меня, сударыня. Вы никогда не были при дворе.

— Ах, нет, я была там, сударь. — И после короткой паузы добавила: — Однажды...

— Однажды? — Он рассмеялся. — Как прелестно! — Он нахмурил свои светлые брови. — И когда же было это «однажды»? На прошлом балу? Я вас не помню. И все же... Невероятно, но я готов держать пари, что вас не было сегодня утром в Фосе-Репо!

— Вы, похоже, помните каждого человека?

— Каждого? Пожалуй, верно. Нужно помнить людей, если вы хотите,

чтобы они помнили вас. Такого принципа я придерживаюсь с юных лет. А память у меня превосходная.

— Тогда не согласитесь ли вы стать моим наставником в обществе, которое я знаю так плохо? Хотя бы назовите мне кое-какие имена. К примеру, кто та охотница в красном, что была рядом с гончими собаками? Она превосходно скачет. Думаю, мужчина не смог бы мчаться быстрее.

— Вы правы. Ее зовут мадемуазель де Лавальер.

— Фаворитка короля?

— Да, фаворитка, — ответил он уверенно.

— Я не знала, что она отличная наездница.

— Она чуть ли не родилась на лошади. В детстве она скакала без седла на необъезженных лошадях.

— Вы хорошо знаете мадемуазель де Лавальер.

— Неудивительно, ведь она моя сестра!

— Ах, — вздохнула Анжелика, — так вы...

— Маркиз де Лавальер к вашим услугам, прелестная незнакомка! — Он снял шляпу и комично раскланялся.

Анжелика смущенно отвела глаза и направила свою лошадь вниз, в долину. Туман здесь был гуще и скрывал лужи с гнилой водой. Маркиз неотступно следовал за ней.

— Ну вот, что я вам говорил? Вы слышите? Уже созывают собак. Маркиз дю Плесси сейчас должен всадить кинжал в горло оленя. Вы когда-нибудь видели, как красиво справляется со своими обязанностями главный ловчий? Ведь, глядя на него в бальном зале, просто невозможно себе представить, что он когда-либо может воспользоваться кинжалом. Но он орудует им с ловкостью мясника на парижской бойне...

— Еще мальчиком Филипп славился тем, что охотился с ножом на волков в Ниельском лесу, — с гордостью произнесла Анжелика. — Местные жители прозвали его «Грозой волков».

— Наступает моя очередь удивляться. Кажется, вы хорошо знаете маркиза дю Плесси?

— Неудивительно, ведь он мой муж. — Боже мой, как забавно! — Он разразился каким-то странным смехом — явно деланным и вместе с тем естественным, каким, должно быть, смеются хорошие актеры. Затем он быстро оборвал его и озабоченно повторил:

— Ваш муж? Так вы — маркиза дю Плесси? Я уже слышал о вас. Но разве вы?.. Святые угодники, разве вы не оскорбили короля? Анжелика с ужасом посмотрела на него.

— Мадам, а вот и его величество! — вдруг воскликнул де Лавальер и,

бросив ее на произвол судьбы, поскакал к группе людей, появившихся на лужайке. Анжелика сразу узнала короля в окружении свиты.

Скромный костюм короля контрастировал с роскошными нарядами остальных дворян. Людовик XIV одевался небрежно, и поговаривали, что он облачался в парадные одежды лишь для официальных церемоний и сбрасывал их сразу же по окончании. Выезжая на охоту, он обычно отказывался украшать себя кружевами. Сейчас на короле был коричневый суконный костюм для верховой езды, скромно отделанный золотыми нитями у пуговичных петелек и на клапанах карманов. На ногах были ботфорты. Он походил на зажиточного крестьянина, случайно попавшего в общество дворян. Но несмотря на неприметность одежды, достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы узнать в нем властелина страны. Спокойное выражение, холодный взгляд и надменность жестов, которые тем не менее были изящны и плавны, придавали ему подлинно королевское величие.

В руке он держал тонкий жезл с наконечником из копыта кабана, торжественно врученный ему главным ловчим перед началом охоты для того, чтобы отодвигать веточки, мешавшие при езде по лесу. В течение столетий этот жезл служил особенным символом и играл большую роль в церемониале королевской охоты.

Рядом с королем скакала его фаворитка в алом наряде. Охота разурянула ее тонкое лицо, скрыв желтоватую бледность. В ее внешности не было и следа красоты, но тем не менее Анжелика женским чутьем уловила в ней некое скрытое очарование, которое отчего-то вызвало в ее душе жалость. Она не могла объяснить это чувство, внезапно закравшееся в ее сердце. Однако ей сразу показалось, что мадемуазель Лавальер, несмотря на оказываемые ей почести, недолго будет первенствовать при дворе.

Потом Анжелика увидела принца Конде, мадам де Монтеспан, Лозена, Лувуа, Бриенна, мадам дю Рур, мадам де Монтозье и принцессу д'Арманьяк и чуть поодаль — ослепительную красавицу принцессу Генриетту, и, конечно, ее супруга, брата короля с его неразлучным фаворитом, кавалером де Лореном. Промелькнули незнакомые лица, старавшиеся не отставать от короля и свиты.

Король нетерпеливо вглядывался в чащу леса. Наконец оттуда показали два всадника. Одним из них был главный ловчий королевства, маркиз Филипп дю Плесси, державший, как и Людовик, в руке жезл с копытцем оленя вместо набалдашника. Его одежду и парик, казалось, совсем не испортила продолжительная погоня.

При виде Филиппа сердце Анжелики наполнилось гневом и мрачными

предчувствиями. Какова будет реакция Филиппа, когда он увидит здесь Анжелику, которую лишь несколько часов назад оставил дрожащей в монастырской келье? Она достаточно хорошо знала мужа и понимала, что тот не посмеет ничего предпринять в присутствии короля. Но потом... Что будет потом?

Филипп сдерживал поводьями белую лошадь, чтобы не обгонять своего неторопливого товарища — пожилого господина с загорелым лицом и старомодной остроконечной бородкой. Подчеркнутая медлительность движений, которую тот сохранял, несмотря на явное нетерпение короля, делали его появление почти зловещим.

Это был Сальное, бывший главный ловчий. В свое время он преподавал нынешнему монарху основы своего искусства. И ему не нравилось, что нарушаются его правила и принципы. Для него было невыносимым сознавать, что на охоту теперь смотрят как на придворное увеселение. Людовик XIII не потерпел бы в лесу этой кучи юбок. И Сальнов никогда не упускал случая обратить внимание его королевского величества на такой факт. Бывший ловчий просто-напросто не мог до конца осознать тот факт, что Людовик XIV уже не тот розовощекий малыш, которого он когда-то подсаживал в седло.

Из любви и уважения к прошлым заслугам король оставил его в прежней должности. Обязанности главного ловчего были возложены на Филиппа дю Плесси, однако он не стал им по званию. Он и продемонстрировал это, когда, подъезжая к королю, передал маркизу де Сальнову знак своего отличия — жезл с оленьим копытцем. Сальнов принял его из рук Филиппа дю Плесси и, согласно церемонии, получил от короля второй жезл с копытцем кабана.

Охота заканчивалась, но король спросил:

— Сальнов, а что, собаки устали?

Старый маркиз сам пыхтел от усталости. И все принимавшие участие в охоте придворные и слуги — все чувствовали себя утомленными и разбитыми.

— Собаки? — пожал плечами маркиз Сальнов, — Конечно, ваше величество. Какими же им еще быть, как не уставшими?

— А лошади?

— То же самое.

— И все только из-за двух оленей, таких молодых, что у них и рогов-то еще нет...

Король окинул взглядом свиту. Анжелика почувствовала, что он заметил ее и узнал, сохранив тем не менее непроницаемое выражение лица.

— Очень хорошо, — произнес Людовик XIV. — Тогда мы продолжим охоту в среду!

Это заявление вызвало удивление, но все смолчали. Большинство дам беспокоил вопрос: как они смогут послезавтра снова сесть в проклятое седло?

Король повторил:

— Мы будем охотиться послезавтра, Сальнов. Вам ясно? И мы загоним оленя с десятью отростками на рогах!

— Сир, я все понял, — ответил ловчий, низко поклонившись. Но, прежде чем удалиться, он произнес так громко, что было слышно всем присутствующим:

— Я все понял, ваше величество! Надо побеспокоиться о том, не устали ли лошади и собаки, но совершенно не нужно думать о самих людях.

— Месье де Сальнов! — крикнул ему Людовик, и, когда тот вернулся, король сказал:

— Поймите, маркиз, что настоящий охотник никогда не устает. Я так считаю.

Главный ловчий вновь низко поклонился.

Король коротким рывком натянул поводья, и чистокровный жеребец легкой рысью поскакал вперед, возглавляя цветистую процессию придворных, выпрямивших спины и поднявших головы, ибо они уже возвращались домой.

Поравнявшись с Анжеликой, король остановился. Его взгляд был устремлен на нее, и вместе с тем казалось, он ее не замечает.

Анжелика сидела в седле с высоко поднятой головой, всем своим видом показывая, что ей неведом страх и тело не подвержено слабости. Она выдержала пристальный взгляд короля и улыбнулась ему в ответ. Тот поморщился, как от комариного укуса, и щеки его даже порозовели.

— Так... Вы — мадам дю Плесси, насколько я понимаю, — произнес он очень медленно.

— Ваше величество, вы очень любезны, что вспомнили меня.

— А по-моему, это вы проявили большую любезность, что вспомнили о нас. Надеюсь, вы снова в добром здравии, сударыня?

— Благодарю вас, ваше величество. Но мое здоровье всегда было превосходным.

— В таком случае, как же случилось, что вы три раза пренебрегли моим приглашением?

— Прошу прощения, сир, но я не получила ни одного из ваших

приглашений.

— Вы удивляете меня, сударыня. Я сам передал месье дю Плесси свое желание видеть вас. А на него не похоже, чтобы он оказался таким забывчивым и не предупреждал вас.

— Сир, быть может, мой муж посчитал, что женщине следовало бы оставаться дома за вышиванием и не отвлекаться от своих скромных занятий ради великолепия вашего двора?

Как по команде, все шляпы, увенчанные плюмажами, вслед за королевской повернулись в сторону Филиппа дю Плесси, который, окаменев от ярости, неестественно прямо восседал на своей белой лошади. Мгновенно оценив ситуацию, король, не найдя лучшего выхода, разразился смехом:

— О, маркиз, неужели вы настолько ревнивы, что посмели скрыть от наших глаз милое сокровище, которым владеете? Сдается мне, вы подвержены греху жадности! На сей раз я прощаю вас, но приказываю больше беспокоиться о счастье мадам дю Плесси. А что касается вас, сударыня, то я не хочу поощрять ваше женское неповиновение, поздравляя вас за то, что вы отказались исполнить приказ вашего властелина, каким является ваш муж, но ваше стремление к свободе мне нравится. Прошу вас, не устраняйтесь от участия в том, что вы так милостиво назвали «великолепием двора». Я ручаюсь, маркиз не упрекнет вас за это.

Филипп снял шляпу и, держа ее в вытянутой руке, низко склонился в знак повиновения. Анжелика заметила вымученные улыбки на лицах придворных, готовых мгновение назад разорвать ее на тысячу кусочков.

— Примите мои поздравления, — негромко произнесла мадам де Монтеспан. — Вы подлинный гений. Вы ухитряетесь создавать запутанные ситуации и с блеском выкручиваться из них. Вы — как канатоходец с его головокружительными трюками. Вначале мне показалось, что по одному взгляду короля вся свора кинется на вас. А в следующее мгновение вы уже походили на мужественную пленницу, сметающую на своем пути все преграды и даже разрушающую тюремные стены, лишь бы попасть на королевскую охоту, совершенно не задумываясь о последствиях...

— Если б вы только знали, мадам, как вы близки к истине!..

— О, расскажите мне все-все!

— Расскажу, только в другой раз.

— Неужели месье Филипп на самом деле так ужасен? Боже, а ведь он так красив!

Анжелика прекратила разговор, пришпорив Цереру и пустив ее в галоп. Извилистой тропой охотники спустились по склону Фосе-Репо на

поляну, где их ждали экипажи.

Придворные быстро разместились по каретам. Уставшие, изнывающие от жары и жажды дамы и их кавалеры посылали лакеев и служанок к продавцам лимонада и более крепких напитков, повсюду следовавшим за двором. На поляну уже спустилась летняя ночь, и нужно было торопиться выпить стакан освежающего напитка или осушить бокал вина, чтобы восстановить силы, ибо король спешил в Версаль. На экипажах кучера зажигали фонари и факелы.

Не имея кареты, Анжелика оставалась в седле, раздумывая, как добраться домой, но тут экипаж, проезжавший мимо и чуть не задевший ее, остановился, и в окошке появилось красивое личико мадам де Монтеспан:

— Почему вы все еще на лошади? Что вы собираетесь делать и где ваша карета?

— У меня ее нет. Я оставила ее разбитой в лесной канаве по пути сюда.

— Тогда нечего раздумывать. Садитесь ко мне, я с удовольствием доведу вас.

Удобный экипаж помчался по дороге, и вскоре они подъехали к тому месту, где Анжелика оставила у сломанной кареты мадемуазель де Паражон и Жавотту в обществе лакея и кучера.

Усадив обеих женщин в карету и приказав кучеру и лакею верхом на лошадях следовать за экипажем, мадам де Монтеспан и Анжелика завели неторопливый разговор о Версале, как, впрочем, и все остальные придворные, сопровождавшие короля.

Глава 3

В те времена леса вплотную подступали к замкам. И, выехав из леса, королевский двор в сопровождении прислуги сразу же оказался на территории версальского замка, в окнах которого отражались движущиеся факелы. Челядь суетилась, ибо король объявил, что не собирается сразу возвращаться в Сен-Жермен, а останется в Версале еще дня на три. И теперь надо было устраивать помещения для короля, его домочадцев и приближенных. Нужно было накрыть столы, разместить лошадей, собак и все охотничье снаряжение.

Внутренний двор замка был запружен каретами, солдатами и лакеями. Атенаис тут же упорхнула со стайкой других веселых дам. Анжелика задержалась возле мадемуазель Паражон.

— Торопитесь, не то опоздаете на церемонию кормежки собак, — с многозначительным видом сказала старая дева.

— А что же собираетесь делать вы? — сочувственно спросила Анжелика.

— Сидеть на пне и ждать, пока не увижу кого-нибудь, кто едет в Париж. Я ведь не приглашена на охоту. А вы поспешите, милая. И прошу вас только об одном: когда вернетесь, расскажите мне о жизни двора Короля-Солнца.

Молодая женщина дала слово, что исполнит ее просьбу. Поцеловав старую даму, она покинула ее.

Так маркиза дю Плесси-Белльер пересекла невидимую черту и начала свое восхождение в общество избранных.

«Я при дворе Короля-Солнца!» — твердила она про себя, пробираясь среди шумящей кутерьмы и суеты к замку.

Основные события должны были разворачиваться рядом с центральным зданием замка, во дворе, который назывался театральным. Несмотря на кажущийся беспорядок, гости были строго разграничены. Маркизу остановил дежурный гвардеец с алебардой, и распорядитель церемонии очень вежливо спросил ее имя. Когда она назвала себя, тот проводил ее по лестнице к балкону на втором этаже, выходящему прямо на театральный двор.

Все пространство двора было освещено факелами. Тщательно сложенные из красного кирпича стены замка, на которых метались мохнатые тени, напоминали жаровню. Резные балконы и карнизы,

украшенные позолоченными листьями, блестели, как драгоценная отделка на костюме из пурпурного бархата.

Рога протрубили Большой Сбор.

Король вместе с королевой вышел на центральный балкон. Его окружали принцы и наиболее знатные дворяне.

Из глубины ночи послышался лай собак, приближавшихся к замку. Из железных ворот двора появились два псаря. Они внесли в ярко освещенный круг большой сверток, с которого капала кровь. Это были внутренности убитых оленей, завернутые в свежесодранную шкуру. Затем к свертку приблизились доезжачие в красных ливреях, которые охраняли его от алчных собак, разгоняя их длинными тяжелыми хлыстами.

Филипп дю Плесси-Белльер спустился по наружной лестнице. В руке он держал жезл с копытом оленя. У него было время, чтобы переодеться в свежий охотничий костюм, тоже красного цвета, украшенный золотыми пуговицами. На ногах красовались желтые кожаные сапоги со шпорами из позолоченного серебра.

— Ноги у него такие же, как у короля, — заметил кто-то рядом с Анжеликой. — Но ходит он с меньшей грацией. Филипп дю Плесси всегда ходит большими, широкими шагами, как будто рвется в бой!

— Не забывайте, он еще и маршал! — ответил соседу невидимый собеседник.

Король подал сигнал.

Маркиз дю Плесси передал свой жезл пажу и принял из рук в руки потроха убитого оленя. Костюм его тут же испачкался кровью, однако, пренебрегая этим, он понес добычу к центру двора и положил ее на песок прямо перед сворой собак, лай которых стал похож на вой нечистой силы. Доезжачие, непрерывно крича, отгоняли их хлыстами.

Наконец, по приказу короля, собак отпустили. Они накинулись на еду, разинув пасти. Их острые зубы сверкали в свете факелов. Собаки, которых постоянно держали на привязи и кормили только сырым мясом, были похожи сейчас на диких зверей.

Филипп стоял рядом с хищной сворой, вооруженный лишь хлыстом, и время от времени, когда, казалось, собаки готовы были разорвать друг друга, вмешивался. Безрассудная смелость главного ловчего, в перепачканном кровью роскошном костюме, с гордо поднятой головой, придавала этому варварскому зрелищу странное очарование.

Несмотря на отвращение, Анжелика не могла отвести глаз от страшного зрелища. И все присутствующие, подобно ей, были загипнотизированы этим спектаклем.

— Черт побери! — пробормотал мужской голос. — Глядя на него впервые, подумаешь, что он только и умеет, что грызть драже и обрывать лепестки у маргаритки. Могу сказать, что ни разу в жизни не видел охотника, посмевшего стоять так близко к трофею, не боясь оказаться разорванным в клочья...

На мостовой театрального двора остались хорошо обглоданные кости. Псаря, подцепив на вилы остатки требухи, увел собак за собой. Рога протрубили конец охоты, и придворные стали расходиться с балкона.

У входа в освещенные залы весельчак де Лозен выступал в роли ярмарочного зазывалы:

— Развлекайтесь, мадам и месье! Вы присутствуете на потрясающем спектакле — маркиз дю Плесси-Белльер в роли укротителя хищников! Вы дрожите, сударыня? Уж не чувствуете ли вы себя волчицей, которую укрощает такая твердая рука? И вот уже хищники покорены. Ничего не осталось от оленя, еще сегодня утром радостно мчавшегося по лесу. Проходите, мадам и месье, будем танцевать!

Но в залах еще никто не танцевал, ибо королевский оркестр — двадцать четыре скрипки и виолончели — еще не прибыл из Сен-Жермена, а ярко одетые музыканты, сопровождавшие короля на охоте, с серьезным видом дули в трубы в огромной зале первого этажа. Военные фанфары, по замыслу, должны были возбуждать у гостей аппетит.

Лакеи начали разносить из кухни серебряные подносы с фруктами к лакомствами. Четыре огромных стола мигом заполнились тарелками, с заливными куропатками; появились фазаны с овощами, жареные козлята, голубиные паштеты и рагу из риса с ветчиной. В центре каждого стола возвышалась огромная ваза со спелыми грушами, а вокруг теснились блюда с орехами, фигами и дынями.

Анжелика лакомилась жареным перепелом и фруктовым салатом, которые принес ей маркиз де Лавальер, отхлебывала маленькими глотками малиновую настойку. Маркиз рекомендовал ей этот напиток, называя его «ликером для забияк». Обстановка веселья, красота и роскошь замка, яркие наряды придворных приводили в восхищение молодую женщину. Когда она насытилась и улеглись первые восторги необычного для нее пиршества, ее мысли вернулись к мадемуазель де Паражон, оставшейся одиноко сидеть на пне в темноте. А ведь она могла что-то сделать для своей подруги! Спрятав в складках одежды кусок пирога с миндалем и две большие груши, она выскользнула из зала. Выйдя на нижнюю лестницу, она уже хотела было спуститься к выходу, как вдруг ее окликнул Флипо, державший ее шляпу и плащ, забытые в карете Фелониды.

— Ты уже здесь? Что, починили экипаж?

— Нет, мадам. Когда стемнело, мы с кучером добрались до Версаля, а карета осталась.

— Ты видел мадемуазель де Паражон?

— Она там, — махнул рукой Флипо в сторону нижнего двора, где мелькали факелы. — Я слышал, как она разговаривала с незнакомой дамой из Парижа. Они собираются вернуться вместе в наемном экипаже.

— Вот и хорошо! Бедная Фелонида! Наверное, я должна купить ей новую карету...

И Анжелика приказала Флипо проводить ее к мадемуазель де Паражон. Рядом с ней она увидела мадам Скаррон, обнищавшую, но державшую себя с большим достоинством. Вдова часто появлялась при дворе как просительница, надеясь получить небольшую должность, чтобы избавиться от нищеты.

Они уже садились в наемную карету, переполненную парижанами, приезжавшими посмотреть, как веселится король, и, может быть, получить незначительную должность или пособие. Все они покидали замок несолоно хлебавши, потому что король решил слушать просьбы и жалобы завтра после мессы. Теперь они торопились возвратиться в Париж, чтобы завтра, встав спозаранку, добраться наемной баржей до Булонского леса, а затем через лес добраться до замка и в приемной короля постараться вручить прямо ему в руки бумагу с просьбами.

Карета тронулась прежде, чем Анжелика успела приблизиться и подать знак, привлекая внимание, да и дамы были невероятно возбуждены тем, что провели целый день при дворе, где они знали всех, хотя их не знал никто. Они напоминали пчел, роящихся вокруг матки. Они знали двор и его нравы лучше многих аристократок, чье происхождение без преград открывало доступ в высшие круги общества, но недостаток опыта мешал им использовать преимущества своего положения в полной мере.

Анжелика отдала пирог и груши Флипо, накинула на плечи плащ и пошла обратно. Возвращаясь в залу, она вдруг поймала себя на том, что все время думает о Филиппе. И мысль, что они могут в любую минуту встретиться, приводила ее в трепет. Она все еще не могла решить, как себя вести — рассердиться, притвориться безразличной или попробовать помириться?

У входа в залу она огляделась, но Филиппа нигде не было видно. Поблизости за столом сидели несколько знакомых дам, и Анжелика направилась к ним. Но находившаяся среди дам мадам де Монтозье сначала удивленно взглянула на нее, а затем, поднявшись, заявила, что за

этим столом могут сидеть только те дамы, которые имеют право ехать в экипаже королевы.

Анжелика извинилась. Не осмелившись сесть за какой-нибудь другой стол и совершить новую оплошность, она решила уйти и отыскать свою комнату.

Облаченные в голубые ливреи квартирмейстеры, в обязанность которых входило распределение покоев, заканчивали подписывать таблички с именами владельцев комнат. Гости следовали за ними по пятам, сопровождая процедуру расселения возгласами восхищения или разочарования.

— Мадам, прошу вас! — окликнул Анжелику Флипо и с возмущением добавил: — Совсем не похоже на вашу собственную спальню! И как только дворяне могут жить в таком дворце? — Его представление о роскошной жизни дворянства и короля было подорвано.

Появилась Жавотта с пылающими щеками:

— Я приготовила все что нужно, мадам!

Пройдя вперед по коридору, маркиза поняла, что так возбудило Жавотту. Перед ней оказался Ла-Виолетт, слуга ее мужа. Открыв рот, он уставился на Анжелику так, будто увидел привидение: неужели возле него появилась та самая женщина, которую он, завернув в одеяло, сам всего несколько часов назад доставил в монастырь?

— Да, это я, негодяй! — гневно закричала она ему в лицо. — Прочь отсюда, подлец! Убийца! Ты понимаешь, что чуть было не задушил жену своего господина!

— Ма... мадам... мадам маркиза... — заикался Ла-Виолетт, переходя на крестьянский выговор. — Вина не моя... Господии маркиз...он...

— Вон отсюда!

Размахивая маленькими кулачками, она обрушила на него поток простонародных оскорблений, которые помнила с детства. Атака оказалась слишком яростной, и Ла-Виолетт поспешил убраться раньше, чем она набросится на него. Вобрав голову в плечи, он ринулся к двери и на пороге столкнулся с маркизом.

— Что здесь происходит? — властно спросил тот. Анжелика смотрела ему прямо в глаза:

— А, Филипп, добрый вечер!

Его лицо исказилось от изумления, которое сменилось страхом и, наконец, полным отчаянием.

Анжелика не удержалась от искушения обернуться, как будто некий демон подглядывал за ней, но увидела лишь качнувшуюся половинку

двустворчатой двери, на которой квартирмейстер мелом написал имя маркиза.

— Значит, этим я обязан вам? — взорвался он, стукнув кулаком по двери. — Это публичное оскорбление! Немилость короля! Позор!..

— В чем дело? — в свою очередь удивилась Анжелика. «Он, должно быть, помешался!?» — предположила она.

— Вы не видите, что написано на дверях?

— Конечно, вижу. Ваше имя, маркиз.

— Да, мое имя. Конечно, мое имя! — Он ухмыльнулся. — И именно в нем все дело!

— А вы хотите, чтобы здесь появилось какое-то другое имя? — поинтересовалась она.

— В течение ряда лет во всех замках, куда я следовал за королем, я видел подобную надпись... Но она отличалась от той, которую из-за вашей глупости и вашего идиотизма нанесли сюда и которую я хотел бы видеть немедленно стертой. Вот она: «Оставлено для...» Вы прочли надпись?

— Ну и что в ней такого?

— «Оставлено для... маркиза дю Плесси-Белльера», — процедил он сквозь зубы, белый от гнева. — Такая фраза означает особое расположение короля, как если бы он сам стоял на пороге и лично приветствовал вас...

Взгляд, которым он обвел маленькую комнатку, и жест вернули Анжелике утраченное было чувство юмора.

— Мне кажется, что надпись чересчур возбудила вас, — произнесла она, едва сдерживая смех. — А вы не думаете, что распорядитель просто ошибся? Его величество всегда был высокого мнения о вас. И разве вам не оказана честь принести королю ночник?

— Нет, сегодня не оказана, — ответил он. — Лишнее доказательство тому, что король выражает мне свое неудовольствие!

Громкий голос Филиппа привлек внимание соседей по комнатам.

— Баша жена права, маркиз, — вмешался герцог де Грамон. — Зря вы настроены так пессимистично. Его величество просто не взял на себя труд объяснить вам, что если он и попросил вас передать честь принести ему ночник другому, то только лишь потому, что он хочет сделать кое-что для герцога Бульонского.

— А это... «оставлено для маркиза»? — завопил Филипп, снова пнув дверь. — Именно она виновата в том, что я впал в немилость!

— А причем тут я? — в свою очередь крикнула Анжелика, тоже начиная сердиться.

— Вы вызвали неудовольствие короля, дважды отказавшись явиться

по его приглашению. И ваш сегодняшний приезд... опоздание...

— Как вы смеете осуждать меня, когда вы сами... вы... все мои экипажи... мои лошади...

— Довольно! — холодно произнес Филипп и изо всех сил ударил ее по щеке.

— Хватит, маркиз, — снова вмешался герцог де Грамон. — Ну, не будьте таким жестоким!

Никогда прежде Анжелике не приходилось испытывать подобного унижения! Оказаться вовлеченной в домашнюю склоку на глазах у слуг и придворных! Она сгорала от стыда. Маркиза окликнула Жавотту и Флипо, и те выскочили из комнаты — горничная с ее нижним бельем, а слуга с плащом в руках.

— Теперь, — заявил ей Филипп, — можете отправляться в постель к кому хотите...

— Маркиз! Не будьте так грубы! — в третий раз вмешался герцог де Грамон.

— Бог мой, даже дровосек может распоряжаться в своем собственном доме! — воскликнул взбешенный маркиз дю Плесси-Белльер, захлопывая двери перед дворянами, слушавшими перебранку супругов.

Анжелика прошла мимо них, преследуемая ироническими усмешками. И тут чья-то рука высунулась из-за соседней двери, ухватила ее за одежду и втащила внутрь.

— Мадам... — заговорил маркиз де Лавальер, когда она очутилась в его комнате. Но Анжелика не слушала, все еще переживая ссору с Филиппом, который своим необузданным гневом заставил и ее превратиться чуть ли не в фурию, показав себя в самом неприглядном виде перед светским обществом. И тут только до ее сознания дошли слова, которые говорил маркиз:

— Во всем Версале не найдется женщины, не позавидовавшей вам после такого разрешения. Поймайте же его на слове и воспользуйтесь гостеприимством!

Анжелика вырвалась из его рук.

— Оставьте меня, сударь!

Спускаясь по мраморной лестнице, она почувствовала, что слезы застилают ей глаза.

«Ничтожество в образе дворянина, глупец!» — проклинала она Филиппа, смахивая со щек слезы.

Тем не менее Анжелика понимала, что он был опасен, и признавалась себе, что сама выковала цепи, связавшие их. Он был ее мужем, а значит,

хозяином. И, решившись на месть, он уже не сменит гнев на милость.

Она могла представить себе то ужасное удовлетворение, которое он получит, придумав способ унижить ее и превратить в покорную рабыню. Сейчас она видела только одно слабое место в его броне — то чувство, которое он питал к королю. То не был ни страх, ни любовь, то была безграничная преданность, беззаветная верность. Она могла сыграть только на этом чувстве... если бы сумела сделать из короля своего союзника — скажем, получить от него постоянную должность при дворе... Тогда мало-помалу перед Филиппом встанет дилемма: или навлечь на себя немилость короля, или прекратить третировать свою жену. Но разве это даст ей счастье? Она когда-то мечтала об усадбах первой брачной ночи в тиши Ниельского леса в замке с белыми башенками, выстроенном в стиле раннего Ренессанса. Какое горькое разочарование! Какое горькое воспоминание! Филипп разрушил все, все!

Она вдруг почувствовала неуверенность в своей красоте и осознала свою слабость: даже желая причинить ему боль, в глубине сердца она продолжала любить его. Встав перед выбором: жениться на ней или навлечь гнев короля на всю семью дю Плесси, он выбрал женитьбу, и не мог простить ей этой своей слабости. По ее собственной вине источник, из которого они оба могли бы утолить жажду, оказался замутненным. И ее рука, которую она могла бы протянуть ему с любовью, теперь повергала его в ужас, Анжелика печально рассматривала свои руки.

— Какое пятно вы пытаетесь вывести, моя прелестная леди Макбет? — раздался рядом с ней голос де Лозена. Он склонился над ней. — Где кровь ваших жертв? О, как холодны ваши божественные ручки! Что вы делаете здесь, на огромной пустынной лестнице?

— Не знаю...

— Покинута? Какое преступление! Пойдемте со мной, милая!

К ним присоединились еще несколько дам, среди которых оказалась и мадам де Монтеспан.

— Месье де Лозен, мы вас всюду ищем. Пожалейте нас. Мы уже так устали!..

— Мадам, вам так легко разжалобить меня. Чем я могу быть вам полезным?

— Возьмите нас к себе. Король ведь разрешил вам построить собственный дом на территории замка. Здесь нам не разрешают находиться даже в передней королевы.

— Разве вы не принадлежите к свите королевы, как мадам де Рур или мадам д'Артиньи?

— Да, но наши помещения испорчены художниками. Повсюду неоконченные Юпитеры и Меркурии. Очевидно, даже боги преследуют нас!

— Мадам, я сочувствую вам. И выполню вашу просьбу: беру вас всех к себе в дом.

Они вышли во двор в густой туман, налитый запахом леса. Лозен повел дам по холму.

— Вот мы и пришли, — сказал он, останавливаясь перед грудой белых камней.

— Что это такое? — спросили дамы хором.

— Мой дом. Вы совершенно правы в том, что король разрешил мне построить дом, но еще не заложен даже первый камень.

— Вы не слишком остроумны, — прошипела Атенаис де Монтеспан, тербя перчатки.

— Осторожно, не оступитесь, — предупредил ее де Лозен. — Здесь накопано много ям.

Мадам де Монтеспан пошла прочь, но в темноте несколько раз споткнулась и наконец подвернула ногу. Она тут же принялась ругать незадачливого шутника, который, посмеиваясь, как любезный кавалер проводил их в замок.

Лозен рассмеялся еще раз, когда маркиз де Лавальер крикнул ему, что он опаздывает к «ночной рубашке». Король уже направился в свою спальню, и дворяне должны были присутствовать при том, как слуга передает ночную рубашку главному камердинеру, а тот несет ее его величеству.

И все же маркиз де Лозен покинул дам, предварительно предложив им расположиться в его спальне.

Дамы в сопровождении Жавотты вернулись в переполненную танцевальную залу, где, по словам мадам де Монтеспан, «пол трещал под тяжестью гостей». Обойдя танцующих, они углубились в коридоры и после долгих поисков нашли низенькую дверцу с надписью: «Для маркиза де Лозена».

— Счастливый Пегилен де Лозен, — вздохнула мадам де Монтеспан. — Не беда, что он величайший шут гороховый, зато ходит в любимчиках короля. Хотя, если отбросить его шутовство, он попросту посредственная личность.

— Но другие качества компенсируют это, — возразила мадам де Рур. — Он очень остроумен, и в нем есть что-то такое, что заставляет женщину, хотя бы раз бывшую с ним, предпочесть его другим мужчинам.

Таким же было мнение и юной мадам де Рокелор, которую они нашли в спальне почти раздетой. Ее служанка только что помогла ей надеть ночную рубашку из батиста, скорее подчеркивающую пленительные формы ее владелицы, чем скрывающую их. После минутного замешательства она все же сказала, что если месье Лозен пригласил сюда своих друзей, то она должна приветливо их встретить.

Мадам де Рур была в восхищении. Она уже давно подозревала, что мадам де Рокелор была любовницей Пегилена де Лозена, а теперь представился случай удостовериться в этом.

Комната была чуть шире окна, выходящего в лес. Кровать с балдахином занимала ее почти целиком, и когда все вошли, то свободного места почти не осталось. В камине весело потрескивал огонь, и в маленькой комнате было тепло.

— Ах, — сказала мадам де Монтеспан, снимая грязные туфли, — давайте избавляться от последствий проклятой шутки Пегилена.

Она сняла испачканные чулки, и все дамы последовали ее примеру. Успокоенные тишиной и теплом, они уселись прямо на пол, застеленный пушистым ковром, и вытянули ноги к камину.

Вернулся де Лозен, зашел за занавес и стал укладываться в кровать, где уже лежала мадам де Рокелор, Занавески задернулись, и никто из присутствующих не обращал на них никакого внимания.

Мысли Анжелики вновь вернулись к Филиппу. Как избежать его мести и спасти свое будущее? Уже сутки прошли со времени гнусной выходки Филиппа, начавшейся с того, что он заточил ее в монастырь, а затем забрал все экипажи и лошадей! А если его бесчеловечность перебросится на Флоримона и Кантора, то сможет ли она защитить их? По счастью, сейчас мальчики находились в безопасном Монтелу и росли крепкими и здоровыми, бегая по полям вместе с детьми крестьян Пуату.

Огонь в камине разгорелся, и Анжелика попросила Жавотту передать ей пару каминных экранов из искусно раскрашенного пергамента. Один из них она предложила мадам де Монтеспан, с восхищением рассматривавшей ее дорожную сумку из красной кожи, отделанную белой каймой и золотыми бляшками. Внутри, в специальных отделениях, лежали ночник из слоновой кости, сумочка из черного бархата с восковыми свечками, два крошечных круглых зеркала и одно большое овальное в оправе, украшенной жемчугом, ящичек с тремя гребнями и еще один для щеток. Гребни были подлинными произведениями искусства, изготовленными из черепахового панциря, украшенного золотой филигранью.

— Они сделаны из черепашек, обитающих в тропических морях, — пояснила Анжелика, увидев, с какой заинтересованностью рассматривает безделушки мадам де Монтеспан. — Почему-то я терпеть не могу роговых...

— Да, — завистливо вздохнула мадам де Монтеспан, — чего бы я только не дала за такие прелестные вещицы. И у меня могли бы быть такие, если бы не пришлось закладывать драгоценности для оплаты карточных долгов. А не заложу я их, я бы не смогла сегодня появиться в Версале. Месье Вангадур, одолживший мне тысячу пистолей, подождет. Он галантный мужчина.

— А разве вы не были назначены фрейлиной королевы? Такая должность, кажется, должна приносить дополнительные доходы...

— Фу, какие мелочи! Мои наряды стоят в два раза дороже. Я истратила две тысячи ливров на костюм для балета Люлли «Орфей», поставленного в Сен-Жермене. Я была нимфой весны, а король, конечно, Орфеем. Мы в паре открывали танцы. Бенсерад упоминал о балете в дворцовой хронике, и Лорэ, поэт, тоже.

— Тогда все говорили о внимании, которое уделял вам король, — заметила Анжелика.

Анжелика испытывала к мадам де Монтеспан смешанные чувства. Она завидовала если не красоте, которая была немного схожа с ее собственной, то ее блеску и остроумию. Хотя самой Анжелике никогда не приходилось лезть за словом в карман, рядом с Атенаис она чувствовала себя скованной и большей частью молчала. Ее красноречие, в котором природа и искусство были так удачно скомбинированы, что даже циничные высказывания вызвали восхищение слушателей и воспринимались как проявление таланта, свойственного всей ее родне, — то, что знатоки называли «стилем Мортемаров».

Семья Мортемар де Рошешуар считалась одной из самых выдающихся на юге Франции, Анжелика де Сансе, знавшая все родословные Пуату, помнила многие великолепные традиции, прославившие этот древний род. Давным-давно Эдуард Английский выдал свою дочь за одного из Мортемаров. А у нынешнего герцога де Вивонна король и королева-мать были крестными.

В глубоких глазах мадам де Монтеспан отражался гордый и напыщенный девиз ее семьи:

«Прежде чем из моря вышла земля, — уже появился род Рошешуаров».

Но при всем при этом Атенаис прибыла в Париж бедной как

церковная мышь, в наемном экипаже. До самого замужества она просуществовала в жестких тисках бедности. Гордая и чувствительная, она часто искала утешения в слезах.

Лучше, чем кому бы то ни было, Анжелике были известны все проблемы, с которыми сталкивалась милейшая Атенаис де Монтеспан. Не единожды с тех пор, как она познакомилась с семейством маркиза де Монтеспан, ей приходилось улаживать их дела с кредиторами и даже ссужать небольшие суммы безо всякой надежды получить их обратно. И никто ее даже не благодарил. Просто Анжелика испытывала удовольствие от некоторых своих поступков. Она часто спрашивала себя, зачем поддерживать такую одностороннюю дружбу? Хотя Атенаис и являлась, несомненно, приятной личностью, Анжелике все же следовало бы иметь здравый смысл и ничего больше не делать для нее. Но ей всегда нравились люди, стремящиеся к самой вершине успеха, а Атенаис была одной из них. Ее честолюбие было безгранично, как море, о котором упоминалось в древнем девизе. И лучше быть с ней, на гребне ее волны, чем становиться поперек дороги.

Со своей стороны Атенаис считала удобным иметь такую великодушную и обеспеченную приятельницу — тем более что, несмотря на свое обаяние, Анжелика все же не смогла бы затмить ее саму. И в ответ на упоминание приятельницы о королевской благосклонности, лицо мадам де Монтеспан, прежде хмурое и обиженное, вдруг прояснилось, морщинки разгладились, и глаза весело засияли.

— Королева беременна, — заметила она, — мадам де Лавальер тоже понесла. Сейчас самый подходящий момент, чтобы привлечь внимание короля. — В ослепительной улыбке Атенаис, как всегда, сквозило ехидство. — Ах, Анжелика, о чем вы заставляете меня думать и говорить! Я бы сгорела от стыда, если бы король предложил мне стать его любовницей. Я бы потом никогда не посмела появиться перед королевой — она такая добрая и порядочная женщина!

Анжелику не обманул приступ добродетели. Некоторые противоречия в характере Атенаис удивляли ее, притом она не могла разобраться, что это: лицемерие или искренность. Легкомысленная Атенаис казалась очень благочестивой: она никогда не пропускала мессы и других богослужений, и королева не раз повторяла, что ей очень приятно иметь возле себя такую набожную придворную даму.

— Разве вы не помните, — засмеявшись, сказала Анжелика, — тот визит, который мы нанесли вместе с мадам Скаррон колдунье ЛаБуазен? Вы еще спросили, полюбит ли вас король?

— Ерунда! — отмахнулась маркиза. — К тому же, если бы меня не определили в свиту ее величества, я бы нашла другой способ быть представленной ко двору. Вообще, мне кажется, что старуха просто наврала нам.

— Она сказала, что король полюбит всех троих.

— И даже Франсуазу? — уточнила Атенаис.

— Нет, я ошиблась! Судьба Франсуазы была самой блистательной, она должна была стать женой короля.

Обе женщины рассмеялись.

— Франсуаза Скаррон — королева Франции!

— Ох, как я несчастна! — внезапно вздохнула Атенаис де Монтеспан.
— Можете мне поверить, что я должна каретнику тысячу восемьсот ливров за упряжь, сделанную к сегодняшней охоте. Надеюсь, вы заметили, что она отделана золотыми листиками?

— Но тысяча восемьсот ливров...

— Не такой уж большой долг, в конце концов. Мне наплевать на все жалобы мужа! Я сказала ему, чтобы он подождал со своими кредиторами, со всеми портными и ювелирами. Но мой невыносимый муженек сторговал пару таких алмазов, что у меня от зависти сердце оборвалось, и если он не оплатит их к завтрашнему дню, то ювелир тут же продаст их кому-то другому... и задаток пропадет. Вы когда-нибудь видели мужа, вечно сующегося не в свои дела? Он уже не знает, где раздобывать деньги. И к тому же он играет... Боже, как он играет! И совсем не слушается меня. Можно предположить, что я закончу свои дни, как моя тетушка, герцогиня де Бельгард, помните ее? Она, правда, не из нашей семьи, чему я очень рада. Муж зверски ревновал ее — ему было семьдесят пять, а ей пятьдесят, — запер ее в захудалом замке, отобрав всю одежду, и ей пришлось шить себе сорочки из простыней. Вот и мне предстоит такое вознаграждение!..

Анжелика, щека которой еще горела от пощечины Филиппа, не находила интереса в разговоре. А мадам де Монтеспан, очевидно, понравилось дразнить ее.

— Выбросьте из головы мрачные мысли. Вы ведь держите своего муженька куда более могучими узами, чем просто супружеские. Говорят, вы даже позволили ему порыться в том сундуке, куда вы прячете выручку от торговли.

Напоминание о Филиппе заставило Анжелику вспомнить о своем решении занять при королевском дворе место, подобающее маркизе дю Плесси.

— Давайте не будем говорить о моем муже, а то я замолчу совсем. А

если вы такая ловкая, то помогите мне найти место при дворе. Есть ли там вакансии?

— Вакантное место при дворе? Да легче найти иголку в стоге сена! Там все настороже, и даже люди, имеющие деньги для подкупа, не могут получить хорошего места.

— Но вы-то стали фрейлиной королевы?!

— Меня назначил сам король. Я рассмешила его, когда он пришел к мадемуазель де Лавальер, и его величество посчитал, что я смогу развлекать королеву. Ведь он очень заботится о своей жене. Вам следует обзавестись сильным покровителем, а во Франции нет никого сильнее короля!.. Кто станет заступаться и просить за вас? А лучше всего придумайте, что вы сможете сделать сами для себя, но чтобы ваше желание дошло до его величества.

— Все очень тяжело и сложно, — задумчиво отозвалась Анжелика. — Кстати, а что вы подразумевали под словами «сможете сделать для себя сами»?

— Да я и сама не знаю. Спросите у своего воображения. Постоите, вот свежий пример. Сьер дю Лак, мажордом маркиза де Лавальера, вместе с Копленом, дворецким маркиза, выпросили разрешение короля собирать по два су с акра на всех свободных землях между Сен-Клу и замком Шаньи, что возле Версаля. Их идея оказалась удачной — теперь, когда король решил построить в тех краях новый дворец, все захотят приобрести там земельные участки. Мадемуазель де Лавальер тоже подала прошение, и король немедленно подписал его. Он до сих пор не может ей ни в чем отказать. Теперь у тех двух плебеев сундуки будут просто ломиться от золота... Да и самой де Лавальер нравится играть роль благодетельницы для своих слуг. А самый большой проныра и попрошайка из всех придворных - это маркиз, ее брат, у него просто природный дар клянчить и обманывать. Вам надо бы с ним проконсультироваться. Он даст вам хороший совет, ибо, как я уже заметила, он неравнодушен к вашим чарам. А я в свою очередь смогу представить вас королеве. Вы поговорите с ней и, может быть, привлечете ее внимание.

— Очень мило с вашей стороны! — с воодушевлением произнесла Анжелика. — А я обещаю найти что-нибудь в своих сундуках, чтобы ублажить вашего каретника!

— Согласна! — Маркиза де Монтеспан не скрывала радости. — Вы ангел! Но я назову вас сверхангелом, если добудете мне попугая — американское сокровище с красными и зелеными перьями. Я так мечтаю о нем!..

Глава 4

Мадам де Монтеспан зевнула и потянулась. Время от времени дамы возобновляли разговор. Теснота помещения не позволяла им вытянуться и отдохнуть лежа.

За занавесями кровати заворочались два тела и послышалось нежное бормотание.

— Кажется, мне пора спускаться вниз, — сказала Атенаис. — Королева собиралась сегодня созвать своих фрейлин. Я хочу оказаться одной из первых и выразить желание пойти вместе с ней к мессе. Хотите со мной?

— Пожалуй, будет не самый удобный случай, чтобы быть представленной ее величеству.

— Да. Вероятно, вам лучше подождать, пока мы вернемся из часовни. Вы встанете в самом проходе. Я покажу вам лучшее место, откуда будет видно короля и королеву и где вы можете оказаться замеченной. Пойдемте, я покажу вам комнату рядом с королевскими апартаментами, которую наши дамы используют для личных нужд и как место для свиданий. У вас есть что-нибудь надеть на себя, кроме вашей амазонки?

— В сундуке что-нибудь найдется. Но не так-то просто забрать их сейчас из комнаты мужа. Я попробую послать слугу.

— Оденьтесь попроще. После мессы король будет принимать посетителей, а затем отправится на заседание с министрами. А вечером назначены игры и балет. Там вы и покажете свои наряды! А теперь пора идти.

Воздух в коридорах был холоден и влажен. Мадам де Монтеспан спускалась по лестнице, поеживаясь от порывов ветра, обдувавших ее прелестную, почти обнаженную грудь.

— Вы замерзли? — поинтересовалась Анжелика.

Маркиза молча пожала плечами. Она давно уже обрела выносливость истинных придворных, которым часто приходится бывать в самых неблагоприятных условиях: в залах, продуваемых всеми ветрами, в апартаментах, воздух в которых раскалялся от огромного количества светильников; она привыкла к многочасовому стоянию на ногах, к бессонным ночам и к тяжести парадных одеяний, увешанных драгоценностями, — в общем, ко всем превратностям блестящей дворцовой жизни. Крепкое здоровье, бесконечные развлечения и, отчасти,

постоянные волнения за свою судьбу и благополучие — вот что сделало ее такой, какой мы ее знаем.

Анжелика же даже во время своей жизни на парижском дне была очень чувствительна к холоду. Она никогда не ходила без плаща, и сейчас на ней была красивая накидка, сшитая из перемежающихся полос бархата и атласа. Капюшон был оторочен венецианскими кружевами, закрывавшими лицо, когда она не хотела быть узнанной.

Мадам де Монтеспан оставила ее одну перед входом в пустой пиршественный зал, где у дверей в накрахмаленных брыжах неподвижно, как статуи, стояли охранники-швейцарцы. Казалось, что жизнь во дворце еще не пробудилась, хотя утренний свет уже проник в глубины салонов. Вестибюли и галереи походили на огромные, полутемные гrotты.

— Я оставлю вас здесь, — шепнула Атенаис, как бы благоговей перед величественной тишиной. — Вон там гардеробная, где вы можете посидеть и подождать. Скоро появятся придворные, обязанные присутствовать при пробуждении короля. Его величество обычно поднимается спозаранку. Я скоро вернусь.

Когда маркиза удалилась, Анжелика отворила указанную дверь, скрытую гобеленом.

— Ой, простите!

Она и представить не могла, что комнатушку, куда не влезла бы и софа, можно использовать для амурных дел.

«Странно, — удивилась она, — я и не подозревала, что у мадам де Субиз такая красивая грудь. И зачем только она постоянно прячет такую соблазнительную приманку?..»

Анжелика была уверена, что партнером мадам не был ее муж, месье де Субиз. В Версале не слишком беспокоились о супружеской верности. Напротив, любое внимание мужа к жене или жены к мужу воспринималось как плебейство и считалось выражением низменных страстей и крайне дурным тоном.

Теперь ей ничего не оставалось, как бродить в одиночестве по громадным, пустым залам. Первая комната, в которой она задержалась, была примечательна тем, что ее своды поддерживали двенадцать колонн. Света уже хватало, чтобы она смогла восхититься их белыми стволами, украшенными завитками, похожими на легкую, водную зыбь. Позолота потолка, разделенного полосами тяжелых эбеновых балок, еще плохо различалась в призрачном утреннем сумраке. Три огромных зеркала на стенах отражали овалы окон, через которые просачивались первые лучи восходящего солнца.

Опершись на мраморный подоконник, Анжелика смотрела на пробуждающийся от сна парк. Широкая лужайка у подножия террасы была гладка, словно отмель, омытая теплыми водами. Вдали сквозь туман проступали верхушки аккуратно подрезанных вязов. Их толстые стволы напоминали сторожевые башни древнего города.

Солнце поднялось выше, и заблестели зеркалами большие бассейны, простиравшиеся до самого горизонта. Фонтан Латоны, фонтан Аполлона, ровная лента канала...

— О чем вы думаете, маркиза? — прошелестел за спина чей-то голос. — Поведайте мне о своих тайных мыслях!

Испуганной Анжелике показалось, что заговорила стоящая рядом мраморная статуя.

— Кто здесь? — с тревогой спросила она.

— Я — Аполлон, бог красоты, с которым вы милостиво решили провести утренние часы... Молодая женщина задрожала.

— Прохладно, да? Но на вас плащ, а я совершенно раздет. Да и откуда взяться теплу в мраморном теле?

Она была до того потрясена, что неприметно перевела испуганный взгляд на статую, но ничего не увидела, кроме кучи разноцветного тряпья, лежавшей на пьедестале. Она подошла ближе и, наклонившись, протянула руку. В то же мгновение куча подпрыгнула, подобно резвому олененку, и появилось существо с личиком, как у сказочного гнома.

— Баркароль?

— К вашим услугам, Маркиза Ангелов! — Королевский карлик низко поклонился.

Баркароль был не выше семилетнего ребенка, с неуклюже скроенным телом и кривыми ножками. Двухцветный, плотно облегающий камзол, сшитый из алого и черного бархата, стягивал золотой пояс, на котором висела крошечная шпага.

Давно Анжелика не видела его. Он успел усвоить манеры прирожденного аристократа, и она не замедлила сделать ему комплимент.

— Да, верно, — самодовольно подтвердил Баркароль. — Я ни в чем не уступаю нашим гостям, расхаживающим здесь с важным видом. Ах, если бы наша добрая королева позволила обрезать погремушки с моего колпака — как бы она меня осчастливила! Но она утверждает, что в Испании все шуты носят колокольчики и что если она не слышит их звона, то испытывает тоску по дому. К счастью, двое моих коллег нашли неожиданную поддержку у самого короля: он нас просто не выносит. Когда он приходит к королеве, то никогда не упустит случая хорошенько

отходить нас своей тростью, мы прыгаем, как сумасшедшие, и наши бубенчики звенят на весь дворец. А если он заводит интимный разговор, мы сами начинаем трясти погремушками, и это опять приводит его в дурное расположение духа. Королева все понимает, вздыхает и говорит, что у кого-то не пришит бубенчик и нам нужно пойти и привести себя в порядок... Но ничего, скоро мы приобретем новые привилегии!

— Какие же привилегии?

— Парики, — ответил Баркароль, закатив глаза так, что остались видны только белки. Анжелика весело рассмеялась:

— Тут вы заважничаете, месье Баркароль!

— Я хочу преуспеть и обрести вес в обществе, — глубокомысленно заметил карлик.

Но под маской серьезности Анжелика ясно различала скрытую иронию.

— Я очень рада вас видеть, Баркароль. Давайте немножко поболтаем!

— А вы не боитесь за свою репутацию? Про нас пойдут всякие слухи, и ваш муж вызовет меня на дуэль.

— Но ведь вы вооружены, месье! У вас такая славная шпага... и вы бесстрашны!

— Ну, конечно. Нет ничего невозможного для человека с храбрым сердцем. Я пофлиртую с вами, мадам. Давайте подойдем к окну. Любому прохожему покажется, что мы любуемся садом, и никому в голову не придет, что я изливаю вам свою любовь... — Карлик мелкими шажками стремительно приблизился к окну и прижался носом к стеклу, как это делают любопытные дети. — Что вы думаете о нашем местечке? Оно прелестно, не правда ли? Ах, маркиза, вы стали настоящей придворной дамой, но все же не забыли дружбы со стариной Баркаролем...

Анжелика задумчиво смотрела в сад, положив руку на плечо карлика.

— Прошное, связывающее нас, не легко забыть, Баркароль!

Солнце уже растопило туман. День обещал быть ясным и безоблачным. Зеленые листья вязов изумрудно сверкали, в воде фонтанов отражалось голубое небо. Фигуры нескольких садовников с граблями и тачками терялись в огромном пространстве дворцового сада.

Тихим голосом Баркароль продолжал:

— Иногда королева не видит меня целый день и волнуется. Она не знает, что ее любимый карлик уходит в Париж, чтобы засвидетельствовать почтение другому величеству, чьи подданные тоже не смеют забывать его, — нашему Великому Кезру. У него не так много подданных, подобных нам, маркиза. Я думаю, что Жанен Деревянный Зад все еще любит меня,

своего старого друга...

— Надеюсь, он любит и меня, — ответила Анжелика, перед глазами которой всплыло выразительное лицо старого мудрого Жанена.

— Ничего не бойтесь, Маркиза Ангелов, — вдруг тихо произнес Баркароль. — Мы умеем хранить тайны и не забываем друзей. Помните, вас не оставят в беде... даже здесь. — И он, обернувшись, сделал широкий жест, обводя рукой всю залу. — Даже здесь, во дворце короля, где люди более одиноки и более подвержены опасностям, чем где бы то ни было.

Разговор оборвался. Таинственные шорохи большого зала заглушил посторонний шум, выведший собеседников из задумчивости. Анжелика обернулась и увидела первых придворных, входивших в зал, пряча зевки в обшлага камзолов. Следом за ними появились слуги, тащившие дрова для огромных каминов.

— Скоро появится старуха. Смотрите, маркиза, вот и она! — тихо произнес карлик.

Анжелика увидела женщину неопределенного возраста в плаще с капюшоном. На голове был чепчик из накрахмаленного атласа. Встречные дворяне кланялись ей, но она, казалось, не замечала их и с величайшей безмятежностью продолжала свой путь.

— Кто она? И куда направляется?

— Она идет к королю. Это мадам Амелен, его кормилица. Ей до сих пор разрешается входить к королю по утрам раньше всех. Она раздвигает занавеси, целует его, интересуется, как он спал и как его самочувствие. Пока они негромко болтают, все беспокойно толпятся возле закрытых дверей. Потом она уходит, и целый день ее нигде не видно. Никто не знает, куда она исчезает, прямо как ночная птица. И каждое утро министры, принцы и кардиналы скрипят зубами при виде скромной невзрачной старухи, которой достается первая улыбка монарха.

Вслед за кормилицей наступал черед трех придворных медиков, облаченных в черные мантильи и белые парики. Они по очереди щупали королевский пульс, задавали несколько вопросов о здоровье, обменивались друг с другом латинскими фразами и с почтением удалялись.

После них следовали принцы крови. Когда они склонялись перед королем, он поднимался с кровати. Процедуру надевания халата возглавлял первый камергер. Штаны его величество имел право надеть сам, после чего один из главных вельмож королевства спешил завязать ему подвязки.

Рубашку королю одевал первый дворянин королевства. Он гордо входил в опочивальню во главе целой свиты, состоящей из высшей знати и

специально уполномоченных дворян. При надевании рубашки первый камердинер короля держал правый рукав, а заведующий гардеробом помогал надеть левый.

Затем наступал третий выход — герцогов и пэров. Главный камергер вызывал придворных для разворачивания королевского жилета. Счастливики бережно разворачивали жилет и с благоговением надевали его на короля. Четвертыми шли государственные секретари, пятыми — духовенство в алых одеяниях, и шестыми — дипломаты. Мало-помалу королевская опочивальня заполнялась придворными.

Король оглядывал входивших, здоровался с каждым, брал на заметку отсутствующих, задавал вопросы, касающиеся последних сплетен, и бывал очень доволен, когда получал остроумный ответ. «Избранники рая», как их называли в Версале, гордились возможностью находиться в опочивальне короля в то время, как остальные смертные оставались за дверьми.

Анжелика с интересом наблюдала за посвященными, входящими в «святая святых».

— А мы — души в чистилище, — засмеялась одна из придворных дам рядом с ней.

Присутствующие были одеты в свои самые лучшие наряды и стремились оказаться в первых рядах, когда король с королевой пойдут в часовню сквозь живой коридор.

Маркиз дю Плесси был удостоен второй очереди в процедуре одевания. Дождавшись, когда он скрылся за дверьми королевской спальни, Анжелика бросилась к его комнате, боясь запутаться в лабиринте коридоров.

Ла-Виолетт мурлыкал что-то под нос, начищая оружие своего господина. Не обращая на него внимания, Анжелика бросилась к своему сундуку и начала поспешно перебирать наряды, а Ла-Виолетт предложил ей свои услуги.

Анжелика резко отказалась. Не дожидаясь Жавотты, она оделась сама. Оглядев себя в зеркале и не найдя погрешностей в туалете, она почти бегом пустилась в обратный путь, успев-таки увидеть вблизи королевскую процессию.

У королевы был красный нос, несмотря на искусно наложенную пудру. Она проплакала всю ночь, ибо король — как она сообщила своим близким дамам — даже не навестил ее. Такое случилось впервые, обычно король строго выполнял требования этикета, был очень пунктуален и каждую ночь заходил в апартаменты жены и проводил с ней некоторое время. Иногда он оставался у нее на всю ночь. Теперь же, наверное,

Лавальер в роли Дианы-Охотницы разожгла его страсть.

Свита королевы слилась с окружением Лавальер, и все одновременно подошли к часовне. Мария-Тереза высоко держала голову, хотя ее габсбургский подбородок дрожал от сдерживаемых рыданий. Фаворитка низко поклонилась королеве, и, когда выпрямилась, Анжелика увидела затаенный страх, ясно читавшийся в ее глазах. Здесь, в залах Версаля, она сама была загнанной ланью, а вовсе не охотницей. Анжелика понимала, что так оно и есть на самом деле. Королевское внимание весьма непостоянно. Марии-Терезе нечего бояться ее. Впереди ожидалась новые, более серьезные соперницы.

Король вернулся из часовни и прошел в сад. Ему доложили, что больные золотухой узнали о его пребывании здесь и собрались за воротами в надежде на исцеление от королевского прикосновения. Король никогда не отказывал в такой милости. Страдальцев было немного, и церемония быстро закончилась. Теперь его величество направился в залу Дианы, чтобы принять там прошения.

Молодой вельможа из королевской свиты подошел к Анжелике и низко поклонился ей:

— Его величество хотел бы напомнить мадам дю Плесси-Белльер, что он хочет видеть ее на завтрашней охоте с раннего выезда.

— Передайте благодарность его королевскому величеству, — ответила Анжелика, — и скажи те ему, что только смерть может помешать мне исполнить его желание.

— Его величество не требует так много. Но если вы все же не появитесь, то он хотел бы знать причину вашего отсутствия.

— Можете уверить его величество, что он будет знать обо всем, местье Лувуа. Вас ведь так зовут, не правда ли?

— Да, мадам.

— Я бы хотела поговорить с вами. Можно?

Де Лувуа, казалось, удивился, но ответил, что если мадам дю Плесси задержится в коридоре, то как только король закончит прием прошений, он снова вернется к ней.

— Я подожду. А вы уверьте его величество, что завтра я обязательно буду на охоте.

— Нет, не будете! — произнес у нее над ухом голос Филиппа дю Плесси. — Мадам, жена должна повиноваться своему мужу. Я же никогда не давал вам позволения появляться при дворе. Вы идете против моей воли. Я приказываю вам немедленно возвратиться в Париж!

— Филипп, это же абсурд! Ведь я нахожусь в Версале для вашей же

пользы! Какое вы имеете право так мучить меня?

— Вы меня больше измучили, мадам.

— Оставьте меня, Филипп! Вы ведете себя как маленький ребенок...

— Только в том случае, если вы немедленно покинете Версаль.

— Нет!..

— Вас не должно быть завтра на охоте.

— А я буду!

Де Лувуа уже удалился к королю и не слышал их спора, но стоявшие рядом придворные смотрели на них с усмешкой. Домашняя ссора семейства дю Плесси была привлекательной темой для будущих разговоров. Рядом с ними, глядя в сторону, стоял маркиз де Лавальер, профиль которого почему-то очень напоминал птичий.

Чтобы оградить себя от насмешек присутствующих, Анжелика воскликнула:

— Хорошо, Филипп, я уезжаю. Давайте не будем больше спорить! — Она повернулась, пошла по коридору и остановилась в комнате, где было немного людей.

«Если я получу место при дворе, — говорила она себе, — то буду зависеть только от милости короля, а не от такого дикаря!..»

А вот как завоевать благосклонность короля — оставалось для нее загадкой. Именно о ней она и хотела поговорить с де Лувуа. Ее деловая сметка заставляла не сдаваться, а искать выход. Она вспомнила, что, будучи в Париже, слышала о де Лувуа, как о ловком придворном и большом политике, владеющем к тому же патентом на почтовые перевозки между Лионом и Греноблем. К тому же она знала, что он сын Ле Телье, государственного секретаря и королевского канцлера в Большом Совете. И теперь искала поддержки как де Лувуа, так и его отца.

Маркиз де Лавальер переходил от одной группы придворных к другой, разыскивая Анжелику. Разгадав его намерения, маркиза хотела скрыться. Но, подумав несколько мгновений, решила изменить тактику. Она слышала о маркизе немало лестного, и основное, что привлекало ее в нем, — так это знание законов двора. В этом она могла бы у него многому поучиться.

Поиски де Лавальера увенчались успехом. Он нашел Анжелику в соседнем зале, у окна. Он выразил свое удовольствие от встречи и попросил разрешения побыть в ее обществе и поболтать немного. Улыбнувшись, она ответила, что не имеет ничего против.

— Я думаю, — начал он, — что король не слишком рассердился за ваше вчерашнее опоздание.

Она слегка пожалала плечами и заметила, что была бы очень рада, если

бы это было так, Взглянув на собеседника, она подумала: «Потому-то вы и отваживаетесь завязать со мной небольшую интрижку!..»

Прогуливаясь по залу, они разговорились. Но когда Анжелика коснулась вопроса о месте при дворе, маркиз искренне рассмеялся:

— Да вы сошли с ума, бедная малышка! Чтобы попасть на самую незавидную должность при дворе, вам придется устранить со своей дороги не менее десяти человек. Разве вы не знаете, что все должности в королевской опочивальне продаются помесечно?

— Что вы имеете в виду?

— Человек, купивший себе должность, исполняет ее в течение трех месяцев, а затем ее снова пускают с аукциона. Деньги поступают в казну. Король, конечно, сердится, ибо ему постоянно приходится видеть новые лица и принимать услуги от людей слишком любопытных. Он не хочет расставаться со своим главным слугой — Бонтаном, и потому вынужден не только каждый раз покупать ему его место, но и оплачивать право приобретать его вне очереди. Такое желание короля раздражает всех остальных...

— Боже, как все сложно! Да неужели король не может положить конец неразберихе?

— Он должен стараться одарить счастьем всех подданных, — ответил маркиз, уверенный в незыблемости обычая.

— А как же вы сами поступаете? Я много слышала о вашей предусмотрительности.

— Люди сильно преувеличивают. У меня должность лейтенанта охраны короля, которая, как и плата за нее, одна из самых мизерных... А теперь, дорогая маркиза, я должен покинуть вас. Мне кажется, что король скоро вернется в сад.

На пороге зала появился де Лувуа. Проходя мимо нее, он слегка наклонился и шепнул, что должен сопровождать короля и что только после второй аудиенции сможет уделить ей немного времени. И затем, ненадолго задержавшись, де Лувуа представил ее молодому человеку, одетому настолько небрежно, что, казалось, ему не место в столь пышном собрании. Напудренный парик и кружевное жабо только контрастировали с его одеждой, оттеняя и без того темное лицо.

— Да, — подтвердил он. — Я посланник с острова Мадагаскар...

Но тут тяжелая рука опустилась на плечо Анжелики. Обернувшись, она увидела человека в черном, чье имя, как она ни напрягала свою память, не могла вспомнить. Низкий, хриплый голос, убедительный и непререкаемый, сказал:

— Сударыня! Уделите мне немного вашего времени. Мы должны поговорить о деле.

— О каком деле, сударь? — И в то же мгновение она узнала этого человека.

«Кольбер, министр финансов, член Совета».

Не отвечая на вопрос, Кольбер взял ее руку и, положив себе на локоть, повел к углу балкона. По Дороге он сделал знак одному из своих служащих, и тот подал ему большой гроссбух с желтыми завязками.

— Сударыня, надеюсь, вам известно, что я не придворный и не дворянин, а просто торговец — торговец мануфактурой. Вы же, хотя и благородного происхождения, но чрезвычайно деловая женщина. И как член гильдии купцов, я обращаюсь к вам за советом...

Он пытался придать своему голосу оттенок доверительности, но не смог, и Анжелика рассердилась. До каких пор ей будут напоминать о шоколадном деле?! Она поджала губы, но, взглянув на собеседника, увидела, что лоб того покрылся испариной, несмотря на прохладное утро. Парик сидел косо — вероятно, он слишком торопил своего парикмахера. И враждебность ее стала исчезать.

— Конечно, я занимаюсь делами, — ответила она, — но не такими важными, как вы. Чем могу быть вам полезна?

— Пока еще не знаю, сударыня. Может быть, вы сами подскажете мне. Я нашел ваше имя в списке акционеров Ост-Индской компании. И обратил внимание на ваше благородное происхождение. Следовательно, вы находитесь в привилегированном положении, и так как ваши дела процветают, я подумал, что вы сможете сообщить мне некоторые детали, которых хватит, чтобы разобраться в деловых операциях компании.

— Господин министр! Вы не хуже меня знаете, что эта компания торговала с Америкой и что сегодня ее акции не стоят ни гроша...

— Я спрашиваю вас не о цене акций, а о той выгоде, которую получили вы, хотя все остальные потеряли на этом деньги.

— Моя единственная выгода заключается в знании, которому научила меня эта авантюра. Из ничего нельзя сделать что-то! Я дорого заплатила за урок. Грабители из Ост-Индской компании рассчитывали на огромные доходы и при этом ничего не хотели делать. Но хороший результат на отдаленных землях можно получить только после тяжелой и, конечно, опасной работы.

Усталое лицо Кольбера разгладилось, и подобие улыбки появилось на его губах.

— То, что вы сейчас сказали, сударыня, согласуется с моим основным

девизом: «Ничего не достигнешь без труда!»

— «Чем больше затрачено усилий, тем интереснее задача», — процитировала Анжелика. — И трудолюбие здесь играет главную роль!

Улыбка наконец осветила лицо министра.

— Вижу, что вам известны мои слова, сказанные по поводу упомянутой компании, — заметил он. — Не думаю, чтобы кто-либо из других держателей акций был знаком с ними.

— Видите ли, сударь, предприятие казалось солидным, перед ним открывались такие широкие перспективы...

— А как вы думаете, что нужно для того, чтобы предприятие ожило? — быстро спросил Кольбер и в привычной суховатой, монотонной манере принялся перечислять явную и тайную собственность мадам дю Плесси-Белльер, она же мадам Моран: «...полное владение кораблем «Иоанн Креститель», вооруженным двенадцатью пушками, для торговли с аборигенами и доставки во Францию какао, перца, специй и ценной древесины с Мартиники и Сан-Доминго...»

— Правильно, — подтвердила Анжелика, — должна же я продолжать свое шоколадное дело.

— И вы передали командование кораблем пирату Гинану?

— Конечно, передала.

— А вы знали, когда брали его к себе на службу, что раньше он служил Фуке, а Фуке угодил в тюрьму? Вы думали о серьезных последствиях та кой акции? Или, может, сам Фуке посоветовал вам так поступить?

— Я никогда не разговаривала с Фуке. Он был опасным человеком, огромное богатство давало ему и огромную власть. Он злоупотребил властью. Но, надо отдать ему должное, он умел выбирать себе компаньонов. Чистая случайность привела ко мне Гинана. Он превосходный моряк и отличный торговец. Я знала, что он потерял покровителя, и подумала, что он единственный человек, способный хоть в какой-то мере спасти мои денежные инвестиции после разорения Ост-Индской компании, куда я вложила кучу денег. Тогда-то я и взяла его к себе на службу. И ничуть не жалею — тем более, что я была вдохновлена примером свыше.

— Кого вы имеете в виду?

— Короля. Он наказывает тех, кого считает виновным, но никогда не отталкивает от себя человека, наделенного талантом. В меру своих скромных возможностей я взяла к себе на службу пирата, но всегда готова отдать его королю, если он потребует.

Маркиза дю Плесси говорила с воодушевлением и закончила свою небольшую речь обезоруживающей улыбкой, хотя и не была удовлетворена разговором. Кольбер являлся заклятым врагом Фуке, и у него остался набор ловушек, в которые он ловил в свое время Фуке. Все, что делал прежний министр финансов, теперь считалось преступлением.

— А почему бы вам не отправить в Индию тот корабль, который вы послали с товарами в Америку? — без обиняков спросил Кольбер.

— Я думала об Индии. Но в одиночку французский корабль не смог бы совершить такое плавание. А других судов у меня нет.

— Да, ваш «Иоанн Креститель» без происшествий вернулся из Америки. А что вы скажете о датских, голландских и английских кораблях? Они ведь регулярно ходят в Индию.

— Они идут целыми флотилиями, двадцать-тридцать судов разного водоизмещения. Они выходят из Гааги или из Ливерпуля вместе.

— А почему французы так не поступают?

— Сударь, если этого не знаете вы, то чего же вы хотите от меня? Дело, может быть, в темпераменте, а может, и в деньгах. Могу ли я одна, например, собрать флотилию? И потом, Франции необходимо иметь промежуточную базу на пути к Индии для пополнения корабельных запасов продовольствия и воды.

— Мадагаскар, к примеру?

— Да, если только военные и гражданские власти не станут вмешиваться в торговлю.

— А кто же будет управлять островом?

— Ну, конечно же, люди, умеющие хозяйничать на новых землях. Я имею в виду купцов.

Анжелика, сохранявшая полную серьезность на протяжении всего разговора, вдруг весело расхохоталась.

— Сударыня, мы говорим о серьезных вещах! — рассердился Кольбер.

— Простите, сударь! Я не могу отделаться от мысли, что какой-нибудь сверхблагородный дворянин, вроде... скажем, маркиза де Лавальера, станет управлять дикарями... — Веселая улыбка снова скользнула по губам Анжелики, но, увидев непритворный гнев Кольбера, молодая женщина постаралась погасить ее.

— Вы сомневаетесь в его храбрости, сударыня? Мне достоверно известно, что он хорошо проявил себя на королевской службе.

— Дело совсем не в храбрости, а в том, что он стал бы делать, высадившись на берег и увидев толпу голых дикарей. Скорее всего он

перебил бы половину, а остальных превратил бы в рабов...

— Рабы являются выгодным объектом торговли. Они быстро компенсируют все вложения.

— Не отрицаю. Но превращать аборигенов в рабов нельзя, если желаете развить в стране промышленность и торговлю. К сожалению, именно методом насаждения рабства как раз и пользуется Франция. Мы ведь сознательно стремимся задержать там развитие прогресса!

Кольбер внимательно взглянул на нее.

— Черт побери! — он потер свой плохо выбритый подбородок. — Мда... за десять минут я узнал больше, чем за многие бессонные ночи, проведенные над проклятыми отчетами...

— Но к моим советам следует относиться с осторожностью. Просто я всегда прислушивалась к жалобам купцов и моряков...

— И вы не могли не обратить внимания на их слова, — перебил ее Кольбер. — Благодарю вас, сударыня. Вы оказали бы мне большую честь, если бы согласились подождать меня.

— Больше получаса мне здесь не выдержать, — недовольно заметила Анжелика, возвращаясь в вестибюль, где маркиз де Лавальер со злорадством сообщил ей, что де Лувуа искал ее и, не найдя, отправился к завтраку.

Анжелика едва сдержала возглас разочарования. Но такова судьба! Она так стремилась поговорить с молодым вельможей, расспросить его о положении при дворе и, быть может, просить его ходатайства. А теперь, из-за нелепой встречи с Кольбером, интересовавшимся лишь морской торговлей, она упустила удобный случай.

Сейчас ей никак нельзя было терять времени. Кто знает, какая злодейская мысль может зародиться у Филиппа? Если она станет открыто сопротивляться, он просто снова силой запрет ее. Муж обладает абсолютной властью над своей женой, и ей необходимо поскорее закрепиться здесь, при дворе. Иначе будет слишком поздно.

Маркиза дю Плесси была рассержена и разочарована. Смятение усилилось, когда объявили, что его величество отложил прием на следующий день и все могут расходиться.

У выхода к молодой женщине обратился один из служащих министра Кольбера:

— Не будете ли вы так любезны, сударыня, пройти со мной? Вас ожидают...

Помещение, куда он ее проводил, оказалось достаточно изящно убраным, хотя и не слишком просторным. На двух окнах висели голубые

шелковые гардины с вышитыми на них золотыми геральдическими лилиями, гармонировавшие с обивкой высоких кресел. Как и все деревянные изделия Версаля, кресла были украшены золочеными узорами, изображавшими гирлянды из фруктов и виноградных листьев. Сочетание голубого цвета с золотом придавало мебели эффектный и праздничный вид. Комната, несомненно, принадлежала мужчине. В дальнем конце комнаты за мраморным столом спиной к ней стоял Кольбер. За другим концом стола сидел король Людовик XIV.

Анжелика приоткрыла от удивления рот.

— А вот и источник, из которого я получил эти сведения, — произнес министр, обернувшись при звуке хлопнувшей двери. — Подойдите сюда, сударыня, и расскажите его величеству о ваших познаниях как пайщика Ост-Индской компании. Ваши сведения могут достаточно хорошо осветить некоторые аспекты ситуации, сложившейся на данный момент.

С обычной любезностью, которую он всегда проявлял к женщинам, Людовик поднялся и поклонился ей. Анжелика, смутившись, вспомнила, что до сих пор не оказала ему должного почтения, и присела в глубоком реверансе, мысленно проклиная министра.

— Я еще не замечал за вами склонности к шуткам, месье Кольбер, — сказал король, — и не ожидал, что ваш знаток торгового дела явится в виде прелестнейшей дамы моего двора. Вы меня удивили.

— Тем не менее, сир, мадам дю Плесси владеет большим пакетом акций Ост-Индской компании. Она за свой счет снарядила прекрасный корабль и собиралась вести торговлю с Индией. Но, изучив состояние дел, все-таки обратилась к Америке. И может изложить вам причины перемены своих планов.

— Откровенно говоря, сир, — начала маркиза дю Плесси, — мне очень жаль, что вы придаете такое большое значение моему рассказу. Да, действительно, у меня есть некоторые вложения в морскую торговлю. Мой управляющий частенько жалуется мне на трудности своей работы, но я понимаю в ней не больше, чем в сельском хозяйстве, хотя арендаторы всегда плетут жалостливые сказки о скудных урожаях.

— Вы закончили свою комедию, сударыня? — нервно спросил Кольбер, покрываясь красными пятнами. — Только что вы говорили со мной с полным пониманием дела, а теперь вдруг стали рядиться в шутовские одежды. Или вы просто стесняетесь короля?

Людовик Бурбон снова сел. Он доверял министру и решил, что сможет получить полезную информацию из столь необычной беседы. Он посмотрел на Анжелику, и она прочла в его глазах понимание — качество,

довольно необычное для двадцатисемилетнего монарха.

Анжелика и сама в удивительно короткое время сумела пройти путь от юности к возмужанию. И она почувствовала, что между нею и королем установилось взаимопонимание.

— Я знаю, что ваше величество не жалуется всякие чудачества. И если одна из дам при вашем дворе окажется вовлеченной в коммерцию или судовладение... то, боюсь...

— Вам нечего опасаться моего неудовольствия, мадам. И не старайтесь доставить мне удовольствие, уклоняясь от истины, — строго произнес король. — И если месье Кольбер полагает, что ваша информация может помочь нам, то не вам решать — плохо или хорошо я к ней отнесусь. Прошу учесть, сударыня, что ваш долг — служить нашим интересам.

Король не пригласил ее сестру, давая понять, что она ничем не лучше остальных придворных, не имевших права сидеть в его присутствии, если они не получили на то разрешения.

— Итак, вы отказались от торговли с Индией, несмотря на желание послать туда ваше судно и невзирая на выгоды, которые могли извлечь из такого рейса. Следует признать, что большинство судовладельцев и капитанов сделали то же самое. Но причины вашей нерешительности до сих пор для меня загадочны.

Анжелика объяснила, какому риску подвергаются корабли, плывущие вдоль Португалии и берегов Африки. Уже не одно столетие пираты промышляют грабежом судов, идущих без усиленного конвоя.

— А не преувеличиваете ли вы опасность, сударыня? Мне приходилось читать о путешествиях к берегам Индии одиночных французских кораблей, вооруженных даже слабее, чем ваш. И они со славой возвращались из своих одиссей, жалуясь лишь на штормы и ветры. У меня есть точные данные о времени их отплытия и возвращения. Так почему же, если это доступно другим, ваш корабль не сможет добраться до берегов Индии?

— Потому что мой корабль — купеческий. Сравните тоннаж судов, сир, и вам все станет ясно. Большинство кораблей, о которых вам докладывали, это суда военной постройки. Они превосходят по скорости пиратский флот. Они выходят из Франции практически пустыми, да и возвращаются налегке. У них всегда большой экипаж, и пираты предпочитают не связываться с ними. Такие суда не годятся для коммерческих целей. А корабль большого тоннажа, нагруженный товарами под самый планшир, часто становится добычей быстроходных алжирских

или марокканских галер. Лишь благодаря мужеству капитана и матросов, мой корабль дважды избежал гибели. И в обоих случаях были кровавые схватки — один раз в Бискайском заливе, а другой в Атлантике, у берегов Западной Африки. Почти половина матросов была убита и ранена. И я отказалась от опасной затеи...

На лице министра финансов появилось выражение удовлетворения и восхищения. Король тоже задумался. Через некоторое время он вздохнул и, внимательно посмотрев на свою собеседницу, спросил:

— Так значит, все дело в конвое?

— Совершенно верно, ваше величество. Англичане и голландцы поступают именно так.

— Мне не нравятся эти нации, но было бы глупо не позаимствовать все хорошее из их стратегии. Послушайте, Кольбер... Отныне, когда наши купеческие корабли будут уходить в плаванье, их должны сопровождать военные суда... — Вдруг он поймал недоверчивый взор маркизы дю Плесси и запнулся. — Вы в чем-то сомневаетесь, сударыня? — В его тоне сквозило недовольство тем, что его мысль прервали.

Людовик никогда не мог без усмешки выслушивать советы хорошеньких женщин. Но маркиза еще не собиралась сдаваться.

— Я думаю, сир, что месье Кольбер не говорил вам о трудностях такого предприятия. Французы привыкли действовать в одиночку; и каждый идет своим путем. Одни уже готовы выйти в море, а другие еще только ищут деньги для снаряжения. Только большие торговые компании имеют необходимые средства, и если бы они смогли договориться друг с другом, то плаванье всего каравана судов стало бы безопасным.

Людовик оперся рукой о стол:

— Они сделают это по моему приказу!

Поколебавшись минуту, Кольбер добавил:

— Мадам, быть может, я располагаю и не вполне достоверной информацией, но два года назад, когда экспедиция Монтеверга была послана на остров Мадагаскар, ваш корабль мог бы отправиться в Индию под его защитной.

— Ваша информация верна, месье Кольбер, я знала об экспедиции, но мы не смогли достичь соглашения. И я не сожалею об этом.

— Почему?

— Я не хотела оказаться втянутой в предприятие, заранее обреченное на провал.

Король даже слегка покраснел, несмотря на все свое самообладание:

— Разве вы не понимаете, что экспедиция в помощь Ост-Индской

компании была снаряжена по моему приказу? Ее целью было создание нового порта на острове Мадагаскар.

— Превосходная мысль, сир. Такой порт просто необходим. Но корабли экспедиции были стары, и к тому же их отправили без надлежащего ремонта. Капитаны кораблей мечтали о легких победах, а постройку порта на острове считали детской забавой. Они не предполагали, что им придется пройти пять-десять миль в глубь острова, чтобы отыскать пресную воду, и совсем не принимали в расчет враждебность местных племен. Короче, участники экспедиции оказались храбрыми, но совершенно непрактичными, не исключая месье Монтеверга, их предводителя. Все они безрассудно кинулись в неизвестность и пребывают теперь в самом ужасном положении.

Глаза короля сузились, и, пока говорила мадам дю Плесси, он хранил молчание. Она почувствовала легкий страх, но, переборов его, сказала до конца то, что нужно было сказать, как ей и приказывал король.

— Как же так получилось, сударыня, что вы — единственная из всех знали о трудностях, подстерегающих Монтеверга на Мадагаскаре? Его второй помощник высадился в Бордо четыре дня назад и сегодня утром был в Версале. Ему строго приказали ни с кем не разговаривать в дороге, пока не даст мне полного отчета. Он только что вышел отсюда.

— Сир, у мореплавателей нет секретов. За последние два года иностранные суда не раз заходили на Мадагаскар и частенько из чувства сострадания брали на борт больных и раненных в схватках с туземцами моряков и отвозили их на родину.

Король резко повернулся в сторону министра, глаза его метали молнии, губы дрожали.

— Значит, месье Монтевергу понадобилось два года, чтобы отправить мне доклад о состоянии дел на острове, хотя он знал, с каким нетерпением я жду его сообщения!

— Стала бы я ждать два года в неведении о судьбе своего корабля! — воскликнула Анжелика.

— Гм-м... — удрученно хмыкнул король. — Хотите сказать, сударыня, что ваша система связи более совершенна, чем у короля Франции?

— В некотором смысле — да, сир. Ваше величество признает только прямую связь. Два года — не такой уж большой срок, чтобы добраться до места назначения и вернуться обратно, не считая времени, необходимого для ознакомления с островом. Я же заключила договор с голландской компанией, и теперь, когда любой из их кораблей встретится в море с моим, они обмениваются информацией.

— Снова голландцы, — король слабо улыбнулся. — Французские предприниматели заключают с ними сделки, не считаясь с тем, что они могут закончиться изменой государственным или королевским интересам.

— Измена — слишком суровое слово, сир. Разве мы находимся с ними в состоянии войны?

— Нет, конечно! Но тут есть что-то раздражающее меня. Неужели Франция должна уступить первенство на морях каким-то рыболовам? Во времена моего деда Генриха IV у французского флота была громкая слава, а сила и значимость так велики, что англичане и венецианцы предпочитали плавать по Средиземному морю под нашим флагом. Считалось, что это обеспечивает им безопасность из-за соглашения между Францией и Высокой Портой.

— Но в те дни только в Средиземном море насчитывалось больше тысячи наших кораблей, — произнес Кольбер.

— А теперь? — спросил король.

— Всего пятьдесят, несущих от 26 до 120 пушек на борту. И все суда вооружены на один манер. Это позор, сир!

Король, откинувшись в кресле, размышлял. Его густые каштановые волосы рассыпались по голубой обивке кресла с искусно вышитой на ней золотой короной в обрамлении геральдических лилий.

— Я не собираюсь выяснять, господин министр, причины, которые привели наш флот в столь плачевное состояние, — заговорил он после минутного молчания. — Они мне и так хорошо известны. Мы еще не закончили процесс исправления безобразий, творившихся в течение многих лет в нашем государстве. Я был еще совсем юн, когда стал обращать внимание на то, что делается в разных частях страны, и оказалось, что мне во все нужно вмешиваться. Повсюду царит беспорядок. Настало время заняться настоящим делом, Кольбер.

— Я полностью к вашим услугам, сир!

Король поднялся. Министр поклонился и попятился назад. Анжелика внезапно почувствовала усталость и голод и двинулась следом.

— А вы останьтесь, сударыня!

Она вернулась и остановилась возле стола. Король внимательно посмотрел на нее:

— Вы собираетесь завтра быть на охоте?

— Конечно, сир.

— Я попрошу маркиза, чтобы он помог вам не растерять эти благие намерения.

У маркизы вырвался вздох облегчения.

— О сир! — присев в глубоком реверансе, воскликнула она. — Тогда я буду непременно!

Раздался стук, и вошел дежурный придворный из свиты короля, герцог Шаро.

— Ваше величество будет присутствовать на банкете или вам накрыть отдельно?

— Давайте не станем разочаровывать собравшихся на банкет. Пойдемте к столу.

Анжелика поклонилась и направилась к выходу. И снова голос короля остановил ее:

— Сударыня, мне известно, что у вас есть сыновья. Они уже достаточно взрослые, чтобы взять их на службу?

— Нет, сир, они еще очень малы — семь и восемь лет отроду.

— Возраст дофина, а ему пора выходить из-под женской опеки. Я бы хотел, чтобы у него появились товарищи для игр и разного рода соревнований.

Анжелика поклонилась в третий раз и вышла, провожаемая завистливыми взглядами.

Глава 5

Целая армия слуг под командованием главного дворецкого накрывала на стол и готовила приборы, строго следуя дворцовому этикету. Все проверив, дежурный камергер пригласил избранных, допущенных к трапезе его величества. Все расселись на заранее приготовленные места, а в коридорах толпились те, кому не посчастливилось получить приглашение на сам банкет, и теперь они радовались возможности хотя бы увидеть короля.

Вот король появился на пороге трапезной залы, на секунду задержался, склонив голову в ответ на приветствия придворных, и затем проследовал за стол и сел на свое место. Монсеньёр, брат короля, поднялся и подал Людовику салфетку.

Стража в прихожей теснила толпу, освобождая место для процессии, походившей на церковную. Высокий вооруженный стражник сопровождал четырех слуг, несущих на плечах огромный ковчег, покрытый расшитым серебром покрывалом. В ковчеге находилось блюдо для короля.

Теперь мимо королевского стола медленно потянулась толпа торговцев, приказчиков и мастеровых — все старались запечатлеть в памяти мельчайшие подробности происходящего.

Король говорил мало, но внимательно следил за церемонией. Анжелика, выбравшая место в укромном уголке, видела, как он отвесил легкий поклон одной из дам и дворецкий тут же подал ей низенький табурет. Но большинство дам в зале, которым не позволялось сидеть в присутствии короля, оставались без табуретов. Среди них оказалась и Анжелика. Она безумно устала.

Стоявшая рядом мадам де Шуази зашептала ей на ухо:

— Я слышала, как король расспрашивал вас о сыновьях. Какая вы счастливая, дорогая! Не упускайте случая. Если ваши сыновья попадут в круг избранных, им откроется широкий путь. Воспитание, полученное при дворе, пригодится им на всю жизнь. Взгляните на моего сына. Я стала наставлять его, когда он был еще совсем маленьким. Сейчас ему нет и двенадцати, а он уже научился сам пробивать себе дорогу и скоро должен получить сан епископа.

Анжелику в тот момент меньше всего занимало будущее Флоримона и Кантора. Она мечтала утолить голод или хотя бы присесть. Стараясь не обращать на себя внимания окружающих, она незаметно вышла из

банкетного зала и приблизилась к группе придворных у карточного столика. За столом сидели в основном женщины. Когда мимо них проходили лакеи с блюдами, полными еды, они, не отрываясь от карт, руками выхватывали оттуда лакомства.

Высокая полная женщина вдруг поднялась с кресла и, подойдя к Анжелике, расцеловала ее в обе щеки. Это была Великая Мадемуазель — мадемуазель де Монпансье, дочь Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII.

— Я всегда восхищалась вами, дорогая. С вами двор обошелся несправедливо. Я пыталась узнать, где вы находитесь, но не осмеливалась спросить у короля. Каждая паша встреча с ним плохо начинается, а заканчивается еще хуже. И хотя он мой кузен, мы плохо понимаем друг друга. Но наконец-то вы здесь. Похоже, вы пытаетесь кого-то разыскать?

— Простите, ваше высочество, но я хотела найти место, чтобы присесть и отдохнуть.

Благородная принцесса оглянулась.

— Да, вам действительно нельзя здесь сидеть. Ведь с нами находится сама Мадам...

Анжелика узнала среди сидящих Генриетту Английскую, дочь Карла I, сестру Карла II, жену Филиппа Орлеанского, брата короля.

— Мое положение, — заметила Анжелика, — не позволяет сидеть даже в вашем присутствии, ваше высочество!

— Тут вы ошибаетесь. Вы женщина благородного происхождения, а я всего лишь одна из внучек Генриха IV. Так что в моем присутствии вы вполне могли бы сидеть, и я была бы только рада вашему соседству. Но поскольку здесь присутствует Мадам, которая замужем за Монсеньёром, то это абсолютно невозможно...

— Понимаю, — вздохнула Анжелика.

— Но, — продолжала Великая Мадемуазель, — включайтесь в нашу игру! Нам как раз требуется еще одна партнерша. Мадам Ариньи только что проиграла свое последнее су.

— А как же я смогу играть, не присев?

— Вот тогда вы сможете сесть, — ответила принцесса и подвела ее к Мадам, поглощенной картами и рассеянно улыбнувшейся Анжелике.

Но не успела молодая женщина присесть, как в гостиной появилась мадам де Монтеспан и, подойдя к ней, взяла ее за руку:

— Поторапливайтесь, я сейчас смогу представить вас королеве! — Анжелика извинилась перед Мадам и принцессой и помчалась вслед за подружкой.

— Атенаис, — говорила она на ходу, — вы должны просветить меня относительно одного церемониала. Мне уже объясняли, но я так и не поняла. Когда, при каких обстоятельствах и какого ранга дамы могут сидеть в присутствии высокопоставленных особ?

— Почти что никогда. Ни в присутствии короля, ни в присутствии королевы. Имеется целая куча правил и еще больше исключений из них. Вот почему получить право сидеть — мечта каждой дамы, так повелось с незапамятных времен. Когда-то это касалось только мужчин, а теперь распространилось и женщин. А вот банкетка или скамеечка для ног является символом высокого ранга или наибольшей милости. Вы приобретаете право сидеть на ней, если только входите в род короля или королевы. Правда, есть еще и другие способы.

— Какие?

— К примеру, игра в карты. Если вы играете, то можете сидеть даже в присутствии короля. То же самое при шитье. Лишь бы пальцы рук были заняты работой. Некоторые дамы сидят, просто держа в руках ленты. Так что путей все-таки много...

Королеву одевали и причесывали к вечернему приему. На столике лежали драгоценности, которые она поочередно примеряла.

Анжелика сделала реверанс, поцеловала королеву руку и отступила в сторону. Мысли ее вернулись к той инфанте, которую она видела в Сен-Жан-де-Люз во время королевской свадьбы. Куда подевались ее шелковистые пепельные волосы и тяжелые испанские юбки, длинные, как ее родословная? Королева была одета по последней французской моде, которая не совсем шла к ее полнеющей фигуре.

Заметив, что Анжелика внимательно разглядывает ее, королева произнесла:

— Посмотрите сюда. Вам нравится? В ее руке блестело алмазное ожерелье.

— О да, ваше величество! Камни хороши! Баркароль, игравший на полу с собачкой королевы, подмигнул ей, как бы напоминая об утреннем разговоре.

Когда туалет был закончен, все дамы вышли погулять по саду, благо погода стояла прекрасная. За разговорами они не заметили, как солнце село и на землю опустились сумерки. Кое-где стали зажигаться фонари, и все вернулись в замок, чтобы переодеться в вечерние туалеты.

Анжелика одевалась в комнате, отведенной камеристкам королевы. Мадам де Монтеспан обратила внимание Анжелики на то, что ее украшения слишком скромны для двора. До парижского особняка Ботрей

было далеко, и пришлось обратиться к помощи двух ювелиров из Ломбардии, всегда сопровождавших двор. За умеренную плату они ссудили ей необходимые драгоценности.

Молодая женщина вздохнула и вручила им «умеренную» плату в двести ливров. За такие день и она смогла бы приобрести по крайней мере пару браслетов.

Потом подруги спустились в большой зал, где начиналось представление. Кресла в нем были точно расписаны, и свободных не было. Анжелике пришлось остановиться в глубине зала, где шум аплодисментов из первых рядов заглушал все, что говорили на сцене.

— Как вы находите новую пьесу Мольера? — раздался вдруг голос над ее ухом. — Она весьма поучительна, не правда ли?

Голос показался таким приятным, что маркиза дю Плесси посчитала, что слышит его во сне. Но, обернувшись, увидела рядом Филиппа. Он был в розовом атласном костюме, отороченном серебряными галунами. Филипп улыбался.

Анжелика заставила себя ответить спокойно:

— Да, это одна из лучших пьес Мольера, но отсюда очень плохо видна сцена.

— Позвольте мне подобрать вам место?

Он обнял ее за талию и повел за собой. Они легко продвигались сквозь толпу. Придворные почтительно уступали дорогу главному ловчему, но такое обстоятельство сейчас мало радовало Анжелику. Они нашли место неподалеку от сцены, И хотя им пришлось стоять, видно и слышно было превосходно.

— Хорошее место, — заметил Филипп. — Мы можем видеть сцену, а король может видеть нас. Что же может быть лучше?

Не снимая руки с талии жены, он наклонился к ней так низко, что локоны его парика касались ее щеки.

Поразмыслив, она рассудила, что его поведение весьма подозрительно.

— Вам так необходимо приблизиться ко мне? — тихо прошептала она.

— Да, необходимо. Ваше поведение насторожило короля. А я не хочу, чтобы он сомневался в моей верности. Любое его желание ~ приказ для меня. И я его выполняю!

— Так вот в чем дело.

— Именно так. Смотрите мне прямо в глаза. Ни у кого не должно быть сомнений, что месье и мадам дю Плесси помирились.

— Вы так хотите?

— Так пожелал король... Спокойно, мадам! — Его рука стальным обручем сжала ее руку, но голос остался тихим и приветливым.

— Мне больно. Не будьте таким жестоким.

— Как бы я хотел иметь возможность быть им. Подождите, может, я и стану им еще. Но сейчас не время и не место... Смотрите, Арнольф заставляет Аньес читать одиннадцать правил поведения для женатых. Слушайте внимательно, мадам!

Но Анжелике было не до пьесы. Ее беспокоило присутствие Филиппа.

«Если бы я могла поверить, что он обнимает меня без ненависти, — подумала она, — безо всяких воспоминаний о нашей ссоре!..»

Она уже готова была сказать ему:

«Филипп, давайте перестанем вести себя как неразумные дети. Нас многое связывает, и я верю, что мы можем быть вместе. Вы для меня — все тот же старший кузен, которого я боготворила, когда была девочкой...»

Анжелика украдкой взглянула на Филиппа. Перед ней стоял сам бог войны Марс, жестокий и холодный, будто изваянный из мрамора.

Он носил парики и одежду со знанием дела и с оттенком какой-то скуки. И вместе с тем производил впечатление человека, лишенного всяких человеческих чувств. Анжелике показалось, что она представляет для него не больше интереса, чем простая деревянная статуэтка.

В «Школе жен» Мольер описал мужчин — от торговцев до дворян, — буянящих, когда их обманывают, и готовых тут же оказаться в глупом положении при взгляде пары блестящих глазок смазливой девчонки. Но великий драматург ни разу не описал в своих пьесах человека, даже отдаленно похожего на Филиппа дю Плесси-Белльера. И Анжелика никак не могла проникнуть в его мысли.

— Мольер весьма ловок, — сказал Филипп, когда пьеса закончилась и они вернулись в танцевальную залу, — Он никогда не забывает, что пишет для короля и для его двора. Он так хорошо понимает человеческую природу, что каждый из нас без труда узнает себя в его персонажах. Впрочем, обижаться тут не на что.

«А Филипп не так уж глуп», — подумала Анжелика, не отвечая.

Он снова взял ее за руку, и молодая женщина вся сжалась от дурного предчувствия.

— Вы ведете себя так, будто я обжег вас, — заметил Филипп. — Я больше не буду оскорблять вас на людях. Давайте поговорим о наших делах. Вы выиграли первый тур, женив меня на себе. Второй выиграл я, наказав вас, но, кажется, меньше, чем вы заслуживаете. Потом снова выиграли вы, прибыв в Версаль, несмотря на мой запрет. Началось новое

состязание. Сначала я победил — я похитил вас. Но вы сбежали, и я даже не знаю, как это вам удалось. Чья же очередь теперь?

— Пусть решит судьба.

— И оружие, которым владеет каждый из нас! Может быть, опять ваш черед выигрывать. У вас хорошие возможности. Но я хочу предостеречь вас — окончательная победа останется за мной.

У меня репутация человека упорного и умеющего пользоваться оружием. Я готов поспорить, что с моей помощью вы в конце концов окажетесь в монастыре безо всякой надежды выбраться оттуда.

— А я готова поспорить, что вскоре вы просто потеряете голову от любви ко мне.

Филипп помрачнел. У него перехватило дыхание. Он даже захлебнулся от гнева, услышав такое дикое предположение.

— Хорошо, — продолжала Анжелика, — давайте спорить! Вы первый предложили пари. Если вы выиграте, то я передам вам все мои деньги, все предприятия и корабли. Какая мне от них будет польза, если я окажусь запертой в монастыре, доведенная до сумасшествия вашими издевательствами?

— Вы смеетесь надо мной? — воскликнул он с угрозой в голосе. — Ладно, смейтесь!

— А что мне остается делать? Не могу же я все время плакать! — гордо вскинула она голову, и под драгоценным ожерельем на ее шее он увидел синяки. — Но если выиграю я, Филипп, вы отдадите мне золотую цепь — вашу семейную реликвию, которую старший сын вашего рода надевает на шею своей суженой. Я не могу точно вспомнить историю, с ней связанную, но, говорят, она обладает волшебной силой и придает женщинам из рода дю Плесси мужество.

— Цепь вам совершенно ни к чему, — парировал Филипп. И широким шагом пошел прочь.

В голове Анжелики теснилось так много мыслей, что обратный путь из Версаля в Париж показался ей коротким.

Привычная тишина дворца Ботрей успокоила ее. Она поужинала и легла спать.

Проснувшись утром и набросив на себя батистовый пеньюар, Анжелика уселась поудобнее в кресло перед письменным столом и написала отцу в Пуату, приглашая в Париж с Флоримоном и Кантором. Но когда она захотела вызвать личного посыльного, исполняющего обязанности почтальона, слуга напомнил ей, что тот еще несколько дней назад скрылся и что в ее конюшне не осталось ни лошадей, ни экипажей,

ни слуг.

Анжелика сдержала гнев. Она только приказала не принимать обратно предателей, если кто-то из них вернется, и не выплачивать им последнего жалованья. Мэтр Роже, дворецкий, заметил, что шансов на возвращение слуг мало, ибо их взял на службу маркиз дю Плесси. Да и все лошади вместе с экипажами переместились туда же.

— Теперь распоряжаться здесь буду только я! — воскликнула Анжелика.

И приказала Роже немедленно отправиться на Гревскую площадь и нанять новых лакеев, а затем на ярмарку в Сен-Дени — за четверкой новых лошадей, да прикупить пару под седло. Затем заказать экипаж с эмблемой на дверцах в виде золотого колеса — такой же, что была на ее прежних экипажах.

Конечно, сейчас она выбрасывала деньги на ветер. Филипп совершил кражу, ни больше, ни меньше. Подать на него в суд? Нет, ей не остается ничего другого, как терпеть.

— А как быть с письмом в Пуату?

— Отправьте его городской почтой.

— Но почты не будет до среды.

— Ничего. Письмо может подождать.

Немного успокоившись, Анжелика вызвала портшез и поехала на набережную Межиссери, где располагалась ее лавка с экзотическими птицами. Там она выбрала красивого попугая, ругавшегося не хуже пирата. Анжелика знала, что эта брань не оскорбит слуха прекрасной Атенаис, скорее наоборот. К подарку она добавила негритенка, в одежде такой же пестрой, как оперение попугая. Черные кожаные ботинки на его ногах блестели, как и физиономия.

Анжелика знала, что мадам де Монтеспан будет тронута такой щедростью. Игра стоила свеч. Атенаис, пожалуй, единственный человек, способный направить ее на верный путь.

На следующий день молодая женщина решила, что не может обойтись без королевского двора, и отправилась в Сен-Жермен, который Людовик XIV уже в течение трех лет считал, своей излюбленной резиденцией.

Глава 6

Первый снег выпал рано, и весь двор отправился в Фонтенбло. Серые тучи низко нависали над вереницей повозок и экипажей, двигавшихся по полям, укрытым чистым белым снегом. Казалось, весь Париж был на марше. Когда спустились сумерки и зажгли факелы, процессия добралась до ворот дворца.

Анжелика разглядывала попутчиков, то ли искала Филиппа, то ли боялась встретиться с ним — она и сама не могла решить. Хотя отлично понимала, что добра от их встречи не будет. Она знала, что ей надо быть начеку, ибо, повстречавшись с Филиппом, могла не сдержаться и выдать все свои чувства. Ведь она до сих пор мечтала, что ее детские желания все-таки сбудутся. В душе Анжелика оставалась все той же маленькой девочкой, благоговевшей перед своим великолепным кузеном.

«Как долго, — думала она, — живут в нас наши детские мечты!»

В первый день своего пребывания в Фонтенбло она так и не увидела Филиппа. Он был занят приготовлениями к предстоящей охоте. Придворные передавали друг другу истории о волках, перетаскавших всех овец и терроризировавших местных крестьян. Рассказывали даже о десятилетнем мальчике, на которого напали волки и загрызли насмерть. Деревенские жители говорили о вожаке стаи, размером с хорошего теленка. Он разгуливал по окраинам деревушек, и ничто не могло напугать его. По ночам люди слышали его вой и рычание прямо под дверями своих домов. Дети жались к матерям и плакали от страха. Никто не отваживался ходить по улицам с наступлением темноты.

Рассказы о таких страшилищах были всем известны с детства. Едва ли нашелся бы хоть один кавалер, не слышавший и не боявшийся подобных историй.

Охота неожиданно приобрела черты освободительной кампании, ибо все горели желанием избавиться от чудовища. Десятки крестьян, вооруженных пиками и вилами, добровольно присоединились к загонщикам.

Звук охотничьего рога разбудил эхо в поросших лесом ущельях Фонтенбло. Бодрые его звуки всколыхнули в памяти Анжелики давно забытые образы. Она опустила поводья и прислушалась.

Ах, лес!.. Сколько же времени прошло с тех пор, как она была во власти его очарования! Сырой пронзительный ветер, наполненный запахом

опавших листьев, смыл с души смрад и зловоние Парижа и отнес ее мысли вспять, к дням детства. Будто вновь она карабкалась по ветвям, усеянным красными яблоками, будто снова слышала шорох снега, осыпавшегося с верхушек деревьев. Она увидела вдруг ярко-красные ягоды вечнозеленого падуба, выглядывающие из зарослей, и тут же вспомнила, как собирала их горстями накануне Рождества, Как давно все это было! Неужели одной маленькой веточки достаточно, чтобы перекинуть мост через пропасть, лежавшую между Анжеликой де Сансе и маркизой дю Плесси-Белльер? Ее охватило чувство непередаваемой радости.

Спрыгнув с лошади, она привязала Цереру к кусту орешника и подбежала к падубу. Из безделушек, подвешенных к поясу, она выбрала небольшой нож с отделанной жемчугом рукоятью, которым пользовалась, разрезая фрукты.

Она совсем не обратила внимания на то, что звуки рога и крики охотников удаляются, не заметила, как насторожилась Церера и вдруг рванула поводья. Анжелика обернулась. Церера, оторвав от куста поводья, умчалась прочь.

— Церера! — крикнула Анжелика. — Церера!..

И тут только она сообразила, что заставило сбежать лошадь. Сквозь густые заросли кустарника показались неясные очертания крупного зверя.

Волк!

Когда зверь вышел из зарослей, она поняла, что перед ней гроза всей округи. На двигаясь и не моргая, волк смотрел на Анжелику дикими дьявольскими глазами. Он был огромен, и его серая окраска сливалась с тенью густых зарослей.

Анжелика пронзительно завизжала. Зверь слегка отступил, а потом стал медленно приближаться, раскрыв пасть и обнажив огромные клыки. В любое мгновение он мог прыгнуть.

Затравленно оглянувшись, Анжелика увидела нависавший над ней высокий каменный утес. «Я должна успеть взобраться на него, — мелькнула мысль, — и как можно выше!..»

Изловчившись, она ухитрилась вскарабкаться на нижний выступ. Но схватиться руками было не за что. Пальцы скользили по гладкой отвесной каменной стене.

Зверь тоже прыгнул, но поймал лишь подол амазонки. Тогда он улегся и принялся терпеливо ждать. Его желтые глаза пристально следили за ней.

Анжелика отчаянно закричала. Сердце билось так сильно, что она ничего не слышала, кроме его барабанного стука. Мозг усиленно работал, по выхода из ужасного положения попросту не существовало.

Она лихорадочно вспоминала слова каких-то молитв.

— Боже, Боже милостивый! Не дай мне умереть такой глупой смертью... Сделай что-нибудь!..

Неожиданно рядом раздался топот копыт. Подняв тучу снежной пыли, всадник спрыгнул наземь. Как во сне, она узнала в высоком человеке своего мужа, маркиза дю Плесси. Тот в одну секунду оценил ситуацию.

Волк метнулся навстречу новому противнику, но, замерев, насторожился. Филипп медленно приближался, сжимая в руке охотничий нож. Когда между ними оставалось около двух метров, зверь прыгнул, обнажив огромные желтые клыки.

Быстрым, как молния, движением Филипп выбросил вперед левую руку, упираясь в волчье горло, а правой полоснул по его брюху. Кровь фонтаном брызнула на снег, животное скорчилось в предсмертных судорогах.

Со всех сторон стали появляться всадники. Лакеи хлыстами отгоняли беснующихся собак от волчьего трупа.

— Отличная работа! — похвалил маркиза дю Плесси подъехавший король.

В общей суматохе на Анжелику никто не обратил внимания. Она спрыгнула с уступа, отряхнула платье и поправила шляпу. Один из егерей подвел к ней лошадь. Он одним из первых прискакал за Филиппом и сам видел заключительную сцену охоты.

— Вы крепко нас напугали, мадам! Мы знали, что волк где-то поблизости. И когда увидели вашу лошадь с пустым седлом и услышали ваш крик... Клянусь честью, мадам, я впервые в жизни увидел, как поблел наш главный ловчий.

Анжелика увидела Филиппа лишь на празднестве, устроенном в честь удачной охоты. Она боялась подойти к нему, помня окровавленный камзол и свирепый взгляд, которым он наградил ее, когда она садилась на лошадь. Несомненно, он испытывал огромное желание вздуть ее как следует. И тем не менее она посчитала, что благодарная жена за спасение своей жизни хотя бы и собственным мужем должна по меньшей мере словесно поблагодарить его.

— Филипп, — обратилась она к мужу, сумев привлечь его внимание между переменами блюд, — я очень признательна вам. Страшно подумать даже, что было бы со мной, если бы не вы!

На мгновение он замешкался, ставя бокал на поднос проходившего мимо лакея, а затем резко повернулся и с силой схватил ее за талию.

— Если вы не умеете или не знаете, как вести себя на охоте, —

прошипел он, — то вам лучше сидеть дома за шитьем. Вечно вы ухитряетесь поставить меня в затруднительное положение. Вы просто неотесанная лавочница, и я все равно найду способ избавиться от вас и удалить от королевского двора.

— Тогда почему же вы не позволили волку закончить свое дело?

— Я должен был убить волка! А происходившее с вами вовсе не тревожило меня. Перестаньте смеяться, у вас настоящая истерика. Вы до сих пор считаете себя неотразимой и воображаете, что любой мужчина с радостью отдаст за вас жизнь. Я — человек иного склада, и когда-нибудь вы поймете, если эта мысль еще не дошла до вас, что я и сам настоящий волк!

— Я не верю, Филипп!

— Я могу доказать, — произнес он с жесткой усмешкой, предупреждавшей о том, что скоро наступят худшие дни. Затем он нежно взял ее руку и поднес к своим губам. — Тот барьер, сударыня, который воздвигли вы между мной и собой в день нашей свадьбы, никогда не будет разрушен. Запомните мои слова на всю жизнь! — И он яростно укусил ее за пальцы.

Анжелика призвала на помощь все свое самообладание, чтобы не вскрикнуть от боли. Отпрянув от Филиппа, она сильно толкнула принцессу, встававшую из-за стола. Побледнев, она в смущении пробормотала:

— Простите меня, ваше высочество!

— Вы так неловки, моя дорогая... А стоявший рядом Филипп добавил:

— Вам следует следить за собой, сударыня. Вы слишком много выпили.

Его глаза злобно блеснули. Он поклонился принцессе и покинул женщин, присоединившись к проходившему мимо королю.

От боли Анжелика почувствовала себя ослабевшей. Дрожа, она вышла в вестибюль, где было прохладней, и присела на софу. Рука посинела, а на месте укуса запеклись капельки крови. Какой же он все-таки негодяй! Теперь сплетня о том, что мадам дю Плесси напилась и толкнула принцессу, быстро разлетится в обществе. Да, у нее еще мало опыта пребывания при дворе...

Ее заметил приходивший мимо де Лозен.

— Я в самом деле хочу отругать вас, мадам, — начал он. — Опять одна! Всегда одна! При дворе и в такой прекрасный день! Да еще спрятавшись в углу, который называется «приютом Венеры»... Вы пренебрегаете основными законами, принятыми в хорошем обществе, да к

тому же еще идете против законов природы.

Маркиз подсел к ней и принялся распекать ее, как отец непослушную дочь:

— Что вас беспокоит, дорогая? Что за демон меланхолии вселился в вас, и вы решились отвергнуть все наши комплименты и ухаживания, которые мы так галантно предлагаем? Или вы забыли, что небеса одарили вас очаровательной внешностью? Ладно, Анжелика, не принимайте мои слова всерьез... — Он протянул руку к ее подбородку и, слегка коснувшись пальцами, повернул к себе ее лицо.

— Так вы плачете! Из-за мужчины?

— Разве... разве я плачу?.. — Рыдания сдавили ей горло, и она лишь кивнула головой.

— Ну-ну, — сказал Лозен. — Настоящее преступление! Вы должны заставлять плакать других! Крошка моя, на земле нет такого мужчины, который был бы достоин одной слезинки в ваших глазах. Даже я хотел бы...

Молодая женщина попыталась улыбнуться:

— Ах, все не так уж плохо. Я просто изнервничалась. И чувствую себя нездоровой...

— Что же у вас болит?

Она молча показала ему руку.

— Какое чудовище посмело? — с возмущением воскликнул де Лозен. — Назовите мне его имя, и я тут же потребую удовлетворения...

— Не принимайте близко к сердцу, Пегилен. К сожалению, он имеет на меня права.

— Так вы имеете в виду вашего мужа, нашего красавца маркиза?

В ответ Анжелика залилась слезами.

— Чего же еще можно ожидать от мужа?! — с негодованием продолжал Пегилен. — Но что вас заставило выбрать именно его? И почему вы так настойчиво ищете с ним встреч?

Анжелика зарыдала еще сильнее.

— Ну, хватит, хватит... — ласково успокаивал ее Пегилен де Лозен. — Не надо так убиваться. Из-за мужчины, да еще из-за мужа, фи! Золотко мое, слезы совсем не в вашем стиле. Я уже давно хотел поговорить с вами о деле. Но сначала осушите свои глазки!..

Он вынул из кармана батистовый платок и осторожно промокнул им ее щеки и глаза. Она вздохнула и благодарно посмотрела на него. Он улыбнулся в ответ:

— Вам лучше?

— Немножко.

— Мы все уладим, — пообещал де Лозен.

Несколько секунд он молча смотрел на нее. Альков, в котором они находились, был в отдалении от коридоров. Почти все его пространство занимала софа. Тяжелый занавес скрывал их от любопытных глаз. Лучи заходящего солнца косо светили в окно, но уже надвигались ранние зимние сумерки. Мраморные урны на террасе и замерзшие лужи у фонтанов блестели в вечерней морозной дымке.

— Так это и есть «Приют Венеры»? — спросила Анжелика еще не окрепшим голосом.

— Да, здесь мы надежно укрыты, насколько вообще при дворе можно укрыться от любопытных глаз. Нетерпеливые любовники часто приходят сюда принести свои жертвы на алтарь любимого божества. Неужели вы считаете себя вправе игнорировать нашу богиню?

— Игнорировать богиню любви? Скорее, я намерена осуждать ее за то, что она отвернулась или вообще отреклась от меня!

— Ну, я совсем не уверен в этом, — мечтательно произнес он.

— Что вы имеете в виду, Пегилен? Он тряхнул головой, положил подбородок на пальцы и глубоко задумался.

— Проклятый Филипп, — вздохнул он. — Кто может знать, что под красивой личиной скрывается такой негодяй? Уж не воспользовались ли вы каким-нибудь порошком, растворенным в его стакане с вином, чтобы специально отвратить его от себя? Говорят, ЛаВуазен с улицы Фобур Сент-Оноре может приготовить снадобья, чтобы умерить пыл горячих любовников, а также и для тех, кто слишком холоден, чтобы приносить жертвы на алтарь Венеры. Я слышал о препарате, который называется пельвиль...

— Я не сомневаюсь в существовании таких препаратов, но не прибегаю к их помощи. К тому же у меня нет возможности заполучить стакан с вином для Филиппа.

Глаза Пегилена удивленно округлились:

— То есть ваш муж настолько безразличен к вашим чарам, что и не посещает вас?

— Так оно и есть, — вздохнула Анжелика.

— О чем же думает ваш, извините, муж?

— Я не знаю.

— Так... А тогда... ваши... любовники?

Она не ответила.

— Хотите сказать, что у вас никого нет?

— Конечно, нет, Пегилен. Клянусь вам!

— Не-по-сти-жи-мо!.. — Он был поражен, будто ему сообщили о самой страшной катастрофе. — Анжелика, за это вас следовало бы высечь.

— Почему? — вскинулась она. — Тут не моя вина.

— Вина целиком и полностью ваша. С такой фигурой, с такими глазами и с такой улыбкой только вас и нужно винить в подобном упущении. Вы совершенно нормальное существо, но, к сожалению, злое и страшное, — он приложил палец к ее лбу. — Что творится в вашей прелестной головке? Неужели ничего, кроме расчетов, деловых контактов и политики, способных заинтересовать только Кольбера! Делец-старикан может привлечь ванте внимание, а юноша, ослепленный вашей красотой, не удостоится его, если только дело не будет связано с его деньгами... И вместе с тем лицо ангела, глаза, в бездонной глубине которых мужчина может утонуть, губы, зовущие к поцелую! Ваша холодность — жестокая, изощренная пытка! Вы похожи на богиню, являющуюся только в мечтах. И для кого все это? Ответьте же мне!

Анжелика была смущена его пылкой речью.

— Происки дьявола! Что может женщина делать лучше, чем заниматься любовью? А вы, эгоистка, спрятались в неприступную башню.

Такая настойчивость удивила ее.

— Ваши слова, Лозен, верны лишь отчасти. Кто здесь может меня понять? Вы ведь никогда не были в аду!..

Внезапно она почувствовала страшную усталость. Она откинула голову и закрыла глаза. Еще несколько минут назад она пылала, а теперь чувствовала, как кровь стынет в жилах. Вдруг захотелось выплакаться Пегилену и просить его помощи, но интуитивно она почувствовала, что откровенность может вовлечь ее в большую опасность, и решила переменить тему.

— Кстати, Пегилен, — выпрямившись, игриво спросила она, — вы получили назначение?

— Нет, — без выражения ответил он.

— А почему?

— Вы пытаетесь отвлечь меня, но ваша уловка вам не удастся. По правде, новое назначение совсем не волнует меня. А вот как вы можете строить свою жизнь, руководствуясь только головой, а не этим? — И он вдруг положил руку ей на грудь.

— Пегилен! — вскочила она. Он обхватил ее правой рукой, а левой подбил под колено. Потеряв равновесие, она упала на софу.

— Спокойно, — приказал он, склоняясь над ней. — Расслабьтесь,

мадам. Дайте доктору поставить диагноз. Дело серьезное, но не безнадежное. А ну-ка, назовите мне имена тех дворян, которые днем толпятся возле вас, а ночью, вздыхая, ворочаются с боку на бок?

— Вы думаете, что их так много?

— Я запрещаю вам притворяться!

— Но, Пегилен, клянусь, я действительно не понимаю, на что вы намекаете.

— И вы не замечаете, как маркиз де Лавальер порхает взбесившейся бабочкой, когда вы появляетесь? А Вивонн, брат Атенаис де Монтеспан, который в вашем присутствии ведет себя, как ребенок? А комплименты де Бриенна? А Сент-Эньян? И даже храбрый де Лувуа бледнеет, когда заговаривает с вами...

Анжелика хихикнула от удовольствия.

— Я запрещаю вам смеяться! — прервал ее Пегилен. — Если вы сами ничего не замечаете, то, значит, ваша болезнь зашла еще дальше, чем я думал. Неужели вы не чувствуете жар того пламени, которое сами же разжигаете? Черт побери, не иначе, вы — саламандра... — И он коснулся пальцем ее нежной шеи.

— Вы не упомянули себя среди перечисленных мужчин, месье Пегилена де Лозена.

— Только не я, — быстро ответил он. Я бы никогда не посмел. Я слишком напуган...

— Мной?

— Да, вами. И всем, что окружает вас. Вашим прошлым, вашим будущим. Вашими тайнами.

Анжелика на мгновение впилась в него взглядом, а затем с рыданиями уткнулась в его грудь... Старый, добрый друг, неразрывными узами связанный с ее прошлым. Во всех ее прежних невзгодах он ухитрялся появляться вовремя, как Петрушка в кукольном театре. И вот теперь он снова был здесь, рядом.

— Нет, нет! — решительно заявил он. — Такой риск не по мне. Уколы сердечной боли страшат меня. Не ждите, мадам, что я приму участие в ваших любовных играх.

— А что же вы делаете сейчас?

— Успокаиваю. А это не одно и то же. Он водил пальцем по ее шее возле жемчужного ожерелья, матово блестящего на белой коже.

— С вами так жестоко обращаются, — прошептал он, — а нынче вечером вам нанесли тяжкую обиду. Черт побери, да перестаньте же напрягаться! Ей-богу, можно подумать, что вас никогда не касалась рука

мужчины. Право же, мне чертовски хочется преподать вам небольшой урок...

Он склонился над ней. Она попыталась выскользнуть, но он крепко держал ее.

— Хватит дразниться, крошка! Час мести пробил! К тому же я сгораю от желания как следует приласкать вас и уверен, что вы в этом очень нуждаетесь. — Он принялся целовать ее веки, потом виски, а затем его горячие губы коснулись уголка ее рта.

Она вздрогнула, и внезапный порыв животной страсти пронзил ее. К тому же обычное женское любопытство подстрекало воспользоваться случаем и испытать таланты известного придворного донжуана.

Пегилен был прав. Филипп теперь ничего не значил для нее. Она понимала, что никогда уже не сможет жить, как прежде, в уединении, среди своих драгоценностей и роскошных туалетов, вдали от блистательной дворцовой жизни. Теперь она станет похожей на других и будет жить, как все, в водовороте измен и интриг. Пусть напиток отравлен, но он сладок. Она выпьет его целиком, до дна. А потом — будь что будет!

Ласковые прикосновения Лозена сломили ее сопротивление. Губы Пегилена вновь и вновь касались ее рта, она понемногу приоткрывала губы, а затем и сама стала поддаваться страсти и отвечать на поцелуи.

Внезапно вспыхнули факелы, закрепленные на стенах прохода. Анжелика, оказывается, не обратила, внимания на то, что они лежали в полной темноте. Слуга поставил шестирожковый канделябр на столике возле алькова.

— Эй, парень! — прошептал Лозен, выглядывая из-за занавеса. — Убери светильник!

— Не могу, месье. Меня лишат места.

— Тогда погаси три-четыре свечи! — И Пегилен ловко сунул в руку слуге монету.

Вернувшись на софу, он теперь откровенно и дерзко заключил Анжелику в свои объятия.

— Как вы восхитительны! Как сладостно находиться рядом с вами, как горячи ваши губы!

Предвкушение наслаждения сводило Анжелику с ума. Она стонала и покусывала его уши, а он в ответ только ласково смеялся:

— Полегче, маленькая самочка! Ты полностью получишь все, что хочешь.

Она отдалась ему. Ее пылкое, неистовое тело сгорало от желанной страсти. Она уже не сознавала, ни где находится, ни кто ее партнер, ни чьи

прикосновения приводят ее в трепет.

— Дитя мое, вы немало нагрешили, но учитывая ваше раскаяние и усердие, с которым вы искупали свои грехи, я буду ходатайствовать перед маленьким божком Эротом о вашем прощении. Во искупление греха вы должны...

— Замолчите, вы ужасны, — произнесла она, оставаясь еще в его объятьях.

Пегилен поднес к губам ее локон. К своему удивлению, он не испытывал чувства пресыщения, наступавшего обычно вслед за удовлетворением. В чем дело? Пегилен не знал.

— Анжелика, ангел мой, боюсь, я забыл о всех своих добрых пожеланиях. Я сгораю от желания узнать вас еще лучше. Не придете ли вы ко мне сегодня ночью после ухода короля? Умоляю вас.

— А как же быть с мадам де Рокелор?

— К черту ее!

Анжелика приподнялась с его плеча и завязала на груди шнурок корсета. Пегилен не понял, принимает она его предложение или нет, потому что буквально в двух шагах от себя в неровном свете коридорного канделябра увидел неподвижную мужскую фигуру. Ему не пришлось гадать, он сразу узнал Филиппа. Неоднократно побывав в такого рода положениях, он быстро привел себя в порядок.

— Месье, ваши условия? Я к вашим услугам...

— А моя жена к услугам любого, — медленно произнес Филипп. — Пожалуйста, не беспокойтесь, маркиз! — Он так же медленно поклонился Пегилену и молча удалился от алькова.

Маркиз де Лозен остолбенел.

— Дьявол! — выругался он. — Я еще не видел таких мужей! — И, схватив шпагу, кинулся догонять главного ловчего.

На полном ходу он ворвался в зал Дианы, куда как раз входил король в сопровождении семьи.

— Сударь! — воскликнул де Лозен звенящим голосом. — Ваше поведение оскорбительно. Я жду удовлетворения. Пусть мне ответит шпага!

Филипп дю Плесси-Белльер ледяным взглядом смерил своего слишком горячего противника:

— Моя шпага, сударь, принадлежит королю. И я никогда не обнажу ее за честь шлюхи.

Возбужденный де Лозен перешел на родное гасконское наречие и закричал:

— Я наставил вам рога, сударь! И теперь требую удовлетворения!

Глава 7

При свете туманного утра Анжелика села на край постели. В голове шумело, а во рту ощущался кислый привкус. Она попыталась взять со столика зеркало, но почувствовала боль. Рука распухла. Взглянув на ранку, она тут же вспомнила о Филиппе.

Анжелика вскочила с кровати. Ей нужно узнать последние новости о Филиппе и Лозене. Удержал ли их король от дуэли? Ну, а если они все же дрались, то что ожидает оставшегося в живых — арест, тюрьма, ссылка?

Дело совсем не в том, как она относится к случившемуся, она сама оказалась в ужасном положении. Скандал, грандиозный скандал! Она сгорала от стыда при одном воспоминании о Фонтенбло.

Мысленно Анжелика снова воспроизвела сцену, когда Филипп и Лозен с криками бросились друг на друга прямо на глазах у короля. Придворные растащили их, и держали за руки разъяренного гасконца, беспрерывно восклицавшего: «Я наставил вам рога, сударь!..» - а глаза всего двора были устремлены на нее, алую от смущения, застывшую в центре зала.

Теперь она уже не могла вспомнить, каким чудом ей удалось приблизиться к королю, сделать глубокий реверанс и удалиться сквозь две шеренги придворных, хихикавших, перешептывавшихся и смолкавших при ее приближении. Она сохраняла достоинство, двигаясь степенно и неторопливо. И, лишь дойдя до скупой освещенной лестничной площадки, помертвев, без сил опустилась на скамью. Здесь ее нашла мадам де Шуази. Второпях сглатывая слюну, благородная дама сообщила ей, что король лично отчитал маркиза де Лозена, что принц заступился за обманутого мужа и что все надеются, что ссора скоро уладится. Конечно, мадам дю Плесси должна понимать, что ее дальнейшее пребывание при дворе нежелательно и что мадам де Шуази послана самим королем, настоятельно рекомендуя маркизе дю Плесси немедленно покинуть замок Фонтенбло.

Анжелика выслушала приговор с каким-то облегчением. Она поспешила в свою карету и приказала гнать лошадей в Париж, несмотря на недовольное ворчание лакеев, опасавшихся грабителей.

«Такая уж у меня судьба, — думала она. — Каждый день и каждую ночь придворные дамы обманывают своих мужей. А как только я в первый раз попыталась сделать то же самое, сразу разразился гром. Как мне не

везет!..»

Подъехав к особняку Ботрей, она вышла из кареты и позвонила. Дверь отворили, и появились Жавотта и Тереза, зевавшие и протиравшие глаза. Она приказала им помочь ей переодеться, а Флипо послала в отель дю Плесси разузнать там все как следует и тут же торопиться назад.

Анжелика заканчивала свой туалет, когда шум въехавшего во двор экипажа заставил ее похолодеть. Сердце громко застучало. Кому понадобилось пожаловать к ней в шесть часов утра? Она выбежала на лестницу, спустилась на пару ступеней и посмотрела вниз.

По вестибюлю шел Филипп в сопровождении Ла-Виолетта, несшего в руках две шпаги.

— Я только что убил месье де Лозена, — проговорил маркиз, поднимая голову.

Анжелика вцепилась в перила, чтобы не упасть. Сердце ее забилось еще сильнее.

Филипп жив!

Она сбежала по ступеням. Подойдя поближе, она увидела, что камзол мужа забрызган кровью. Лево́й рукой он поддерживал правую.

— Вы ранены? — спросила она слабым голосом. — Серьезно? Пойдемте, я перевяжу вас!

И, поддерживая его, она повела мужа в свою комнату. Он сильно ослаб и шел за ней, не говоря ни слова, а затем тяжело рухнул в кресло и закрыл глаза. Лицо его было бледным как полотно.

Трясущимися руками Анжелика взяла ножницы и принялась разрезать окровавленную одежду. Одновременно она потребовала, чтобы принесли горячей воды и целебный бальзам.

— Выпейте, — сказала она, подавая бокал вина, когда Филипп пришел в себя.

Рана оказалась неглубокой. Шпага скользнула под левым плечом по ребрам. Анжелика промыла рану и наложила повязку с бальзамом, Филипп терпеливо перенес операцию, не дрогнув ни единым мускулом. Казалось, он пребывал в глубоком раздумье.

— Интересно, как же будет соблюден этикет? — вымолвил он наконец.

— Какой этикет?

— Моего ареста. По правилам, лишь капитан королевской охраны имеет право арестовать дуэлянтов. А маркиз де Лозен и есть тот самый капитан. Не может же он арестовать самого себя!

— Конечно, не может, — заметила Анжелика с нервным смехом. —

Ведь он мертв!

— У него нет даже царапины.

— Но вы только что сказали мне, что...

— Я хотел увидеть, мадам, как вы упадете в обморок...

— Я не собиралась падать в обморок из-за Пегилена де Лозена, хотя знаю его много лет. Я, конечно, огорчилась, но... Филипп, значит, побежденным оказались вы?

— Пришлось сделать все, что было в моих силах, чтобы прекратить эту дурацкую шутку. Я не собирался терять двадцатилетнюю дружбу с Пегиленом из-за пустяка...

Он побледнел, глаза его заволок туман.

— Как это вас назвал король? — продолжал он. — Кажется, куколкой?

— Филипп, какая несуразица! И подумать только, вы спасли мне жизнь! Почему все так получается? Ведь я могла бы любить вас...

Маркиз повелительно поднял руку, призывая ее к молчанию:

— Тише! Кажется, они уже здесь!

Со стороны лестницы раздался звон шпор и бряцание оружия. Затем дверь в спальню медленно отворилась, и вошел граф де Кавуа.

— Кавуа, — беззаботно обронил Филипп, — вы прибыли, чтобы арестовать меня?

Граф слегка наклонил голову.

— Ну что ж, достойный выбор. Вы являетесь полковником мушкетеров и по своему положению следуете за капитаном королевской охраны. А что с Пегиленом?

— Он уже в Бастилии.

— Я тоже к вашим услугам. Сударыня, прошу вас, накиньте плащ мне на плечи!

Одно упоминание о Бастилии повергло Анжелику в ужас. Еще одного мужа оторвут от нее. Губы ее дрожали, она читала молитву.

— Месье Кавуа, только не в Бастилию, я умоляю вас! — вдруг воскликнула она.

— Простите, сударыня, но таков приказ короля, вы же знаете, что маркиз дю Плесси нарушил королевский эдикт, запрещающий дуэли. Но не беспокойтесь, в тюрьме ему будет неплохо, и его слуга будет рядом. — Кавуа предложил Филиппу руку, и тот оперся на нее.

Анжелика застонала, как раненый зверь;

— Только не в Бастилию... Заприте его куда угодно, но только не в Бастилию!

Оба дворянина стояли уже около дверей. Филипп медленно

обернулся:

— А куда бы вы посоветовали запереть меня, мадам? Может быть, в Шатле, вместе со всяким сбродом?

Да, все начиналось сызнова. Бесконечное ожидание, отсутствие вестей, бездействие. Вновь перед ней проходили видения недавнего прошлого, и порой ей казалось, что она сходит с ума. Служанки, подавленные горем госпожи, которую привыкли видеть деловой и решительной, пытались помочь ей найти выход.

— Вам надо повидаться с мадемуазель де Ланкло, мадам! - наконец придумали они.

Почти насильно они одели ее в костюм для светских визитов и усадили в карету.

Совет служанок оказался отличным. Мадемуазель де Ланкло — Нинон для близких друзей, — с ее богатым житейским опытом, была единственной женщиной, способной выслушать жалобы бедной Анжелики, не боясь сплетен и пересудов. Она сразу ласково обняла молодую женщину и, пока мадам дю Плесси приходила в себя, рассказала о подобных же случаях, когда мужа дрались на дуэли, спасая свою честь.

— Но ведь Бастилия?! — название тюрьмы огненным клеймом горело перед глазами Анжелики.

— Люди выходят и оттуда, дорогая!

— Только чтобы попасть на костер!

Хозяйка очаровательной гостиной постучала пальчиком по лбу своей гостьи:

— Что вам пришло на ум, моя милая? Видимо, в прошлом вам пришлось испытать нечто такое, что и сейчас лишает вас мужества и самообладания. Для нашего короля Бастилия является чем-то вроде темного чулана. Благородные дворяне проводят там некоторое время, расплачиваясь за свои дерзкие поступки. К примеру, де Лозен попадает туда уже в третий раз. А может, и в четвертый. Его судьба показывает, что, побывав в Бастилии, можно занять при дворе такое же видное положение, как и раньше. Так пусть король наказывает непослушных. Через некоторое время он первый будет рад увидеть «гадкого де Лозена и такого необходимого ему главного ловчего...

Анжелика несколько успокоилась и подумала, что ее опасения преждевременны и глупы.

Нинон де Ланкло порекомендовала ей пока ничего не предпринимать и сидеть молча.

— Один скандал следует за другим. Двор всегда полон ими. Терпение!

Я готова поспорить, что уже через неделю у наших сплетниц появится свежая, еще более острая тема!

По ее предложению Анжелика решила несколько дней прожить в монастыре кармелиток, куда поступила послушницей ее младшая сестра Мари-Аньес.

Зеленоглазая, с таинственной улыбкой на губах, Мари-Аньес де Сансе походила на ангела с соборного портала. Ей только что исполнился двадцать один год, и жизнь, проводимая в молитвах и уединении, казалось, мало соответствовала ее темпераменту. Ведь уже в двенадцать лет у нее была репутация чертовки, а короткий опыт фрейлины королевы научил ее всему остальному. Анжелика подозревала, что в книге любви Мари-Аньес прочла больше страниц, нежели она сама. И после признания Анжелики монахиня со вздохом всепрощения произнесла:

— Как ты еще молода! Стоило поднимать шум из-за таких обыденных вещей?

— Обыденных, Мари?.. Да ведь я только что рассказала тебе, как обманула мужа!..

— Нет ничего обыденнее подобного греха. Лишь добродетель достойна удивления. Вот она настолько невероятна, что ее можно считать уникальным явлением.

— Как же так?.. Не понимаю... Я не хочу...

— Послушай меня, — сказала Мари тем резким голосом, который присущ был их семье. — Или ты сама хочешь совершать такие измены, или нет. А если нет, то почему ты так стремишься жить при дворе?..

Может, это и объясняло уход самой Мари-Аньес от легкой светской жизни?

Теперь Анжелика приготовилась к покаянию в тихой обители, вдали от мирской суеты. Но визит к мадам де Монтеспан разрушил ее благие намерения и вернул с небес на землю.

— Не знаю, будет ли благоразумен мой совет, — сказала прекрасная Атенаис, — но считаю своим долгом предупредить вас. В историю с дуэлью вмешался маркиз де Солиньяк. И дела вашего мужа обстоят весьма плохо...

— И что же сделал Солиньяк?

— Старая история — встал на защиту Бога и права. Он вбил себе в голову, что дуэль ведет к ереси и атеизму. И он настаивает, чтобы король жестоко наказал де Лозена и вашего мужа для острастки других. Послушать Солиньяка, так они оба заслуживают костра! — Увидев, как побледнела Анжелика, маркиза принялась обмахивать ее веером. — Ох, я

глупо пошутила. Но будьте осторожны! Фанатик может выхлопотать им долгое заключение или даже изгнание. Наш монарх может послушаться Солиньяка, когда припомнит, что де Лозен частенько доставлял ему неприятности. Кроме того, королю может не понравиться, с каким неуважением два дворянина отнеслись к его эдикту о дуэлях. Будь я на вашем месте, я бы обязательно вмешалась — пока еще не поздно и пока король не принял окончательного решения.

После этой встречи Анжелика отбросила молитвенник и, попрощавшись с сестрой, покинула монастырь.

Но Нинон де Ланкло вновь порекомендовала не принимать близко к сердцу всю историю, когда речь идет всего лишь об обманутом муже. «Когда страной овладевает эпидемия, докторам не следует заниматься отдельными больными и частными случаями», — произнесла она с нажимом в голосе.

Когда Людовику XIV доложили о высказывании мадемуазель де Ланкло, он слегка улыбнулся, что являлось хорошим предзнаменованием.

Однако Нинон нахмурилась, когда Анжелика рассказала ей о замыслах Солиньяка. Она припомнила времена, когда Ришелье сносил головы дворянам тоже «для примера», принуждая благородное сословие отказаться от привычки решать на дуэлях вопросы чести.

— Если месье де Солиньяк считает, что шпага вашего мужа нарушила Божью волю, то будьте уверены, он прожужжит королю все уши.

— Так вы думаете, что король может поддаться его влиянию?

— Речь идет не о слабости или нерешительности короля. Если даже король решит, что Солиньяк просто надоедливый и докучливый старикашка, все равно рассуждения Солиньяка будут иметь силу: ведь и церковь, и закон на его стороне. Но если найдется человек, настойчиво защищающий того или иного дуэлянта, то и он сможет повлиять на исход дела. Сейчас вам, как никогда, нужны благоразумие, смелость и настойчивость.

Анжелика, задумавшись, опустила голову. Теперь все зависело только от нее, и ей никак нельзя было терять время.

— А если мне повидаться с Солиньяком?

— Попробуйте, хуже не будет! — Несмотря на проливной дождь, Анжелика задержалась у ворот Сен-Жермен, где ей сообщили, что двор отправился в Версаль. В отчаянии она была готова бросить задуманное, но, стиснув зубы, вернула себе решимость.

Войдя в карету, она приказала кучеру:

— В Версаль! Гони лошадей!

Сквозь залитые моросью стекла кареты из тумана проступали неясные очертания деревьев. Зима наступила и принесла с собой дожди, холода и непролазную грязь. Все ожидали Рождества с его первым чистым снегом.

Молодая женщина не замечала, как стыли от холода ноги. Иногда ее рот кривился в усмешке, а в глазах загорался огонек, который мадемуазель де Паражон называла «сигналом к битве». Она вспоминала свой разговор с маркизом де Солиньяком, состоявшийся по ее просьбе, — но не у него и не у нее дома, а в монастыре Святой Целесты. Маркизу хотелось сохранить в тайне свою встречу с Анжеликой.

— Вы считаете себя, сударыня, одной из тех свечей при дворе, вокруг которых, порхая, кружатся мотыльки, и предполагаете, что я тоже один из них? Не могу пока догадаться, почему вы настояли на нашей встрече... Но, понимая безвыходность положения, в которое вас ввергла ваша же беззаботность, я прошу вас сбросить маску меланхолии и не стараться завлечь меня.

Она дивилась тогда, глядя на него. Полуприкрыв веки, он устремил на нее пронзительный взгляд и начал задавать вопросы: постится ли она по пятницам, раздает ли милостыню бедным, смотрела ли «Тартюфа» — и если да, то сколько раз...

«Тартюф» Мольера затрагивал многих высокопоставленных особ. Но Анжелики не было при дворе, когда там ставили комедию, и поэтому она ее так и не посмотрела.

Анжелика, не подозревавшая, сколь могущественно Общество Святых Даров, позволила себе рассердиться и наговорить Солиньяку колкостей. Возник спор.

— Проклятье тому... или той, кто послужил причиной скандала! — закончил их встречу раздраженный маркиз.

Анжелика чувствовала себя разбитой. На смену храбрости пришел гнев. И все же, после недолгого раздумья, она решила обратиться к самому королю.

И вот ближе к ночи она остановилась в гостинице возле Версаля. Как только отворилась зала для посетителей, она смешалась с толпой отставных солдат, домогавшихся пенсии, обедневших вдов и разорившихся дворян. Рядом с ней оказалась мадам Скаррон, вечная просительница, одетая в поношенный плащ. Анжелика не хотела, чтобы ее узнали, и поспешила опустить на лицо капюшон плаща.

Когда король проходил мимо нее, она упала на колени и, склонив голову, протянула ему прошение, в котором умоляла его величество поговорить с ней, мадам дю Плесси-Белльер. Надежда ее возросла, когда

она увидела, что король, пробежав глазами прошение, не передал его де Жевру, как поступал с другими, а оставил у себя.

Через час толпа просителей разошлась, и сам месье де Жевр, подойдя к ней, спокойным тоном предложил следовать за ним. Она удивилась еще больше, обнаружив, что дверь комнаты, где король давал аудиенцию, открылась прямо перед ней.

Она никак не ожидала, что ответ на ее прошение будет столь скорым. Сердце забило сильнее, и, пройдя несколько шагов, она упала на колени. Дверь за ней захлопнулась.

— Встаньте, сударыня, — раздался успокаивающий голос короля, — и подойдите ближе.

Анжелика исполнила просьбу короля. Подошла к столу и откинула капюшон плаща. В комнате было сумрачно. Дождь стучал за окном по плитам террасы. Ей показалось, что по губам Людовика XIV скользнула легкая улыбка.

— Мне очень жаль, — высокомерно начал он, — что одна из дам моего двора вынуждена просить о тайной встрече со мной. А ведь вы могли действовать совершенно открыто: вы же — жена маршала Франции.

— Сир, я смущена...

— Мне известна причина вашего смущения. Но вы прощены. И все же вам было бы лучше не уезжать в тот вечер из Фонтенбло. Ваше поспешное бегство не согласуется с самообладанием, проявленным вами во время того прискорбного инцидента...

Анжелика была готова напомнить королю, что именно по его приказанию, переданному через мадам Шуази, она уехала столь поспешно. Но король опередил ее:

— Забудем все. Чего же вы хотите?

— Бастилия, сир!.. — само звучание этого слова вынудило ее замолчать, и в беспокойстве она всплеснула руками: «Плохое начало!»

— Понятно, — осторожно произнес король. — А за кого же вы ходатайствуете, мадам, за месье де Лозена или за месье дю Плесси?

— Сир, — оживилась Анжелика, — поверьте, меня беспокоит только судьба мужа.

— Если бы так было всегда. Но из того, что мне известно, следует, что судьба и честь вашего мужа отнюдь не всегда занимают главное место в ваших мыслях.

— Это правда, сир!

— И вы раскаиваетесь?

— До глубины души, сир!

Понимающий взгляд короля показал ей, насколько сильно интересовался монарх личной жизнью своих подданных. Она перевела взгляд с бледного, очень серьезного лица короля на его руки на столе и подумала, что именно их неподвижность и строгость подчеркивают всю полноту власти его величества.

— Что за погода! — сказал он, вставая и отодвигая кресло. — Скоро полдень, а уже нужны свечи. Ваше лицо плохо видно: подойдем к окну, чтобы я мог получше рассмотреть вас.

Она послушно подошла к окну, по стеклам которого струились потоки дождя.

— Никак не могу поверить, что месье дю Плесси может оставаться равнодушным к чарам своей жены. Вероятно, здесь есть и ваша вина, сударыня. Почему вы не живете в доме своего мужа?

— Месье дю Плесси-Белльер никогда не приглашал меня к себе.

— Забавно... Тогда, куколка, расскажите мне все, что случилось в Фонтенбло.

— Я понимаю, что мое поведение выглядело непростительно. Но, мой муж причинил мне сильную боль, да еще и публично... — И она невольно посмотрела на свою руку, где все еще сохранился след жестокого укуса.

Король проследил за ее взглядом, но ничего не сказал.

— Мне было очень больно, и хотелось побыть одной. Но рядом оказался месье де Лозен...

И Анжелика рассказала, как Лозен стал утешать ее словами, а потом и более конкретными действиями.

— Трудно устоять перед натиском месье де Лозена, сир!

— Так вот как все произошло...

— Месье Лозен очень ловок и несколько безответственен, но сердце у него доброе и благородное, Я уверена, что вашему величеству это давно известно.

— Мадам... — хитро прищурился король. — Все зависит от того, как и кто будет смотреть, если вы очаровательны, сударыня, как, например, сейчас, когда покраснели, то... — Король помолчал, не закончив фразы, и заговорил снова:

— Кажется, мадам, вы сотканы из противоречий: робки — но храбры, веселы — но серьезны. Однажды, в оранжерее, среди тубероз, я заметил цветок необычайной окраски. Садовник хотел вырвать его с корнем, называя дичком... И я всегда вспоминаю этот цветок, когда вижу вас среди придворных дам. Теперь я уже склонен думать, что во всем виноват только месье дю Плесси...

Король нахмурился, а затем продолжил:

— Мне никогда не доставляла удовольствия его репутация жестокого человека. Мне не нравится, что при моем дворе есть люди, из-за которых иностранцы могут причислить французов к диким, варварским племенам. Я считаю, что учтивость по отношению к женщине должна быть неотъемлемой чертой наших мужчин. Она принесет добрую славу нашей стране. Так ваш муж ударил вас публично?

— Нет, он не ударил меня.

— Ладно, я все равно считаю, что Филиппу следует немного поразмыслить, посидев в благородной тюрьме.

— Я пришла, сир, просить вас освободить его. Умоляю, выпустите его из Бастилии!

— Так вы любите его? А мне казалось, что в вашей супружеской жизни горестных событий больше, чем светлых. Я слышал, что до свадьбы вы едва знали своего будущего мужа.

— Может быть, я знаю его и мало, но зато давно, и он остался для меня все тем же старшим кузенком, которого я обожала еще в пору нашего детства... — Перед глазами Анжелики вновь возникло лицо Филиппа со светлыми локонами, рассыпанными по кружевному воротничку небесно-голубого камзола, в который он был одет в свой первый приезд в замок барона Сансе.

Она отвернулась к окну и улыбнулась. Ливень прекратился, и слабые лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, искрились на террасе.

— Он даже не поцеловал меня; когда я с сестрами подошла к нему, и с ужасом на лице стал обмахиваться своим кружевным платочком.

Воспоминания детства привели ее в веселое расположение духа, и она рассмеялась.

Король удивленно посмотрел на нее. Уже давно он понял, что она красива, но только сейчас внимательно разглядел. Небрежным жестом она поправила выбившийся локон, и король ощутил зов плоти. Казалось, каждой клеточкой своего тела она излучала теплоту жизни. Он инстинктивно протянул руку и привлек ее к себе. Как она была податлива! Он склонился к ее устам, чуть приоткрытым в улыбке, теплым и сладким. Раздвинув в поцелуе ее губы, он ощутил, как его зубы коснулись ее жемчужно-гладких зубов.

Анжелика не замечала, что ее голова запрокинулась назад в обворожительном поцелуе, а руки обвились короля за плечи. И вдруг, словно очнувшись, она вздрогнула.

Король отступил, улыбаясь:

— Не бойтесь. Я хотел лишь выяснить, на кого возложить ответственность за случившееся. И определить для себя: не вы ли сами повинны в том, что убиваете естественные желания вашего мужа?

Молодая маркиза была не столь наивна, чтобы поверить объяснению; слишком хорошо она знала всепоглощающее влияние страсти.

— Сир, вы уделили пустячному вопросу гораздо больше внимания, чем он заслуживает.

— В самом деле?

— Да, ваше величество!

Король вернулся к столу, сел в кресло. Но он совсем не был огорчен.

— Как бы там ни было, я не сожалею о своих усилиях. И вот вам мое заключение: месье дю Плесси набитый дурак, законченный дурак! Он в полной мере заслуживает наказания, и я ему об этом сообщу. Надеюсь, он теперь послушается моего распоряжения. Я собираюсь отослать его в армию, в Пикардию, с тем чтобы преподать ему урок. Не плачьте, милая, вы получите назад своего старшего кузена!..

А в это время во внутреннем дворике Версаля месье де Солиньяк только что вышел из кареты.

Глава 8

Когда мадам дю Плесси-Белльер вернулась домой, она увидела у себя во дворе почтовую карету, из которой выгружали багаж. На ступеньках стояли два розовощеких мальчугана, протягивая навстречу ей свои ручонки. Она распахнула дверцы экипажа и с криком: «Флоримон! Кантор! Приехали! — бросилась к сыновьям. Она совершенно забыла о письме в Пуату и теперь не знала, ко времени ли приезд мальчигов. Но радость от встречи была искренней, и мать сердечно обняла детей. Про себя она отметила, что Кантор заметно подрос. В семь лет он сравнялся ростом со старшим братом, который был тоже не из мелких. Мальчики не походили друг на друга, и даже волосы у Флоримона были черные, а у Кантора светлые.

Барба, служанка, приехавшая вместе с ними, вмешалась в их радостную встречу. Она рассказала, что в замке у них совсем не было друзей — их окружали только одни тупые крестьяне — и пара сорванцов бегала, где им вздумается. Их дед, барон, позволял им делать все, что заблагорассудится, и они совсем отбились от рук. Сейчас самое время найти хорошего воспитателя и учителя, чтобы научить их грамоте...

— Они будут при дворе, — шепнула Анжелика, — будут играть с самим дофином.

Глаза Барбы широко раскрылись. Она схватила за руку хозяйку и с искренним удивлением посмотрела на своих двух «бандитов».

— Их нужно обучить хорошим манерам!

— И как носить шпагу и шляпу с плюмажем...

— И как кланяться по этикету...

— И как вытирать носы, а не сморкаться на землю при помощи двух пальцев и не мочиться, где попало...

Начальное образование будущих придворных рождало проблемы. Нужно было поторапливаться.

Маркиза дю Плесси обратилась за помощью к мадам де Шуази, и уже на следующий день вместе с ней в особняк Ботрей прибыл молоденький аббат с острыми глазками, блестящими из-под напудренного парика. Мадам де Шуази представила его как младшего отпрыска Ледигьеров из окрестностей Шартра — хорошей, но бедной семьи. Родители юного Мориса, так звали аббата, доверили его мадам де Шуази, чтобы она помогла ему найти подходящее место в обществе. Юноша уже полностью

закончил образование и был на службе у архиепископа Санского. Лучшего наставника для своих сыновей мадам дю Плесси не могла и желать.

Однако мадам де Шуази считала, что для воспитания детей, кроме него, понадобятся домашний сыновья мадам дю Плесси были представлены ему, то Анжелике не следует мешкать. Королевские капризы скоротечны, и он может в любой момент отказаться от своего намерения. Она виделась с мадам де Монтозье, женой наставника дофина и гувернанткой королевских детей, и передала, что Анжелике уже назначен день для представления сыновей.

Мальчики появились в Версале, одетые в голубые атласные камзолы, в белых чулках, в туфлях на высоких каблуках и с маленькими шпагами в серебряных ножнах. Завитые волосы покрывали фетровые шляпы с красными перьями. Из-за холодной погоды на их плечи были накинуты плащи из бархата, отороченные по краям золотой тесьмой.

Аббат де Ледигьер заметил, что Флоримон умеет при встрече грациозно отвешивать поклоны, взмахивая шляпой, как свойственно людям благородного происхождения. Никому не приходило в голову беспокоиться за него, но Кантору, более неуклюжему, надо было постоянно следить за своими манерами.

Дофин оказался маленьким и толстеньким мальчиком с полуоткрытым ртом — из-за вечно заложенного носа. Особенным умом он не отличался, и трудная задача — быть королевским сыном, сыном Людовика XIV — наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Он был единственным ребенком, ибо две его сестры умерли в раннем возрасте. Одна из них родилась темнокожей, и говорили, что это из-за того, что во время беременности королева пила слишком много шоколада.

Анжелика, наблюдая со стороны, как ее сыновья грациозно поклонились и подошли поцеловать руку дофина, которую тот нерешительно протянул им после кивка мадам де Монтозье, с гордостью отметила, что они выглядят даже более благородно, чем наследник короны.

Тем временем, в соответствии с заранее составленным протоколом, появилась королева в сопровождении десяти фрейлин и молодых дворян из свиты.

Кантора попросили спеть для королевы. Малыш опустил на одно колено, пробежал пальцами по струнам лютни и запел свою любимую:

*Придворных дам однажды
Король к себе созвал,
Одну из них увидел*

И страстью воспылал.

— Маркиз, что за красотка!

Скажи мне, кто она?

И был ответ коротким:

— Она — моя жена.

— Да ты с женой своею

Счастливей короля!

И коль простишься с нею

Займусь ей тотчас я.

— Не будь на вас короны,

Я знал бы, как отмстить,

Но вы король законный,

И долг мой — вам служить.

— Прощай же, свет мой ясный,

Забудь любовь мою;

Должны повиноваться

Вассалы королю.

Цветы от королевы

Маркиза приняла,

Их аромат вдохнула

И вскоре умерла.

Не успел мальчик пропеть и двух стрóf, как аббат быстро склонился над ним, выхватил лютню и громко объявил, что инструмент совсем расстроен. Но, делая вид, что настраивает ее, аббат шепнул своему ученику, чтобы тот выбрал другую песню.

Едва ли кто-нибудь разобрался в происходящем, и, уж во всяком случае, не королева — испанка по происхождению, совершенно незнакомая с французскими народными песнями.

Анжелика — и та не сразу сообразила, что прерванная баллада рассказывала о делах столетней давности, о любовных утехах Генриха IV. Но она была благодарна аббату за своевременное вмешательство. Да, мадам де Шуази нашла действительно достойных учителей для ее детей!

У Кантора был ангельский голос, чистый и звонкий, очаровавший

слушателей. Флоримон, который до того находился в центре внимания, отошел на задний план.

Необыкновенный энтузиазм проявил месье де Вивонн, рассыпаясь в особо изысканных комплиментах в адрес мадам дю Плесси. Он попросил Кантора исполнить что-нибудь еще. А королева приказала, чтобы немедленно разыскали Люлли и привели его сюда.

Придворный музыкант и композитор занимался в тот момент с хором мальчиков. Оторванный от своего дела, он пришел в дурном настроении, но, услышав несколько песен Кантора, буквально расцвел. Он заявил, что такой голос является необычайной редкостью, и никак не мог поверить, что перед ним восьмилетний ребенок... Затем придворный музыкант снова помрачнел и надулся — такое чудо продлится всего два-три года, не больше. Когда мальчику исполнится двенадцать-тринадцать лет, его голос пропадет, если только его не кастрировать заранее. Ведь такие голоса в большой цене, молоденькие евнухи с превосходными голосами являлись лучшим украшением дворов по всей Европе. Поставляли их обедневшие музыканты, стремившиеся обеспечить своим детям безбедное существование взамен нормальной человеческой жизни.

Анжелика тотчас же бурно запротестовала. Кастрировать ее прелестное дитя? Какой кошмар! Но, слава Всевышнему, ее ребенок благородного происхождения, и будущее его обеспечено. Он станет верой и правдой служить своему королю и оставит после себя многочисленное потомство.

Предложение Люлли вызвало много шуток среди гостей. Кантора хвалили и ласкали, а потом все сошлись на том, что, когда дофин повзрослеет, Флоримона и Кантора следует взять в его свиту, чтобы они вместе учились играть в мяч, скакать на лошадях, владеть оружием и вообще принимали участие во всех развлечениях дофина. На прощание королева улыбнулась и очень милостиво протянула сразу обоим братьям руки для поцелуя.

Глава 9

В такое время года в Париже везде пели скрипки и звенел веселый смех. Хотя мир был уже заключен, в воздухе еще чувствовалось дыхание войны и большинство дворян до сих пор не вернулись.

Анжелика день ото дня становилась все тяжелее на подъем — сказывалась беременность. Она уже настолько пополнила, что не могла надевать свои любимые платья. Она не показывалась на празднествах, но продолжала посещать Сен-Жермен, где можно было появляться в любом виде, не возбуждая особого любопытства, ибо коридоры дворца вечно заполнялись самой разношерстной публикой. Переписчики с гусиными перьями, заткнутыми за ухо, толкались возле дипломатов, а члены городского совета совершали сделки с высокопоставленными дамами из общества.

Здесь Анжелика неожиданно встретила старого аптекаря Савари, часто бывавшего в ее доме в качестве просителя. Но тут же к старику подбежала молодая, невысокая женщина и, схватив за отвороты камзола, умоляюще уставилась на него.

Это была мадемуазель де Бриенн:

— Я вас знаю, — бормотала женщина. — Вы умеете предсказывать судьбу! Вы — чародей! Я полагаю, мы сможем договориться...

— Ошибаетесь, сударыня. Я, действительно, пользуюсь некоторой известностью, и у меня недурная репутация, но я всего лишь скромный ученый.

— Я знаю! — Ее глаза блестели, как два алмаза. — И знаю, что вы многое можете сделать. У вас есть всякие снадобья с Востока. Вы должны устроить так, чтобы я получила привилегию сидеть на скамеечке в присутствии членов королевской семьи. Я больше ничего не хочу. Назовите вашу цену!..

— Такие дела за деньги не делаются.

— Я отдам вам и душу, и тело!..

— Дитя мое, вы совсем потеряли голову!

— Пожалуйста, месье Савари, вам ведь не составит труда! У меня нет другой возможности добиться такой привилегии, а я должна ее получить, должна! И я готова на все...

— Ладно, ладно, я подумаю, — проговорил старик, с трудом отказываясь от кошелька, который она настойчиво совала ему в карман.

Чуть позже, за карточным столиком, Анжелика встретила мадемуазель де Бриенн — очаровательную брюнетку, высокомерную, но плохо воспитанную. Она была при дворе чуть ли не со дня своего рождения. Карты, вино и любовные интриги — вот единственное, чем она занималась и что имело смысл для нее в жизни. Вскоре она проиграла Анжелике десять тысяч ливров и тут же сообщила, что не сможет немедленно выплатить всю сумму наличными.

— Этот проклятый аптекарь принес удачу вам, а не мне, — проговорила она, как ребенок, глотая слезы. — Чего бы только я не отдала за такую удачу! На прошлой неделе я проиграла тридцать тысяч ливров, а мой братец шумит и говорит, что я разоряю его... — И, очевидно, почувствовав, что Анжелика не намерена долго ждать выплаты долга, быстро добавила: — А вы не хотите купить мою должность консула в Кандии? Я хочу продать ее. Она стоит сорок тысяч.

— Должность консула? — насторожилась Анжелика.

— Да, в Кандии. По-моему, где-то на Крите, — уточнила мадемуазель де Бриенн.

— Но женщина не может быть консулом!

— Может. Я уже три года считаюсь консулом. Должность вовсе не означает, что вам надо быть там, но зато дает привилегии, которыми пользуются консулы при дворе. Если вы купите мою должность, то она обеспечит вам кое-какой доход. Сама я непрактичная женщина. Двое управляющих, которых я туда посылала, оказались сущими пиратами. Они набивали себе карманы, а я еще должна была платить им. Я полагаю, вы лучше распорядитесь таким делом. Сорок тысяч — не так уж много, а я смогу расплатиться с долгами, да еще и останется немного...

— Я подумаю, — ответила Анжелика.

В голове ее теснились опьяняющие мысли. Консул Франции! Даже в самых смелых мечтах она не поднималась до таких высот.

Интерьер дома Кольбера, как и его рабочего кабинета, был образцом буржуазного стиля. Холодный по натуре — «Северный полюс» прозвала его мадам де Севинье — Кольбер не признавал излишеств и роскоши, умеренность и бережливость были его постоянным девизом.

Вначале он встретил Анжелику довольно хмуро, но потом смягчился. Не так уж часто прелестная простушка задумывается о последствиях, прежде чем занять ответственный пост. Ведь в большинстве случаев ему приходилось играть весьма неприятную роль цензора разного рода прошений — в основном отказывая посетителям, ибо просьбы их были либо глупы и безосновательны, либо касались государственных интересов,

на страже которых он стоял.

Кандия — столица Крита — была центром работорговли Средиземноморья и единственным местом, где всего лишь за сто-сто пятьдесят ливров можно было купить выносливого русского раба. Их в основном покупали у турок, воевавших везде — в Армении, в Венгрии, в Польше и на Украине.

— Это очень важно для нас — особенно теперь, когда мы стараемся расширить торговлю и увеличить число королевских галер на Средиземном море. Мавры, тунисцы и алжирцы, которых мы берем в плен в боях с пиратами, — плохие работники. Их берут на галеры лишь в случае острой нехватки гребцов. Ну, их можно еще обменивать на пленников-христиан. Что же касается каторжников, уголовных преступников, приговоренных к галерам, то от них толку мало: они подвержены морской болезни и мрут как мухи. Самые лучшие гребцы на галерах — русские и турки. Недаром англичане платят на рынках за них большие деньги. Вот почему все, связанное с Кандией, так или иначе интересует меня!

— А какое положение занимают там французы? — спросила Анжелика, слабо представляя себя в роли работорговца.

— Мне кажется, там уважают наших представителей. Крит принадлежит Венеции, и турки не однажды пытались захватить остров.

— Не опасно ли вкладывать в это деньги?

— Как сказать... Порой и в военное время процветает торговля. А у Франции сейчас и с Венецией, и с Турцией хорошие отношения.

— Мадемуазель де Бриенн говорила мне, что у нее нет особых доходов с должности. Правда, она грешит на управляющих, наживающихся за ее счет.

— Это вполне возможно. Дайте мне их имена, и я все узнаю точно.

— Ну так как же... вы поддержите мою кандидатуру?

Нахмурившись, Кольбер не сразу ответил:

— Да. Во всяком случае, мадам дю Плесси, я думаю, что пусть лучше дело будет в ваших руках, чем в руках мадемуазель де Бриенн или еще кого-то из благородных, но глупых дворян. Кроме того, дело это вполне согласуется с предложениями, которые я приготовил для вас.

— Для меня?

— Да, мадам. Неужели вы полагаете, что мы не сможем использовать ваши деловые качества на пользу нации? Его величество, правда, выразил сомнение, может ли обладать ими такая красивая и очаровательная женщина. Но я, кажется, разубедил его. Конечно, вам нужно заняться чем-то более серьезным, а не просто находиться в свите королевы. Оставим

такое место дочерям обнищавших аристократов, у которых из всех достоинств осталась лишь весьма сомнительная невинность. Ваше будущее должно иметь более серьезные перспективы.

Грубоватая прямолинейность финансиста пробудила в Анжелике непонятную горечь.

— Да, конечно, деньги у меня есть, — сухо произнесла она, — но не столько, чтобы спасти все наше королевство.

— А кто вам говорит о деньгах? Все дело в труде. Только труд спасет страну и вернет ей утраченное богатство. Посмотрите на меня! Раньше я был простым торговцем мануфактурой, а теперь — министр финансов, но это нисколько не льстит моему самолюбию. А вот тем, что я — директор королевских мануфактур, я действительно горжусь. Мы можем и должны производить товары, намного лучшие, чем в других странах. Но среди французов нет единства. Ей-богу, не знаю, зачем я вам все это рассказываю. Вы умеете слушать и интересоваться тем, что вам говорят. И эту вашу способность вы должны использовать во благо Франции. Старикам будет льстить ваше внимание. На молодых мужчин будут действовать ваши красота и очарование. Женщины будут прислушиваться к вашему мнению, потому что вы всегда элегантно одеты. Словом, вы обладаете грозным оружием.

— И в каких же целях я должна буду применять этот арсенал?

Министр на минуту задумался:

— Во-первых, вам не следует покидать двор. И старайтесь, насколько возможно, знакомиться со всеми нужными людьми.

— Ну, ваше первое задание не представляет для меня особых затруднений.

— А во-вторых, мы будем использовать вас для выполнения поручений, связанных с торговлей и с таким ее ответвлением, как, например, мода.

— Мода?!

— Я постараюсь все объяснить, мадам. Допустим, я хочу постичь секрет изготовления венецианских кружев и построить во Франции мануфактуры для их производства. Ведь в угоду моде ежегодно в Италию уходит свыше трех миллионов ливров!

— И мне придется отправиться в Италию?

— Думаю, что нет. Так вы сразу попадете под подозрение. Тем более что у меня есть причины считать, что их люди действуют у нас во Франции и, в особенности в Марселе. Анжелика глубоко задумалась.

— Все это очень похоже на шпионаж.

Министр финансов согласно кивнул, молчаливо подтверждая ее догадку. И произнесенное ею слово даже не покорило его. Шпионаж? Им занимаются все.

— Дело есть дело. Вот вам еще один пример. Сейчас собираются выпустить новые акции Ост-Индской компании. Они будут распродаваться при дворе. А деньги здесь есть... Неужели вы не воспользуетесь удобным случаем и не найдете применения своим талантам? Меня беспокоит единственный момент — какой официальный пост предложить вам? Хотя погодите, ваше критское консульство обеспечит достойный фасад и при случае сможет оказаться вполне приличным прикрытием...

— Но прибыль от него уж очень мала.

— Не будьте наивной! Само собой разумеется, что от выполнения официальных заданий вы будете получать солидные доходы. Кроме того, из самого консульства вы сможете извлекать для себя немалую пользу.

Анжелика по привычке начала торговаться:

— Но ведь сорок тысяч ливров — это огромная сумма.

— Для вас это сущие пустяки. Представьте себе — пост прокурора стоит сто семьдесят тысяч, а мой предшественник заплатил в казну миллион четыреста тысяч. За меня заплатил сам король, пожелавший, чтобы именно я занял это место. И теперь я чувствую себя обязанным ему...

«Так вот каков двор, — думала маркиза дю Плесси. — Лишь простодушный человек представляет жизнь при дворе сплошным праздником и бесконечными танцами в Пале-Рояле...»

Закрыв лицо маской из черного бархата, она следила за танцующими парами. Ставился балет «Праздник на Олимпе». Король в костюме Юпитера открыл бал с Генриеттой Английской. Глаза всех присутствующих были устремлены на него, ибо золотая маска не сохраняла инкогнито. На нем был шлем, украшенный рубинами и алмазами и увенчанный султаном из алых перьев. Весь его костюм был отделан драгоценным золотым шитьем. «Как богат наш двор!» — думала Анжелика. Но при ближайшем рассмотрении открывалось чудо: молодой король дергал за веревочки не марионеток, а живых людей, обуреваемых страстями и снедаемых честолюбием и завистью.

Недавний разговор с министром финансов открыл перед ней новые перспективы. Вспомнив о роли, ей отведенной, она вдруг подумала: не скрывается ли под одной из масок чей-нибудь тайный посланник?.. Некогда в этом самом Пале-Рояле, называвшемся в те времена Пале-Кардинал, Ришелье, прогуливаясь по залам в своей пурпурной мантии,

размышлял о том, как навести порядок в королевстве и забрать побольше власти в свои руки. Никто не имел сюда доступа, кроме его верных слуг. Он сплел гигантскую сеть агентов, охватившую всю Европу. Среди его шпионов было довольно много женщин.

«Они, — любил говорить Ришелье, — от природы обладают способностью притворяться и скрывать свои мысли».

Может, король тоже усвоил его принципы?

Когда Анжелика покидала бал, паж вручил ей записку, запечатанную перстнем Кольбера:

«Можете считать, что пост при дворе, о котором вы просили, пожалован вам на определенных условиях. Верительные грамоты Консула Франции будут вручены вам завтра».

Анжелика сложила записку и сунула ее за корсаж. Улыбка заиграла на ее губах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ФИЛИПП

Глава 10

Анжелика отпустила служанок и стала раздеваться сама. Мысли ее были заняты одержанной победой. Сегодня ее управляющий отослал тридцать тысяч ливров наличными мадемуазель де Бриенн. А маркиза дю Плесси-Белльер в это время встретила с Кольбером и получила от него пожалованное ей королем звание Консула Франции. Ей пришлось поставить кучу подписей на различных документах и заплатить десять тысяч ливров разных сборов и пошлин.

Она была бы счастлива полностью, если бы не мысли о Филиппе. Что он скажет, когда узнает обо всем? Ведь он грозил, что сделает все возможное, чтобы убрать ее подальше от двора. Но Бастилия и армия, куда он был направлен после заключения, дали ей время с блеском завершить все свои дела.

Итак, она — победительница, но не без тревоги за будущее.

Филипп вернулся из армии неделю назад, и король сам сообщил Анжелике о его приезде.

Теперь она размышляла, как ей себя вести. Каким должно быть отношение к мужу, заключенному в тюрьму из-за измены жены? Осмеянный и навлекший на себя королевский гнев, Филипп едва ли будет рад встрече с ней. И так-то он не жаловал ее, а теперь она ждала еще худшего.

Филипп не показывался. Она узнала, что маркиз дю Плесси уже засвидетельствовал свое почтение королю и что его величество благосклонно принял Филиппа. Потом его несколько раз видели в Париже в салоне у Нинон де Ланкло. Дважды он побывал с королем на охоте, а в тот день, когда она подписывала документы у Кольбера, он находился в королевском лесу Марли.

Неужели Филипп решил оставить ее в покое? Хотелось бы поверить в такую удачу. Или же он, подобно тигру, затаившемуся перед прыжком, вынашивал планы отмщения?..

Погруженная в невеселые думы, она отстегнула от платья бант с украшениями и сняла с себя верхнюю одежду. Затем она взяла с кресла ночную рубашку, приготовленную Жавоттой. Ее движения были спокойны и неторопливы — за последние дни она утратила присущую ей быстроту движений.

Сняв последние драгоценности, Анжелика направилась к ночному

столику, чтобы уложить их в ларец. Большое овальное зеркало отразило ее фигуру и пламя свечей. Она печально смотрела на совершенные линии своего лица, на свежие щеки и губы. Кружева ночной рубашки подчеркивали великолепную полноту ее плеч и стройность шеи.

«Венецианские кружева, действительно, превосходны, — мелькнула мысль. — Кольбер прав, собираясь производить их во Франции...»

Анжелика подняла руку к ниткам жемчуга, закрепленным в волосах наподобие диадемы, и сняла их. Даже с увеличившимся животом она была очень привлекательна. Ей вспомнился вопрос де Лозена. Для кого все ее прелести? Почему ее тело так желанно одному и так ненавистно другому?

Сна не было. Что же делать ночью? Написать Нинон де Ланкло или мадам де Севинье, с которой она давно уже не поддерживала связи? Или заняться счетами, как в те времена, когда она с головой была погружена в дела?

Вдруг она услышала на лестнице тяжелые шаги и звон шпор. Скорее всего это был Мальбран, учитель верховой езды, возвращавшийся после очередной любовной прогулки.

Но шаги приближались к ее двери. Внезапно Анжелика осознала, кем может оказаться столь поздний посетитель, и вскочила, чтобы закрыть дверь на засов. Но было поздно. В дверном проеме стоял маркиз дю Плесси-Белльер.

На нем был охотничий плащ, отороченный мехом, на голове — шляпа с единственным белым пером, а на ногах — тяжелые сапоги, забрызганные грязью. В руках, затянутых в черные кожаные перчатки, он держал хлыст.

Мгновение он оглядывал разбросанные в беспорядке предметы женского туалета. На губах его появилась улыбка. Он захлопнул за собой дверь и задвинул засов.

Сердце Анжелики бешено заколотилось от страха и радости. Как он красив! Самый красивый мужчина при дворе, и он ее муж!

— Вы ожидали меня, сударыня?

— О да, конечно... я надеялась...

— Клянусь, вы храбрая женщина! Разве вы совсем не опасаетесь моего гнева?

— Да, опасаясь. И именно поэтому считаю, что чем раньше мы встретимся, тем лучше. Горькое лекарство быстрее лечит.

Лицо Филиппа исказила гримаса ярости:

— Лицемерка! Предательница! И вы хотите убедить меня, что все время ждали моего возвращения? Вы ведь только тем и занимаетесь, что обманываете меня! Не получили ли вы постоянной должности при дворе?

— Вы очень хорошо осведомлены.

— Да, конечно, — буркнул он.

— И вам, кажется, это не нравится?

— А по-вашему, я должен радоваться тому, что вы упрятали меня в тюрьму... чтобы без помех устраивать свои делишки? И теперь вы считаете, что вам удалось улизнуть от меня? Нет, игра еще не закончена. Я заставлю вас дорого заплатить за предательство. Вы еще не представляете себе приготовленного для вас наказания!..

Он резко щелкнул хлыстом, и звук его показался Анжелике ударом грома. Она в ужасе вскрикнула, бросилась на кровать и, забившись в угол, заплакала. У нее не было сил вынести еще раз сцену, разыгравшуюся в замке Плесси во время первой брачной ночи.

— Не бейте меня, Филипп! — взмолилась она, всхлипывая. — О, пожалуйста, не бейте! Подумайте о нашем ребенке...

Филипп замер. Глаза его округлились.

— О ребенке? Каком ребенке?

— Которого я понесла... Вашем ребенке.

В комнате повисло тяжелое молчание. Маркиз снял перчатки, положил их вместе с хлыстом на ночной столик и подошел к жене:

— Ну-ка, покажитесь! — Наклонившись, он рывком задрал ей рубашку и через мгновение громко расхохотался, откинув назад голову. — Боже мой, правда! Вы брюхаты, как корова! — Он присел на край кровати и притянул ее к себе. — Почему же вы не сказали мне раньше, дикий звереныш? Я бы не стал тогда вас так пугать...

Она зарыдала еще громче. Теперь ее воля была окончательно сломлена.

— Ну, ну, не плачьте... Перестаньте...

Ей казалось невероятным, что ее голова приникла к плечу мужа, а лицо зарылось в его светлом парике, пахнущем жасмином. Она чувствовала, как рука мужа гладит ее живот, где зародилась новая жизнь.

— Когда же он родится?

— Уже скоро. В январе...

— Так, значит, это было в Плесси, — произнес он после минутного раздумья. — Я очень рад, что он зачат под крышей моего родового поместья. Гмадам... Надеюсь, наши ссоры не причинили ему вреда? Хорошее предзнаменование — он будет воином! У вас есть что-нибудь, чтобы отметить такое событие?

Он достал из буфета два красивых бокала и бутылку байского вина.

— Давайте выпьем за него, даже если вы не захотите чокнуться со

мною. Надо отпраздновать событие. Что вы смотрите на меня с таким глупым удивлением? Нашли способ обезоружить меня? Но потерпите, дорогая, я сейчас слишком доволен перспективой появления будущего наследника, чтобы позволить себе дурно обращаться с вами. Мы отложим нашу ссору на потом. И будьте уверены, я не позволю больше издеваться над собой. В январе, вы сказали? Хорошо, я буду присматривать за вами... — Он осушил бокал и разбил его об пол, воскликнув: — Да здравствует будущий наследник рода де Мирмон дю Плесси де Белльер!

— Филипп, — прошептала Анжелика, — вы самый загадочный из мужчин, которых я когда-либо знала! От человека, которому я причинила такую неприятность, вполне можно было ожидать, что он откажется от отцовства. Ведь вы могли бы подумать, что я была уже беременна, когда состоялась наша свадьба.

Натягивая перчатки, Филипп ответил:

— Несмотря на пробелы в моем образовании, я умею считать до девяти. Если ребенок не мой — все выяснится, природа покажет свое. К тому же я уверен, что хотя вы и готовы на любой трюк, но не на такой подлый!

— Такие трюки в духе женщин. А от того, кто их так ненавидит, можно было ожидать гораздо меньшей доверчивости.

— Вы не должны равнять себя с другими женщинами, — сказал он надменно. — Вы — моя жена! — И он быстро вышел.

Ранним январским утром, когда бледные лучи солнца, отраженные от снега, пробежали по занавесям ее комнаты, Анжелика почувствовала, что время пришло. В качестве акушерки ей порекомендовали мадам Корде — женщину, обладающую сильным характером и чувством юмора, достаточным, чтобы удовлетворить самую требовательную клиентку.

В камине развели огонь посильнее, согревая помещение. Принесли медные котлы с кипятком, где мадам Корде уже заварила душистые травы, и в комнате запахло, как на лугу в жаркий летний полдень.

Анжелика стала нервной и раздражительной. Она не обращала внимания на акушерку, словно не хотела, чтобы кто-то делил с ней рождение ребенка. Не в силах оставаться в кровати, она поднялась и стала ходить по комнате, иногда останавливаясь у окна и разглядывая запорошенную снегом улицу. Она видела прохожих и кареты с лошадьми. Ругались кучера и фореиторы, смеялись седоки. Вчера праздновали день Богоявления, и весь Париж драл глотки или отлеживался, объевшись пирогами.

Праздник был и в особняке Ботрей. Флоримон был королем и носил на голове позолоченную бумажную корону. Остальные сладко посапывали после веселья. Для появления нового человека был самый подходящий день. Томясь в бездействии, Анжелика принялась расспрашивать экономку:

— Раздали ли праздничные подарки бедным?

— Да, четыре корзины отправлены для калек и по две корзины в Тампль и Божий приют.

— Замочили ли скатерти? Вычищено ли столовое серебро?..

Мадам Корде пыталась успокоить ее. Зачем хлопотать о пустяках, когда можно полностью положиться на дворецкого? Ведь ей нужно думать о других, более важных делах.

Но молодой женщине думать не хотелось.

— Невозможно поверить, что у вас третий ребенок, — удивлялась повитуха. — Можно подумать, что вы рожаете впервые!..

В самом деле, прежде Анжелика меньше волновалась. Она вспомнила, что была совсем спокойна, когда рожала Флоримона. Тогда она чувствовала в себе храбрость и силу молодого зверя. Но с тех пор лишения и душевные страдания подорвали ее здоровье, да и нервы были изрядно истощены.

— Чересчур уж он большой, — пожаловалась она. — Другие не были такими тяжелыми.

А рождение Кантора! Она боялась даже вспомнить тот кошмар. Но, представив страшную, зловонную больницу для бедных, где столько невинных младенцев издают первые в своей жизни крики, Анжелика устыдилась своих сетований и несколько успокоилась.

Она уютилась поудобнее в кресле, подставив под ноги скамеечку. Одна из девиц де Жиландон предложила ей прочитать какую-нибудь молитву, но Анжелика оборвала ее и выгнала из комнаты. Что делать здесь глупой девочке? Она велела, чтобы отыскали аббата де Ледигьера, а обеих девиц де Жиландон послала в церковь, чтобы они помолились за нее и поставили свечку.

Потом схватки сделались чаще, и мадам Корде уложила ее на стол, поближе к камину. Анжелика уже не могла сдерживать боли, но вдруг сквозь эхо собственных стонов ей почудился какой-то звон.

— О, месье маркиз! — воскликнула вдруг повитуха, отступая от стола.

Анжелика не могла от боли понять смысл ее слов, пока не увидела у изголовья Филиппа. Он был в придворном костюме, со шпагой, в парике и держал в руке шляпу, украшенную белым плюмажем.

— Что вы здесь делаете, Филипп? Что вам тут надо? Зачем вы сегодня пришли?

— Сегодня рождается мой сын, — насмешливо ответил он, — Неужели вы думаете, что он совсем не интересуется меня?

От возмущения и негодования Анжелика пришла в себя и приподнялась на локте:

— Вы пришли насладиться моими страданиями! Чудовище! Самый жестокий и коварный...

— Ну-ну! Не тратьте понапрасну силы.

Он положил руку на ее влажный лоб и принялся поглаживать ее лицо, тихонько что-то приговаривая. И хотя она не понимала смысла слов, они успокаивали ее.

— Спокойней, спокойней, моя дорогая, все идет, как надо. Смелее, радость моя...

«Впервые он ласкает меня, — думала Анжелика. — Наверное, те же слова он произносит, когда рожают его любимые суки и кобылы. Кто я для него сейчас, как не страдающее животное? Говори ли, что он может быть терпеливым и часами успокаивать щенящихся сук или помогать лошадям...» Меньше всего сейчас она хотела помощи от него, а Филипп продолжал ласкать ее. И когда наступил решающий момент, она, почти теряя сознание, вновь взглянула на мужа.

— Не бойтесь, — повторил он. — Теперь вам уже совсем нечего бояться!

— Мальчик! — громко объявила повитуха.

И Анжелика увидела Филиппа, который на вытянутых руках держал красный комочек, завернутый в тонкое полотно, и кричал:

— Мой сын!.. Мой сын!..

Ее перенесли на кровать со специально разогретыми простынями, и уже в полудреме она увидела Филиппа, склонившегося над детской кроваткой.

Только впервые взяв малыша на руки, Анжелика поняла, что означает рождение этого ребенка. Малыш был красив. Пеленка целиком закрывала его, так что было видно только фарфоровое личико с двумя голубыми бусинками глаз. Он был похож на ангелочка.

«Это мой ребенок, плоть от моей плоти, — подумала Анжелика. — Но он не сын Жоффрея де Пейрака. Мою кровь, которая принадлежала только ему и никому другому, я смешала с кровью чужака». Потрясенная, она смотрела на ребенка и видела в нем плод предательства, которого до сих пор не осознавала.

— Я больше не твоя жена, — вслух прошептала она. — Не твоя, Жоффрей! — Но разве не она сама этого захотела?

Внезапно Анжелика расплакалась.

— Я хочу видеть Флоримона и Кантора, — попросила она. — Приведите сюда моих детей! Когда дети вошли, она все еще не могла унять дрожь. Как похожи они были друг на друга. Характерным детским жестом они протянули ей руки, чинно поклонились и уселись на маленькие скамеечки. Необычный вид матери, неподвижно лежавшей в кровати, угомонил их.

Анжелика проглотила тугой комок в горле. Ей не хотелось расстраивать детей, но она все-таки пересилила себя и спросила:

— Вы видели своего нового братца?

— Да, видели, — хором ответили сыновья.

— И как он вам понравился, дети?

Очевидно, над таким вопросом они еще не задумывались. Но, обменявшись взглядом с Кантором, Флоримон сказал, что он симпатичный маленький человечек и им понравился.

Результат образования был налицо. Оставаясь в деревне, они выросли бы дикарями. А одетые в красивую одежду, обученные грамоте, умеющие кланяться и вести светские беседы, они в скором времени станут прелестными юношами-дворянами. Анжелика была рада такой перемене в своих детях.

— Кантор, мой трубадур, спой мне!

Мальчик послушно взял гитару, настроил ее и запел ту самую песню о короле и прекрасной маркизе, которую чуть было не спел перед королевой.

«Я больше не твоя жена, Жоффрей. Теперь другой называет меня женой. И твоя любовь уходит от меня, уплывает, как лодка по реке, оставляя меня одну на холодном берегу... навсегда. Навсегда! Как же тяжело сказать себе: «навсегда» и согласиться с тем, что ты становишься всего лишь тенью — даже для меня».

Филипп больше не приходил к ней. Теперь, когда она исполнила свой долг, она была ему больше не нужна. К чему надежды? Она никогда не поймет его. Нинон де Ланкло некогда говорила о нем: «Он дворянин до мозга костей. Этикет для него важнее всего. Он не боится смерти, но пугается грязного пятна на своем чулке. Он будет умирать одиноко, как волк, но ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит только королю и немножко самому себе...»

Король, всемогущий король, выходит в свой сад. Под инеем не блестят ветви, мраморные статуи окутаны снегом. В конце аллеи фигуры

Помопы, Флоры и Цереры отражаются в зеркале замерзших вод фонтана. Король — с вытянутой в руке тростью, похожей на перст судьбы. Король, управляющий жизнью и смертью своих подданных...

Боже правый! Какую песню начал Кантор в Версале перед королевой! Неизвестно, что бы еще произошло, если б не аббат Ледигьер. Он спас всех. Надо бы его отблагодарить...

Бедная королева Мария-Тереза! Она неспособна послать отравленные цветы своей сопернице, как поступила Мария Медичи, передав их любовнице Генриха IV. Она может только плакать, утирая платком покрасневший нос...

Бедная королева!

Глава 11

Мадам де Севинье сообщила в письме мадам дю Плесси последние дворцовые новости: «...сегодня в Версале король открыл бал с мадам де Монтеспан. Мадемуазель де Лавальер присутствовала, но не танцевала. Королева осталась в Сен-Жермене совсем одна...»

Традиционные визиты к молодой матери в особняке Ботрей проходили с невероятной торжественностью. Знаки внимания, проявленные королем и королевой к отпрыску рода дю Плесси-Белльер, вынудили чуть ли не весь Париж посетить дворец Ботрей.

Анжелика гордо выставила на всеобщее обозрение громадный сундук, обитый голубым шелком с вышитыми по нему королевскими лилиями. Там лежали отрезки полотна, плащ с капюшончиком из тафты, детские вышитые нагруднички, шапочки с красивой отделкой и другое приданое. Сундук был подарком королевы, а король прислал два серебряных блюда, полных миндаля.

Месье де Жевр, главный дворецкий его величества, лично привез подарки молодой матери — вместе с наилучшими пожеланиями. Такие знаки внимания со стороны коронованных особ отнюдь не противоречили этикету — жена маршала Франции заслуживала их.

И тут же, как пламя, охватившее стог сена, разлетелась молва, что маркизе дю Плесси принадлежит сердце самого короля. Злые языки утверждали даже, что в жилах малыша течет кровь Генриха IV. Недоуменно пожав плечами, Анжелика выкинула из головы все домыслы. Глупые люди, и ничего больше!..

Ее спальня никогда не пустовала. Было много едва знакомых и полузабытых лиц. Даже ее сестра Ортанс вспомнила о сестре — теперь ей льстило оказаться в родстве с самой маркизой дю Плесси. Приходила и мадам Скаррон. Она улучила момент, когда Анжелика осталась одна, и, усевшись возле кровати, принялась болтать о пустяках. Вдова всегда была отличной собеседницей. Молодая мать не удивилась, узнав, что мадам Скаррон состоит в тесной и доверительной дружбе с Нинон де Ланкло. Мадам Скаррон была красива и бедна, но в отличие от других не обростала ни долгами, ни любовниками. При каждом удобном случае она подавала прошения королю. Однако ни одна из ее просьб не была удовлетворена, и, как полагали все знающие ее люди, причиной тому была ее страшная бедность.

— Я не люблю себя ставить в пример, — говорила она Анжелике, — но вы только подумайте — Я сама или через друзей подала королю свыше тысячи прошений!

— И каков результат?

— За исключением небольших подарков, да и то сделанных очень давно, я не получила ничего весомого для облегчения моих страданий. Но я не сдаюсь и верю, что наступит день, когда я смогу оказать услугу его величеству, и тогда он достойно отблагодарит меня за все.

— А вы уверены, что поступаете верно? Я слышала, как король жаловался, что прошения мадам Скаррон сыплются, как листья осенью.

Слова Анжелики не смутили вдову.

— Не так уж это и плохо. Ибо нет ничего полезнее, чем настойчивость. Если вы хотите добиться своего, то необходимо постоянно привлекать внимание монарха. Я уверена, что в конце концов достигну желаемого.

— Чего именно?

— Успеха в жизни! — Ее глаза блеснули, и она продолжала хорошо поставленным голосом: — Вы помните то смешное пророчество, сделанное ЛаВуазен? Нас тогда было трое — Атенаис, вы и я. Конечно, я ей не верю, ведь ее вдохновение было вызвано кувшином вина. Но настоящее предсказание было сделано мне в Версале три года назад молодым рабочим, служившим подмастерьем каменщика. Однажды, когда я прогуливалась около дворца, юноша бросил работу и, кланяясь, подошел ко мне. Его товарищи отнюдь не смеялись над ним — очевидно, они знали о его способности заглядывать в будущее. Его лицо светилось улыбкой, и он приветствовал меня, как «первую даму королевства». Затем он сообщил, что на том самом месте, где мы сейчас стоим, он видит дворец, выше и больше которого еще не было на свете... и что во дворце толпятся придворные, приветствующие меня поклонами, когда я прохожу мимо... И теперь, когда меня постигает очередная неудача, я вспоминаю его слова и возвращаюсь в Версаль, где находится моя судьба!..

Она улыбнулась, и ее глаза вдруг осветились глубоким внутренним пламенем.

Услышав такую историю от кого-то другого, Анжелика только бы рассмеялась, но рассказ мадам Скаррон произвел на нее большое впечатление. Вдова предстала перед ней в ином виде — наделенной самомнением и громадным честолюбием.

Анжелика решила извлечь пользу из разговора с мадам Скаррон.

— Вы приподняли для меня завесу над многими тайнами. Но я думаю,

вы знаете еще очень многое, что и я хотела бы узнать. У меня, например, есть предчувствие, что мой муж плетет интригу против меня...

— Ваш муж — сущий ребенок в глухом лесу. Он знает все, что там происходит, ибо очень долго находится при дворе рядом с самим монархом, но ни во что не вмешивается. Плохо лишь то, что вы слишком красивы!

— Не нужно льстить. И как красота может повредить? Кому она противопоказана? При дворе есть более красивые женщины, мадам.

— И кроме того, — мадам Скаррон чуть помедлила, подыскивая нужное слово, — вы слишком уж ...непохожи на других.

— Верно, — как бы про себя согласилась Анжелика, — то же самое сказал мне король...

— Вот видите! Вы не только одна из самых красивых женщин при дворе, но вы еще поставили себя вне его. И кроме того, у вас есть то, чего другое красавицы, хоть умри, никогда не будут иметь.

— И что же это такое?

— Душа... — тихо отозвалась мадам Скаррон. Теперь в ее голосе звучала покорность судьбе, и огонек в глазах погас.

— И все же, — с печальным вздохом продолжала вдова, — как можно заполучить столько врагов, едва появившись при дворе? — Слезы покатались по ее щекам.

— Франсуаза, — всполошилась молодая мать, — только не убеждайте меня, что вы плачете обо мне о моей бедной душе.

— Нет. Конечно, нет. Я плачу о своей судьбе. Если женщина красива и у нее есть душа, она всегда сможет достичь всего, чего желает. Я же неудачница именно потому, что у меня нет того, чем в избытке обладаете вы...

Анжелика подумала, что мадам Скаррон никогда не окажется в числе ее врагов, и пожалела, что повторила слова короля, причинив ей тем самым ненужную боль.

— Франсуаза, — сказала она, — утрите ваши слезы. Вспомните предсказание подмастерья. Считайте его своей козырной картой, которая поможет вам выиграть партию. Вы — деятельная женщина, у вас хорошие адвокаты. К тому же мадам д'Омен вам покровительствует.

— Да, и кроме нее мадам де Ришелье и мадам Ламуаньон. — Вдова стала успокаиваться. — Я бываю в их салонах уже больше трех лет.

— Довольно скучное занятие, — поморщившись, сказала Анжелика и добавила; — Они уморили меня чуть не до смерти.

— Может быть, и так. Но здесь одна из ваших ошибок, Анжелика, и

она доставит вам много беспокойства. Мадемуазель де Лавальер в свое время допустила ту же ошибку, и теперь она не в почете. Люди, находящиеся при дворе, не могут оставаться нейтральными. Вы должны примкнуть к кому-то, хотя пока вы еще не решили, с кем быть — с нужными людьми или с пустышками, с беззаботными бабочками или с мыслящими?

— О ком вы говорите?

— Я говорю об истинно верующих.

— И все-таки я не понимаю вас.

— Разве зло не носит маску? Разве князь Тьмы не бывает на придворных балах?

— Так вы советуете мне выбирать между Богом и дьяволом?

— Именно так! — Вдова Скаррон спокойно поднялась, взяла свой плащ и веер, который никогда не раскрывала, так как он был весь дырявый, попрощалась, поцеловав Анжелику в лоб, и тихо удалилась.

— Не время препираться на религиозные темы, мадам! Произошло нечто ужасное!..

Красное лицо Барбы высунулось из-за полога кровати. Проводив мадам Скаррон до дверей, она вернулась в спальню. Глаза у нее были испуганные, она сразу заговорила:

— Мадам, случилась страшная беда!

— Что там еще стряслось?

— Пропал наш маленький Шарль-Анри...

— Какой Шарль-Анри?

Молодая мать еще не привыкла к полному имени своего новорожденного: Шарль-Анри-Арман-Камилл де Мирамон дю Плесси-Белльер.

— Ты говоришь о моем мальчике? Разве нянька не знает, куда она его положила?

— Нянька исчезла. И все, кто должен был прислуживать маленькому, тоже пропали.

Анжелика отбросила в сторону одеяло и принялась лихорадочно одеваться.

— Мадам, — стонала Барба, — вы в своем уме? Благородной даме нельзя вставать с постели уже через шесть дней после родов.

— Тогда зачем ты пришла ко мне? Наверно, чтобы я что-нибудь предприняла!

Анжелика бросилась в детскую. Комната была пуста. Не было ни кровати, ни сундука с одеждой и пеленками, ни игрушек. Не осталось

даже баночек с мазями и притираниями.

Барба уже подняла на ноги всех слуг. Перепуганные, они стояли в пустой комнате, и никто не мог ничего сказать.

И Анжелика начала дознание. Кто и когда последним видел няньку и ее помощницу? Она узнала, что ее видели с ребенком, когда они обедали, потом их след простыл. Во время послеобеденного отдыха, полагавшегося всем слугам, привратник пошел поиграть в кегли с конюхами. И в течение часа или около того у ворот никого не было. Пяти минут оказалось достаточно, чтобы нянька с помощницей вытащили малыша, колыбельку и все предметы, необходимые для ухода за ним.

Привратник клялся, что он играл не более пятнадцати минут.

— Тогда, значит, и ты участвовал в заговоре! — заключила Анжелика и приказала выпороть его, хотя никогда прежде не прибегала к наказаниям.

На память ей вдруг пришли ужасные истории о похищенных детях. Нянька была рекомендована мадам Севинье как вполне надежная женщина. Но как можно доверять слугам, которые, работая на хозяев, не упускают случая поживиться за их счет?.. Тут примчался Флипо и выпалил, что ему известно, куда пропал ребенок.

— Его со всем багажом отвезли в дом маркиза дю Плесси на улицу Фобур Сент-Антуан!

— Проклятый Филипп!

Анжелика приказала всем слугам, включая и молодого аббата, вооружиться и идти к дому маркиза дю Плесси. Сама она отправилась в коляске, впереди грозной толпы.

Подойдя к дубовым воротам дома маркиза, слуги забарабанили в них. Из окошка высунулся привратник и попытался вступить в переговоры. Хозяин, мол, строго-настрого запретил ему открывать кому бы то ни было.

— Откройте вашей госпоже! — закричал Мальбран, размахивая двумя бомбами, извлеченными из громадной сумки. — Или — клянусь честью! — я взорву их под самым вашим носом, а вы вместе с воротами напрямик отправитесь в ад!.. — И, опустив бомбы на землю, он собрался поджечь фитили.

Перепуганный привратник согласился впустить маркизу, но предупредил, чтобы все остальные находились снаружи. Анжелика пообещала, что ее люди утихомятятся, и тогда он открыл перед ней калитку. Вместе с ней проскользнули и сестры Жиландон.

В комнатах она без труда разыскала пропажу. Бросившись к няньке, она выхватила сына и поспешила назад. Но тут на ее пути выросла фигура ужасного Л а-Виолетта.

— Ребенок, — торжественно произнес он, — покинет дом только через мой труп!

Перейдя на диалект Пуату, уроженцем которого был Ла-Виолетт, Анжелика с такой яростью набросилась на него, что тот упал на колени и стал молить маркизу сжалиться. Маркиз угрожал ему самыми суровыми наказаниями, если он не уследит за наследником.

А тем временем один из лакеев маркиза уже скакал по дороге в Сен-Жермен, торопясь сообщить о случившемся Филиппу дю Плесси раньше, чем его слуги и мать похищенного ребенка перегрызут друг другу глотки. Пришел капеллан Филиппа, но и он ничего не смог поделать. Послали за управляющим. Когда Анжелика увидела его фигуру, сохранившую стройность, несмотря на седины и преклонный возраст, ее решимость несколько ослабла.

Молин, управляющий, пригласил мадам присесть у камина и обсудить создавшееся положение. Сначала он поздравил ее с рождением сына, которого рад признать продолжателем рода Плесси.

— Но маркиз хочет отобрать его у меня!

— Шарль-Анри — его сын, мадам, и поверьте мне, я еще не встречал человека, так чистосердечно радовавшегося появлению наследника.

— Вы всегда будете на стороне маркиза, Молин, — серьезно ответила Анжелика. — И я четко представляю себе, как он счастлив, учитывая, что одновременно доставляет мне невообразимые страдания.

Все же она согласилась отослать слуг домой и дождаться мужа.

Но поставила одно условие: старый гугенот будет выступать только как беспристрастный судья.

К ночи вернулся Филипп. Он застал свою жену и интенданта-управляющего мирно беседующими у горящего камина.

Маленький Шарль-Анри, припав к груди матери, жадно сосал ее.

Когда маркиз вошел, Молин сразу поднялся и сказал, что мадам дю Плесси ужасно расстроилась, обнаружив исчезновение сына. И, кстати, разве месье дю Плесси не известно, что ребенок нуждается в матери? И что отсутствие материнского молока может серьезно подорвать его еще очень хрупкое здоровье? А мадам дю Плесси от расстройства может заболеть, и у нее исчезнет молоко...

Да, таких подробностей Филипп не знал, они находились за пределами его познаний. И на лице его отразилась борьба между беспокойством и недоверием. Но Молин знал, о чем говорил, ибо он был уже и отцом семейства, и дедом, и даже прадедом.

Филипп предпринял еще одну попытку:

— Он ведь мой сын, Молин, и я хочу, чтобы он рос и воспитывался под моей крышей.

— В таком случае, месье дю Плесси и мадам дю Плесси должны жить вместе в одном доме.

Анжелика и Филипп содрогнулись от такого предложения и посмотрели друг на друга.

— Я не могу оставить без присмотра других детей, — запротестовала Анжелика.

— Они тоже могут жить здесь, — спокойно возразил Молин. — Дом дю Плесси достаточно большой.

Филипп промолчал. Молин откланялся, считая свою миссию выполненной.

Филипп молча ходил по комнате, бросая на Анжелику грозные взгляды. Она же все внимание отдавала маленькому Шарлю-Анри. Наконец маркиз взял скамейку и подсел к ней. Она подозрительно покосилась на него.

— Вы, наверное, все-таки боитесь, несмотря на всю свою смелость, — заговорил он. — А может, вам и самой хотелось, чтобы все так произошло. Наконец-то вы в логове волка. Почему же вы так насторожены? Ведь даже грубому мужику приятно сидеть у очага и наблюдать, как его жена кормит его ребенка!

— Верно. Но вы не мужик. Вы — зверь!

— Я рад, дорогая, что вы не потеряли вкуса к нашим маленьким ссорам.

Она повернулась к нему, и он уткнулся взглядом в ее лебединую шею и снежно-белую грудь, у которой лежал спящий ребенок.

— Могла ли я подумать, Филипп, что вы сыграете со мной такую подлую шутку? Ведь вы были так нежны со мной в тот день!..

Он почувствовал себя оскорбленным:

— Ошибаетесь, сударыня. Я отнюдь не нежен. Я просто не могу смотреть спокойно даже на мучающуюся кобылу. Мой долг был — помочь вам. Но мое мнение о людях, и в особенности о женщинах и их притворстве, не переменилось ни на йоту. В тот день вы не были такой высокомерной. И, подобно всем другим самкам, вы хотели, чтобы рука сильного хозяина помогла вам в тяжелую минуту.

— Не отрицаю, Филипп. Но ваше знание женской психологии несколько ограничено. И хотя вы знаете животных лучше, чем людей, не надо по первым судить о вторых. Для вас женщина — гибрид волчицы, суки и... и коровы!

— Добавьте еще немного от змеи.

— Короче, зверь из Апокалипсиса!..

Они посмотрели друг на друга и помимо воли расхохотались. Внезапно Филипп закусил губу.

— Зверь из Апокалипсиса, — повторил он, не сводя взгляда с фигуры жены. — Моя точка зрения не хуже других, — добавил он после раздумья. — По крайней мере, она охраняет меня от иллюзий. В тот день, стоя у вашего изголовья, я вспомнил суку, самую свирепую из всей моей своры. Когда она оценилась, то смотрела на меня просто человеческими глазами и позволяла гладить и ласкать себя. А два дня спустя она до смерти загрызла мальчишку, приблизившегося к ее щенкам... — Он помолчал и, неожиданно меняя тему разговора, спросил: — А правда, что вы собирались подложить две бомбы под ворота?

— Да.

— И если бы привратник не открыл вам, то вы бы отправили его прямо на небеса?

— Несомненно.

Филипп снова громко рассмеялся.

— Ну и насмешили же вы меня! Недостатков у вас больше, чем у любого другого, но зато о вас не скажешь, что вы дадите человеку скучать... — Он наклонился и, протянув руку, стиснул пальцами ее горло. — Иногда я спрашиваю себя: мне следует задушить вас или?..

— Или что? — сдавленно спросила она.

— Я еще подумаю. — Он убрал руки. — Но не считайте, что вы выиграли. Пока вы еще находитесь в моей власти.

Анжелика потратила много времени на размещение в доме мужа, куда она перевезла детей и часть прислуги. Дом Филиппа был мрачноват и отличался старомодностью, не в пример ее особняку.

Она переделала на свой вкус отведенные ей комнаты. Ла-Виолетт поведал ей, что именно эти помещения раньше занимала мать маркиза. Здесь оказалось тепло и уютно.

Королевское приглашение на бал в Версале заставило ее оторваться от домашних дел. Вечером во дворце она укрылась в комнатке, смежной с апартаментами королевы. Здесь же пристроилась и мадам де Рур, Служанки куда-то запропастились, и они стали переодеваться сами, помогая друг дружке. Многочисленные придворные, то и дело появлявшиеся в комнатке, мешали им — одни вступали в разговоры и расточали комплименты, другие предлагали свои услуги.

— Оставьте нас в покое, — отбивалась мадам де Рур, — или мы

опоздаем из-за вас. А королева ужасно не любит опозданий!

Анжелика решила воспользоваться возможностью переменить испачкавшиеся в дороге чулки. Но чья-то мускулистая рука схватила ее поперек талии и опрокинула на софу так, что у нее все юбки задрались на голову. Отчаянно сопротивляясь, она ухитрилась нанести нападавшему две сильные пощечины. Когда же занесла руку для третьей, то вдруг узнала короля. Рука ее застыла...

— Я...я...я никак не могла подумать, что именно вы... — заикаясь, произнесла она.

— Я тоже не думал, что увижу вас, — добродушно ответил он, потирая покрасневшую щеку. — Я и не предполагал, что у вас такие красивые ножки. Зачем же выставляете их напоказ и смущаете честных людей?

— Просто я не могла найти другого места.

— Значит, по-вашему, Версаль так мал, что в нем нельзя найти места для одной вашей драгоценной особы?

— Может быть, и так. Версаль похож на огромный театр, но без кулис. Не знаю, драгоценна ли моя особа, она должна всегда быть в центре событий. Ах, вот как вы извиняетесь за свое беспардонное поведение! — парировала Анжелика, приводя в порядок свои юбки.

Она все еще сердилась, но, бросив взгляд на смущенное лицо короля, обрела вновь чувство юмора и заулыбалась. Король тоже полностью пришел в себя.

— Куколка моя, я был дураком.

— Да и я тоже.

— Вы — дикий цветок! Поверьте, если бы я сразу узнал вас, то не стал бы так себя вести. Но когда я увидел светлые кудри и... о Боже, такие прелестные ножки...

— Вы простили меня?

И она вытянула вперед руки, не столько кокетничая, сколько стараясь показать, что ссора забыта. Король поцеловал ее пальцы.

А немного погодя, когда она шла по коридору, к ней приблизился ливрейный лакей:

— Главный дворецкий поручил мне передать, что вам отведена комната в крыле замка, где помещаются члены королевского семейства. Позвольте мне проводить вас туда, мадам!

— Вы, должно быть, ошиблись, мой дорогой.

— Мадам дю Плесси-Белльер? Я знаю вас.

— Совершенно верно. Это мое имя.

Очень удивленная, она последовала за лакеем мимо королевских апартаментов и комнат принцев. В конце правого крыла на двери квартирмейстер заканчивал писать мелом:

«Отведено для мадам дю Плесси-Белльер».

От удивления и радости Анжелика чуть не задохнулась. Она подала квартирмейстеру и лакею пару золотых и посоветовала:

— Выпейте за мое здоровье!

— Желаем вам удачи и хороших развлечений, — ответили они и перемигнулись.

Анжелика приказала служанкам принести сюда ее гардероб и спальные принадлежности. А затем с детской радостью занялась наведением порядка. Развешивая свои наряды, она вдруг обнаружила еще одну дверь, ведущую в комнату поменьше, из которой был выход в настоящую прихожую. Значит, ей отвели апартаменты, состоящие из двух комнат и прихожей! Опустившись на мягкую тахту и поразмыслив немного о меняющихся прихотях монарха, она пошла в общий зал, еще раз с удовольствием взглянув на надпись, сделанную мелом: «Отведено для мадам дю Плесси-Белльер». Знакомые и незнакомые люди кланялись ей:

— Так вы, наконец, получили восхитительную надпись: «Отведено для мадам...»

— На вашей двери написано «Отведено...»?

Новость мгновенно распространилась среди придворных. Глаза всех присутствующих обратились в ее сторону с восторгом и завистью. Маркиза дю Плесси светилась от счастья, и так продолжалось до тех пор, пока не появилась королева со своей свитой.

Проходя по залу, королева милостиво приветствовала всех своих знакомых. Но, увидев Анжелику, она сделала вид, что рядом с ней никого нет, и проследовала мимо, так и не ответив на глубокий реверанс молодой женщины.

Стоявший рядом с Анжеликой маркиз де Рокелор, понимающе усмехнувшись, заметил:

— Ее величество посмотрела на вас так неприветливо...

Да, королева воспрянула было духом, узнав, что мадемуазель де Лавальер впала в немилость. Но теперь она поняла, что появилась новая соперница, бороться с которой ей будет трудно ... и бесполезно. Новая соперница была чудо как хороша!

— Кто же это?

— Ах, вы еще не...

Анжелика смотрела на королевскую милость как на способ сгладить

возникшее недоразумение. А придворные во главе с королевой усмотрели в этом прямое доказательство любви короля к маркизе дю Плесси.

Анжелика направилась в бальный зал.

Стены зала были увешаны яркими гобеленами, помещение освещалось тридцатью шестью люстрами. Танцующие стояли в два ряда, мужчины справа, а дамы слева.

Король и королева сидели на возвышении. В дальнем конце залы, на помосте, почти закрытом гирляндами из золотых листьев, играли музыканты, которыми дирижировал Люлли.

— Теперь королева плачет из-за мадам дю Плесси, — раздался голос за спиной Анжелики. — Поговаривают, что король уже свил гнездышко своей новой любовнице. Берегитесь, маркиза!

Анжелике не потребовалось оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежит голос, казалось, звучащий прямо с пола.

— Не верь сплетням, Баркароль! Король интересуется мною не больше, чем любой другой женщиной при дворе.

— И все же поберегитесь, маркиза. Вам грозят серьезные неприятности.

— Что тебе известно?

— Ничего определенного. Только то, что мадам де Монтеспан и мадам де Рур ходили к ЛаБуазен за средством, чтобы отравить Лавальер. И она будто бы посоветовала использовать колдовские чары, чтобы отвратить короля от Лавальер, и она уже...

— Замолчи! — ужаснулась Анжелика.

— Берегитесь их! Если они доберутся до вершины лестницы, вы упадете на самое дно.

Запели скрипки. Король поднялся, поклонился королеве и открыл бал с мадам де Монтеспан. Анжелика заняла свое место среди танцующих. А за гобеленом раздался смех маленького карлика.

Глава 12

После семи лет мира Франция вновь вступила в войну. Военный дух завладел всеми — от короля и принцев крови до последнего бродяги.

Под проливным дождем повозки, кареты и верховые продвигались по дороге, которую пехота, кавалерия и пушки, прошедшие здесь ранее, превратили в сплошное месиво.

Анжелика ехала в карете вместе с мадемуазель де Монпансье, с которой подружилась после освобождения де Лозена из Бастилии. Их экипаж остановился возле только что перевернувшейся кареты. Им сказали, что это карета фрейлин королевы. Увидев через окно плачевное положение мадам де Монтеспан, Великая Мадемуазель приспустила стекло в дверце кареты и позвала:

— Идите сюда, милая! У нас есть место.

Атенаис подобрала юбки и, перепрыгивая с камня на камень, добралась до кареты принцессы и вдруг разразилась громким смехом:

— Никогда не видела ничего более смешного, чем волосы Лозена, когда король заставил его два часа скакать на лошади под дождем. Парик его промок насквозь, так что Лозену даже пришлось снять его.

— Ужасно! — воскликнула принцесса. — И, конечно, очень забавно.

Подождав, пока Атенаис и Анжелика усядутся рядом с ней, принцесса приказала кучеру гнать лошадей. Вскоре они увидели экипаж короля, рядом с которым скакал промокший до нитки маркиз де Лозен.

Остановив свою карету, принцесса обратилась к королю с пространной речью:

— Кузен, неужели вы лишены элементарных человеческих чувств? Вы заставляете благородного дворянина рисковать своим здоровьем. Если ваша жалость не распространяется на его персону, то примите во внимание, что в лице маркиза вы потеряете преданного слугу.

Но король, не отзываясь, смотрел в даль в подзорную трубу из черного дерева.

Анжелика вышла из кареты и огляделась. Они находились на небольшой возвышенности, и под ними простирались бескрайние равнины Пикардии. На берегу ручья, цепляя зубчатыми стенами низко висящие тучи, раскинулся небольшой городок. Французские земляные укрепления окружали его. Заканчивалось рытье второй линии траншей. На глазах у Анжелики французская батарея изрыгнула из своих стволов дым и пламя.

Звук залпа был оглушающим, и Великая Мадемуазель закрыла руками уши.

Наконец король опустил подзорную трубу.

— Кузина, — произнес он, взвешивая каждое слово, — вы очень красноречивы, но всегда выбираете неблагоприятные моменты. Я полагаю, что гарнизон крепости готов сдаться.

Повернувшись к Лозену, король приказал прекратить огонь. Тот умчался, стало тихо.

— Я вижу белый флаг! — закричала принцесса и захлопала в ладоши. — Всего три дня!.. Вы заставили крепость сдаться через три дня, сир. Как великолепно вы ведете войну!

Вечером в побежденном городе, в доме, где расположились придворные королевы, Лозен разыскал Великую Мадемуазель и стал ее расспрашивать, зачем она вступилась за него.

Принцесса покраснела и заулыбалась. Затем, извинившись перед королевой, она уступила Анжелике свое место за карточным столом и отошла вместе с Лозеном в сторону.

Они встали возле окна. Принцесса вся лучилась, разговаривая с маркизом де Лозеном, и при неясном мерцании единственного канделябра, стоявшего на столе, казалась молодой и прекрасной.

«Да она просто помешана на Лозене и на своей любви», — подумала Анжелика.

У Лозена было выражение лица донжуана, и он старался держаться на почтительном расстоянии от принцессы. Чертов гасконец! Чертов Пегилен! В какую романтическую ловушку он завлек доверчивое сердце внучки Генриха IV!..

В зале стояли четыре карточных стола и находилось много народа. Но лишь короткие карточные замечания да позвякивание золотых монет изредка нарушали тишину.

Сегодня королева выглядела по-настоящему счастливой. Она была довольна, что еще один бриллиант прибавился в ожерелье ее городов, но еще большую радость доставляло отсутствие мадемуазель де Лавальер. Ведь буквально перед самой кампанией король подарил мадемуазель де Лавальер герцогство Вожур в Турени и баронство Сен-Кристоф. Оба поместья были примерно равны как по числу жителей, так и по сумме годового дохода.

Отсутствие де Лавальер королева расценила как признание королем своих ошибок. Теперь король уделял ей больше внимания, и они даже бок о бок въехали в покоренный город. Но как только королеве попалась на

глаза мадам дю Плесси-Белльер, сердце ее сжималось от беспокойства, ибо ей уже рассказали о внимании, уделяемом маркизе королем.

Несомненно, маркиза была красивой женщиной. И королева порой даже порицала себя за подозрения, ибо ей нравилась Анжелика, и она была не прочь взять ее к себе в свиту. Но старый Солиньяк утверждал, что маркиза — неблагочестивая и аморальная женщина, а мадам де Монтеспан подозревала, что она страдает дурной болезнью, подхваченной где-нибудь в трущобах, которые она часто посещает. Как же можно доверять внешности? Она выглядит такой свежей, прямо пышущей здоровьем, и у нее такие красивые дети... Что же будет, если король сделает ее своей любовницей? Где найти успокоение бедному сердцу королевы?

Анжелика сознавала, что ее присутствие неприятно королеве, и старалась как можно реже попадаться ей на глаза.

Дом, предоставленный королю и его семье, был маленьким, и большая часть придворных размещалась в жилищах горожан. Но Анжелике и мадам де Монтеспан выделили комнату рядом с королевскими апартаментами.

Проходя по тускло освещенному мигающими ночниками коридору среди чемоданов и сундуков, Анжелика увидела перед собой нечто похожее на черную маску с живыми блестящими глазами.

— Сюда нельзя, мадам.

— Почему же нельзя?

— Там кое-кто есть.

— Ну и что? А мне как раз нужно туда. Зубы негритенка блеснули в усмешке:

— Король, мадам... Король! Ш-ш-ш! Анжелика повернула назад, раздумывая о случившемся. Король и мадам де Монтеспан!

На следующий день все собирались в Амьен. Одевшись пораньше, Анжелика направилась к королеве, поскольку получила такое предписание. У входа в покои королевы охала Великая Мадемуазель:

— Ах, какая жалость! Какая досада! Могу себе представить положение ее величества!

Королева сидела вся в слезах, мадам де Монтозье утешала ее, а мадам де Монтеспан громко повторяла, что ей понятна печаль королевы.

А все дело было в том, что мадемуазель де Лавальер только что прибыла в расположение армии, проведя целую ночь в карете, и сейчас явилась засвидетельствовать свое почтение бедной королеве.

— Какое бесстыдство! — продолжала Монтеспан. — Сохрани меня Господь от такого позора! Если бы я имела несчастье стать любовницей

короля, я не осмелилась бы появиться перед королевой!

Что же в действительности означало появление фаворитки? Было ли причиной желание короля?

Весь двор отправился в церковь на мессу. Мария-Тереза подошла к месту, отведенному королевской семье. Герцогиня де Лавальер была уже там, но королева даже не взглянула на нее. Еще раз фаворитка появилась перед Марией-Терезой, когда та садилась в коляску. Королева и тут не сказала ей ни слова. Хотя все ее иллюзии уже полностью развеялись. Теперь она уже не могла игнорировать создавшуюся ситуацию, как поступала раньше. И, возмущившись, приказала слугам, чтобы никто из них не смел кормить фаворитку, а офицерам охраны велела на обратном пути задержать экипаж де Лавальер, чтобы та не могла встретиться с королем раньше самой королевы.

Узнав обо всем, де Лавальер в отчаянии приказала кучеру галопом пересечь открытое поле и догнать короля.

Увидев такой маневр, королева послала свою охрану — догнать экипаж фаворитки и силой задержать ее. Но придворные дамы упростили королеву успокоиться и отменить приказ. И только появление самого короля разрядило обстановку, готовую вылиться в грандиозный скандал.

Король появился верхом, забрызганный грязью с головы до ног. Спешившись, он подошел к карете королевы и извинился за то, что очень грязен и потому не может сесть к ней в экипаж. Разговаривая с супругой, его величество был весел и добродушен.

Тут же разнеслась молва, что фаворитка прибыла самовольно, а не по желанию короля. Дело казалось тем более загадочным, что мадемуазель де Лавальер слыла застенчивой и робкой женщиной. Что же заставило ее решиться на такой отчаянный шаг?

Оставшись одна в Версале, одаренная титулом и поместьями, она вдруг поняла, что ситуация говорит о ее полной отставке. И тогда, приняв внезапное решение, граничившее с открытым неповиновением с ее стороны, она приказала гнать свой экипаж к месту военных действий. Ее угнетала мысль, что возлюбленный монарх сейчас, может быть, находится в объятиях другой женщины.

В сопровождении служанок Анжелика искала более или менее приличный приют и столкнулась с мадемуазель де Монпансье, которая тоже была занята поисками пристанища.

— Вот что значит попасть на войну, — посетовала Великая Мадемуазель. — Мадам де Монтозье не смогла найти ничего лучше вороха соломы, а фрейлины королевы улеглись на снопах пшеницы в каком-то

сараяе...

Наконец Анжелика разыскала амбар с сеном. Она поднялась по лесенке на антресоли, приказав слугам размещаться внизу. Фонарь под самой крышей едва освещал помещение, и в его неверных лучах она увидела огромные глазные белки и алый тюрбан негритенка Наамана.

— Что ты тут делаешь, исчадьё сатаны?

— Я охраняю мадам де Монтеспан, сторожу ее ложе. Она спит здесь...

Показалась фигурка Атенаис.

— Как мило с вашей стороны, Анжелика, что вы пришли разделить со мной «зеленую комнату», как называют солдаты привалы на свежем воздухе. Мы даже сможем здесь поиграть в пике, пока не захочется спать!

— Она бросилась в сено, потянулась и зевнула, похожая на большую, довольную кошку. — Ах, как здесь мягко! Что за чудесная постель! Она напоминает мне детство в Пуату... Рядом с нашим домом стоял амбар с сеном. И, таясь от родителей, я встречалась там со своим дружкой — пастушком лет десяти. Мы с ним любили слушать воркование голубей...

Она распустила тугой корсаж, и Анжелика последовала ее примеру. Потом они сняли верхние юбки и чулки и зарылись в сено.

— От пастушка — до короля, — продолжала Атенаис. — А что вы думаете о моем будущем, дорогая? — Она приподнялась на локте и захихикала, как хихикают подвыпившие женщины: — Быть любимой короля! Какое наслаждение!..

— Вам не кажется, что вы слишком рано уверились в такой любви? Не так давно вы еще думали совсем иначе, помните?

— Да, но теперь у меня появились основания. К чему сомнения?.. Прошлой ночью он приходил ко мне... Когда он оставил Лавальер в Версале, мне многое стало ясно. Ведь на прощание он одарил ее безделушками...

— Безделушками?! — удивилась Анжелика. — Так герцогство, по-вашему, просто безделушка, не заслуживающая никакого внимания?

— Фи!.. Подарки-то и дали ей смелость примчаться к королю. Хи-хи-хи, но все равно она в проигрыше... Я бы не попала на такую приманку. Он не посмеет со мной поступить так, как обошелся бы с простой танцовщицей! Ведь я из рода Мортемар!..

— Вы пугаете меня своей доверчивостью, Атенаис. Так вы стали любовницей короля?

— Конечно! Но не любовницей, а возлюбленной! О, Анжелика, как восхитительно ощущать власть над таким человеком! Видеть, как он бледнеет, дрожит... слушать его признания! Он — величественный, полный

чувства собственного достоинства человек, порой просто устрашающий. Про него справедливо говорят, что он необуздан в любви. Но я уже знаю, что могу удовлетворить его...

Она сладко потянулась, будто только что испытала острый момент наслаждения. Анжелике стало не по себе.

— Просто замечательно, — иронически заметила она. — Весь двор стораёт от желания узнать, кто же теперь станет любовницей короля. А мне даже не нужно слушать сплетни и намеки — я и так все знаю!

Мадам де Монтеспан резко повернулась, будто ее собеседница готова была уже сейчас разгласить тайну по всему свету:

— О, нет, дорогая, вы должны молчать, а то все очень усложнится. Пока что мы просим вас поступать, как мы ожидаем...

— Как поступать? И кто это мы?

— Мы — это я и король? — сказала Атенаис.

— То есть, мадам, вы... а иначе, вы и король, надеетесь, что все, — и я в том числе, будут поддерживать сплетню, будто я — любовница короля, и собьются с истинного следа?

Синие глаза Атенаис заблестели радостью:

— Именно так! Понимаете, вы очень поможете нам. Я в большом затруднении. С одной стороны — я придворная дама королевы, а с другой — близкая подруга мадемуазель де Лавальер. И открытое внимание короля подорвет мою репутацию. В сложившейся ситуации двор нужно чем-то отвлечь. Король определенно помог будущим сплетням, щедро выделив вас из толпы. Королева холодна с вами. Обо мне никто не догадывается, потому что все действительно сбито со следа. Я думаю, у вас хватало здравого смысла, чтобы раскусить все с самого начала. Король многим обязан вам. Только никому ничего не говорите. Вы понимаете?

Анжелика не ответила и, взяв соломинку, нервно завертела ее в пальцах. Она чувствовала себя обиженной, ибо ее принимали за доверчивую простушку — ее, которую считали самой хитрой деловой женщиной королевства. И теперь, когда втянули в интригу, она будет выглядеть простой деревенщиной...

— И что тут не понять? — продолжала де Монтеспан сладким голосом. — Вам должно быть приятно от чувства, что вы отмечены королем, пользуетесь его милостью и доверием. И потом, я надеюсь, вы не примете всерьез нашу маленькую комедию. Ведь вы так любите своего мужа! Правда, он не слишком страстный мужчина, но зато красавец и, говорят, не обидчив...

— А вы любите играть в карты? — равнодушным голосом спросила

Анжелика.

— Очень люблю и играю с удовольствием. У меня даже есть колода в сумке... Нааман!

Негритенок передал ей дорожную сумку, и, сидя в соломе, на чердаке сарая, две знатные красавицы разыграли несколько партий, не проявляя особого интереса. Анжелика была рассеянна, настроение не улучшалось. Наконец им надоело играть, Атенаис улеглась и мгновенно уснула с улыбкой на губах.

А Анжелике было не до сна и не до улыбок, раздражение ее росло. Кусая ногти, она строила планы отмщения, решив в конце концов, что утром имя мадам де Монтеспан будут трепать даже молочницы. Зря она посчитала, что Анжелика клюнет на ее удочку!

«Идиотка!» — мысленно обругала она Атенаис, чувствуя, как разрастается злоба. Осторожно поднявшись, она собрала свои вещи и спустилась вниз, оставив мадам де Монтеспан на сене в мире чудных сновидений.

Занимался рассвет. Упало несколько капелек дождя. А с алеющего востока доносились звуки просыпающегося военного лагеря.

Маркиза дю Плесси с трудом пробиралась по грязи к дому, где расположилась королева со свитой и где отдыхала Великая Мадемуазель де Монпансье. Перед воротами, на лавочке, она вдруг увидела мадемуазель де Лавальер, скрюченную и дрожавшую от холода. Рядом с ней сидели ее племянница и две служанки — все с красными, воспаленными от бессонницы глазами. Все они имели такой плачевный вид, что сердце Анжелики сжалось от сочувствия и сострадания, и она остановилась.

— Что вы здесь делаете, сударыня? Вы же простудитесь!

Луиза де Лавальер подняла большие голубые глаза и вздрогнула, выходя из забытья.

— Где король? — спросила она. — Мне нужно видеть короля. Я не могу уехать отсюда, не повидав его. Где он? Прошу вас, ответьте.

— Не знаю, сударыня.

— Нет, вы знаете, я уверена. Вы знаете!

— Нет, не знаю...

Анжелика взяла в свои руки протянутые к ней тонкие холодные ладони герцогини.

— Клянусь, я ничего не знаю, — повторила Анжелика. — Я не видела короля с тех пор, как... даже не помню, когда встречала короля в последний раз. Уверяю вас, что ему до меня нет дела. А вот вам такая ночь может очень дорого обойтись...

— Я говорю ей то же самое, — простонала племянница. — Она уже измучила и себя, и нас, но никак не хочет отступиться.

— У вас есть какое-нибудь пристанище?

— Есть, — ответила племянница герцогини, — но она решила дождаться короля здесь.

— Тут оставаться просто глупо! — Анжелика рывком подняла герцогиню со скамьи. — Вам необходимо немедленно принять что-нибудь горячительное и улечься в постель. Думаю, королю не доставит удовольствия увидеть вместо вас бледное дрожащее привидение!

Добравшись до дома, где остановилась фаворитка, Анжелика приказала развести в камине огонь и согреть простыни. Затем она приготовила пастой из ромашки и уложила Луизу в постель. Под одеялом герцогиня казалась еще более хрупкой. Язвительное прозвище «живые мощи», которым ее наградили острые на язык куплетисты, оказалось вовсе не преувеличением. Кости проступали под кожей. Она была на седьмом месяце беременности — пятый раз за шесть лет! — в ее двадцать три года.

«Что может сделать с женщиной мужчина, которого она любит!» — подумала Анжелика.

Гнев ее разгорелся с новой силой. Она вспомнила рассказ Баркароля о попытках соперниц отравить де Лавальер и содрогнулась.

— Как вы добры, — прошептала Луиза. — А ведь про вас говорили...

— Зачем обращать внимание на то, что говорят? Смотрите на дела, а не на слова. От злых языков у меня, как и у вас, нет защиты. Тут мы обе в одинаковом положении...

«И я такая же дура, как ты. Меня тоже использовали, как ширму, для прикрытия. Ну, ничего, я найду возможность отомстить за себя!» — подумала она, а вслух шепнула:

— Теперь спать! Король любит вас... — полагая, что ее слова прольются целительным бальзамом на исстрадавшееся сердце фаворитки.

— Он уже не думает обо мне, — печально улыбнулась в ответ Луиза де Лавальер.

— Зачем вы так говорите? А подарки и титулы, которые он вам преподнес? Они лучше всяких слов говорят о его чувствах. Теперь вы — герцогиня де Вожур, да и вашу дочь никто не упрекнет в том, что у нее нет отца!

Фаворитка печально покачала головой. Из ее глаз брызнули слезы. Она всегда и ото всех пыталась скрывать свои беременности. Она отдавала кормилицам детей, как только они рождались, чтобы не давать повода к сплетням, а тут вдруг король, ни словом не обмолвившись с ней, Луизой,

признает своей ее дочь! А разве не с его ведома пошли слухи, что графа де Варда отзовут из ссылки специально, чтобы он женился на ней?

Все утешения Анжелики оказались напрасны — они опоздали. Она подумала, что, быть может, и королева не спала всю ночь, ожидая короля и терзаясь мыслями о том, что супруг лежит в объятиях де Лавальер. А бедная фаворитка мерзла всю ночь на скамейке. Да, лишь мадам де Монтеспан спокойно спала на сеновале, уверенная, что маркиза дю Плесси-Белльер будет держать язык за зубами.

Шарлеруа, Армантьер, Сен-Вину, Дуэ, Уденар и крепость Ла-Скарп — все укрепления падали, как карточные домики.

В каждом из них короля и королеву Франции встречали делегации именитых горожан и по улицам, устланным коврами, сопровождали в лучший собор города, где в их присутствии исполнялась торжественная «Те Деум».

У стен Дуэ под королем, частенько бывавшим на передовой, убили лошадь. Запах пороха вьелся в его одежду, и ему доставляло большое удовольствие самому водить в бой полки. При осадах он сидел в окопах, как простой солдат, доставляя много беспокойства своим придворным. Когда маршал Тюрени увидел его засыпанным землей от разорвавшейся поблизости бомбы, он поклялся, что снимет осаду, если король останется таким же безрассудным. Маркиз дю Плесси сказал монарху:

— Давайте поменяемся шляпами, сир! Пускай лучше испанцы убьют меня вместо вас.

Король стал более осмотрительным, а Филиппу он пожаловал голубую ленту ордена Святого Людовика.

Мадемуазель де Лавальер осталась в Компьене, а королева следовала вместе с армией за королем. В королевской карете она возила Великую Мадемуазель де Монпансье, мадам де Монтозье, принцессу де Бад и маркизу де Монтеспан. Следом за ними в большом экипаже ехали остальные придворные дамы, в число которых входила и Анжелика. Все очень устали и до смерти хотели пить.

Выйдя из экипажей на окраине лагеря, дамы были приятно удивлены, обнаружив повозку, полную льда. От одного только вида искрящегося под солнцем холодного чуда они сразу же почувствовали себя гораздо лучше.

Охрана повозки состояла из хмурых черноусых молодцов и гардевавшего вокруг них молодого офицера, по виду явно испанского происхождения. Офицер объяснил дамам, что месье Бруай, испанский губернатор Лилля, из рыцарских побуждений посылает лед французскому королю в подарок.

Двор и в походных условиях продолжал свою обычную жизнь. Поле было заставлено симметрично расположенными палатками. Самая большая, королевская, находилась в центре, к ней примыкали две поменьше — для совещаний и приемов. Весь церемониал, принятый в Версале, сохранялся и здесь.

Людовику нравилось развлекать за столом придворных дам. Однажды за ужином он обратил внимание на Анжелику, сидевшую неподалеку от него. Припомнив, что за все время военной кампании ни разу не разговаривал с ней, он обратился к ней с самым любезным видом:

— Итак, вы уехали из столицы. А о чем поговаривают в связи с вашим отъездом?

— Я думаю, что сейчас больше разговаривают с Богом на вечерней молитве, сир!

— Я хочу спросить, что там сейчас нового?

— Поспел зеленый горошек, сир.

Ее ответ мог бы показаться остроумным, если б не был произнесен ледяным тоном. Пораженный король умолк и, не обладая быстрым умом, стал обдумывать ответ, постепенно заливаясь краской. На помощь ему пришла мадам де Монтеспан. Она объявила, что сейчас стала модной новая игра — на задаваемые вопросы следуют неожиданные и даже абсурдные ответы. В парижских салонах все заняты такой игрой, и мадам дю Плесси очень искусна в новом занятии...

Вскоре за столом увлеклись новой темой, и ужин прошел очень приятно.

На следующее утро, когда Анжелика совершала свой туалет, появился маркиз дю Плесси. Анжелика, как и все придворные дамы, испытывала большие неудобства от походной жизни, ибо отдыхать и прихорашиваться приходилось либо в конюшне, либо в хлеву. Вот и сейчас Жавотта помогала ей надевать юбки, а Тереза зашнуровывала корсет.

Увидев мужа, Анжелика отослала служанок, но те, отойдя немного в сторону, могли спокойно разглядывать в зеркальце лицо Филиппа.

— Я слышал о вас дурные разговоры, сударыня. Я считаю своим долгом преподать вам урок хорошего тона и даже наказать вас.

— Что за разговоры, месье?

— Вы посмеялись над королем, когда он обратился к вам с любезным вопросом.

— И это все? — поинтересовалась она, вытаскивая ленточку из позолоченного ларчика. — Ну, обо мне ходят гораздо более неприятные слухи, способные сильнее задеть вас. Впервые вы вспомнили о нашем

супружестве, и то лишь для того, чтобы обрушить на меня свой гнев.

— Вы дерзко разговаривали с королем. Да или нет, отвечайте!

— Да, и у меня были на то причины.

— Но вы... вы говорили с самим королем!

— Король он или нет, но он просто гадкий мальчишка, которого время от времени необходимо ставить на место.

Если бы Анжелика принялась богохульствовать, то и тогда Филипп не был бы так поражен!

— Вы сошли с ума?! — Он стал нервно расхаживать взад и вперед, а потом уставился на нее. — Теперь я понимаю, откуда дует ветер! Я ослабил вожжи, предоставил вам некоторую свободу в связи с рождением сына, которого вы кормите и воспитываете. Вы воспользовались свободой во зло. Мне кажется, что пришло время снова взяться за хлыст...

Она пожала плечами и, не удостоив его ответом, занялась ленточками на юбках.

— Так какое наказание придумать вам, чтобы научить достойно вести себя за столом короля? — продолжал Филипп. — Ссылка? Но вы, пожалуй, тут же найдете способ вернуться. Дать вам еще раз отведать собачьей плетки? Помнится, однажды таким образом я заставил вас присмиреть... Или попробовать что-нибудь новенькое?

— Не распалайте свое воображение, Филипп. Вы слишком строгий учитель. Три слова...

— Три слова, произнесенные королю!

— Но король тоже человек.

— Тут-то вы и ошибаетесь. Король есть король! И мы обязаны служить ему верой и правдой и оказывать ему почет и уважение.

— Еще чего?! Дать ему право распоряжаться моей жизнью, чернить репутацию и предавать мое доверие?

— Король наш властелин. Он имеет права на всех нас. И на вас тоже.

— Да? А если ему вздумается сделать меня своей любовницей? Что я должна делать?

— Согласиться! Неужели вы не понимаете, что все дамы — жемчужины французского двора — обязаны служить прихотям своего монарха?

— Поистине вы великодушный муж! Если у вас нет ко мне никакого влечения, то должны же быть хотя бы инстинкты собственника!

— Все, чем я владею, принадлежит королю. Я никогда и ни в чем не откажу ему — ни в таком пустяке, ни самой моей жизни!

Анжелика вспыхнула от досады. Филипп нашел-таки способ уязвить

ее! А чего она, собственно, ожидала? Проявления ревности? Это было бы чересчур, он никогда не проявлял к ней никакого интереса, за исключением случая, когда она родила наследника.

Она повернулась и пошла к палатке, трясущимися от злости руками закалывая гребнем волосы.

Филипп наблюдал за ней со злорадной усмешкой.

Тогда она дала выход своему гневу:

— Я и забыла, что женщина значит для вас не больше, чем вещь. Она нужна лишь для того, чтобы рожать детей. Она стоит меньше, чем кобыла или слуга. Ее можно продавать и покупать, ее можно просто прогнать, когда она уже не нужна. Вот что значит женщина для таких, как вы! Она нужна вам, как нужен хлеб и мясо, когда вы голодны!

— Забавная картинка, — подхватил Филипп. — Все правильно, я и не отрицаю. Должен признаться, что ваша пышная фигурка возбуждает во мне аппетит. Признаюсь даже, что сейчас я почувствовал настоящий голод... — Он положил руки на плечи Анжелики.

— Не рассчитывайте, мой друг! — ледяным тоном вдруг произнесла она.

Филипп яростно рванул ее корсаж:

— Так, по-вашему, я еще должен говорить «пожалуйста»? Ах ты, дура жеманная! Разве ты не понимаешь, что принадлежишь мне!? Гордая маркиза дю Плесси требует, чтобы муж оказывал ей какие-то знаки внимания?

Он сорвал с нее корсаж, разодрал рубашку и грубо ухватил за грудь, как пьяный кирасир на ночном разбое.

— Вы забыли свое прошлое, мадам маркиза! Вы же просто деревенская девчонка с сопливым носом и грязными ногами. Я как сейчас вижу вашу короткую юбочку, волосы, свисающие прямо на глаза — суцая ведьма!.. — Он охватил ее голову руками, приблизив лицо к своему, и сдавил так, что зашумело в ушах. — Потом та ведьма вылезла из своего полуразрушенного замка и теперь считает, что ей позволено хамить королю! Да вам можно жить только на конюшне, мадемуазель де Монтелу! И, пожалуй, сейчас я восстановлю в вашей памяти кое-что из прожитого.

Она до крови ободрала себе пальцы о его стальную кирасу и стонала от боли. Он засмеялся:

— А теперь, пастушье отродье, мы скрутим вас без лишнего шума! — Он поднял ее и швырнул на солому в дальнем углу палатки.

— Пустите меня, пустите!

— Перестаньте орать. Вы хотите поднять на ноги весь наш гарнизон?

— Да, пусть все видят, как вы со мной обращаетесь!

— Замечательно! Великолепно! Мадам дю Плесси изнасиловал ее собственный муж.

— Я вас ненавижу!.. — Она боролась изо всех сил и ухитрилась укусить его за руку.

— Сука! — Он наотмашь ударил ее по лицу, а затем заломил руки за спину, лишив последней возможности сопротивляться.

— Бог мой! — вымолвил он, задыхаясь, но уже с шутливым оттенком в голосе. — Никогда еще не имел дела с такой сумасшедшей...

Анжелика почувствовала, что решимость покинула ее. Значит, все будет как прежде. И придется покориться его зверским инстинктам. Против восставала не только попранная гордость, но и любовь — ее любовь к Филиппу, в которой она боялась признаться даже самой себе.

— Филипп!..

Он добился своего. Не впервые приходилось ему бороться на сене в углу заброшенного сарая и ощущать, как под ним затихает трепещущая жертва.

— Филипп!..

Он слышал, как она произносит его имя, но голос ее звучал как-то странно.

То ли от усталости, то ли от одурманивающего запаха сена — но Анжелика уступила. С ней ведь был тот самый Филипп, которого она полюбила еще в Монтелу. Она расслабилась и решила просто исполнить долг женщины. Она была его женой, его вещью, и он имел все права для удовлетворения своих желаний.

Несмотря на охватившую его ярость, Филипп тут же почувствовал перемену в ее поведении. Испугавшись, что причинил ей боль, он несколько умерил свой пыл. Он попытался разобраться в причинах ее реакции и вдруг ощутил нежное прикосновение к своей щеке. Внезапная дрожь охватила его, и он, ослабев, лег рядом с ней.

Он решил удержаться от дальнейшей пикировки и уйти, не понимая, что почти довел ее до экстаза. Искоса посмотрев на нее, он увидел, что она собирается одеваться. От каждого ее движения веяло теплым дыханием плоти. У него появилось впечатление, что она была вовсе не прочь отдаться ему:

— Кажется, мои любезности вам не понравились. Не забывайте, что они являлись вам наказанием.

Медленно застегивая вторую юбку, она ответила нежным, почти застенчивым голосом:

— А может быть, ваши любезности были мне как вознаграждение?

Филипп быстро вскочил на ноги, будто ему угрожала опасность. Он чувствовал себя неестественно опустошенным. И ему вдруг показалось, что он испытывает желание снова лечь в сено и дружески поболтать с Анжеликой. Но он сразу поспешил отогнать от себя такое необычное желание. Филипп вышел из палатки с неприятным ощущением, что последнее слово осталось все-таки не за ним.

Глава 13

Версаль плавился под полуденными лучами июльского солнца. В поисках прохлады Анжелика с несколькими дамами пришла в ту половину парка, где тень от деревьев и влага фонтанов спасали от нестерпимой жары, Здесь они увидели де Вивонна.

— У меня к вам предложение, сударыня, — обратился он к Анжелике. — Я хочу поговорить, вероятно, на не совсем обычную тему. Я обращаюсь к вам не как к самой очаровательной нимфе здешних роц, а как к разумной женщине и любящей матери. Короче, я прошу согласия, чтобы ваш Кантор был в моей свите.

— Кантор? Но он же совсем еще ребенок! Какая вам от него может быть польза?

— А какая польза от певчей птички? Ваш сын очаровал меня. Он так восхитительно поет и играет на лютне, что я хотел бы иметь его рядом с собой, когда отправлюсь в поход.

— Вы отправляетесь в поход, месье?

— Неужели вы не слышали, что я назначен адмиралом флота? И король посылает меня на Крит сражаться с турками в Средиземном море.

— Как далеко! — воскликнула Анжелика. — Я не хочу отпускать его в такую даль. Он еще маленький, ему всего восемь лет!

— А выгядит на все одиннадцать. К тому же он не будет одинок — все мои пажи из хороших семей. А управляющий — сам отец большого семейства, и ему можно доверить мальчугана. И кроме того, сударыня, разве вы сами не интересуетесь Критом? У вас, я слышал, есть там деловые интересы? Вашему сыну не мешало бы поучаствовать в их защите.

Анжелика отказалась дать немедленный ответ, но обещала подумать над предложением.

— Вам следовало бы согласиться на предложение де Вивонна, — заметила мадам де Шуази, когда адмирал удалился. — Он занимает сейчас важное положение, а новое назначение поставило его в ряд с самыми влиятельными людьми Франции.

А мадам де Людр ехидно добавила:

— И не забывайте, что его величество весьма благоволит к нему, и не в последнюю очередь для того, чтобы добиться расположения его красавицы сестры.

— Вы говорите так, будто мадам де Монтеспан уже стала любовницей

короля, — возразила де Шуази.

— Но ведь она такая скрытная!..

— То, что она говорит, и то, что делает, — не всегда одно и то же. И мадам де Монтеспан старается не хвастаться своими похождениями, а то муженек закатит ей такой скандал, как если бы его соперником оказался обыкновенный парижский щеголь.

— Не хочу даже слушать о ее муже! Сам он настоящий дурак, и к тому же один из самых распутных мужчин королевства. Я слышала, что явившись к герцогу Орлеанскому без парика, он заявил, что рога на лбу мешают ему носить парик, забавно, не правда ли?

— Но то, что он заявил королю вчера в Сен-Жермене, звучит вовсе не забавно. Мы возвращались с прогулки и вдруг увидели экипаж с гербами маркиза де Монтеспан, обтянутый черным крепом. Сам он стоял рядом и тоже был одет во все черное. Король очень удивился и спросил его, по ком он носит траур. «По своей жене, сир!» — последовал ответ.

Мадам де Людр рассмеялась, Анжелика последовала ее примеру.

— Смейтесь, смейтесь, — произнесла де Шуази тоном оскорбленной добродетели. — Шуточки хороши во время карнавала, а не при дворе. Монтеспан рискует угодить в Бастилию!

— Вот уж где его обучат по-настоящему...

— Как можно быть такой циничной, мадам?

— Так далеко король не зайдет, но потребует от него публичного раскаяния...

— Поскольку я тоже имею к этому отношение, — заговорила Анжелика, — то хочу, чтобы вы знали правду о поведении мадам де Монтеспан. Сейчас ходят смешные сплетни о короле и обо мне. Так вот, они безосновательны!

— Честно говоря, я считала, что вы займете место мадемуазель де Лавальер, — высказалась мадам де Шуази с плохо скрываемой завистью. — Но я допускаю, что вы бережете свою репутацию, — произнесла она так, будто сожалела, что все ее подозрения оказались ложными.

— Не стоит вам связываться с мадам де Монтеспан и с ее мужем, — сказала мадам де Людр. — А потом, он сейчас даже не при дворе...

— Он должен участвовать в военных действиях во Фландрии...

Так, болтая, они подошли ко дворцу.

Множество рабочих, стоя на лестницах, развешивали на деревьях фонари. Слышался стук топоров. Парк готовился к празднику.

— Надеюсь, мы еще успеем переодеться, — заговорила мадам де Шуази. — Король, похоже, собирается устроить нам сюрприз, хотя мы

только и делаем, что бьем баклуши, а он пропадает на ночных совещаниях.

— Торжества начнутся с наступлением сумерек. Наше терпение будет вознаграждено.

Король собирался отпраздновать победы своей армии грандиозными торжествами. Победное шествие по Фландрии и блестящая зимняя кампания во Франш-Конте приносили свои плоды. Европа с удивлением взирала на молодого короля, о нем заговорили во всем мире. И предстоящими торжествами, как фанфарами, Людовик хотел усилить славу.

Анжелика появилась в костюме турчанки, осыпанном алмазами, переливавшимся всеми цветами радуги, Король уже был в зале. Одет он был не более великолепно, чем обычно, но выглядел очаровательно. Его появление означало, что время торжеств наступило.

Ворота дворца были открыты для простолюдинов, сразу же заполнивших внутренние дворики и садовые дорожки. Глаза всех устремились на процессию. Впереди король вел королеву, светившуюся от восторга, хотя ее худенькие плечи сгибались под тяжестью расшитой драгоценностями одежды. Ее восхищало не только великолепие самого праздника, но и присутствие рядом с ней супруга, короля Людовика XIV. Казалось, что сердце ее избавилось от вечной боли, хотя злые языки уже пытались угадать новую фаворитку.

Конечно же, здесь были и мадемуазель де Лавальер, и мадам де Монтеспан. Первая казалась очень расстроенной, а другая выглядела красивой, даже очень красивой, и это всем бросалось в глаза. Здесь же были и мадам де Людр, и мадам де Рур, но они затерялись в толпе, и на них никто не обращал внимания. Король и королева, в сопровождении всего двора, шли по лужайкам прямо к фонтану Дракона. Фонтан недавно был реставрирован, и король хотел сам включить всю систему и показать гостям его великолепие.

В центре огромного водоема высился Дракон, пронзенный золотой стрелой. Из раны его, как кровь, струей била вода и, взметнувшись к небу, дождем падала вниз. Водопады вырывались из открытых пасть дельфинов вокруг фигуры Дракона.

Вдоволь налюбовавшись, король прошел мимо фонтана Латоны к Большим Террасам. Небо постепенно окрашивалось в алый цвет, деревья становились голубоватыми, но было еще довольно светло, и бронзовые статуи блестели под лучами заходящего солнца. Наступило время, когда весь Версальский парк превратился в расцветенный фонарями сказочный лес. У входа в Лабиринт их приветствовала фигура баснописца Эзопа с

насмешливыми глазами и с циничной улыбкой на губах. Рядом с Эзопом стояла статуя Эроса, бога любви, как бы говоря, что любовь часто увлекает нас в сети и лишь нить опыта и чувство юмора способны вывести из лабиринта любви и разрешить выпутаться из сетей. Король объяснил заинтересованной королеве скрытое значение аллегии.

Сам Лабиринт, являющийся частью сада, тоже был одним из чудес Версаля. Он представлял собой густые заросли кустарника с бесчисленными дорожками, пересекавшимися в разных направлениях и упиравшимися одна в другую, так что заблудиться здесь было совсем немудрено. Придворные не уставали удивляться скульптурным группам животных из басен Эзопа. Звери выглядели как живые и располагались на возвышениях или в бассейнах, подобных громадным раковинам. Тридцать семь четверостиший придворного поэта Бенсерада, отчеканенных золотом на бронзовых плитах, передавали содержание басенных аллегорий. Затем вся компания подошла к летнему пятиугольному домику, скрытому в тени величественных вязов. На площадке перед входом стояли три мраморные вазы с красными, голубыми и белыми цветами. Здесь же были накрыты пять каменных столов.

На одном из них высилась гора, в пещерах которой стояли тарелки с холодными закусками. На другом столе вздымался дворец из марципана, на третьем — пирамида из засахаренных фруктов. Еще на одном громоздились серебряные кубки с различными напитками. И, наконец, на последнем столе лежали всевозможные конфеты — шоколадные, медовые, с корицей или имбирем.

Двор замер, восхищенный таким зрелищем. Со всех сторон к столам потянулись жадные руки. Вмиг разрушился марципановый дворец, развалилась пирамида и опустели кубки с вином. Придворные веселились, как на пикнике.

— Какой добрый дух перенес нас в блаженную Аркадию? — воскликнула мадемуазель де Скюдери.

И вот уже вспыхнул один огонек, второй, третий... и деревья осветились тысячами огней. Пастухи и пастушки закружились в танце, а сатиры и вакханки, ударяя в цимбалы, повели за собой всех гостей в театр.

Представление длилось долго, и, не дождавсь его конца, Анжелика вышла в парк. Свет скрытых в листве фонарей и плеск воды в фонтанах создавали сказочную таинственность, запах цветов дурманил голову.

Как сквозь сон она увидела поклонившего ей мужчину. Когда он выпрямился, она сразу же узнала Филиппа. Она не видела его со дня той памятной любовной схватки в палатке. Двор вернулся в столицу, а Филипп

возглавил одну из военных экспедиций. До Анжелики доходили слухи о нем, сам же он не сообщал о себе ничего. Изредка она посылала ему короткие записки о сыне и о дворе, не надеясь получить ответа. И вот, улыбающийся, он стоит перед ней.

— Приветствую Баронессу Унылого Платья!

— Филипп, — возразила она, — на моем платье одних алмазов на десять тысяч ливров.

— А то, давнее, было серым, с маленькими голубыми бантиками на корсаже и белым воротничком?

— Неужели вы запомнили его?

Он прислонился к колонне. Анжелика протянула руку, и Филипп, мгновение поколебавшись, поцеловал ее.

— Я думала, что вы еще в армии.

— Я получил приказ короля явиться и присутствовать на сегодняшнем празднике. Очевидно, в качестве одного из украшений.

И тут действительно не было ничего необычного. Король хотел, чтобы его свита состояла из самых красивых мужчин и женщин — и особенно в такой праздничный день.

— Король отозвал вас совсем?

— Нет, только на праздник.

— Почему?

— Мне нравится война.

— Вы получали мои письма?

— Ваши письма? Да... По-моему, получал.

Анжелика с треском захлопнула веер:

— Так, может быть, вы их просто не читали?

— В армии мне приходится заниматься более важными делами, чем читать записки.

— Вы любезны, месье, как всегда.

— А вы, как всегда, задиристы! Я очень рад видеть вас в хорошем расположении духа. Признаюсь, порой мне недоставало вашей воинственности. Ведь война — довольно скучное дело: две-три осады, несколько перестрелок...

— И когда же вы возвратитесь совсем?

— Король выразил желание немедленно увидеть меня при дворе. Не волнуйтесь, у нас будет куча времени для прекраснейших ссор и самых лучших перебранок.

— Да и для других дел, — отозвалась Анжелика, глядя ему прямо в глаза.

Ночь была нежна. Они стояли у храма любви совсем одни, и Анжелика сама удивлялась своей смелости. Он пришел к ней, когда понял, что не сможет справиться со своим желанием побыть рядом с ней, и нашел ее в уединении. Но можно ли было считать, что между ними возникает взаимопонимание?

Филипп взял ее за запястье и стал целовать шелковистую кожу руки, отодвигая губами браслеты. Пальцы его скользнули под воротник, расшитый драгоценностями, обрамлявший шею и падающий на плечи.

— Прекрасно укрепленная крепость, — шептал он. — Меня всегда приводили в восхищение стратегические способности женщины — быть одновременно неприступной и выставлять свои прелести напоказ.

— О, Филипп, это же вечная женская броня. Кстати, а вы находите меня красивой?

— Даже слишком красивой, — с загадочным видом ответил он. — Опасно красивой...

— Для вас?

— Да, и для других тоже. Какая разница? Ведь вы просто прыгаете от радости, играя с огнем. Легче переделать ломовую клячу в скаковую лошадь, чем изменить природу бабы.

— Вы по-прежнему галантны, Филипп.

— Нинон де Ланкло всегда советовала мне не раскрывать рта, — рассмеялся он. — «Не говорите ни слова, не улыбайтесь. Оставайтесь красавцем, внезапно появляющимся и внезапно исчезающим — и тогда вы станете неотразимы...» — так она говорила. И когда я не слушался ее советов, у меня сразу же появлялась целая куча неприятностей...

— Нинон тоже иногда может ошибаться... Мне, например, очень нравится слушать вас!

— Женщинам всегда правятся попугаи. — Он взял ее за руку. — Слышите, скрипки заиграли громче. Представление заканчивается, и нам пора присоединиться к свите короля.

Они прошли по тропинке, усаженной по краям фруктовыми деревьями. Филипп сорвал большое спелое яблоко.

Она робко взяла яблоко и улыбнулась ему.

Выходящая из театра толпа разъединила их. Темный покров ночного неба и силуэты деревьев создали прекрасное обрамление внезапно и ярко осветившемуся зданию. Гости направились к дворцовому портику, украшенному золочеными статуями фавнов, играющих на свирелях. У самого входа стояли урны из полупрозрачного алебастра. Из них, подобно маленьким водопадам, выливалась вода, подсвеченная цветными

фонарями.

Восхищенный король остановился перед входом, все вошли во дворец. Потолок в главном зале был выдержан в зеленоватых тонах. По углам зала стояли фарфоровые вазы с цветами. Гирлянды живых цветов свисали с потолка на серебряных нитях. Возле дверей сверкал стеклянный шкаф с кубками, вазами, блюдами и кувшинами. Драгоценная утварь предназначалась для королевского стола. И сотни лампиров освещали дворец. В центре стола на пьедестале красовался Пегас с приподнятыми крыльями, бьющий копытом по скале. Ниже располагались деревья с засахаренными фруктами, луг с цветами из конфет и пирожных и озеро из сладкого желе, в центре которого шоколадного Аполлона окружали двенадцать муз.

Наступало время ужина. Король занял место рядом с королевой. Придворные дамы, соперничая друг перед дружкой роскошью туалетов, расселись вокруг, согласно этикету.

С каким-то облегчением Анжелика обнаружила, что место за королевским столом ей не определено. Едва ли теперь она могла бы рассчитывать на такую честь. Еще с фламандской кампании отношение короля к ней стало каким-то двусмысленным. Он не выказывал ни любезности, ни неудовольствия. С усмешкой смотрела она на дам, окружавших короля. Ей достаточно хорошо было известно их прошлое, и, за малым исключением, за каждой из них водились грешки. Мадам де Монтеспан среди приглашенных не было видно.

Анжелике было отведено место рядом с мадам де Монтозье за столом, предназначенным королевской свите. Увидев одну из сидящих здесь женщин, она даже не поверила глазам:

— Франсуаза, вы ли это?

Мадам Скаррон любезно поклонилась:

— Да, моя дорогая. Должна признаться, что я до сих пор не верю в свою удачу. Вы же знаете, в каком плачевном положении я находилась. Я хотела уехать в Португалию.

— Но я слышала, что вы собирались выйти замуж за месье де Кормейла?

— Не напоминайте о нем. Я отказала ему и тут же потеряла всех друзей-покровителей.

— А разве он не богат? Он обеспечил бы вам безбедное существование.

— Но он стар, и он ужасный развратник. И его еще смели сравнивать с моим Скарроном! Они же совершенно разные люди! У Скаррона не было

ни денег, ни досуга. Но он окружал себя интереснейшими людьми. А Кормейл? Он поносит всех и вся и никого не любит. Скаррон безумно любил жизнь и обладал таким великодушием, что ему все завидовали... — неожиданно она стала рассказывать о мадам де Монтеспан — единственной женщине, оказавшей ей помощь.

— Знаете, Анжелика, мы когда-то были подругами. В Париже я иногда оказывала ей незначительные услуги. И вот она пообещала мне замолвить словечко перед королем. По ее совету я написала еще одно прошение и закончила его словами: «Две тысячи ливров обеспечат бедной женщине приличную жизнь». Король благосклонно принял мое прошение, и вот — чудо из чудес! — мне был назначен пенсион. Когда я приехала в Сен-Жермен поблагодарить Атенаис, я удостоилась чести увидеть самого короля, сказавшего мне: «Сударыня, я заставил вас долго ждать, ибо завидовал вашим приятелям. Но теперь я решил войти в число тех, кто помогает вам!» Слова его величества начисто стерли из моей памяти все прошлые невзгоды. Я нашла место при дворе, в том самом обществе, которое так холодно принимало меня. И вот я в Версале!

Анжелика со всей искренностью заверила подругу, что рада видеть ее здесь.

Проходившая мимо мадам де Монтеспан положила руку на плечо мадам Скаррон.

— Ну, вы довольны теперь?

— О дорогая Атенаис! Я буду благодарна вам всю свою оставшуюся жизнь!

Столбы опустели. Король, сопровождаемый придворными, направился по тропинке в тот угол сада, где находился мраморный дворец, специально предназначенный для танцев.

Серебряные канделябры спускались с потолка, гирлянды цветов украшали карнизы и свисали с колонн, поддерживающих площадку для музыкантов. В двух освещенных гротах находились статуи Орфея и Ориона.

Король открыл бал со своей свояченицей, Генриеттой Английской, женой брата — Филиппа Орлеанского. Анжелика танцевала, рассеянно разглядывая окружающих. Чьи-то руки касались ее, но она, казалось, и не замечала своих партнеров. Тем не менее, она сразу почувствовала и осознала прикосновение руки короля. Взгляды их встретились, и она поспешила опустить глаза.

— Вы еще сердитесь? — прошептал король.

— Сержусь? — притворилась она застигнутой врасплох. — На таком

празднике? Ваше величество, как вы можете так говорить?

— Значит, праздник может смягчить неприязнь, которую вы питаете ко мне на протяжении всех последних месяцев?

— Сир, вы меня изумляете. Если все последние месяцы вы полагали, что я на вас сержусь, то отчего же вы не сказали мне этого раньше?

— Я боялся, что вы осмеете меня...

Танец разделил их. Когда они встретились вновь, она увидела, что он ждет ответа.

— Слово «боюсь» не идет вам, сир!

— Верно. Даже война страшит меня меньше, чем жестокая усмешка ваших милых уст...

Когда танец окончился, маркиза дю Плесси постаралась найти себе место среди пожилых женщин, которых никто не приглашал танцевать. Но вскоре ее разыскал паж и передал повеление короля следовать за ним.

Паж вывел ее из дворца, и они направились по тропинке в глубь сада, где в полутьме под деревьями стоял король.

— Вы правы, — сказал он шутливо. — Ваша красота вновь разожгла мою храбрость. Теперь настало время нам помириться.

— Вы находите, сир, время подходящим? Сейчас вас хватятся и будут искать везде.

— О, нет. Все танцуют, и каждый думает, что я нахожусь в другом конце зала. У нас есть минутка, чтобы обменяться несколькими словами, не привлекая внимания окружающих.

Анжелика отчетливо понимала намерение короля. Мадам де Монтеспан и король снова решили вовлечь ее в свою игру.

— Как вы упрямы, — начал он, осторожно беря ее за руку. — Неужели я не могу даже поблагодарить вас?

— За что, ваше величество?

— Кольбер рассказывал мне о вашей деловой хватке. И мы отчетливо сознаем, что многими денежными успехами мы обязаны вам.

— Не стоит благодарности. — Она отстранилась. — Вашему величеству не следует думать о мелочах. Это мое дело, и в нем самом уже заключена для меня благодарность.

Король явно удивился. Полумрак, окутывающий их, не мог скрыть выражение его лица. Молчание становилось тягостным.

— Вы недовольны мной, сударыня? Почему?

— Ваше величество, вы сами должны знать причину. Вы так проникательны.

— Моя проникательность изменяет мне, когда я вижу озабоченную

женщину. Никто и никогда не может быть вполне уверен в том, что думает или ощущает женщина...

Несмотря на шутливый тон, король казался недовольным. Он заметно нервничал.

— Давайте вернемся к гостям, сир!

— Не спешите. Я хочу добраться до сути.

— Тогда поймите же наконец, что я больше не хочу служить прикрытием вам и мадам де Монтеспан! — взорвалась Анжелика. — Кольбер не покупал меня с такой целью! Я дорожу своей репутацией и не хочу приносить ее в жертву никому... Даже вам, сир!

— А-а-а... Вот в чем дело! Мадам де Монтеспан хотела с вашей помощью отвести подозрение своего чересчур ревнивого мужа. Ну что же, совсем не плохая мысль.

— Как будто вы, сир, ничего не знали...

— Так вы считаете, что я лицемерю?

— Что мне делать — лгать королю или же вызвать его недовольство?

— Вы плохого мнения о своем сюзерене.

— Но мой сюзерен не должен так поступать со мной! За кого вы меня принимаете? Неужели вы считаете, что я — игрушка, которую можно выкинуть, когда она надоест? И, кроме того, я не принадлежу вам...

Он энергично схватил ее за запястье:

— Вы ошибаетесь! Все мои дамы по праву принадлежат мне.

Они дрожали от гнева, глядя в глаза друг другу. Король первым пришел в себя и произнес:

— Хорошо, не будем ссориться. Поверите ли вы мне, если я скажу, что пытался убедить Атенаис не выбирать вас в качестве жертвы? «Почему именно она?» — спрашивал я ее. — «Потому что, — отвечала она, — только мадам дю Плесси более красива, чем я. Но после моих слов не отвернитесь от меня и не обратите свой взор на более красивую женщину...» Она считала вас достаточно наивной, чтобы заставить сыграть отведенную роль. Но она ошиблась. И почему такая, в общем-то, невинная затея причинила вам боль, моя куколка? Неужели же это бесчестье — стать любовницей короля? Разве такое положение не является в некотором роде славой? Разве оно не льстит или не приносит выгод? — Он ласково привлек ее к себе, шепча на ухо и наклоняясь, чтобы увидеть выражение ее лица. — Вы говорите, что ваша репутация окажется запятнанной? Но только не при дворе! Напротив, она заблестит еще ярче, уверяю вас!

Анжелика молчала. Она прижалась лицом к бархату его камзола, вдыхала аромат ириса и испытывала приятное чувство, находясь в его

объятиях и прижимаясь к нему всем телом.

— И как только такая практичная особа, как вы, могла так заблуждаться?

Анжелика молча закивала головой.

— Нет, я так не думаю, — рассмеялся король. — Вам тоже смешно? А если я скажу вам, что каждый раз, когда я вижу вас, у меня появляется желание овладеть вами? Меня частенько посещает такая мысль...

Маркиза дю Плесси отшатнулась.

— Я бы не поверила вам, сир. Я знаю, что сердце вашего величества принадлежит другой. К тому же ваш выбор превосходен во всем... исключая единственный пустяк в виде ревнивца мужа.

— Довольно внушительный пустяк! — поморщился король, ведя ее по дорожке, усаженной по краям тисами. — Вы себе представить не можете, как досаждают мне маркиз де Монтеспан! И я уверен, что Филипп дю Плесси был бы более покладистым, чем этот сварливец. — Король вздохнул и отпустил ее руку. — Давайте помиримся, маленькая маркиза! Ваш король просит простить его. Вы уже оттаяли? — Неожиданно в небе над верхушками деревьев вспыхнули разноцветные огоньки. — А, уже начался фейерверк. Нам надо возвращаться, — неохотно произнес он.

В молчании они приблизились к танцевальному павильону. Король осторожно взял Анжелику за руку, легонько отстранил ее и оглядел с головы до ног.

— Я до сих пор еще не похвалил ваш костюм. Он восхитителен. Только ваша собственная красота может затмить его.

— Благодарю вас, ваше величество.

Она присела в реверансе. Король наклонился и поцеловал ей руку.

— Мы ведь снова друзья?

— Возможно.

— Я очень надеюсь...

Глава 14

Праздник надолго запомнился Анжелике. На ее долю выпали две романтические прогулки по парковым дорожкам, и огни фейерверка до сих пор блестели в ее глазах. К горькому чувству беспокойства примешивался привкус приятных воспоминаний. В таком приподнятом состоянии пребывала Анжелика на следующее утро после ночи, проведенной в Версале.

И вот среди череды беспорядочных мыслей на первый план выдвинулось милое личико Кантора, которого адмирал де Вивонн захотел взять к себе в пажи.

«Дело нужно решить немедленно», — подумала Анжелика и отмела прочь пустые мечтания.

Она встала с софы, пересекла главную залу дома дю Плесси и услышала голос Кантора. Тонкий голосок восьмилетнего мальчугана, воспевавшего любовные подвиги Генриха IV, заставил ее рассмеяться.

Перед черными дубовыми дверьми она на минуту задержалась. Анжелика никогда не входила сюда, ибо здесь были покои Филиппа.

Ла-Виолетт открыл двери после ее стука. Филипп стоял перед зеркалом, примеряя голубой камзол, в котором собирался отправиться в Сен-Жермен. Позже туда должна была приехать и Анжелика, приглашенная к ужину и на прием к королеве. Филипп не выказал удивления, увидев жену в своей комнате. Он любезно предложил ей присесть, пока закончит туалет, а потом будет всецело в ее распоряжении.

Она наблюдала, как он тщательно выбирает драгоценности, и раздумывала: а чего, собственно, она хочет от мужа? Совета?.. И, нарушив неловкое молчание, сказала:

— Месье де Вивонн просил меня отдать ему в пажи Кантора.

Филипп вздохнул, снял кольца с пальцев правой руки и снова принялся рыться в ларце, где хранились украшения. И, будто внезапно вспомнив, что здесь находится Анжелика, произнес скучающим тоном:

— Ах, да. Примите мои поздравления. Месье де Вивонн пользуется расположением двора, а его сестра, мадам де Монтеспан, поможет ему надолго продлить такое расположение.

— Но Вивонн должен возглавить военную экспедицию на Средиземное море.

— Еще одно доказательство милости короля.

— Но мальчик совсем еще маленький!

— Какой мальчик? А... Кантор. Но он, кажется, и сам не прочь отправиться с Вивонном. Что же тут удивительного? Вивонн балует его и угощает сладостями при встрече.

— Но нельзя же восьмилетнему ребенку самому решать свою судьбу!

Филипп в изумлении поднял брови:

— Неужели вы совсем не хотите помочь ему сделать хорошую карьеру?

— Да, хочу, но...

— Что «но»?

— У Вивонна плохая репутация, — быстро заговорила она. — Он из шайки герцога Орлеанского. И каждому известно, что это значит. Я не могу доверить своего сына такому ненадежному человеку.

Маркиз надел на пальцы два кольца, подошел к окну и любовался их блеском.

— А кому бы вы его доверили? — спросил он.

— Человеку честному, глубоко порядочному, не интригану и не лицемеру, пользующемуся расположением короля. То есть человеку...

— ...то есть человеку, которого не существует на свете, не так ли? Учиться жизни не так легко и не слишком приятно.

— Но он еще слишком мал, — повторила Анжелика. — Я боюсь, что он насмотрится таких вещей, которые испортят его.

Филипп насмешливо хмыкнул:

— Для честолюбивой матери вы слишком щепетильны, мадам. Мне едва исполнилось десять лет, когда месье де Кульмер впервые затащил меня к себе в постель. А еще года через три, когда у меня только начал ломаться голос, мадам де Креки разохотилась и предложила мне, а точнее — принудила меня лечь к ней в постель. А ей было около сорока... Как вы думаете, изумруд идет к бирюзе?

Анжелика молчала. Она была напугана.

— Да, пожалуй, вы правы, не подходит. Алмаз больше выигрывает от соседства с изумрудом. — Он посмотрел на жену и хмыкнул:

— Ну прекратите же дуться! Если вам не нравится то, что я говорю, то зачем пришли ко мне? Вы что, не знаете — или только притворяетесь, что не знаете, — из чего складывается образование молодых дворян? Пусть же и ваши дети пойдут установившимся путем...

— Я мать. И мне не следует пренебрегать моралью. Неужели ваша мать думала иначе? Филипп презрительно фыркнул:

— Я совсем забыл, что мы вошли в жизнь разными дорогами. Ведь вы

росли босоногой, в атмосфере лукового супа и страшных рассказов о привидениях. Там, возможно, и сохранялось место для матери. Но в Париже, да еще при дворе, совсем другая обстановка.

Он вернулся к столику. Анжелика не видела его лица, но ей показалось, что голова мужа склонилась, будто ее давило ярмо.

— Полуголый и дрожащий от холода, — бормотал он, — частенько голодный и порученный заботам лишь лакеев и девушек-прислужниц, только развращавших меня... Такова была моя жизнь в этом самом доме, который я впоследствии унаследовал. Но и потом мне не предстояло ничего хорошего. Парикмахеры часами укладывали мне волосы, но никто не учил меня читать и писать. Я бродил в одиночестве по пустым залам. И когда Кульмер пригласил меня для своих забав, я расценил это как удачу.

— Но иногда вас привозили в Плесси?..

— Только на очень короткое время. Я должен был возвращаться в высшем свете. Мой отец не собирался оставлять в провинции единственного сына. Он хотел, чтобы я побыстрее занял место при дворе. Я был невежествен, но зато красив.

— Вот почему вы никогда не знали, что такое любовь, — прошептала Анжелика.

— Нет, знал. У меня всегда был достаточный опыт, — ответил Филипп.

— Это совсем не та любовь... А не приходилось ли вам испытывать особые чувства, хотя бы к одной из женщин?

— Да, пожалуй. К моей старой няньке... Но с тех пор прошло уже много лет.

Анжелика уже не улыбалась. Она серьезно смотрела на мужа, крепко сцепив руки.

— Чувство настоящей любви приносит нам ощущение величия, — как сквозь сон говорила она, — сладость мечты, отличное настроение и власть над всем живущим...

— Да, вы красноречивы. Но, клянусь, мне не приходилось испытывать ничего подобного. И все же... Однажды я держал ее за руку... но потом все мечты улетучились как дым...

Глаза его были полузакрыты. С тонкой улыбкой на губах и загадочным выражением, он был похож на каменное изваяние, установленное на королевской гробнице. И ей показалось, что никогда еще он не был так далек от нее, как в ту минуту.

— Да, в Плесси... Мне уже исполнилось шестнадцать лет, и отец только что купил мне полк. Мы ездили по стране и набирали для него

солдат. В старом замке я увидел девочку, примерно тех же лет, что и я, но в моих глазах она была еще ребенком. На ней было старенькое платье с голубыми бантиками на корсаже. Мне стало стыдно, когда я узнал, что она приходится мне кузиной. Когда мы пошли танцевать и я взял ее за руку, я почувствовал, как дрожит ее маленькая ручка, и испытал совершенно новые и удивительные ощущения. Раньше мне приходилось, иметь дело или с перезрелыми матронами, или с молодыми придворными кокетками. А эта девушка поставила меня в тупик. Я увидел в ее глазах неподдельное восхищение, понял, что для нее я настоящий мужчина, а не игрушка для развлечения... что я хозяин, а не слуга. Я пошутил над ней и представил своим друзьям как «баронессу Унылого Платья?.. Она убежала. Я посмотрел на свою опустевшую руку и впал в отчаяние. У меня появилось такое же чувство, как и в тот день, когда я поймал птичку и хотел ее приручить, а она упорхнула. Для меня .будто солнце погасло в небе. Я хотел найти ее, смирить ее гнев и вновь увидеть сияющее личико. Но я не знал, как мне поступить, — ибо ни одна из женщин, обучавших меня искусству любви, не преподала мне урока, как поступать в таких случаях... Я искал ее повсюду, сорвал в саду яблоко, такое же розовое, как ее щечки. Я облазил весь замок, но не нашел ее.

«А что бы произошло, если бы в тот вечер мы нашли друг друга? — подумала Анжелика. — Мы робко поглядели бы в глаза... он бы угостил меня яблоком, и мы пошли бы рядышком гулять по парку при лунном свете...»

— И вы больше никогда не видели ту девушку? — спросила она вслух, невольно улыбаясь.

— Видел, но значительно позже. И, видимо, судьба распорядилась так только для того, чтобы доказать, как иллюзорны бывают впечатления юности. Ведь она стала совсем иной, гораздо более опасной, чем все остальные женщины... — Он протянул к ней растопыренные пальцы. — Что вы скажете о моих кольцах? Не правда ли, они превосходны?

— Пожалуй. А камешек на мизинце особенно нежен и чист...

— Вы правы, мадам.

Он вдруг снял все свои кольца и уложил их снова в ларец, а затем вызвал Ла-Виолетта и предложил позвать сюда Кантора.

Когда мальчик вошел в комнату, Анжелика и Филипп сидели, молча глядя друг на друга. Кантор только что вернулся с урока верховой езды, и с ним не было неизменной лютни.

— Ну, сударь, — серьезно обратился к нему Филипп, — я слышал, будто бы вы собрались на войну.

Личико малыша засветилось.

— Так, значит, месье Вивонн уже рассказал вам о наших планах?

— Да, и я вижу, что планы вам нравятся.

— Воевать с турками, сударь? Великолепно!

— Полегче, мой мальчик! Турки отнюдь не кроткие агнцы, и их не тронут сладкие звуки ваших песен.

— Я хочу ехать с де Вивонном вовсе не для того, чтобы только петь. Я мечтаю о путешествиях. Я хотел бы отправиться на море.

Анжелика вздрогнула. Она как бы вновь увидела своего брата Жослена, его горящие глаза и услышала его шепот: «Решено — я еду за море!» Сколько же лет прошло с тех пор, как они расстались?

В глазах Кантора светилась решимость. Он уже твердо знал, чего хочет.

«Он уже не нуждается во мне, — подумала Анжелика, — хотя, конечно, любит меня. Нуждалась ли я в своей матери?.. Я беззаботно бегала по лугам и лесам, а в тринадцать лет собиралась бежать в Америку...»

Филипп положил руку на голову Кантора.

— Нам с вашей матушкой предстоит решить вашу судьбу. Не многим мальчикам в вашем возрасте выпадает доля услышать гром пушек. Вы должны быть очень храбрым.

— Я храбрый. Я ничего не боюсь!

— Мы подумаем, а потом сообщим вам о нашем решении.

Мальчик поклонился матери и отчиму и вышел, полный чувства собственного достоинства. Маркиз взял из рук Ла-Виолетта бархатную шляпу и сдул с нее невидимую пылинку.

— Я повидаюсь с де Вивонном и выясню, каковы его намерения в отношении мальчика. И если они не чисты!..

— Я скорее соглашусь увидеть его мертвым! — воскликнула Анжелика, содрогаясь от одной только мысли, что ее любимцу могут причинить зло.

— Не будьте слишком примерной матерью. Вы же знаете мир, в котором мы живем, — поцеловал Филипп ей руку. — Сейчас я должен покинуть вас, сударыня. Меня зовет король.

И как в ту праздничную ночь, когда он предложил ей яблоко, сорванное в королевском саду, Анжелика по бледному непроницаемому лицу пыталась отгадать его мысли.

— Маленькая девочка из далекого детства всегда рядом, Филипп, — сказала она. — И вы это знаете!

Анжелика придирчиво осматривала весь старый дом, ибо в особняке дю Плесси скоро должно было собраться парижское высшее общество и ожидали прибытия самого короля.

Тяжко вздыхая, она осматривала темные комнаты, сохранившие убранство времен Генриха IV. И хотя, перебираясь сюда, она перевезла из особняка Ботрей свои персидские ковры и застелила ими полы, их нежные розовые и белые цвета только подчеркивали аскетичную суровость тяжелой дубовой мебели.

Когда она осматривала большую залу, туда вошел Филипп, намеревавшийся взять какую-то безделушку, хранившуюся в ящике бюро.

— Я очень встревожена, Филипп, — заговорила Анжелика. — Меня просто угнетает мысль о предстоящая приеме гостей. Я ничего не имею против ваших предков, но, пожалуй, во всем Париже трудно отыскать более старомодный дом, чем ваш.

— Вы недовольны своими комнатами, мадам?

— О нет, они-то превосходны!

— Их перестройка дорого обошлась. Мне даже пришлось продать своих лошадей.

— И вы сделали это для меня?

— А для кого же еще!?! — воскликнул он, с треском захлопывая бюро. — Вы — моя жена, хотя стали ею и против моей воли. Про вас говорили, что вы очень горды и требовательны. И мне не захотелось стать предметом насмешек богатой деловой женщины.

— И вы еще тогда решили, что когда-нибудь мне придется здесь жить?

— А что же тут необычного?

— Тогда почему же вы никогда не приглашали меня сюда?

Филипп отвернулся. Анжелике почему-то показалось, что он покраснел.

— Я подумал, что если у нас все так плохо началось, то вы ответите отказом.

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Вы должны были проклинать меня после того, что случилось в Плесси... Я никогда не испытывал страха перед врагом, король тому свидетель, но я скорее встретился бы лицом к лицу с сотней испанских пушек, чем с вами на следующее утро. Вы сами виноваты! Я был пьян, а вам должно быть известно, что возбуждает выпившего мужчину... Вы свели меня с ума... Я готов был задушить вас!..

— Но, Филипп, — удивилась Анжелика, — я и сама была перепугана до смерти... Неужели вы настолько были увлечены тогда мною?

— А разве может какой-нибудь мужчина устоять перед вами? — свирепо выкрикнул он. — Где бы вы только ни появились, вы сразу же привлекаете всех к себе. Без приглашения вы явились к королю... На вас напал волк... У вас есть дети, и вы их любите... Что же еще? Боже, когда я увидел вашу лошадь там, в Фонтенбло, без вас...

Он подошел к ней, схватил за плечи и повернул так, что она чуть не переломилась. И, приблизив к ней свое лицо, он прошептал:

— Вы любите де Лозена?

— Нет, вовсе нет! — Она залилась краской, вспомнив о случившемся. — Вы все вспоминаете, Филипп? Клянусь вам, я не любила и не люблю его! Я зла сама на себя и до сих пор не могу понять, как все произошло. Обычно так всегда бывает на больших приемах — много вина, много разговоров, много обид. А вы тогда были со мной так жестоки! Вы поступили со мной так, будто жена нужна вам только для того, чтобы вымещать на ней свою злобу... А я ведь просто женщина, Филипп! Пренебрежение — вот то, чего не может вынести женщина. Пренебрежение ранит ее в самое сердце, отравляет всю ее жизнь. Она ищет нежности. И она будет благодарна любому, кто отнесется к ней ласково, как... Пегилен. Он говорил, как милы мои глаза, как бархатиста кожа, сравнивал меня с глотком холодной воды в пустыне. И, кроме того, я хотела отомстить. Да, отомстить!..

— Но, сударыня, похоже, вы перепутали роли! Это мне надлежало мстить вам! Разве не вы заставили меня жениться на вас?

— Я же попросила у вас прощения...

— Как похоже на женщину! Стоит ей только попросить прощения, как она считает, что все уже забыто и похоронено.

— Что же мне нужно еще?

— Расплатиться за все! — воскликнул он, поднимая руку, будто собираясь ударить ее, и улавливая насмешливый блеск ее глаз.

— Я с удовольствием приму от вас любое наказание, кроме дыбы и раскаленных иголок.

— Не дразните меня, мадам. Ваше очарование уже влечет меня к вам, и я сейчас чувствую себя, как кролик перед удавом...

Она рассмеялась и положила голову на плечо Филиппа. Он испытывал непреодолимое желание поцеловать ее, но удержался и обнял за талию.

— Для вас труднее всего переносить мое безразличное отношение к вам, не так ли? У меня создалось впечатление, что наши супружеские

встречи вызывали у вас отвращение ко мне, если не настоящую ненависть.

— Ах, Филипп, — снова засмеялась Анжелика. — Одна только капля нежности, и наши встречи превратятся для меня в сплошное очарование. Я на всю жизнь сохранила память о том дне, когда, держа меня за руку, вы представляли меня, как баронессу Унылого Платья. С того дня я и полюбила вас.

— А мой хлыст?.. А...

— Можно начать жизнь сначала. Отложите в сторону хлыст. Ведь даже вдалеке от вас, в глубине сердца я все время...

— Вы ждали меня?

— Я всегда ждала вас.

Она почувствовала, как жадные руки Филиппа потянулись к ее груди. Он выругался, но она только рассмеялась в ответ. Наклонившись, он впился поцелуем в ее шею.

— Вы прекрасная, вы самая совершенная женщина. А я просто неотесанный солдафон!

— А ведь вы не правы, Филипп. Вы злой, жестокий, бесчеловечный — да. Но вовсе не неотесанный. Тут я никогда не соглашусь с вами. К несчастью, вы не дали мне возможности познать вас как любовника...

— Другие женщины осуждали меня за то же самое. Быть может, я просто инстинктивно дурачил их? Ведь женщинам кажется, что мужчина с внешностью Аполлона должен быть способен на что-то сверхъестественное...

Анжелика смеялась все громче. Только что они ссорились, и вот уже пальцы Филиппа нащупывают застёжку ее корсажа.

— Осторожно, Филипп! Ради всего святого! Вы сломаете ее, а ее алмазная отделка обошлась мне в две тысячи экю. Можно подумать, что вам не приходилось раздевать женщин!

— Я зря стараюсь. Ведь все, что нужно, — это просто задрать юбку!..

Она прижала свой палец к его губам:

— Не старайтесь казаться грубым, Филипп! Вы ничего не понимаете в любви и не знаете, каким бывает настоящее блаженство.

— Так научите меня! Покажите, что делает женщина, когда в любовники ей достается мужчина, прекрасный, как бог, и глупый...

В его голосе звучала горечь. Она повисла у него на шее, ноги ее подкашивались. Он осторожно положил ее прямо на ворс ковра.

— Филипп, Филипп! — шептала она. — Неужели вы полагаете, что для такого урока тут самое подходящее место?

— А почему бы и нет!

— Прямо на ковре?

— Да, на ковре. Солдатом я был, солдатом и останусь. Если я не могу обладать своей женой в своем собственном доме, то на что же я тогда вообще гожусь?

— А если кто-нибудь войдет?

— Ну и что? Я хочу вас. Я чувствую, что и вы готовы принять меня. Ваши глаза блестят, как звезды, и ваши губы влажны. — Он видел, как осветилось ее лицо. — А теперь, моя маленькая кузина, мы будем играть в более интересную игру, чем в ранней юности.

Анжелика застонала, сдаваясь на милость победителя. Она была уже не в состоянии сопротивляться зову плоти. Напротив, теперь она уже приветствовала его.

— Не спешите, любовь моя, — шептала она. — Дайте мне время.

Он страстно обнял ее и как будто впервые осознал, что перед ним находится женщина. А она медленно закрыла глаза, отдаваясь своей любовной мечте. Неповиновение, которое он так часто видел в ее искривленном болью лице, куда-то спряталось. Губы полуоткрылись, дыхание участилось. Они уже не были врагами. Он нежно изучал ее, и его охватила дрожь открытия, ибо он понял, что оно ведет его к еще не познанным тайнам. Надежда и восхищение ширились в нем по мере возрастания чувственности. Приближался миг их перехода в мир наслаждения. Его мужская сила все прибывала, пока он шел к цели, которая и не собиралась уходить от него. Он думал о том, как она унижала его прежде и что он никого не ненавидел больше, чем ее. Но теперь он смотрел на нее, и сердце его охватывала нежность.

Где же теперь та молодая женщина, что бросила ему вызов?..

Долгая дрожь пробрала ее, и она поняла, что приближается момент, после которого он станет ее настоящим властелином.

Каждая секунда любовной игры радовала его все больше и больше, подогревая чувство победы, никогда не изведенное прежде. Он победил в сражении с достойным противником и получил приз, ускользавший от него столько раз.

Ее тело выгнулось в его объятиях, как тугой лук. Она отдалась ему, и он почувствовал тайный ответ ее плоти, разбуженной им самим, и теперь упивался его великолепием. Он понял, что наступило то, чего он ждал всю жизнь, — сознание, что влечение его плоти будет понято и удовлетворено ею.

Она вернула его к жизни страстным стоном:

— Филипп, милый!..

Он склонился к ней, спрятав свое лицо у нее на груди. Они возвращались в суровую действительность из потустороннего мира любви. Миг отсутствия в реальном мире оказался до обидного краток. Она не смела поверить, что пережила восторг и страсть, которые довели ее почти до слез.

— Филипп!..

Он поднял голову. По его лицу блуждала загадочная улыбка. Нет, Анжелика уже не ошибалась — в ней читалась истинная нежность. Она провела пальцем по его усам, блестящим от маленьких капелек пота.

— Мой старший кузен!.. — прошептала она.

И, конечно, произошло то, что должно было случиться: вошли неожиданные посетители — месье де Лувуа и его отец, сварливый старик Мишель де Ле Телье. Лицо старого господина искривила насмешливая гримаса, де Лувуа покраснел. И оба в смущении молча удалились.

А уже на следующий день де Лувуа разнес по всему двору потрясающую новость:

«Средь бела дня!.. С собственным мужем!..»

Как могли поклонники и обожатели прекрасной маркизы дю Плесси вынести такое оскорбление? Муж!.. Любовь в своем хозяйстве!..

А возмущенная до крайности мадам де Шуази все повторяла под сводами Версаля:

— Средь бела дня!.. Средь бела дня!..

Тема обсуждалась в присутствии короля. «Но король совсем не так уж весело смеялся», — отметил про себя Пегилен де Лозен.

И искусственная веселость была не единственным признаком, выдававшим тайную досаду короля.

— Его задевает все, что связано с вами, — сообщила Анжелике мадам де Севинье. — Ему доставило удовольствие примирить вас с вашим невыносимым супругом, но совсем не обязательно теперь так рьяно доказывать свою преданность мужу, — ехидно добавила она.

— Берегитесь Общества Святых даров, моя дорогая, — лукаво усмехаясь, заметила Атенаис. — Они не жалуют такие поступки.

Анжелика защищалась, как могла. Щеки ее пылали от неожиданного смущения:

— Не понимаю, с какой стати меня осудило бы Общество Святых Даров! Если уж нельзя любить собственного мужа в своем доме, то...

Атенаис хихикнула, прикрывшись веером:

— Средь бела дня на ковре? Верх распущенности. Такое можно простить только любовникам!

Не обращая внимания на шутки и розыгрыши, Филипп надменно расхаживал по залам. Казалось, он не замечал даже холодности короля. Странно было другое. Он снова стал холоден к Анжелике и, когда во время танца она заговорила с ним, ответил ей довольно грубо. И ей показалось, что сладкий миг любовного упоения лишь привиделся во сне.

Однажды вечером, когда весь двор смотрел в открытом театре комедию Мольера, она почувствовала приступ меланхолии. Ей показалось, что она вновь та маленькая дикарка, сбежавшая от молодых пажей в замке Плесси.

«Я ненавижу их всех!» — подумала она.

Стараясь не привлекать внимания, она вышла из дворца и села в свой экипаж. «Домой!»

Впоследствии, не раз вспоминая этот случай, она никак не могла взять в толк, что заставило ее покинуть Версаль и направиться на улицу Фобур-Сент-Антуан в их дом, где возбужденный Ла-Виолетт сообщил ей, что Филипп получил приказ отправиться в армию и что с рассветом он уже отбудет во Франш-Конте.

Филипп ужинал в одиночестве. Столовую освещали лишь два серебряных канделябра на обеденном столе. Увидев Анжелику, он грозно нахмурил брови:

— Что вы здесь делаете?

— Разве я теперь не имею права прийти домой, когда захочу?

— Сейчас вы должны находиться в Версале.

— Я чуть не сошла с ума от скуки и решила ускользнуть от надоевших мне лиц.

— Надеюсь, вы уже придумали достаточно вескую причину, чтобы оправдать свой отъезд. Иначе вы рискуете навлечь на себя немилость короля. Кто сообщил вам о моем назначении?

— Никто, уверяю вас! Я была очень удивлена, увидев приготовления ваших слуг. И вы хотели уехать, не попрощавшись со мной?

— Король лично просил меня не сообщать никому об отъезде, и особенно вам. Он знает, что женщины не умеют хранить секреты.

«Король ревнует!» — чуть не выкрикнула вслух Анжелика, села у противоположного конца стола и принялась снимать с рук перчатки, усыпанные драгоценными камнями.

— Как странно! Летняя кампания еще не началась, войска на зимних квартирах. Я не припомню случая, чтобы король без явной необходимости посылал кого-то в бездействующую армию. Ваш отъезд похож на наказание.

Филипп смотрел отсутствующим взглядом, будто перед ним никого не было.

— Король — наш повелитель, — вымолвил он наконец и решительно поднялся. — Уже поздно, мне пора отдыхать. Позаботьтесь о себе сами в мое отсутствие. Я не хочу прощаться...

Анжелика изумленно смотрела на него:

— И это все, что вы мне скажете?!

Казалось, он не понял вопроса. Приблизившись, он наклонился, поцеловал ей руку и вышел.

Оставшись одна в своей комнате, Анжелика горько расплакалась.

— Я никогда не понимала его, — шептала она. Он уходит на войну. Увидит ли она его снова? О да, конечно, он вернется. Но время любви пройдет безвозвратно...

В окно светила луна, из сада слышались соловьиные трели. Анжелика вытерла заплаканное лицо. Перед ее мысленным взором снова прошли недолгие минуты, проведенные вместе с Филиппом, — он сидел с ней рядом, когда она нянчила маленького Шарля-Анри... то утро, когда он примерял кольца и разговаривал с Кантором... тот день, когда они, охваченные страстью, предавались любви. Она не могла больше сдерживаться и, в одной сорочке, босая, побежала в комнату Филиппа. Войдя без стука, она увидела его на постели совершенно нагого.

В просвете занавесей виднелась его мощная белая грудь, словно высеченная из мрамора. Лицо спящего было спокойно. Короткие курчавые волосы, длинные ресницы и тонкий рот — все очень походило на голову древнегреческого бога. Но поза и вытянутые руки создавали впечатление беспомощности.

Стоя у кровати, Анжелика затаила дыхание. Красота Филиппа взволновала ее до глубины души. Сейчас она замечала те мелочи, на которые раньше не обращала внимания, — детская цепочка с распятием на груди гладиатора и шрамы, полученные на войне или дуэлях. Она прижала руки к груди, стараясь удержать рвущееся наружу сердце и, сбросив сорочку, осторожно скользнула в постель и прижалась к нему. Каким теплым было его тело! Прикосновение к нему возбуждало Анжелику. Она легонько поцеловала его в губы, а затем приподняла его голову и положила ее себе на грудь. Он зашевелился и, пробормотав в полудреме: «Так прекрасна...» — как малый ребенок, потянулся губами к ее груди. Но вдруг раскрыл глаза, и в них вспыхнул гнев:

— Как? Вы? Что за наглость? Что за?..

— Я пришла попроситься с вами, Филипп.

— Женщина должна ждать, когда ее муж сочтет нужным приласкать ее, а не возбуждать его своей собственной похотью!

Он попытался столкнуть ее с кровати, но она, уцепившись за его руку, воскликнула:

— Филипп, обнимите меня! Позвольте мне остаться здесь сегодня ночью!..

— Нет! — И он стал грубо освобождать руку из ее пальцев, но она цеплялась за нее, и, несмотря на всю свою силу, он не мог справиться с ней.

— Я люблю вас, Филипп! Обнимите меня!

— Чего же вы, в конце концов, хотите?

— Вы сами знаете.

— Что за откровенное бесстыдство! Неужели у вас не хватает любовников, которые удовлетворяли бы вас?

— Нет, Филипп. У меня нет любовников, кроме вас. И вы останетесь моим единственным любовником на долгие-долгие годы.

— Вот вы какая, маленькая шлюшка! У вас достоинства — как у суки в период течки!

Он принялся ругать ее отборной бранью, но она воспринимала его оскорбления как проявление нежных чувств. Наконец он глубоко вздохнул, схватил ее за волосы и запрокинул ей голову. Она улыбалась, глядя на него, и, казалось, вовсе не испытывала никакого страха. Поражаясь ее бесстрашию, он выругался еще раз и притянул к себе.

Наступило тягостное молчание, ибо Филипп втайне боялся, что у него ничего не получится. Но страстность Анжелики, ее безумная радость, ее искусность в делах любви, когда она становилась рабыней страсти, пересилили сомнения Филиппа. Тлеющие искорки превратились в яркое пламя...

Но когда все было кончено, он грубо сказал:

— Уходи!

Она повиновалась с такой покорностью, что он не знал, то ли ударить ее, то ли стиснуть в объятиях.

Стиснув зубы, он боролся с собой. Какая опасная слабость! Чистое сумасшествие! Как он рад, что скоро грохот битвы и свист пуль положат конец начавшемуся безумству!..

Вскоре после отъезда маршала дю Плесси пришло время отправиться и маленькому Кантору. Анжелика чувствовала себя подавленной. Она писала бесконечные письма Филиппу, но он не отвечал на них. Неизвестность угнетала ее. Наступит ли время, когда Филипп наконец

скажет, что любит ее?

Анжелика пыталась отвлечься, собирая в дорогу сына. Но вот и Кантор уезжает — он уселся в экипаж де Вивонна вместе со своим наставником Гаспаром де Раканом. Неизменная гитара была с ним, как любимая игрушка у ребенка. Прощальный подарок Анжелики — музыкальный инструмент — был изготовлен лучшим мастером Парижа.

В темном уголке плакала Барба, но Анжелика старалась не выдавать своих эмоций.

Такова жизнь! Дети всегда вырастают и уходят от родителей. И каждый уход больно ранит материнское сердце.

С неослабевающим интересом следила теперь Анжелика за событиями на Средиземном море. Турки пытались одолеть последние бастионы христианства в Средиземноморье, и французский флот был послан туда на помощь венецианцам. Она улыбалась, думая, что ее Кантор тоже крохотный участник в этом святом деле. Она представляла его стоящим на корабельной палубе с гитарой в руках, ленты которой развеваются на ветру под безоблачным небом.

Она старалась быть теперь поласковее с Флоримоном, боясь, что ему будет не хватать Кантора или что он начнет завидовать судьбе брата, которому выпала удача и слава. Но вскоре заметила, что, хотя Флоримон и был нежным братом, отсутствие Кантора не слишком расстроило его.

Флоримон был невероятно деятельным. Он и десяти минут не мог просидеть спокойно. У него всегда была тысяча дел — выездка лошадей, натаскивание собак или чистка оружия. Он охотно скакал на лошадях или отправлялся на охоту с дофином. Зато не любил уроков латыни с аббатом де Ледигьером.

Частенько он хвастался перед матерью успехами в фехтовании. Он очень любил показывать ей только что выученные приемы.

— Смотри, мама! Смотри на меня! Я парирую, делаю выпад и колю. Прямо в сердце. И мой противник падает замертво!..

Как он был красив! Радость жизни горела в нем, точно пламя. Как быстро возмужало и окрепло его детское сердце! А поддержит ли он ее, если ей случится попасть в беду?..

Новости о битве у мыса Пассеро пришли в Париж в середине июня, во время праздника, который король давал перед своим отъездом в Лотарингию. Флот Вивонна у берегов Сицилии был атакован мусульманскими галерами под предводительством алжирского ренегата по имени Рескатор. Сражение напоминало скорее простую перестрелку, но

два корабля из двадцати все же затонули. На одном из них находилась вся прислуга де Вивонна. Стало известно, что вместе с кораблем на дно морское отправились три его секретаря, десять поварят, четыре лакея, двенадцать мальчиков-хористов, исповедник, оруженосец... И вместе с ними маленький паж-музыкант.

Глава 15

Лето прервало придворные развлечения, и некоторое затишье позволило Анжелике побыть в Париже наедине со своим горем. Барба плакала днем и ночью, пока Анжелика не отругала ее, беспокоясь за ее здоровье.

— Да, мадам, конечно, — всхлипывала служанка. — Но вам не попятать, вы не любили его, как я...

Подавленная Анжелика оставила ее, вернулась в свою комнату и села у окна. Наступила осень, и целыми днями моросил дождь.

Она спрятала лицо в ладони. На сердце было тяжело, и ничто не могло облегчить горестной ноши. Как все же мало качала она Кантора на коленях, как редко целовала его румяные щечки! Она вспомнила прощание с ним — серьезный и в то же время светящийся от радости ее сын... А вот он поет перед королевой, и звучит его ангельский голосок:

*«Прощай же, свет мой ясный,
Забудь любовь мою...»*

Цоканье копыт по мостовой прервало ее воспоминания. Она выглянула в окно, увидела всадника, и ей почудилось, что это Филипп. Но ведь маркиз в армии, во Франш-Конте — там же, куда уехал и сам король.

Показался еще один всадник. И все сомнения тут же развеялись. По гигантской фигуре она сразу узнала Ла-Виолетта, хотя тот и согнулся под дождем.

Итак, Филипп приехал. Она услышала сначала его шаги, и вот появился он сам, забрызганный грязью с головы до ног. Вода ручьями стекала с его шляпы и длинного плаща.

— Филипп, — поднялась ему навстречу Анжелика, — вы насквозь промокли!

— Дождь льет с самого утра, а я скачу без остановки.

Она позвонила, вызывая слуг.

— Я прикажу подать горячий ужин. И надо разжечь камин. Почему вы не сообщили мне о своем возвращении, Филипп? Отделка ваших комнат пока не закончена. Я не ожидала, что вы так скоро вернетесь, и думала, что у меня будет достаточно времени... для перестройки...

Он стоял, будто не слыша ее слов.

— Я слышал, что ваш младший сын погиб, — произнес он наконец. Повисло напряженное молчание.

— Он так мечтал о море, — продолжал Филипп, — и вот его мечта сбылась. Я знаю Средиземное море — голубое и золотое по краям, словно королевский штандарт... Достойный саван для маленького певца!

Анжелика расплакалась. Он положил руку ей на голову:

— Вы боялись, что его развратят. Смерть спасла его от возможного, позора. У каждого своя судьба. Он радовался жизни и песням. И у него была нежная, любящая мать.

— Я никогда не уделяла ему достаточно внимания, — заговорила она, вытирая глаза.

— Но вы же любили его! Вы подарили ему именно то, в чем он так нуждался, — уверенность в вашей материнской любви.

Анжелика слушала его с каким-то смутным внутренним беспокойством.

— Филипп! — вдруг воскликнула она. — Вы хотите уверить меня, что уехали из армии и целый день проскакали под дождем только для того, чтобы утешить меня?!

— Действительно, глупость... И она не единственная, которую я совершаю ради вас. Я привез вам подарок.

Он вытащил из кармана потертый кожаный футляр, открыл его и вынул ожерелье — массивную золотую цепь с прикрепленными к ней тремя дисками червонного золота и сиявшими на них двумя большими рубинами и огромным изумрудом. Украшение было великолепно, но выполнено в архаичном варварском стиле той далекой эпохи, когда Францией правили первые короли из династии Капетингов.

— Перед вами фамильная реликвия женщин рода Белльер, носится оно на груди. В течение нескольких столетий оно придавало мужество женщинам нашей семьи. И женщина, не Пожалевшая жизни своего сына ради блага страны, достойна носить ее. — Он подошел к Анжелике и надел ожерелье ей на шею.

— Что это значит, Филипп? — изумилась Анжелика. — Разве вы не помните условий нашего спора на ступеньках в Версале?

— Я все помню, сударыня. Вы выиграли.

Раздвинув локоны, он запечатлел на ее затылке долгий поцелуй. Затем он приподнял ее голову и заглянул в лицо. Она плакала.

— Не надо плакать! — Он привлек ее к себе. — Я приехал, чтобы осушить ваши слезы, а не заставлять проливать их. Я и раньше не мог спокойно видеть, как вы плачете. Черт побери, вы — великая женщина!

Итак, он все-таки любил ее. Она обхватила руками его лицо и нежно посмотрела ему в глаза:

— Откуда же мне было знать, что за вашим ужасным поведением скрывается любовь? Ведь вы — поэт, Филипп!

— Я — это я, не больше и не меньше, — улыбнулся он в ответ. — Но существует одна вещь, беспокоящая меня, когда я вижу на вашей груди ожерелье рода дю Плесси-Белльер. Семейное предание гласит, что надетое ожерелье предвещает начало войны или какого-то другого бедствия. Именно с этим ожерельем моя мать привела войска всего Пуату к принцу Конде. Все это вы помните не хуже меня. А что оно сулит вам? Храбрости и мужества вам не занимать! — Он еще крепче привлек ее к себе и потерся щекой о ее щеку. — Ваши зеленые глаза преследуют меня повсюду, — ласково говорил он. — Я могу отругать вас, побить, обидеть — но вы все равно гордо поднимаете голову, словно цветок после дождя. Это выше моего понимания. Я не могу скрыть своего удивления, сталкиваясь с такой женской твердостью. Когда я увидел вас улыбающейся в ответ на гнев короля, я понял, что не смогу победить вас. И в душе горжусь тем, что вы — моя жена!

Он поцеловал ее так робко, будто был застенчивым юношей. Такое проявление нежности показалось странным даже ему, потому он снова нерешительно потянулся к ее губам. Но она опередила его.

От губ взрослого мужественного человека веяло непорочной свежестью. Для них обоих, проживших бурную, несмотря на свою молодость, жизнь, было странным обмениваться чистыми и нежными поцелуями. Им казалось, будто они впервые встретились в старом саду замка Плесси в дни своей юности.

— Мне пора возвращаться, — неожиданно заявил он. — Я и так уделил слишком много внимания своим сердечным делам. Можно ли мне взглянуть на своего сына?

Анжелика послала за нянькой. Через несколько минут в залу вошла нянюшка, неся маленького Шарля-Анри. Филипп взял ребенка на руки, подбросил его несколько раз вверх, но так и не смог заставить улыбнуться или хотя бы закричать.

— В жизни не видела такого серьезного малыша, — заметила Анжелика. — Но проказит он не меньше других, особенно теперь, когда научился ходить.

Филипп передал ей мальчика:

— Я вверяю его вам. Позаботьтесь о нем!

— Его подарили мне вы, Филипп. Он мне очень дорог.

Анжелика смотрела в окно. Филипп сел на лошадь и вихрем умчался в темноту. Шарль-Анри. спокойно спал у нее на руках.

Двумя днями позже Анжелика, вернувшись домой, обнаружила там месье Сент-Эньяна, прибывшего из Франш-Канте с письмом короля.

— От самого короля?!

— Да, мадам.

«Сударыня!

Примите глубочайшие соболезнования по поводу смерти вашего сына, погибшего на королевской службе. Печальное событие заставляет нас принять более деятельное участие в судьбе вашего старшего сына — Флоримона де Моран-Белльера. Мы решили возвысить его и зачислить в наш штат. Мы даруем ему должность виночерпия, и он будет служить под руководством месье Дюшена, Главного Управителя при королевских винных погребах.

Мы надеемся, что он без промедления приступит к исполнению своих обязанностей и присоединится к нам в армии. Мы также желаем, чтобы вы сопровождали его сюда.

Людовик».

Анжелика закусила губу, глядя на собственноручную подпись короля и раздумывая, что делать, Флоримон — виночерпий самого короля! Представители славнейших фамилий Франции стремятся добыть этот пост своим наследникам, не скупясь ни на какие расходы. Было бы глупостью с ее стороны отказаться от выгодного предложения и великой чести для ее маленького Флоримона, Кроме того, у нее появится возможность снова увидеть Филиппа и избавиться от тоски, преследующей ее со дня гибели Кантора. И Анжелика поехала в Сен-Жермен за Флоримоном.

Мадам де Монтеспан приняла ее в постели. После ссоры с ревнивым мужем — маркизом де Монтеспаном — она, с расшатавшимися нервами, слегла.

Весь двор потешался над случившимся, а причиной размолвки стал попугай маркизы, который, передразнивая хозяина, пронзительно кричал:

— Рогоносец!.. Рогоносец!..

Речь попугая было трудно разобрать. Но иногда в бестолковой птичьей трескотне отчетливо слышалось:

— Сифилис, ах ты шлюха!

Даже ко всему привычные слуги еле сдерживались, чтобы не рассмеяться.

Мадам де Монтеспан притворялась, что это ее не касается, и тоже смеялась над попугаем, стараясь шутками скрыть досаду и смущение. Но теперь, увидев Анжелику, она не выдержала, разрыдалась и стала расспрашивать о своем муже.

Маркиза дю Плесси рассказала ей, что слышала, как Великая Мадемуазель говорила с ее мужем, успокоила его, и что тот дал обещание больше не устраивать сцен ревности.

Атенаис вытерла слезы и улыбнулась;

— Если бы вы только знали, как я страдаю каждый раз, когда вижу его. А тут еще попугай... Я все написала королю, который, надеюсь, будет теперь более строгим...

Анжелика в душе усомнилась и подумала, что лучше не рассказывать Атенаис о личном приглашении короля в расположение армии.

Ее карета прибыла в Табо в полночь. Гостиница была, конечно, переполнена, армию всегда сопровождает масса людей, останавливающихся в ближайших поселках. Но знатной даме, приехавшей в карете, запряженной шестеркой рысаков, сам хозяин подыскал вполне приличное место. Флоримон с аббатом заняли одну комнату, а в другой расположилась Анжелика с девицами Жиландон. Приезжие отужинали и стали готовиться ко сну.

Сестры уже устроились в одной кровати, а Анжелика, в пеньюаре, перед зеркалом, приводила в порядок свои волосы.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите! — разрешила она и тут же замерла от удивления: на пороге ее комнаты стоял маркиз Пегилен де Лозен.

— Вот и я, моя прелестница! — Он вошел на цыпочках, приложив палец к губам.

— Черт меня побери, если я ожидала вас здесь встретить! — не сдержавшись, воскликнула Анжелика. — И откуда же вы явились?

— Из армии, конечно. И как только услышал о вашем прибытии, я вскочил на коня...

— Пегилен, милый, неужели вы хотите доставить мне неприятности?

— Неприятности?! Не будьте так неблагодарны! Кстати, вы здесь одна в комнате?

— Нет, — кивнула она в сторону девиц Жиландон, мирно спящих в кровати. — А какая вам разница, одна я или нет?

— Не будьте такой вспыльчивой. Мои намерения вполне пристойны, — он возвел глаза к потолку, изображая праведника. — К сожалению, должен сказать, что я здесь не ради себя. Не теряйте времени и

выставляйте отсюда юных девственниц. — И он шепнул ей прямо в ухо: — Король хочет видеть вас.

— Король?

— Да. Он здесь, в зале.

— Перестаньте дурачить меня, Пегилен! У меня сейчас нет настроения шутить.

— Клянусь вам...

— Вы серьезно думаете, что я поверю, будто король?..

— Ш-ш-ш... Потихе! Его величество желает видеть вас лично. Неужели вы не понимаете, что он не хочет быть узанным?

— Я не верю!

— Это уж слишком, мадам! Отправьте отсюда своих девиц, сударыня, и убедитесь сами.

— И куда же я их дену? В постель к Мальбрану, нашему учителю фехтования? — Она повернулась и затянула шнурком ворот пеньюара. — Если король в зале, он там меня и увидит!

Она вышла в зал и внезапно замерла, увидев у стены мужчину.

— Вы правы, сударыня, — раздался из-под маски голос короля. — Чем плох зал? Он затемнен и, главное, пуст. Пегилен, друг мой, постойте на лестнице и всех гоните прочь!

Он властно положил руки на плечи Анжелики, а затем, вспомнив о маске, снял ее. Да, перед ней стоял король, и он улыбался.

— Не надо реверансов, сударыня. Я не могу больше ждать, я должен был вас увидеть.

— Сир, — решительно ответила Анжелика, — я уже говорила вам, что не могу быть ширмой для мадам де Монтеспан. Я надеюсь, что ваше величество понимает...

— Вы повторяетесь, моя куколка. Сегодня нам незачем рядиться в маскарадные костюмы. Допустим, что я пришел именно ради вас.

Анжелике польстили его слова, но они и поставили ее в затруднительное положение.

— Ну и что же?

— Все очень просто, сударыня. Мы не связаны с вами близкими отношениями. Но неужели вы не понимаете, что произвели на меня неотразимое впечатление? Я не могу забыть ни ваших губ, ни очаровательных ножек, которые однажды увидел в Версале...

— Мадам де Монтеспан еще прекраснее, чем я. И она любит, она просто обожает вас!

— В то время как вы...

Его жадные глаза, казалось, гипнотизировали Анжелику. Он приблизил свои губы к ее губам, и у нее не хватило сил отодвинуться. Он прильнул к ее влажному рту, раздвинул губы и коснулся ее зубов. Они прижались друг к другу в страстном порыве. И вдруг она, будто ослабев, оторвалась от него и прислонилась к стене. Губы ее дрожали. Король прерывисто дышал.

— Я всю жизнь мечтал о таких поцелуях, — прошептал он. — Я снова хочу видеть вашу запрокинутую головку, ваши полузакрытые глаза, ваш чудесный рот. Мне нужно идти, но у меня не хватает мужества покинуть вас. Ведь гостиница расположена очень далеко от...

— Ваше величество, прошу вас не искушать меня действиями, которые страшат меня!

— Страшат, вы сказали? А я думал, что они радуют вас. Неужели я ошибаюсь?

— Что мне остается? Ведь вы — король!

— А если бы я не был им?

Глядя ему прямо в глаза, Анжелика мужественно ответила:

— Я бы надавала вам пощечин!

Король явно рассердился:

— Неужели я так плох как любовник?

— Сир, разве вы забыли, что маркиз дю Плесси-Белльер является вашим другом?

Вопрос застал монарха врасплох. Теперь казалось, что он был даже смущен.

— Конечно, он мой лучший друг. Но я считаю, что своим ухаживанием за вами вовсе не приношу ему неприятностей. Всем известно, что у нашего Марса только одна возлюбленная — война. И коль скоро я отдаю под его начало свою армию, то чего же еще ему желать? Его совсем не занимает любовь, он доказывал это нам уже много раз.

— Но он также доказал, что любит меня. Король вспомнил ходившие сплетни:

— Так, значит, Марс сдался в плен Венере? Я просто не могу поверить! Но должен признаться, что считаю вас способной на подвиг.

— Поверьте, сир, что я люблю его, а он любит меня. Неужели вы хотите разрушить нашу с таким трудом обретенную любовь?

Людовика раздирали порывы страсти и угрызения совести.

— Нет, не разрушу, — наконец с глубоким вздохом произнес он. — Прощайте, сударыня. Спите спокойно. Надеюсь увидеть вас утром в нашем лагере вместе с вашим сыном.

В обычном голубом бархатном костюме, отороченном золотыми галунами, Филипп ждал Анжелику у входа в королевскую палатку. Поклонившись, он предложил ей руку и повел к королю, готовящемуся занять свое место.

— Здравствуйте, муж мой! — шепнула она.

— Здравствуйте, сударыня.

— Увижу ли я вас сегодня вечером?

— Если позволят мои обязанности. Лицо его было непроницаемо, но пальцы сплелись с пальцами Анжелики и сжимали их. Король искоса наблюдал за ними.

— Существует ли более прелестная пара, чем маркиз и маркиза дю Плесси-Белльер? — спросил он у главного дворецкого.

— Вы правы, сир! Прелестная пара!

— Да, они очаровательны... и так преданы своему королю, — вздохнув, добавил Людовик.

Анжелика присела в реверансе. Король вытянул руку и поднял ее. Глаза их встретились. Она оказалась единственной дамой, приглашенной к ужину, и благородные дворяне, сидевшие за столом, давно не видели такой красавицы.

— Вы, несомненно, счастливец, маркиз, владея подобным сокровищем. Я уверен, что за столом нет ни одного мужчины, не завидующего вам. Мы надеемся, вы понимаете нас? — И король положил руку на плечо Филиппа. — Марс, дружище, — шепнул он, — вы невероятно удачливы, но я не ревную. Ваша верность — мое большое счастье. Вы помните наше первое сражение? Тогда нам было по пятнадцать лет. Помните, как пуля сбила мою шляпу? А вы тогда побежали прямо под выстрелы испанцев, чтобы принести мне ее...

— Да, сир, помню.

— Вы были тогда будто не в своем уме. И после вы ради меня совершили еще не один безумный поступок. Военская слава может заставить нас забыть о любви, но любовь никогда не заставит нас забыть, что мы с вами стали братьями по оружию.

— Вы правы, сир.

— Конечно, прав, мой маршал. Но не много ли философии для простых солдат? Прошу вас, сударыня, садитесь!..

Как единственная женщина, Анжелика заняла место по правую руку от короля — место королевы Франции. Филипп остался стоять рядом с главным дворецким.

Король украдкой восхищался профилем Анжелики, глядя, как она грациозно склоняется над тарелкой. Флоримон исполнял свои новые обязанности виночерпия так торжественно, будто он был приставлен к алтарю.

— Ваш сын не похож на вас. У него темные глаза и волосы. И южная смуглая красота.

Анжелика вспыхнула, а затем сразу побледнела. Сердце ее бешено забилось. Король ласково дотронулся до ее плеча:

— Как вы чувствительны, мадам! Когда вы перестанете страшиться меня? Разве вы не понимаете, что я не хотел пугать вас?

После ужина Анжелика вернулась вместе с Филиппом в его палатку.

Внутри стояли два кресла и низенький турецкий столик. Прямо на земле был расстелен толстый ковер. Мягкий коврик красовался и на походной кушетке. В палатке царила атмосфера ленивого Востока.

Филипп снял перевязь. Вошел Ла-Виолетт и предложил маркизу снять парадный костюм, но тот сразу отказался.

— Послать за вашими служанками?

— Я думаю, в них нет никакой необходимости. Если потребуется что-то, вы и сами сумеете мне помочь, — улыбнулась Анжелика. Наверное, у вас есть кое-какой опыт в подобных делах? Вы рады видеть меня? — Она прижалась к нему.

— Да, к моему сожалению.

— Почему же «к сожалению»?

— Я не могу вырвать вас из своего сердца. Никогда ранее мне не были знакомы муки ревности. А теперь я ревную.

— Но я люблю только вас.

Не отвечая, он прижался лбом к ее плечу. Анжелике в тусклом свете палатки причудились похотливые глаза короля.

— Филипп, когда вы вернетесь домой? Когда мы сможем жить вместе?

Отшатнувшись, он посмотрел на нее.

— Жить вместе? Да разве такое возможно для маршала королевских войск и знатной придворной дамы?

— Я хочу оставить двор и вернуться в ваше имение Плесси.

— Как похоже на всех женщин! Было время, когда я хотел оставить вас в Плесси, а вы были готовы скорее умереть, чем повиноваться мне. А теперь уже слишком поздно.

— Почему вы так говорите?

— Вы слишком многим обязаны королю, и ваш отъезд может вызвать

его недовольство.

— Именно из-за короля я и хочу уехать, Филипп... Король... — Она смотрела на него безжизненными глазами. — Король... — в отчаянии повторила она и стала механически раздеваться.

Филипп стоял, погруженный в свои думы.

— После сегодняшнего ночного разговора, — бормотала Анжелика, — король должен понять меня. Если он захочет, конечно!

Филипп приблизился к кушетке, где Анжелика, стоя на коленях, вынимала заколки из волос. Она обняла его за шею и прильнула к нему.

Его руки пробрались под сорочку к ее голому телу. Ощупав спину и плечи, он вернулся к ее груди, немного полноватой после рождения ребенка, но все еще высокой.

— Именно то, что нравится королю...

— Филипп... — Анжелика крепче прижалась к нему. Они замолчали, будто охваченные страхом. Снаружи раздался чей-то громкий голос:

— Маршал!.. Маршал!

Филипп мгновенно подошел к выходу из палатки.

— Поймали испанского шпиона, — произнес голос. — Его величество зовет вас!

— Не уходи, Филипп! — молила Анжелика.

— Великолепно! Не ходить, когда вызывает король! — нервно засмеялся он. — На войне как на войне, моя дорогая. А моя первейшая обязанность — служить его величеству.

Он расправил усы, прицепил шпагу и, обернувшись к безмолвной Анжелике, спросил:

— Какую песню пел Кантор? Ах, да...

*«Прощай же, свет мой ясный,
Забудь любовь мою.
Должны повиноваться
Вассалы королю».*

Она пыталась дождаться мужа, но сон сморил ее, и она уснула тут же на кушетке. Когда она проснулась, то увидела слабый свет, проникающий сквозь желтые шелковые стенки палатки, и ей показалось, что сегодня будет хорошая погода. Но, выйдя наружу, она увидела хмурое туманное утро. Моросил дождь. Лагерь был пуст, вдалеке слышался гром пушек.

По ее требованию Мальбран подвел лошадь, а один из солдат показал на холм:

— Оттуда, сударыня, вам все будет видно!

На вершине холма она увидела месье де Сальнова, чьи солдаты располагались по склонам возвышенности.

Анжелика сразу увидела знакомую ей картину осады города. Французская осадная артиллерия располагалась за рекой, три батареи поддерживали пехоту. Сальнов хлыстом указывал на группу всадников, разъезжавших перед войсками.

— Король убежден, что крепость скоро падет. Ни он сам, ни маршал, ни офицеры всю ночь не сомкнули глаз. Пойманный шпион сообщил, что испанцы собирались сегодня атаковать нас. Но мы были начеку, и их план провалился.

— Но мне кажется, что ответная испанская бомбардировка еще сильна.

— Все равно, конец близок. Губернатор города не может поднять белый флаг до тех пор, пока не кончится запас пороха.

— Филипп вечером говорил то же самое.

— Я счастлив, что угадал его мысли. Наш маршал — прирожденный стратег. Я думаю, что уже сегодня вечером у нас состоится грандиозный банкет в завоеванном городе...

Показался курьер, вихрем мчавшийся по дороге по направлению к ним. Приблизившись и осадив коня, он крикнул:

— Наш маршал!.. — но, увидев мадам дю Плесси, осекся и натянул поводья.

— В чем дело? Что случилось? — с пронизывающей сердце болью выкрикнула Анжелика.

— Что такое? — вмешался Сальнов. — Отвечайте, что с маршалом? Он ранен?

— Да, — выдохнул курьер. — Король рядом с ним. Маршал напрасно рисковал...

Не слушая больше, Анжелика прищипорила лошадь и помчалась вниз с холма.

«Филипп ранен! Я знала, что должно было что-то случиться...»
Первым, кого она увидела, был маркиз де Лозен. Подскакав ближе, она крикнула:

— Филипп действительно ранен?

— Да... — И когда она остановилась рядом, стал объяснять:

— Король захотел выяснить, не поможет ли ложный штурм быстрой капитуляции, и Филипп сам вызвался произвести разведку. С отрядом гвардейцев он поскакал прямо на бастион...

— Рана серьезная?

Анжелика вдруг обратила внимание на то, что Пегилен своей лошадью загораживает ей дорогу. Сгорбившись словно под внезапно обрушившейся тяжестью, она горько разрыдалась.

— Он мертв? Да? Ну отвечайте же!

Пегилен молча опустил голову.

— Пропустите меня... — безжизненным голосом произнесла она. — Я хочу его видеть.

Маркиз де Лозен не двинулся с места.

— Пустите меня! — закричала она. — Ведь он мой муж, и я имею право увидеть его!

Пегилен прижал ее голову к своей груди и нежно провел рукой по ее волосам.

— Лучше не надо, дорогая... Увы, наш красавец маркиз... — Он чуть помолчал и, тяжело вздохнув, закончил: — Пушечным ядром ему оторвало голову...

Она плакала горько и безнадежно, уткнувшись лицом в кушетку, на которой в одиночестве провела последнюю ночь. Она никого не пускала в палатку, и вся ее свита стояла снаружи, слушая безудержные рыдания. Она пыталась уверить себя, что все неправда, что такого не могло случиться, но уже отчетливо понимала, что больше никогда не увидит его. Сквозь слезы она шептала:

— Я любила вас!.. Вы были первым, кого я полюбила в дни своей юности!..

Филипп. Филипп в розовом. Филипп в голубом. Филипп в снежно-белом, расшитом золотом костюме... Филипп держит на руках Шарля-Анри... А вот он с охотничьим ножом в руке борется с матерым волком... Филипп был так красив и мужествен, что даже сам король звал его Марсом...

Она припомнила рассказ де Лозена и подумала: «Зачем он вызвался в ту разведку?»

Отодвинув полог, в палатку с поклоном вошел де Жевр, главный дворецкий короля.

— Сударыня, король пришел выразить вам свое сочувствие.

— Я никого не хочу видеть.

— Сударыня, но ведь сам король...

— Я не хочу видеть ни короля, — выкрикнула она, — ни кого-нибудь другого из своры трусливых, сплетничающих щеголей, составляющих его

свиту и мечтающих о месте маршала!

— Мадам... — Жевр был шокирован.

— Прочь отсюда! Убирайтесь!... — Она зарылась в подушки, дрожа от гнева и горя.

Вдруг сильные руки подняли ее. В минуты отчаяния ее могла утешить и успокоить только надежная мужская поддержка. Она подумала, что это де Лозен, и, зарыдав еще громче, приникла к лацкану бархатного камзола, пахнущего ирисом. Она подняла глаза и встретила взгляд карих глаз, глаз короля. Никогда она не видела их такими мягкими и нежными.

— Я оставил их всех... Вся свита снаружи. Я прошу вас, сударыня, не поддавайтесь вашему горю. Ваша боль угнетает меня...

Анжелика встала на ноги и прислонилась спиной к золотистой стенке палатки. Ее глаза неотрывно смотрели на короля.

Когда она заговорила, голос ее дрожал:

— Я прошу ваше величество разрешить мне вернуться в свое поместье... в Плесси. Король заколебался.

— Я уважаю ваше желание, мадам. Я понимаю, что вам необходимо побыть одной. Поезжайте в свое Плесси. Я разрешаю вам остаться там до осени.

— Я хочу, сир, отказаться от всех своих обязанностей при дворе... — Анжелика обессиленно прикрыла глаза. Слезы вновь покатались по ее щекам.

— Обещайте мне, что вы вернетесь в Версаль, — настаивал король.

Она стояла неподвижная и молчаливая. Король испугался, что может потерять ее навсегда, и не стал настаивать.

— Версаль будет ждать вас! — мягко сказал он.

Вот и все, что он сказал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
КОРОЛЬ

Глава 16

Всадник галопом промчался по старой дубовой аллее, обогнул отразившую золотое великолепие осени, и остановился перед небольшим, некогда подъемным, мостом через ров. Через окно спальни Анжелика разглядела на всаднике ливрею цветов мадам де Севинье. Набросив бархатный плащ, не дожидаясь, пока служанка с письмом на серебряном подносе поднимется к ней, она сбежала по лестнице вниз. Отправив гонца на кухню и распорядившись, чтобы его хорошо угостили, она вернулась в комнату, удобно устроилась у камина и принялась за чтение полученного письма. Сейчас каждое послание представляло для нее большую ценность.

Заканчивалась осень, и не за горами зима, а какой скучной была последняя зима в Плесси! Замок в стиле Ренессанса, возведенный как летняя резиденция, был угрюм и холоден теперь, когда листья в Ниельском лесу уже опали. По ночам волки подходили к границам парка.

Лишь весна вносила в душу некоторое облегчение. Анжелика целыми днями носилась на лошади по окрестностям. Ее ближайшим соседом был старый гугенот Молин. Далее, в Монтелу, располагался замок ее родителей, где прошло ее детство с кормилицей и тетушкой Мартой и где теперь мирно доживал свои последние дни ее отец. Анжелику никто не посещал, кроме дю Круассека — грубоватого местного помещика, походившего своими манерами на медведя. Он старательно за ней ухаживал, и она порой не знала, как от него избавиться. Прочитав письмо, маркиза задумалась. Была ли у мадам де Севинье какая-нибудь затаенная мысль, когда она так подробно описывала положение мадам де Монтеспан, находившейся теперь в зените славы? Добрая и расположенная к людям, мадам де Севинье всегда относилась недоверчиво к Атенаис де Монтеспан. Она ею восхищалась, но не любила.

«Берегитесь, — говорила она когда-то мадам дю Плесси, — Атенаис из рода Мортемар прекрасна, как море, и так же безжалостна. Она может мимоходом проглотить вас, если не принять необходимых мер предосторожности...»

В ее словах была немалая доля правды, и Анжелика уже не раз убедилась в этом на собственном опыте. Так почему же все-таки мадам де Севинье так подробно описывает триумф Атенаис? Или она надеется, что Анжелика вихрем помчится в Версаль отвоевывать позиции, в сущности, никогда ей не принадлежавшие? Итак, мадам де Монтеспан — фаворитка,

и король не сводит с нее глаз. Вот все и устроилось!

В дверь легонько постучали, вошла Барба, ведя за руку Шарля-Анри.

— Наш ангелочек хочет видеть мамочку...

— Да-да, — рассеянно отозвалась Анжелика, поднялась и взглянула в окно на унылый и безлюдный ландшафт.

— Можно ему здесь немножко поиграть? — спросила Барба. — Он бы так обрадовался. О, да у вас здесь прохладно. И камин потух!

— Подложите дров, огонь еще не погас.

— Так можно оставить здесь мальчика?

— У меня нет времени. Пока посыльный здесь, я должна ответить мадам де Севинье.

Вздыхнув, Барба взяла мальчика за руку, и он послушно пошел с ней. Анжелика заточила перо, но не сразу села писать. Голос, к которому она не хотела прислушиваться, повторил снова: «Версаль будет ждать вас!?» Ей надо было подумать.

Были ли правдивы те слова? Версаль, наверное, уже забыл ее. Она сама того хотела. Месяц назад здесь, в Плесси, она радовалась разноцветью осени и бешеной скачке верхом по полям. Но сейчас приближалась зима, и мысль о скорых холодах угнетала ее.

Вошел лакей и спросил, где желает маркиза обедать — в своей комнате или в столовой? Конечно, в своей комнате! В зале холодно, а потом у нее не хватает смелости в одиночестве усаживаться за длинный обеденный стол, уставленный серебром. Она снова вдова!

Анжелика села перед камином. Одна! Нет с ней рядом мужчины, который мог бы посмеяться, глядя, как жадно она набросилась на еду... или восхититься ее руками, которые она два часа кряду растирала и мазала кремами... или хотя бы оценить прическу. Она вскочила, подбежала к зеркалу и долго изучала свое лицо.

На следующий день, по пути в Арманьяк, в Плесси заехали месье и мадам де Рокелор. Они сделали небольшой крюк, чтобы навестить маркизу де Плесси и передать ей послание от министра финансов Кольбера.

Герцогиня шмыгала носом и жаловалась на простуду, подхваченную в поездке. Но ее болезнь была скорее всего отговоркой, чтобы скрыть слезы. Она улучила момент, оставшись с Анжеликой наедине, и пожаловалась на своего мужа, увозившего ее подальше от искушений двора в свой самый отдаленный замок.

— Глупое время для ревности, — жаловалась она, — именно теперь, когда мой роман с Лозеном в далеком прошлом. Между нами ничего не было уже несколько месяцев... И чего хорошего он нашел в мадемуазель де

Монпансье?

— Но ведь она внучка Генриха IV, — ответила Анжелика, — уже одно это кое-что значит. Хотя мне не верится, что Лозен рискнет заигрывать с принцессой. У него никогда не бывает серьезных намерений.

Мадам де Рокелор, напротив, утверждала, что его намерения самые серьезные. Великая Мадемуазель будто бы уже просила у короля разрешения на ее брак с де Лозеном.

— И жаль, что никто не слышал его ответа.

— Утверждают, что он сказал: «Посмотрим!» Его как будто смущает страсть принцессы к де Лозену, хотя он сам очень привязан к Пегилену. А вот королева, герцог Орлеанский и Генриегта Английская были просто оскорблены... И мадам де Монтеспан тоже. Она прямо вслух выразила свое мнение.

— А ей-то какое дело? — удивилась Анжелика. — Она ведь сама не королевской крови.

— Но зато она из рода Мортсмар. И она хорошо знает, кому что подобает. А Пегилен из простых гасконских дворян...

— Бедный Пегилен! Я надеюсь, что вы все же не стали презирать его?

— Увы!.. — Мадам Рокелор залилась слезами.

Письмо Кольбера оказалось содержательным. Не упоминая о дворцовых сплетнях, не интересовавших его, он просил мадам дю Плесси вернуться в столицу и заняться делами, которые под силу лишь ей одной. В недалеком будущем в Париж должен будет прибыть посол иранского шаха — Бахтиари-бей. И Кольбер выражал надежду, что посредничество Анжелики поможет заключить выгодные соглашения.

Внимательно изучив послание, маркиза дю Плесси решила, что ей не следует откладывать возвращение в Париж.

На сборы ушло несколько дней. Прибыв в столицу, она сразу же отправилась в Версаль. Кругом лежал снег, было холодно. Но, невзирая на это, король ежедневно совершал прогулки по парку. И теперь со своей свитой он медленно шествовал мимо фонтана Аполлона. Анжелика приблизилась и присела в реверансе.

— Какой приятный сюрприз, — слегка кивнув ей, заметил король. — Я полагаю, что королева тоже будет рада увидеть вас.

— Я уже засвидетельствовала свое почтение ее величеству, и она милостиво выразила свое удовольствие видеть меня.

— Я разделяю ее чувства, сударыня.

Сделав еще один легкий поклон, король повернулся к принцу Конде и продолжил прерванный разговор.

Маркиза дю Плесси присоединилась к королевской свите. Она внимательно осмотрелась вокруг и с удивлением обнаружила, что ее наряды выглядят здесь старомодными и провинциальными. Однако мадам де Монтеспан, заметив ее, приветливо улыбнулась и даже помахала рукой, будто радуясь предстоящей встрече.

Атенаис явно похорошела. Ее разрумившееся на морозе лицо выглядывало из мягких блестящих мехов. И меха, как отметила Анжелика, были превосходны.

Муфта короля была сшита из того же меха, что и капюшон мадам де Монтеспан, и висела на золотой цепочке. Многие придворные дамы и кавалеры уже последовали его примеру. Герцог Орлеанский обсуждал новую проблему с мадам де Тианж:

— Просто божественно!.. Преклоняюсь перед русскими!.. Их посланник привез сюда три полных фургона мехов. Лисьи и медвежьи шкуры, чудесные соболя!.. Смотришь на такую красоту и удивляешься — невообразимая прелесть!.. И, значит, нашим муфточкам, похожим на тыкву, приходит конец, — добавил он, глядя на экипировку маркизы дю Плесси. — Маленькая муфта не имеет вида и выглядит слишком убого, чтобы ее носили наши дамы. У меня сейчас муфта сделана из каракуля. Посмотрите, мадам, какие на ней причудливые завитки!..

Свита двигалась по Королевской аллее к дворцу, в окнах которого блестели лучи уходящего солнца. Все печи и камины дворца топились, и клубы белого дыма поднимались из труб к прозрачному небу.

Температура во всех помещениях была вполне терпимой, а в зале Венеры, где находился уже сервированный королевский стол, стало даже душно. Смущенная Анжелика постаралась спрятаться в углу, а муфту — по словам герцога, похожую на тыкву, — забросила подальше. Да и траурный черный цвет ее платья вовсе не подходил ко двору.

Анжелика смотрела на мадам де Монтеспан, сидевшую за королевским столом, весело болтавшую и смеющуюся. Атенаис была дамой высшего света в полном смысле слова. Новые привилегии, казалось, добавили последний мыслимый штрих ее элегантности и оживленности. И, конечно, все уже знали, что к Рождеству ожидается появление еще одного не вполне законного королевского отпрыска. В зале становилось все оживленней и непринужденнее, хотя этикет строго соблюдался.

Был тот день, когда простолюдинов допускали смотреть, как обедает король. Получившие такое право медленно проходили по залу, во все глаза разглядывая своего сюзерена. Хотя не в меньшей степени они восхищались и герцогом Анжуйским, прибывшим в Париж с «Младшей Мадемуазель»

— принцессой Мари-Терезой, десяти месяцев от роду, также являвшейся членом королевской семьи. Они восхищались и мадам де Монтеспан — такой красивой и обаятельной и такой шлюхой!

Ремесленники, купцы и лавочники, с покрасневшими от холода носами, закутанные в теплые плащи, возвращались в Париж, гордые тем, что им довелось лицезреть своего монарха и его прелестную фаворитку, которую между собой они называли попроче...

Под самый конец трапезы Анжелика перехватила взгляд Флоримона, который с чувством собственного достоинства исполнял свои важные обязанности. После обеда общество направилось в залу Мира, и только тогда Флоримон, не торопясь, подошел к матери:

— Вы видели, мама? Правда, я хорошо справляюсь? Сначала мне разрешали только держать поднос, а теперь я ношу кувшин и даже пробую вино. Ну разве не чудесно?! Если кто-нибудь захочет отравить нашего короля, я отдам за него свою жизнь.

Анжелика поздравила сына со столь быстрым продвижением. Дюшен сказал, что он доволен Флоримоном. И хотя он был моложе всех королевских пажей, оказался самым воспитанным, обладая при этом хорошей памятью, врожденным тактом и чувством собственного достоинства. Словом, он уже стал настоящим придворным. К сожалению, королевская служба лишала его возможности оставаться товарищем по играм юного дофина. Госпожа Монтозье сама сказала об этом королю, и вот теперь он и главный виночерпий обсуждали вопрос: сможет ли Флоримон одновременно справляться с обеими обязанностями?

— Слишком много для него, — запротестовала Анжелика. — Ему ведь надо еще научиться читать!

— К черту латынь! Мамочка, разреши!..

Улыбнувшись, она покачала головой и заявила, что подумает.

Впервые за прошедшее время она близко видела сына. Правда, он дважды заезжал в Пуату, но их свидания ограничивались несколькими часами. Он похорошел. Может, чересчур худощав, но ведь он, как и другие, ел на скорую руку и когда придется, вечно недоедал и недосыпал. Он все еще был в трауре по отчиму и брату... Обратив внимание на одинаковый черный цвет их одежды, отражавшейся в роскошном зеркале, Анжелика погрустнела, вспомнив, что сын ее снова сирота, а сама она — вдова.

«Версаль будет ждать вас!» — припомнила она вдруг слова короля. Нет, никто ее не ждет здесь. Уже через две недели после отъезда о ней забыли — умы придворных были заняты положением мадам де Монтеспан.

Анжелика огляделась по сторонам с чувством досады и разочарования. Внезапно ей показалось, что сейчас она увидит самого стройного и красивого из всех придворных — маршала Франции, Филиппа дю Плесси-Белльера... Но нет, его никогда больше не будет, он ушел навеки, его взяла земля.

Флоримон убежал, разыскивая гадкую собачонку принцессы Генриетты. Появилась королева и села рядом с королем. А подле них, образуя полукруг, расселись принцессы и принцы крови, а также дамы и кавалеры, имеющие привилегию сидеть в присутствии короля. Мадемуазель де Лавальер сидела на одном краю, а мадам де Монтеспан — на другом.

Лакеи стали разносить бокалы с ликерами и прохладительными напитками. И вдруг, нарушив тишину, раздался голос короля:

— Месье де Жевр! — обратился он к дворецкому. — Будьте так любезны, принесите стул для мадам дю Плесси-Белльер!

Среди придворных, стоявших в отдалении, воцарилось молчание, и головы всех присутствующих, как по команде, повернулись в сторону Анжелики. Она шагнула вперед и заняла место рядом с мадемуазель де Лавальер. Когда возле нее остановился лакей, Анжелика взяла с подноса бокал с вишневой настойкой, и рука ее заметно дрожала...

— Ну вот, наконец-то вы удостоились чести сидеть в присутствии короля, — так встретила Анжелику мадам де Севинье. — Ах-ах, как чудесно! Все только и говорят о вас!

Мадам де Севинье прибыла в Версаль на представление новой пьесы Мольера.

— Завтра еще одна комедия, а потом бал. И еще через день... Я, право, не знаю всей программы, но мы останемся в Версале на всю неделю. Вы знаете, что говорят при дворе? Что таково желание мадам де Монтеспан, ненавидящей Сен-Жермен. Кстати, что она сказала о поступке короля, предложившего вам стул?

— Честное слово, не знаю! Я не слышала.

— Думаю, что она была готова убить вас. Если бы вы только взглянули на нее, — я уверена! — вы испытали бы двойное удовольствие. Как я!..

— Никогда бы не подумала, что вы — такое чудовище, — рассмеялась Анжелика.

— Какая уж есть, — ответила мадам де Севинье. Они протиснулись в двери театра и прошли вдоль кресел, отыскивая пустые места.

— Давайте сядем рядом, — предложила Анжелика. — После

спектакля я бы хотела вместе с вами поехать в Париж. Мы с вами не беседовали уже много месяцев, и мне хочется наверстать упущенное.

— Вы сошли с ума? Вам же нельзя уезжать из Версаля! Теперь вы должны присутствовать за столом все время, пока его величество остается здесь!

В дверях возникла небольшая суматоха, и в залу вошла мадам де Монтеспан.

— Посмотрите-ка, кто пришел! — шепнула мадам де Севинье. — Она просто великолепна! Наконец-то Версаль имеет подлинно королевскую любовницу, которую можно поставить в один ряд с Габриэль д'Эстре^[1] и Дианой де Пуатье^[2].

Они занимались политикой, покровительствовали искусству, а самое главное — умели покорять мужчин и даже королей. Во время их правления Франция знала веселье...

— Почему же вы так хотите, чтобы я заняла место мадам де Монтеспан? — спросила Анжелика.

— Потому что мне жаль короля, — мадам де Севинье закрыла веер и вздохнула. — У вас есть все то же, что и у нее, и сверх того то, чего у нее нет. Вероятно, это и придает вам силу.

Занавес поднялся, но Анжелику мало интересовало происходящее на сцене. Она обдумывала слова, сказанные мадам де Севинье. Жаль короля? А было ли знакомо такое чувство самому королю? Пожалел ли он сам кого-нибудь, например Луизу де Лавальер, ставшую еще более худой, более печальной, чем обычно?.. Король заставлял ее появляться на всех приемах, то есть присутствовать на триумфе соперницы, что граничило с проявлением жестокости. Атенаис открыто третировала де Лавальер. Анжелика сама слышала, как она однажды обратилась к Луизе со словами:

— Луиза, помогите мне приколоть бант... Король ждет меня, и я не хочу опаздывать!

Просьба была жестокой и циничной. Бедная женщина повиновалась, боясь прогневать своего властелина, теперь не замечавшего ее. Что ждала она от такого унижения? Неужели она надеялась таким способом вернуть человека, которого она обожала? Нет, непохоже. Досужие сплетницы утверждали, что она уже не раз просила у короля разрешения удалиться в монастырь, но тот оставался глух к ее жалобным мольбам.

Анжелика наклонилась к мадам де Севинье:

— А почему бы королю не позволить мадемуазель де Лавальер покинуть двор?

Не отрывая зачарованных глаз от сцены, где шло представление последней комедии Мольера, та ответила:

— Из-за маркизы де Монтеспан. Луиза нужна для отвода глаз ее мужа. Пока она здесь, можно утверждать, что все сплетни о мадам де Монтеспан — просто досужая болтовня.

Маркиза дю Плесси кивнула в знак согласия и принялась наблюдать за происходящим на сцене. Мольер, как всегда, остроумен.

Но почему Солиньяк и другие высокопоставленные члены Общества Святых Даров не переносят пьес великого драматурга? Сам Людовик был не согласен с ними, так как хорошо понимал, что истинный дух церкви не подвергался осмеянию. Король видел, что мишенью комедии являются фанатики, которые не украшали ни церковь, ни человечество. И, будучи верным христианином, он первый смеялся удачным шуткам.

Приверженцам Общества не оставалось ничего иного, как кисло улыбаться вслед за монархом, тем более что королева и все многочисленные принцы были на стороне Мольера.

После окончания спектакля в зале долго гремели аплодисменты.

В своих апартаментах Анжелика увидела Терезу и Жавотту, разжигавших огонь в камине. Надпись «Отведено для маркизы...» все еще оставалась на двери.

«Следует ли мне пойти и поблагодарить короля? — размышляла Анжелика. — Иди лучше подождать, когда он первый заговорит со мной?»

В дверь постучали, и вошла крайне возбужденная мадемуазель де Бриенн:

— Я так и знала, что старик алхимик поможет вам получить место за королевским столом! О, пожалуйста, мадам, прошу вас, научите меня — что мне пообещать ему, чтобы он помог и мне? Как он проделывает такое? Он дал вам порошок? Какой он на вкус?..

Казалось, она совсем потеряла голову, и Анжелика, как могла, стала успокаивать ее:

— Успокойтесь, ничего он мне не давал. Я и не видела его. Ведь я только что вернулась из глухой провинции.

— Значит, тогда старуха ЛаВуазен? Про нее говорят, что она могущественная колдунья, но я не осмеливаюсь пойти к ней, боюсь погубить свою душу... Но если уж нет другого способа, то... Скажите, что она сделала для вас? Неужели правда, что нужно зарезать новорожденного ребенка и выпить его крови?

— Не говорите глупостей, — возмутилась Анжелика. — Милая, вы меня утомили. Повторяю вам, что я не имела дел с колдунами во всяком

случае для получения этого места. Король раздает милости по своей доброй воле тем, кого считает достойным награды, без всякой связи с черной магией!

Мадемуазель де Бриенн прикусила губу и затем продолжила развивать свою теорию:

— Все не так просто. У короля сильная натура, и никто не в состоянии заставить его сделать что-то. Только вмешательство потусторонних сил может подействовать на него. Взгляните только на мадам де Монтеспан. Как она всего добилась?..

— Мадам де Монтеспан может вскружить голову любому мужчине. Тут нет абсолютно ничего волшебного.

— Но ведь она не справилась с персидским посланником, — возразила мадемуазель. — Похоже, он так и вернется в Персию, не получив приема у нашего короля...

Анжелика мгновенно вспомнила о письме министра Кольбера. Узнав у де Бриенн, где остановился Бахтиари-бей, она тут же решила навестить его. Она подумала, что успеет вернуться к полудню, если поедет с самого утра. И король не заметит ее отсутствия, если она возвратится к прогулке по саду.

На следующее утро она вызвала Мальбрана, двух лакеев, кучера и, немного подумав, добавила к ним Флипо, чтобы увеличить свиту и произвести благоприятное впечатление на персидского посланника. Теперь ее эскорт в голубых ливреях состоял из четырех всадников. Сама же она отправилась на своей любимой Церере.

— Я слышал, что он привез в подарок королеве ожерелье из ста жемчужин, — сказал Флипо.

— Уйми свои вороватые руки и постарайся как подобает сидеть на лошади.

Флипо, никогда не изучавший науки верховой езды, постоянно ерзал в седле, стараясь сохранить равновесие. Окружающие втихомолку потешались над ним.

— Посмотрите, что там впереди? — вдруг воскликнул ничуть не смущавшийся Флипо, заметив на перекрестке дорог большую толпу и конную стражу. — Мне кажется, там идет казнь, — продолжал он. — Беднягу собираются колесовать!..

Анжелика тоже увидела священника в черном и палача с помощником в красных одеяниях, неподалеку от дерева, голые ветви которого, подобно трещинам, четко выделялись на фоне свинцового неба. Казни такого рода часто производились в окрестностях Парижа, чтобы избежать скопления

черни, как бывало во время казней на Гревской площади. Но такие предосторожности не уменьшали многочисленность толпы.

Колесо как орудие казни было завезено из Германии еще в прошлом столетии.

Осужденного привязывали к двум доскам так, чтобы руки и нога растягивались наподобие андреевского креста, то есть в форме буквы Х. И палач перебивал и дробил их ломом.

— Мы не опоздали, — обрадовался Флипо. — Палачи только начали бить его по ногам.

Но маркиза дю Плесси разочаровала его. Она приказала своей небольшой кавалькаде промчаться мимо страшного места, чтобы не видеть страданий несчастного. Они уже перескочили через придорожную канаву, как вдруг их остановил властный голос:

— Стойте! Никто не проедет, пока не разойдется толпа! — К ним подъехал молодой офицер, командовавший стражей.

Это оказался де Миремон, Анжелика знала его по Версалю.

— Разрешите мне проехать, сударь. Я хочу увидеть сегодня персидского посла.

— В таком случае позвольте мне лично проводить вас, — с поклоном ответил офицер.

Маркизе дю Плесси пришлось последовать за ним. Офицер провел ее вместе со свитой прямо к колесу, откуда раздавались вопли и стоны жертвы, которой дробили конечности. Анжелика опустила глаза, чтобы не видеть происходящего. И тут же услышала:

— Ваше превосходительство, позвольте представить вам маркизу дю Плесси-Белльер, желающую видеть вас.

Она подняла голову и увидела рядом с собой человека верхом на лошади.

У Бахтиари-бея были огромные черные глаза, обрамленные густыми бархатными ресницами, и тонкие брови. Вокруг рта росла густая курчавая борода. Его одеяние, перетянутое серебряным поясом, было подбито горностаем. Распахнутое сверху, оно обнажало кольчугу, украшенную филигранью. С плеча свисал парчовый плащ нежного розового оттенка, расшитый цветами из жемчуга. Голову его украшал тюрбан из белого шелка с эгретом, закрепленным алмазом.

Рядом с ним на лошади сидел маленький черный слуга, словно персонаж из арабских сказок. В свиту посла входили еще четыре рослых перса, тоже верхом на лошадях.

Посол даже не повернул головы на голос офицера. Его глаза были

устремлены на колесо, и он старался не пропустить ни одного стога казни.

Миремон еще раз повторил свое представление, а затем объяснил Анжелике, что посол, видимо, не понимает по-французски. Им на помощь неожиданно пришел священник в сутане и с распятием на груди, на которого маркиза до сих пор не обращала внимания. Он направился к Бахтиари-бею и обратился к нему по-персидски.

Посол повернул пустые, невидящие глаза, но взгляд его тут же потеплел. Молодая женщина заколебалась, подать ли ему руку для поцелуя, и вдруг обратила внимание на то, что посол ласково гладит шею Цереры. Потом он заговорил надменным голосом. Священник переводил:

— Сударыня! Его превосходительство посол просит разрешения осмотреть зубы вашей лошади, чтобы узнать чистоту ее породы.

Скрывая досаду, Анжелика ответила, что ее Церера очень нервная и наверняка не захочет, чтобы незнакомец заглядывал ей в рот.

Священник перевел.

Перс улыбнулся, соскользнул с коня, встал рядом с кобылой и что-то ласково сказал ей. Животное вздрогнуло, само открыло рот, позволило осмотреть свои зубы и даже лизнуло его руку, украшенную драгоценными перстнями. В ответ тот любовно потрепал ее по холке.

У Анжелики появилось ощущение, будто ее предали. Она нервничала, чувствовала себя уязвленной и даже позабыла о несчастном осужденном, воющем на колесе. Перс же, скрестив руки на груди, низко поклонился ей в знак глубокого почтения.

— Его превосходительство утверждает, что видит первую лошадь, достойную своего имени, с тех пор, как сошел на берег с корабля в Марселе. Он хотел бы знать, имеется ли у короля Франции еще хоть одна такая же лошадь?

— Целая конюшня! — соврала Анжелика. Бей нахмурился и сердито заговорил:

— Тогда его превосходительство удивляется, почему король не счел возможным предоставить ему приличную лошадь, достойную его ранга посла. Маркиз де Торси, которого ему дали для сопровождения, оказался плохим наездником и... — Поток персидских слов лился рекой, а священник с трудом успевал переводить. — Посол говорил, что не видел ни одной женщины, достойной его... что ему не делают подарков... что за весь месяц пребывания во Франции его никто не посещал... Что женщины, которых к нему приводили, не прельстили бы и базарного носильщика... И он хочет знать, не означает ли ваш приезд, что король, наконец, опомнился

и собирается оказать ему достойное уважение? При последних словах перса маркиза дю Плесси даже приоткрыла рот от изумления:

— Святой отец, что за странный вопрос?

Легкая усмешка пробежала по каменному лицу священника, хотя и молодого по годам, но уже побывавшего па Ближнем Востоке, что подтверждалось желтоватым цветом его кожи.

— Мадам, я понимаю, что мои слова шокируют вас. Но я пятнадцать лет был переводчиком при дворе персидского шаха, и, можете мне поверить, я совершенно правильно перевожу слова посла... — И он не без юмора добавил: — В течение пятнадцати последних лет мне приходилось слышать и говорить вещи похуже и пострашнее. Но будьте добры, мадам, скажите, что мне ему ответить?

— Скажите ему... что я в затруднении. Я прибыла сюда не как официальное лицо и вовсе не по приказу короля, который, похоже, не очень заботится о персидском посланнике.

Лицо священника приняло снова каменное выражение.

— Это катастрофа!.. — пробормотал он. Он колебался. Ему претило дословно переводить слова маркизы дю Плесси. Но тут осужденный издал дикий вопль, и все внимание бея перенеслось к месту казни. За время разговора палач успел переломать несчастному все кости и теперь распинал его на колесе от повозки. В таком положении осужденный должен был закончить свое земное существование — на холоде, заклеванный стайей ворон, уже сидевших на соседних деревьях.

Перс сердито произнес несколько фраз.

— Его превосходительство жалуется, что ему не удалось рассмотреть заключительную часть казни, — сказал Миремону священник.

— Мне очень жаль, но его превосходительство разговаривал с маркизой.

— Вам следовало бы повременить, пока посол не досмотрит казнь.

— Принесите ему мои извинения и объясните, что во Франции так не поступают.

— Слабый довод, — вздохнул священник.

Тем не менее он как мог попытался смягчить гнев посла, будто это тоже входило в обязанности переводчика. Посланник остыл, и вдруг его лицо осветилось радостью, словно он нашел решение мучившей его проблемы. Он что-то сказал переводчику, и священник явно неохотно обратился к Миремону:

— Он просит начать все сначала.

— Что начать сначала?

— Пытки... Казнь...

— Невозможно, святой отец! Ведь у нас больше нет осужденных!

Священник перевел. Бахтиари-бей показал на перса, сидевшего на лошади прямо за ним, и сказал, чтобы взяли одного из его стражников. Он настаивал и грозил пожаловаться королю, который наверняка прикажет казнить всех, не выполнивших его требование...

Несмотря на холод, на лбу у Миремона выступили крупные капли пота.

— Но я не могу, святой отец! Я не могу отправить на смерть ни в чем не повинного!

— Тогда мы скажем ему, что законы нашей страны запрещают нам касаться чужестранца, кем бы он ни был, пока он считается гостем.

— Правильно! Так ему и объясните, прошу вас! — взмолился весь мокрый Миремон, голова которого шла кругом от предложения персидского посла.

Бахтиари-бей слегка улыбнулся, но явно с пониманием отнесся к щепетильному французскому закону, хотя, конечно, ему не хотелось отказываться от своей затеи.

— А какова цель вашего визита, маркиза?

— Женское любопытство.

Священник саркастически улыбнулся.

— Святой отец, я надеюсь, вы понимаете, что человека мучают и убивают совсем не ради удовольствия какого-то варвара?

— Конечно. Но я против недоброжелательности и бестактности, с какими принимают во Франции персидского посла. Он приехал к нам как друг, а уедет, похоже, недругом и враждебно настроит персидского шаха к Франции и, что гораздо хуже, к нашей церкви. Если так случится, то мы, имеющие сейчас на Востоке около двадцати миссий, не только не сможем увеличить их число, но и потеряем уже имеющиеся. Пострадает дело веры. Теперь вы понимаете, почему я так терпелив со своим персом?

— Согласен с вами, святой отец. Конечно, дело очень важное, — скучным голосом согласился Миремон. — Но зачем ему были нужны новые пытки?

— Посол никогда прежде не видел таких пыток. И когда сегодня утром он по своему обыкновению отправился на прогулку, то совершенно случайно попал на место казни. И теперь хочет представить шаху точное описание нового способа. Вот он и раздосадован, что пропустил большую часть казни.

— По-моему, его превосходительство весьма неблагоприятен, —

улыбаясь, заметила Анжелика, — но, должна признаться, я восхищена его смелостью.

— Его превосходительство удивлен вашими словами, — снова начал переводить священник, — но он считает, что женщина бывает иногда хитрее мужчины. И он хотел бы знать, что вы имеете в виду.

— Так вот, не кажется ли его превосходительству, что шах вдруг решит, что новый изысканный способ казни окажется пригоден для высшей знати? И ему может прийти в голову мысль, что самым достойным объектом для нового способа будет его превосходительство — особенно если его миссия здесь закончится не слишком успешно.

Как только священник перевел, лицо посла озарилось радостью. К великому облегчению всех присутствующих он рассмеялся:

— Фузул-ханум! — воскликнул он и, скрестив руки на груди, поклонился маркизе.

— Он назвал вас, мадам, маленькой колдуньей. Он говорит, что ваш ответ достоин самого Зороастра. Он отказывается от идеи сообщать своему повелителю о новом виде казни. В его стране достаточно и старых испытанных методов. И он просит вас, мадам, посетить его резиденцию.

Бахтиари-бей возглавил кавалькаду. Он мигом изменился, стал галантным кавалером и все внимание уделял маркизе дю Плесси, расточая восточные комплименты. Анжелике было странно слышать из уст монаха такие слова, как «газель Кашам», «роза Исфахана» и даже «лилия Версаля».

Вскоре они прибыли во временную резиденцию персидского посла, все это время ожидавшего официального приема в Версале. Бахтиари-бей извинился за скромные апартаменты, где он уже выстроил себе турецкую баню для совершения ритуальных омовений. Отсутствие подобных бань в Париже удивляло его.

На шум, вызванный приездом, явилось несколько слуг-персов с кривыми саблями на боку. За ними показались два француза, один из которых, в высоком парике, видимо, компенсирующем малый рост, ехидно сказал:

— Еще одна куртизанка! Надеюсь, отец Ришар, вы не будете долго задерживать здесь новую шлюху? Месье Дионис не хочет, чтобы порочилось доброе имя его родового дома.

— Я вовсе не говорил так, — запротестовал другой француз. — Я понимаю, что его превосходительству нужно развлекаться.

— Если его превосходительству нужны увеселения такого рода, то ему следует отправиться прямо в Версаль...

Священник, стоявший как на горящих угольях, улучил момент, когда разговор прервался, и представил Анжелику. На лице маленького человечка в высоком парике отразилась сразу вся гамма чувств.

— Простите, сударыня! Моя фамилия Сент-Амон. Я из протокольного отдела министерства иностранных дел и приставлен королем к послу. Пожалуйста, простите мою грубость!

— Вы прощены, Сент-Амон, Я понимаю, что мое появление должно было смутить вас.

Со ступенек крыльца спустился Бахтиари-бей. За ним тенью шел его телохранитель. Подойдя к Анжелике, посол обвил рукой ее талию и повел в дом. Сопровождаемые слугами, они прошли через вестибюль, украшенный мозаикой, в небольшой зал. У Флипо округлились глаза, когда он увидел богатейшие ковры, великолепные занавеси и портьеры, вытканные заморскими мастерами. Мебель из драгоценных пород дерева и вазы восточной работы дополняли убранство залы, куда посол привел свою гостью.

Посол, скрестив ноги, уселся на ковер и пригласил Анжелику сделать то же.

— Неужели у вас принято ссориться в присутствии слуг? — медленно произнес он.

— Как хорошо вы говорите по-французски, ваше превосходительство...

— Я слушал ваш язык в течение двух месяцев. Времени достаточно, чтобы выучить его. Но я научился только оскорблять и очень жалею о том, ибо для беседы с вами я хотел бы научиться совсем другим словам.

Маркиза дю Плесси рассмеялась. Бахтиари-бей с изумлением взглянул на нее:

— Ваш смех журчит, как ручеек в пустыне! Они замолчали, чувствуя себя в чем-то виноватыми. В залу вошли Сент-Амон и священник. Посол вновь перешел на персидский язык и потребовал подавать угощения. Появились слуги с серебряными подносами, уставленными заморскими сладостями и кувшинами, издававшими незнакомый запах. С низкими поклонами слуги-персы разносили невиданные фрукты и разливали в маленькие чашечки темный напиток с дурманящим запахом.

— Что это? — спросила Анжелика, с беспокойством глядя на стоящий перед ней поднос.

— Он называется кофе, — сделав страшное лицо, Сент-Амон одним глотком осушил чашечку. — Я глотаю сию гадость уже десять дней подряд для того, чтобы проявить нашу хваленую любезность. При одном только

виде кофе мне становится плохо, но... — Он развел руки.

Сознание того, что персидский посол понимает французский язык, смущало Анжелику. Но перс не выражал никакого раздражения, и его лицо оставалось таким же доброжелательным, как и при входе в великолепную залу.

Он посмотрел на молодую женщину и жестом обратил ее внимание на фарфоровые чашечки и кувшины, расписанные ляпис-лазурью.

— Эти предметы дошли до нас со времен царя Дария, — перевел отец Ришар. — Секрет глазури ныне утерян. Большинство дворцов в Исфахане покрыто ею, но с тех пор прошло две тысячи лет, а новые мастера не так искусны. То же относится и к золотым и серебряным изделиям, хорошо вам известным...

— Если ваше превосходительство интересуется произведениями искусства, то вы получите большое удовольствие от Версаля. У нашего короля великолепный вкус.

Посла заинтересовали слова маркизы, и он засыпал ее вопросами. Она, как смогла, описала, персу прекрасный дворец с бесчисленными зеркалами и изделиями из золота и серебра, равных которым нет во всем мире. Посол был изумлен и через отца Ришара выразил упрек Сент-Амону за то, что тот еще не ознакомил его с таким великолепием.

— Да разве дело только в великолепии? — возмутился чиновник. — Величие короля Франции заключается не в роскоши его дворца, а в его славе! Красивые безделушки способны занимать лишь детские умы.

— Вы, кажется, забыли, что имеете дело с представителем Востока, — сухо отозвался священник. — И во всяком случае, маркиза несколькими словами оказала Франции большую услугу, чем вы за все десять последних дней.

— Так, так! Уж если вы, человек духовного сана, так носитесь с содержателем гарема, то мне, представителю дворянства, не о чем с вами разговаривать. Я удаляюсь!

С этими словами, произнесенными высокомерным и презрительным тоном, Сент-Амон вышел. За ним удалился и священник.

Бахтиари-бей широко улыбнулся, так что его зубы показались белым щрамом на тонком, смуглом лице.

— Отец Ришар знает, что мне не нужен переводчик для разговора с дамой. — Он закурил трубку и, пуская клубы дыма, не сводил глаз с маркизы.

— Астролог говорил мне, что среда — мой день... И вот вы пришли... Скажу вам, мне нелегко в вашей стране. Ваши обычаи непривычны и

слишком тяжелы для меня...

Он приказал слуге принести шербет. Анжелика осторожно заметила, что не понимает, почему он говорит, что ему тяжело во Франции. И что показалось послу необычным во французских обычаях?

— Ваши феллахи... или, как вы их называете?.. люди, обрабатывающие землю...

— Крестьяне?

— Да, да, они. Они смотрят на меня во все глаза и даже не думают кланяться. Какая наглость! Ни один не коснулся лбом земли!.. Наверное, ваш король хочет, чтобы я прибыл к нему как преступник... в повозке и со стражей по бокам? Тот маленький человек сказал мне: «Торопитесь, мы едем в Версаль». Будто я ишак, которого нужно подгонять. А я бы, в знак уважения к вашему монарху, вовсе не стал торопиться... Но почему вы смеетесь, милая Фирузэ? Вы, чьи глаза блестят ярче лучших драгоценных камней?

Она попыталась объяснить персу, что во Франции не принято падать ни перед кем на землю или биться лбом об пол... что мужчины, приветствуя, кланяются, а женщины делают реверанс. Она продемонстрировала свое искусство к большому удовольствию посла.

— Понимаю... Похоже на танец, неторопливый или ритуальный. Мне очень нравится. Я обязательно научу своих жен таким поклонам. Все-таки ваш король подумал обо мне, послав вас сюда. Вы — первый человек во Франции, развлекший меня. Французы — скучные люди!

— Скучные! — искренне возмутилась Анжелика. — Ваше превосходительство ошибается. Французы славятся весельем и жизнерадостностью. И народ у нас славный и добрый...

Маркиза дю Плесси, к явному разочарованию посла, стала прощаться, извиняясь за затянувшийся визит. Она прибегла ко всякого рода объяснениям и метафорам, дабы тот понял, что женщина во Франции занимает определенное место в обществе, что она не рабыня и не объект купли-продажи и что любовь женщины нужно заслужить...

— Наши персидские поэты умели воспевать любовь, — ответил посол. — Великий художник слова Саади давным-давно написал:

*Если в рай после смерти меня
поведут без тебя, —
Я закрою глаза, чтобы светлого
рая не видеть. Ведь в раю мне придется гореть,
как в аду, без тебя.*

Нет. Аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

— Как вы полагаете, — продолжал он, — мог бы я такими речами покорить сердце француженки? Вас я буду называть Фирузэ-ханум... мадам Бирюза. Приятнейший из всех драгоценных камней, эмблема Персии. В нашей стране самый любимый цвет — голубой. Бирюза. — И прежде чем она смогла вымолвить хоть одно слово, он снял с мизинца массивное кольцо и надел на ее указательный палец. — Мадам Бирюза, это выражение моего восхищения, охватывающего меня, когда я смотрю в ваши глаза. Кстати, камень обладает способностью менять свой цвет, если человек, им владеющий, начинает лгать.

Он отвернулся с ласковой и немного насмешливой улыбкой, очаровавшей Анжелику. Она не могла отказаться от подарка и только тихо повторяла слова благодарности, глядя на камень на пальце.

Шурша шелками, Бахтиари-бей поднялся с ковра. Его движения мягкостью и грацией напоминали кошачьи: легкие, полные скрытой силы, выдававшие атлета и искусного наездника.

— Вы быстро научитесь персидскому языку, — говорил он, растягивая слова. — А много ли при дворе таких красавиц, как вы?

— Сколько волн в океане...

Молодая женщина всем своим видом показывала любезному хозяину, что ей нужно уходить. Посол, взяв ее за руку, произнес:

— Я должен отпустить вас, раз уж в вашей стране существует такой странный обычай — посылать подарки, а потом забирать их обратно. И почему король Франции так обращается со мной?! Шах Персии очень могуществен! Он может изгнать из страны всех французских священников и закрыть все двадцать миссий. Он может отказаться продавать вам шелк. А где же еще ваш король сможет найти шелк такого превосходного качества, как наш? Тутовые деревья с белыми ягодами растут лишь в Персии, и только ими выкармливаются шелковичные черви, способные вырабатывать тончайший шелк. В других странах растут тутовые деревья исключительно с красными ягодами... И мы согласны заключить с вами договор. Расскажите обо всем королю. А сейчас я хочу посоветоваться с астрологом. Идемте!

Глава 17

Священник и два француза сидели в вестибюле. Персидский посол прошел мимо них и вскоре вернулся с белобородым старцем в тюрбане, расшитом знаками зодиака, и с чернобородым юношей, отличительной чертой которого был невообразимо длинный нос. Юноша бегло заговорил по-французски:

— Меня зовут Агобян. Я армянский католик и купец, друг и поверенный его превосходительства Бахтиари-бея. А это его духовный наставник и астролог Хаджи Сефид.

Анжелика шагнула вперед, намереваясь сделать реверанс, но остановилась, увидев, что астролог отпрянул и забормотал что-то по-персидски, повторяя слово «шиджес», означавшее «нечистая».

— Сударыня, вам не следует приближаться к нашему почтенному проповеднику. Он праведен во всем, что касается женщин. И он пришел, только чтобы осмотреть вашу лошадь и узнать, нет ли тут какой-нибудь связи с неблагоприятным расположением светил.

Астролог был худ — кожа и кости, обернутые в грубый полотняный халат, подпоясанный металлической лептой. Ногти на руках и ногах были длинными, окрашенными в ярко-красный цвет. Обут он был в открытые деревянные сандалии. Казалось, он не ощущал холода, когда они по заснеженному саду шли к конюшне.

— Каким секретом вы владеете, что не чувствуете холода? — спросила маркиза.

Старик закрыл глаза, а затем вдруг неожиданно молодым и мелодичным голосом произнес несколько фраз. Армянин перевел:

— Наш астролог говорит, что секрет весьма прост. Необходимо полное воздержание от всех земных удовольствий. Он отвечает вам, хотя вы и женщина, потому что вы не принесете зла. Тем не менее ваша лошадь находится под подозрением. Хотя это очень странно, ибо нынешний месяц — время, необычное для плохих предсказаний...

Покачивая головой, старик обошел вокруг лошади и, пока остальные молча стояли поодаль, еще раз осмотрел Цереру. Затем старец заговорил снова. Агобян переводил:

— Самый несчастливый месяц может оказаться благоприятным тому, кто искренне верует в Аллаха и кому благоволят звезды. Всевышний принимает молитвы страждущих. И еще старик говорит, что печали

ложатся не морщинами на лице, а шрамами на сердце... И что вы на пути к спасению...

Внезапно лицо астролога изменило свое выражение. Густые брови нахмурились, глаза засверкали. На физиономиях персов отразилось то же выражение гнева.

— Теперь он говорит, — воскликнул армянин, — что среди нас оказалась змея, воспользовавшаяся гостеприимством, чтобы украсть...

Кривой палец с красным ногтем вытянулся вперед.

— Флипо! — в ужасе воскликнула Анжелика. Но двое воинов-охранников уже схватили юношу и швырнули на колени. Из его кармана выпали один за другим три драгоценных камня — изумруд и два рубина.

— Флипо! О боже, что ты натворил!..

Хриплым голосом посол выкрикнул какие-то слова и схватился за кривую саблю, висевшую у него на перевязи.

Анжелика бросилась к нему:

— Что вы собираетесь сделать?! О, святой отец, помешайте казни! Помогите, святой отец, я прошу вас! Не могут же мальчику вот так сразу отрубить голову!..

— В Исфахане это было бы уже сделано, — холодно ответил священник. — И, памятуя о вашей собственной безопасности, не советую вам вмешиваться. Ваши возражения будут расценены как оскорбление. Его превосходительство все равно никогда не поймет, почему он не может наказать воришку, как тот того заслуживает...

Тем не менее он попытался смягчить гнев посла, пока Анжелика боролась с охранниками, пытавшимися увести ее отсюда, а трое других держали Мальбрана, успевшего обнажить шпагу.

— Его превосходительство смягчился и сказал, что согласен, чтобы вору отрубили только руки, — перевел армянин.

— Посол не имеет права наказывать моего слугу. Мальчик принадлежит мне; И только я сама могу решать, как его наказать!

Бахтиари-бей перевел взгляд с Флипо на Анжелику и несколько успокоился.

— Его превосходительство желает знать, какое наказание он, по-вашему, заслуживает.

— Я... дам ему двадцать ударов плетью!

Посол задумался, потом издал грозное рычание, круто повернулся и ушел в дом.

Слуги молча вывели всех французов вместе с дрожавшим Флипо из сада и захлопнули за ними ворота.

— А где наши лошади? — спросила маркиза.

— Их захватили проклятые турки, — ответил Мальбран. — И мне кажется, что они не собираются их нам возвращать.

— Тогда нам придется идти домой пешком, — философски заметил один из лакеев.

Анжелика, как убитая, проспала до десяти часов утра. В дверь осторожно стукнули.

— Мадам, вас хотят видеть...

— Я никого не принимаю! — С трудом открыв глаза, она увидела вошедшую Жавотту.

— Мадам, — проговорила бледная служанка, — там два офицера, и они требуют, чтобы я подняла вас. Один из них сказал: «Неважно, как вы это сделаете!..»

— Пусть подождут. Я встаю.

— Мадам, — дрожащим голосом сказала Жавотта, — я боюсь. Похоже, что вас хотят арестовать...

— Арестовать? Меня?

— Да. Они выставили стражу у всех дверей и приказали подать экипаж.

Анжелика поднялась с постели, пытаясь собраться с мыслями. Что они от нее хотят? Прошли времена, когда это могла быть одна из «штучек» Филиппа. Лишь одна ночь с тех пор, как король оказал ей милость, предоставив ей право сидеть в его присутствии... Что же могло произойти?

Она торопливо оделась, осмотрела себя в зеркало, как могла, привела в порядок одежду и вышла к офицерам, пытаясь скрыть полусонное состояние. Ей вручили конверт. Почему же дрожала рука, когда она ломала печать из красного сургуча?

Жавотта не ошиблась. Казенным слогом ей предписывалось следовать за подателем приказа. В конце письма была приложена королевская печать.

— Кто выдал вам конверт?

— Наш начальник.

— И что мне следует делать?

— Ехать с нами, мадам.

Маркиза дю Плесси повернулась к своим слугам, стоявшим вокруг. Приказала Мальбрану, Роже и фореитору оседлать лошадей и сопровождать ее.

Но тут вмешался офицер:

— Простите, сударыня, но король велел привезти вас одну!

Сердце Анжелики бешено заколотилось:

— Значит, я арестована?

— Не могу знать, сударыня. У меня приказ отвезти вас в Сен-Манде.

Маркиза села в собственный экипаж, мучительно раздумывая, что это за место — Сен-Манде. Монастырь, куда ее поместят, чтобы прервать все связи со светом? Выберется ли она когда-нибудь оттуда? И что будет с ее Флоримоном? Сен-Манде...

И вдруг ее осенило! Сен-Манде — замок, построенный бывшим министром финансов Франции Фуке. Она облегченно вздохнула, припомнив, что после ареста Фуке король отдал Кольберу все его поместья. Кто еще может стоять за развернувшимися событиями, кроме Кольбера? Конечно, довольно странный способ приглашать к себе даму. И она решила, что обязательно выскажет ему свои соображения по такому поводу... Однако в ее сердце закралась смутная тревога. Она успела повидать немало внезапных и необъяснимых арестов. Иногда жертвы репрессий появлялись вновь, улыбающиеся после перенесенных потрясений, но уже лишенные поместий и состояния. Анжелике пришло на ум, что она ничего не сделала, чтобы обезопасить свои владения.

«Случай послужит мне уроком, — подумала она. — Если я выберусь из создавшегося положения, то на будущее стану осторожнее...»

Карета, основательно помесив грязь парижских улиц, выбралась наконец на подмороженную дорогу предместья и покатила быстрее. Голые, обледеневшие дубы по обочинам дороги подсказывали, что они въезжают в Венсенский лес. Потом показалась и резиденция Фуке.

Несмотря на зимний холод, замок гудел как улей. Все вокруг было перекопано. Балки и доски свалены возле кучи свинцовых труб. Анжелике пришлось приподнять юбки, чтобы перебраться через них. Охранник подал ей руку, помогая преодолеть неожиданное препятствие.

— Скажите, почему министр финансов все здесь перекопал? — спросила она его.

— Месье Кольбер собирается выручить за вытащенные свинцовые трубы от фонтанов несколько тысяч ливров, — ответил стражник.

— Мадам, вам запрещено разговаривать, — заявил офицер, догоняя их.

— В разговорах о строительстве нет ничего крамольного, — запротестовала Анжелика, уже решившая в душе не пугаться предстоящих приключений.

Теперь, когда она знала, что ей предстоят переговоры с министром финансов, она несколько успокоилась.

Внутри замка везде виднелись следы разрушений. Рабочие сдирали с потолка замечательную лепку работы Ле Брюна. Ей не понравился явный вандализм, но она решила пока не высказывать вслух свое мнение. Надо было сохранять спокойствие и собранность.

Ее вели по левому крылу замка. Новых хозяев не устраивала «бесстыдная роскошь» Фуке. Унылые голые стены мраморных залов уже ничем не напоминали о былой роскоши.

Пройдя длинный коридор, Анжелика оказалась в приемной, в которой раньше принимали бедных. Теперь же здесь собрался почти весь цвет дворянства Франции.

Новый министр сделал Сен-Манде своей резиденцией, и все, имеющие к нему просьбы, стоически ожидали в ободренных залах.

Анжелика заметила мадам де Шуази, мадам де Гамаш, красавицу шотландку баронессу Гордон-Хантли, состоявшую в свите принцессы Генриетты, и даже Луизу де Лавальер.

Принц Конде сидел рядом с Солиньяком. Заметив Анжелику, он поднялся, чтобы приветствовать ее, но Солиньяк так сильно дернул его за камзол, что принц упал обратно в кресло. Однако, отмахнувшись от что-то нашептывающего старика, Конде, прихрамывая, направился к Анжелике.

— Мадам маркизе не разрешено разговаривать, — вторично заявил ее страж.

Чтобы избежать конфликта с принцем, маркизу дю Плесси перевели в прихожую, несмотря на возражения придворных, полагавших, что она попадет к министру раньше их.

В вестибюле не было никого, кроме одного посетителя, которого она прежде никогда не видела при дворе. Судя по всему, он был иностранец и, возможно, даже перс, о чем говорили цвет его лица и блеск черных азиатских глаз. Одет он был по-европейски, но красные кожаные сапоги с золотыми пряжками и фетровая феска с опушкой из белой овечьей шерсти подтверждали, что он иноземец.

Он поднялся и поклонился, не удивившись, что дама вошла в сопровождении стражи, а затем, обратившись к ней, сказал, что пропустит ее, ибо очаровательной женщине не подобает ждать больше, чем необходимо, в таком мрачном месте. Он говорил по-французски совершенно правильно, хотя несколько картавил.

Старший офицер, обращаясь к иностранцу, вежливо вмешался в разговор:

— Мадам, конечно, тронута вашим предложением и чувствует себя обязанной, но, сударь, не забывайте, что король ждет вас в Версале. И на

вашем месте я бы, напротив, попросил мадам быть столь любезной, чтобы в любом случае пропустить вас вперед.

Иностранец, казалось, не слышал, что ему говорили. Он улыбался и, не отрывая глаз, смотрел на мадам дю Плесси. Анжелика слегка смутилась от его пристального взгляда и была удивлена не столько бестактностью офицера, сколько неожиданным вниманием, оказанным ей незнакомцем. Но как бы то ни было, он, по крайней мере, был любезен.

После реконструкции двери в кабинет закрывались неплотно, и теперь Анжелика напрягала слух, пытаясь по голосу определить, кто находится в кабинете министра. По интонациям она поняла, что аудиенция заканчивается.

— И не забывайте, месье Гурвиль, что вы являетесь тайным представителем короля Франции в Португалии, — расслышала она.

«Гурвиль, — припомнила Анжелика, — не он ли был приверженцем осужденного министра?»

Мужчина, чье лицо скрывала маска, сопровождаемый самим Кольбером, проходя мимо Анжелики, слегка поклонился ей.

Министр заметил ожидающих и нахмурился. Некоторое время он стоял в нерешительности, раздумывая, кого пригласить первым. Но когда незнакомец сделал шаг в сторону, Кольбер облегченно улыбнулся, пригласил Анжелику войти и сам закрыл за ней дверь.

Указав на кресло, министр уселся напротив с непроницаемым выражением лица. Анжелика вспомнила его прозвище «Месье Северный Полюс», улыбнулась и приняла свободную позу. Кольбер даже подскочил, будто беспечность маркизы дю Плесси вывела его из себя.

— Сударыня, потрудитесь объяснить мне, зачем вы вчера нанесли визит Бахтиари-бею, персидскому послу во Франции?

— И кто же вам сообщил о моем визите?

— Король. — Взяв с конторки письмо, Кольбер с раздражением принялся вертеть его в руках. — Утром я получил приказ короля вызвать вас сюда и выслушать ваши объяснения.

— У его величества способные шпионы!

— Им за то и платят, — отрезал министр. — Ну, что же вы мне ответите? Что заставило вас посетить, персидского посла?

— Простое женское любопытство.

Кольбер недовольно откашлялся.

— Давайте попытаемся попятить друг друга, сударыня. Дело очень серьезное. Отношения между нашими государствами в данный момент таковы, что любой посетитель персидского посла может рассматриваться

как предатель.

— Какая глупость! Бахтиари-бей, по моему мнению, очень хочет увидеться с нашим монархом и посмотреть красоты Версаля.

— А по-моему, он собирается уехать из Франции, даже не вручив никому своих верительных грамот.

— Он бы очень огорчился, если бы ему пришлось это сделать. Он страдает от отсутствия такта у окружающих — господ Торси, Сент-Амона и других...

— Вы слишком легкомысленно отзываетесь об опытных дипломатах. По-вашему, выходит, что они не знают своих обязанностей.

— Они наверняка совершенно ничего не знают о Персии. А Бахтиари-бей показался мне человеком, искренне желающим выполнить свою почетную миссию.

— Тогда почему он отказался вручить свои верительные грамоты?

— Он считает, что ему не оказывают должного уважения. А поездки в карете со стражей по бокам кажутся ему прямым унижением.

— Но таков церемониал представления послов в нашем государстве.

— Только не для него!

— А что же ему нужно?

— Проскакать верхом через весь Париж под дождем из лепестков роз, и чтобы все жители города падали ниц при его приближении...

Министр промолчал.

— Вот вы и должны решить, как принять посла, — закончила маркиза.

— Я сам?! — испугался Кольбер. — Да я ни малейшего понятия не имею об этикетах при дворах восточных владык!

— И я тоже. И тем не менее, считаю, что мы можем кое-чем поступиться, дабы не потерять дружбу с Персией, и постараться заключить соглашения, выгодные для Франции.

Кольбер нервным движением достал из кармана платок и вытер им вспотевшее лицо.

— Расскажите мне подробнее о визите.

Мадам дю Плесси описала свою встречу с персидским послом, не упуская комичных сторон. Однако министр не улыбнулся даже тогда, когда она рассказала о желании его превосходительства повторить для него казнь.

— Он ничего не говорил о тайной стороне предстоящих переговоров?

— Ни слова. Он просто упомянул мимоходом, что нашим мануфактурам нигде больше не получить такого тонкого шелка, как персидский... и о каких-то католических миссиях...

— А не было ли речи о контрдоговорах с арабами, с турками или с Россией?

Маркиза молча покачала головой. Министр сидел в глубокой задумчивости.

— В общем, — нарушила тишину Анжелика, — я поработала и за вас, и за короля.

— Не торопитесь! Вы поспешили и выполнили миссию крайне неудовлетворительно.

— Позвольте, сударь! Я никакой миссии не выполняла и не принадлежу к людям, обязанным спрашивать у кого-то разрешения на посещение других лиц.

— Здесь вы ошибаетесь, сударыня. Вы глубоко заблуждаетесь, если считаете, что можете поступать, как вам заблагорассудится. Помните, чем выше вы стоите, тем более осмотрительной вам следует быть, чтобы не ошибиться и не сделать опрометчивый шаг. Сегодня вы едва-едва избежали ареста...

— А мне показалось, что я уже нахожусь под арестом.

— Нет, мадам. Я возьму под свою ответственность ваше освобождение, пока не улажу все с королем. И, прошу вас, будьте сегодня в Версале. Мне кажется, что король захочет выслушать вас. А я объясню ему, что вы можете оказаться нам полезной при предстоящих переговорах с Бахтиари-беом.

Министр проводил маркизу дю Плесси до двери, отворил ее и сказал офицерам:

— Мадам свободна. Можете идти!

Анжелика была так обрадована, что ее вынужденный визит к несильному министру закончился благополучно, что тут же в приемной опустилась в кресло. Она совсем не обратила внимания на иностранца, вместо которого к министру направился другой проситель. Она пришла в себя, лишь вновь услышав его раскатистое «р». Он приглашал ее к себе в карету, ибо собирался возвратиться в Париж и предлагал свои услуги.

Анжелика с готовностью согласилась.

— Могу ли я узнать ваше имя, сударь? Кажется, я не видела вас раньше при дворе.

— Нет, мадам, видели... В тот день, когда его величество предложил вам табурет. Вы двигались с такой грацией и с таким чувством собственного достоинства, что ваша черная одежда казалась упреком всем остальным расфранченным попугаям.

— Упреком?

— Ну, может быть, это не совсем подходящее слово. Но вы так выделялись среди остальных дам, что мне хотелось крикнуть: «Нет, нет! Заберите ее отсюда! Дайте ей свободу!»

— Слава Богу, что вы удержались.

— Да, — вздохнул он. — С тех пор, как я нахожусь во Франции, я сам не свой. Французы далеко не такие непосредственные, как мне о них говорили. Разум берет у них верх над чувствами.

— Откуда вы сами?

— Я князь Ракоци, и моя родина — Венгрия.

Он рассказал маркизе, как в результате дворцового переворота, был вынужден бежать из своей страны и как через всю Европу добирался до Франции, где нашел теплый и дружеский прием.

— Я рада за вас. А где же вы живете?

— Нигде, сударыня. Я странствую и с нетерпением жду момента, когда смогу вернуться на родину.

— А вы не боитесь, что, быть может, вам суждено и умереть на чужбине?

— Нет. Я вернусь в Венгрию, как только получу помощь от вашего короля. Мне нужна его поддержка, чтобы совершить революцию в своей стране. В душе я революционер!

Молодая женщина с изумлением посмотрела на него. На первого революционера, которого видела воочию.

— А почему вы думаете, что наш король окажет вам помощь для того, чтобы свергнуть другого короля? Ведь монархи страшно боятся таких вещей!

— В своей стране — конечно. Но в других странах инсургент порой может стать весьма полезным орудием.

Анжелика на мгновение задумалась.

— Известно, что Ришелье помогал Кромвелю французскими деньгами и он в немалой степени ответствен за то, что Карл I был обезглавлен... хотя тот и приходился кузеном королю Франции, — заметила она.

— Я несилен в английской истории, — иностранец улыбнулся, — но знаю, что в Англии вновь восстановлена власть короля, и у них нет людей, способных совершить революцию. Как и во Франции. Но мы, венгры, — самый свободолюбивый народ, и мы готовы к государственному перевороту.

— А мы, французы, и так свободные, — запротестовала Анжелика.

Тут венгр разразился таким громким смехом, что кучер обернулся, а потом тряхнул головой и быстрее погнал свою упряжку.

Перестав смеяться, Ракоци воскликнул:

— Не вас только что под стражей привозили к министру Кольберу?

— Здесь произошла ошибка, — рассмеялась Анжелика. — И вы сами видите, я свободна!

— Все равно, они стояли за вашей спиной! Они не отвяжутся от вас, пока вы работаете с ними или на них. Значит, вы запродали и свою свободу, и свою душу! И если вы захотите освободиться, то у вас останется только один-единственный путь — бежать!

— Бежать? Нелепая мысль! Я достигла высокого положения и чувствую себя уверенно.

— Ненадолго, поверьте мне. Положение не для вашей прелестной головки.

— А чем она вам не нравится?

— У вас голова ангела-мстителя, которым нельзя повелевать и которого нельзя подчинить чужой воле. Ангела, держащего в руке меч Немезиды. Ваш взгляд пронизывает человека насквозь. Поверьте мне, даже самая глубокая темница не способна погасить блеск ваших зеленых глаз.

— В ваших словах есть доля истины, — качнула головой мадам дю Плесси, и на ее прелестных губах появилась горестная усмешка. — Я очень капризна, но вам нечего бояться меня. Ошибки молодости дорого обошлись мне, они многому меня научили. Зато я поумнела.

— Значит, вас научили быть рабыней? Вы ведь именно это имели в виду.

— Вы бросаетесь в крайность, сударь. Если хотите знать мою точку зрения, то на земле вообще нет ни одной совершенной страны. А идея государства бедных повсюду кончалась плачевно. Вы говорите, как апостол, проповедующий новую веру. Такие заканчивают жизнь на кресте. Я считаю, что судьба мученицы не для меня.

— Апостол должен быть холост или, по крайней мере, покинуть свою семью. Я же еще хочу посеять семена свободы. Знаете, о чем я подумал, увидев вас здесь? Выходите за меня замуж, и мы уедем отсюда вместе!

Маркиза применила извечную женскую уловку, всегда помогавшую выйти из затруднительного или щекотливого положения, — она рассмеялась и тут же переменяла тему разговора.

— Посмотрите, месье, на тех людей! — воскликнула она. — Что они собираются делать?

На одной из улочек в квартале Сен-Поль толпа веселящихся людей преградила путь их карете. Большинство из них было одето в лохмотья. Толпа соорудила некое подобие виселицы, на которой уже болталось

соломенное чучело с белым плакатом, прикрепленным на груди. Сержант — глава местной полиции — и армейский фельдфебель представляли официальную сторону церемонии. Как только чучело закачалось на веревке, два барабана раскатились громовой дробью и толпа заревела на разные голоса:

— На виселицу мошенников! Смерть вора́м!

— Прямо-таки революционная картина, — тихо произнес венгр, сверкая глазами.

— Тут вы не совсем правы, сударь, — заметила маркиза, испытывая радость от сознания собственного превосходства. — Люди радуются акту справедливости по приказу короля. Происходит явная насмешка над правосудием. Так поступают, когда преступник осужден на смерть, но спасся бегством.

Опустив стекло в карете, Анжелика высунула голову, чтобы рассмотреть, кого символизирует чучело. Дородный, благодушно настроенный ремесленник объяснил ей, что вешают Гурвиля — сборщика налогов в провинции Гиена, осужденного за спекуляцию сообщника Фуке, чьи беззакония только теперь стали достоянием гласности.

Карета пробилась сквозь толпу и покатила дальше. Маркиза погрузилась в раздумье.

— Несчастный, — вздохнул наконец венгр, — бедная жертва тирании, осужденный навечно жить вдали от родины, куда он не может вернуться, не подвергая себя опасности быть повешенным. — Увы, такие отверженные скитаются по всей земле — за исключением своей страны, куда дорогу им преграждает палка деспота.

— Которую они, без сомнения, заслужили! — Анжелика посмотрела на своего спутника. — И не проливайте слез над судьбой Гурвиля и не слишком сурово критикуйте короля. Что вы мне ответите, если я скажу, что Гурвиль себя прекрасно чувствует, что он пока еще находится во Франции и состоит на тайной службе у короля, короче, он тот самый человек в маске, вышедший сегодня утром из кабинета министра финансов, пока мы с вами сидели в приемной.

Ракоци схватил ее за руку, глаза его ярко сверкнули.

— Вы сами верите в то, что говорите?

— Я совершенно уверена.

— Тогда я понимаю, почему ваш король оплачивает борьбу революционеров с другими королями, — торжественно заявил венгр. — Он двуличен. Он подсовывает толпе чучело преступника, а сам содержит его на тайной службе. Он подписывает мирный договор с Голландией, а затем

делает все, чтобы Англия начала войну с голландцами. Он вступает в союз с Португалией, чтобы сломить хребет Испании, с которой у него, кстати, тоже заключен договор. И он поддерживает меня, ибо я в ссоре со Священной Римской Империей... Тем не менее, это не мешает ему помогать римлянам при Сен-Готарде в борьбе против турок. Да, он великий король и очень ловкий король. Он и вас превратит в одну из бездумных марионеток, послушных его власти.

Маркиза дю Плесси потуже затянула воротник своего плаща. Слова неистового венгра бросали ее то в жар, то в холод.

— Слушая вас, я не могу понять, ненавидите вы короля или восхищаетесь им?!

— Я ненавижу его власть, но восхищаюсь им как человеком. И я благодарю Бога, что он не мой король. Еще не родился человек, способный сбросить его с трона.

— У вас очень странный образ мыслей. Вы напоминаете мне дурачка с сен-жрменской ярмарки, собиравшегося играть в кегли головами казненных королей.

Венгерский князь совсем не обиделся на такое сравнение и снова рассмеялся. Карета остановилась у ворот особняка Ботрей, и Анжелика раздумывала, как ей расстаться с венгром. Князь ловко спрыгнул на землю и подал ей руку:

— Вот ваш дом. И не забудьте, сударыня, того, что я вам говорил.

— Что вы имеете в виду?

— Выходите за меня замуж.

— Надеюсь, вы шутите?

— Совсем наоборот. Я говорю вполне серьезно. Вы считаете меня дурачком, ибо я совершенно не похож на ваших соотечественников. Но французы хранят свои чувства и своих жен в стальных клетках. Пойдемте со мной, и я освобожу вас!

— Нет, месье, благодарю, — ответила мадам дю Плесси и улыбнулась. — Я предпочитаю оставаться в своей клетке. А теперь прощайте, сударь. Я уйду, пока не наговорю еще чего-нибудь, о чем буду сожалеть...

Глава 18

Приехав в Версаль к полудню, маркиза дю Плесси-Белльер вошла в апартаменты королевы, готовясь приступить к своим обязанностям фрейлины. Ей сообщили, что королева в сопровождении свиты отправилась в одну из деревушек под Версалем, чтобы навестить больного священника. Королеву несли в портшезе, а свита шла пешком, так что далеко они уйти не могли, и молодая женщина решила последовать за ними.

Проходя мимо северной террасы дворца, она попала под настоящий град снежков. Обернулась, чтобы увидеть шутника, но новый снежок угодил ей в лицо. Маркиза оступилась, ноги поехали в разные стороны, и она упала, подняв тучу снежной пыли.

Из засады появился развеселившийся де Лозен. Но Анжелика с яростью набросилась на него.

— Когда вы прекратите, наконец, свои детские шалости? — взорвалась она. — И не могли бы вы, по крайней мере, помочь мне подняться? Тоже мне, кавалер!

— Конечно же, нет! — воскликнул Пегилен, толкая ее в снег и катая в громадном сугробе, потом расцеловал в обе щеки, стал тереть ей нос муфтой и тормозил до тех пор, пока она не рассмеялась.

— Вот так-то лучше, — продолжал он, помогая ей подняться и отряхивая от снега. — Я увидел вас печальной и задумчивой. Такое выражение вовсе не подходит для Версаля и не идет к вашему личику. Да смейтесь же!

— Пегилен, неужели вы забыли о несчастьях, совсем недавно выпавших на мою долю?

— Да, забыл, — весело ответил маркиз. — И мы все должны забывать о своих неприятностях. Нечего появляться при дворе, если не собираетесь о них забывать. Перестаньте думать о горестях жизни и помогите мне, малышка!..

Он взял ее под руку и повел по запутанному лабиринту из подстриженных деревьев, припорошенных снегом, как сахарной пудрой.

— Король дал разрешение на наш брак, — шепнул он, будто сообщая страшный секрет.

— Какой брак?

— Брак мадемуазель де Монпансье с ничем не примечательным

гасконским дворянином. Только не говорите, что вы ничего не слышали. Она без ума от меня. И она уже не раз просила согласия короля на наш брак. Королева и принцы крови поднимают ужасный крик, считая его оскорблением всему королевскому роду. Но король добр и справедлив, он любит меня и полагает, что не имеет права принуждать свою родственницу оставаться в девицах — особенно если ей сорок три и уже нечего рассчитывать на блестящую партию. Несмотря на ужасное кудяхтанье во всем курятнике, король сказал «да»!

— Вы серьезно, Пегилен?

— Как нельзя более серьезно.

— Мне жаль...

— Не жалейте! Я все же лучше, чем покрытый язвами король Португалии, интриговавший против всех и вся, чтобы получить ее руку... или чем силезский принц — претендент в коротких штанишках...

— Я жалею не ее, а вас!

— Я стану герцогом де Монпансье, — продолжал Пегилен, — и получу все привилегии, прилагающиеся к титулу. По свадебному контракту вместе с мадемуазель Монпансье я получу двадцать миллионов ливров. Его величество оповестил все дворы Европы о свадьбе кузины. Анжелика, дорогая, временами мне кажется, что я вижу сон. Даже в самых смелых мечтах я не возносился так высоко. Сам король будет моим кузеном. Даже не верится! Вот почему я нуждаюсь в вашей помощи!..

— Не понимаю. Ведь все идет хорошо?

— Увы! Фортуна переменчива. Пока я не стал мужем принцессы, я не могу оставаться спокойным. У меня куча врагов, включая королевскую семью и принцев крови. Конде и его сын, герцог Энгиенский, злы на меня. Вот вы и могли бы своим очарованием успокоить принца, который очень высокого мнения о вас, и утвердить в своем решении короля, чтобы он не поддался на их уговоры расторгнуть наше соглашение. Мадам де Монтеспан обещала мне свою поддержку, но я не слишком доверяю ей. И в делах такого рода две любовницы лучше, чем одна...

— Я не любовница короля, Пегилен.

Он покачал головой, как птица-пересмешник, собирающаяся запеть.

— Быть может, это хорошо, быть может, это плохо... — ответил он словами песни.

Разговаривая, они вышли из парка. Из окна кареты, проехавшей мимо, Анжелику приветствовал мужской голос.

— Насколько я могу судить, на вас большой спрос, — заявил Пегилен. — Так могу ли я рассчитывать на вашу помощь, сударыня?

— Конечно, нет! Что бы я для вас ни сделала, все пойдет вам во вред.

— Не отказывайте мне! Вы и сами знаете, какой силой вы обладаете! Считайте, что вам не удалось одурачить такого опытного придворного, как я. Я все-таки полагаю, что вы можете повлиять на короля.

— Не будьте глупцом, Пегилен.

— Вы кое-что не понимаете, и я постараюсь растолковать. Вы, как шип, вонзились в сердце короля, и он не знает, как ему избавиться от боли. Свою боль он осознал только после того, как вы уехали в Плесси. И теперь он ужасно страдает...

— Имя его страданий — мадам де Монтеспан.

— Мадам де Монтеспан — просто лакомый кусочек, которым король удовлетворяет свою чувственность и свое тщеславие. Она нужна ему, и она принадлежит ему. Но вы... вы ручеек в пустыне... Самая переменчивая и самая непостижимая... самая близкая и самая далекая... и забываемая.

— Вы говорите так же красноречиво, как персидский посол. Теперь я понимаю, как вам удалось завлечь в свои сети бедняжку Великую Мадемуазель, герцогиню де Монпансье!

— Неужели я не добьюсь обещания, что вы замолвите перед королем за меня словечко?

— Если представится такая возможность, я помогу вам, Пегилен. А теперь отпустите меня. Я должна присоединиться к королеве.

— Она нуждается в вас меньше, чем я. И есть еще некто, желающий использовать вас для служения его величеству.

Из подъехавшего экипажа их окликнул мужчина. Но видя, что маркиза дю Плесси и де Лозен продолжают свой путь, он остановил карету и пешком направился к ним.

— Кольбер, — заметил Пегилен. — И он явно собирается говорить не со мной. Ведь я совсем не умею жонглировать деньгами.

— Я рад, что быстро нашел вас, мадам, — сказал министр, приближаясь к ним. — Я собираюсь с докладом к его величеству. Вскоре мы пригласим вас на совещание.

— А если его величество не захочет прислушаться к моим советам?

— Тогда это будет просто каприз. Может быть, и оправданный, но... каприз. Надеюсь все же, что он послушает меня. Пойдемте!

Оптимизм министра финансов, похоже, оказался преждевременным. Его разговор с королем затянулся. Анжелика ждала в зале Мира, на банкетке, и вдруг увидела своего брата Раймона де Сансе, который направлялся прямо к ней. Они не виделись после ее свадьбы с Филиппом. Неужели он появился здесь с единственной целью выразить ей свое

сочувствие? Он так и поступил, хотя Анжелика сразу поняла, что это еще далеко не все.

— Дорогая сестра! Вы, должно быть, удивлены, что я ищу вас здесь, при дворе, где появляюсь так редко?

— А я думала, что вы состоите на службе у королевы и ведаете раздачей милостыни...

— Вместо меня назначен отец Жозеф. Мое начальство предпочло поставить меня во главе нашего прихода в Бетюне.

— И, значит...

— Теперь я настоятель монастыря, — улыбнулся он. — Из нашего ордена берут служителей для восточных миссий...

— А-а-а... Отец Ришар...

— Совершенно верно!

— Бахтиари-бей... его отказ ехать в экипаже... промахи Сент-Амона... королевские неудачи... и в результате...

— Я всегда восхищался вашим быстрым мышлением, сестра!

— Спасибо, брат. Но боюсь, что в создавшейся ситуации я буду скорее помехой.

— Давайте поговорим откровенно, ничего не утаивая. Отец Ришар, с которым я недавно беседовал, считает, что вы — единственный человек, могущий нам помочь.

— Мне очень жаль, Раймон. Но сейчас не время. Меня наверняка ждет немилость.

— Но король оказал вам столько знаков внимания! Я слышал, что он даже пожаловал вам право сидеть в его присутствии. Верно?

— Да. Но прихоти монархов переменчивы.

— Меня больше беспокоят капризы посла. С тех пор, как он прибыл во Францию, отец Ришар не находит себе места. Первая ошибка состояла в том, что к послу приставили Сент-Амона. Он хоть и дипломат, но понятия не имеет о восточных обычаях.

Разговор прервало появление министра.

— Ничего не могу поделать, — мрачно заявил он, обращаясь к мадам дю Плесси. — Король так сердит на вас, что я удивляюсь, почему вы еще при дворе. Он даже слышать о вас не желает...

— О, месье Кольбер! Я предупреждала вас!

Она представила министру своего брата, преподобного отца Раймона де Сансе. Когда министр обрисовал ситуацию, Раймон не воспринял ее как трагическую.

— Мне кажется, я понимаю подлинную причину королевского

недовольства. Вы просто отказываетесь сообщить ему истинную цель вашего визита к персидскому послу.

— Я не скажу ее никому.

— Осмелюсь возразить, мадам. Я хорошо знаком с вашим упрямством, Но если вы отказываете королю, то как же можно ожидать от него снисхождения? А ведь можно достойно объяснить вашу бескомпромиссную позицию. Дайте-ка подумать... Ага, вот! Почему бы не сделать так: вы отправились по моей просьбе, чтобы установить контакт с отцом Ришаром, ибо его деликатное положение исключает возможность моего личного присутствия среди магометан. Что вы об этом знаете, месье Кольбер?

— Пройдет, если хорошо преподнести.

— А вы как считаете, Анжелика?

— Как говорил мой друг, полицейский Дегре, вы, иезуиты, необыкновенные люди.

— Ну вот и договорились!

Мужчины пошли к выходу по длинному коридору. Анжелика задумчиво следила за отражением на гладком полированном полу двух фигур: одной толстой — государственного деятеля — и другой худой — священнослужителя.

Мадам дю Плесси поняла, что осталась совершенно одна. Ей вдруг очень захотелось есть. По-видимому, было уже поздно, и все придворные наверняка на ужине у короля. Но она продолжала сидеть, задумчиво теребя свой восточный веер.

— А я как раз ищу вас, — шепнул у нее над ухом нерешительный женский голосок.

Анжелика не сразу даже поняла, что голос принадлежит Великой Мадемуазель. Что же так изменило властный голос внучки Генриха IV, знаменитого короля Наварры, завоевавшего себе вечную славу? «Наверняка, предстоящее замужество», — подумала она и, вскочив, сделала реверанс.

Герцогиня де Монпансье усадила ее рядом и в волнении взяла ее руки в свои.

— Дорогая, вы слышали наши новости?

— А кто же их не слышал? Кто ими не восхищался? Позвольте, ваше высочество, искренне пожелать вам большого счастья!

— Разве я сделала плохой выбор? Скажите, есть ли еще на свете хоть один дворянин, такой же храбрый и великолепный? Не правда ли, он восхитителен? Вы его друг?

— О да, конечно! — ответила мадам дю Плесси, сразу припомнив случай в Фонтенбло.

Вероятно, память Великой Мадемуазель была достаточно короткой, и она не уловила скрытого смысла в интонации Анжелики.

— Если бы вы знали, в каком волнении я нахожусь с тех пор, как король дал согласие на нашу свадьбу! И как я беспокоюсь!

— Ну, что вы, мадемуазель! Вы получили разрешение и теперь можете быть счастливы. Король не возьмет назад свое слово.

— Если бы я была так уверена, как вы, — вздохнула Великая Мадемуазель.

Она была так же очаровательна, как и в те дни, когда знаменитый Ван Оссель писал ее портрет. Маркиза дю Плесси ласково улыбалась, глядя на нее.

— Как прелестно вы выглядите!

— Правда? Очень мило с вашей стороны... Я счастлива, если радость действительно отражается на моем лице. Но я замираю от ужаса при мысли, что король может внезапно переменить свое решение — прежде, чем будет подписан брачный контракт. Эта дура Мария-Тереза и мой кузен герцог Орлеанский со своей женушкой стремятся разрушить наши планы. Если вы меня любите, постарайтесь сорвать их заговор.

— Увы, ваше высочество, я не...

— Вы ведь можете повлиять на короля!

— О, ваше высочество! Ничего не могу понять, но сегодня все наперебой твердят, что я могу повлиять на короля! — с раздражением воскликнула Анжелика. — Ведь вы хорошо знаете его величество! И знаете, что он не слушает ничьих советов и ничего не признает, кроме собственного мнения! Не король идет на поводу у кого-то, а ведет всех за собой!

— Значит, вы отказываетесь помочь мне? — спросила герцогиня. — А я ведь сделала для вас все, что могла, когда ваш первый муж был обвинен в колдовстве!..

«Память у нее не такая уж короткая!» — мелькнула мысль у Анжелики.

С треском захлопнув веер, она пообещала постараться выяснить у короля, что он думает о предстоящей свадьбе своей кузины. Затем попросила разрешения удалиться, объяснив, что ничего еще не ела после мессы.

— Невозможно! — воскликнула Мадемуазель, беря ее под руку и увлекая за собой. — Король принимает в тронном зале дожа Генуи, а после

приема состоится лотерея и фейерверк. Король выразил желание, чтобы присутствовали все придворные дамы. И особенно вы! Ваше отсутствие может вызвать его гнев, мадам!

Вновь Анжелике приснился сон, повторявшийся уже несколько ночей подряд. Она лежит на лугу в траве и страшно мерзнет. Срывая траву и бросая ее на себя, она вдруг обнаруживает, что лежит совсем нагая. Из-за белых облаков выглядывает солнце и медленно плывет по небу. Его лучи согревают и нежат ее. Она охвачена радостным возбуждением. Но чья-то рука касается ее плеча, и Анжелика вновь отчетливо ощущает холод. Вероятно, сейчас зима, и потому так холодно. Но почему тогда вокруг зеленая трава?..

Так и не решив странную загадку, Анжелика просыпалась и уже сознательно терла плечо, хранившее прикосновение чьей-то ледяной ладони.

Сегодня Анжелика проснулась с тем же чувством. Она замерзла и теперь лежала, раздумывая, не позвать ли одну из девиц Жиландон, чтобы растопила камин.

Вдруг Арей негромко залаял.

— Тихо, Арей, тихо! — приказала молодая женщина, приподнимаясь на постели.

Она услышала легкий щелчок дверного замка, и в появившейся полосе света очень четко обозначился силуэт мужчины.

— Кто здесь? Кто вы и как вы сюда попали? — взволнованным шепотом спросила она.

— Я Бонтан, сударыня. Камердинер короля. Не беспокойтесь, прошу вас, — так же тихо ответил неожиданный ночной гость.

— О, теперь я узнала вас! — Анжелика взяла с ночного столика свечу и посмотрела на вошедшего. — Что вам нужно?

— Его величество хочет видеть вас, — с поклоном ответил камердинер Людовика XIV.

— В такое время?! — изумилась маркиза.

— Да, мадам.

Не задавая больше вопросов, она попросила Бонтана выйти и подождать в соседней комнате, пока она приведет себя в порядок.

— Да, мадам. Только, пожалуйста, не будите служанок. Его величество просит вас быть крайне осторожной. Я проведу вас потайным ходом, известным лишь очень немногим.

— Хорошо, Бонтан. Я буду осторожна.

Она надела туфли и бесшумно выскользнула в соседнюю комнату, где было все необходимое для поддержания красоты и изящества настоящей придворной дамы. Ей вспомнились слова брата Раймона: «Ничто в мире не сможет испугать тебя!» И он был прав. За свою бурную жизнь она научилась встречать опасность лицом к лицу, а не прятаться от нее. И если ее тело сейчас сотрясала дрожь, то не от страха, не от нервов или из боязни встречи с монахом, а только от холода — она все еще не могла согреться.

— Месье Бонтан, — тихо позвала Анжелика и, когда в дверях показалась фигура королевского посыльного, смущенно улыбаясь, тихо попросила:

— Прошу вас, помогите мне, пожалуйста, застегнуть крючки...

Камердинер Людовика XIV поклонился, поставил канделябр на стол и очень ловко привел в порядок туалет маркизы. Мадам дю Плесси благосклонно поглядела на невысокого мужчину, который, сохраняя чувство собственного достоинства, спокойно справлялся с необычным для него занятием.

На королевской службе Бонтан занимался вопросами провианта и расквартирования двора. Людовик не принимал ни одного решения в этих областях без Бонтана, да еще загружал его кучей мелких поручений. Чтобы не обращаться по пустякам к своему господину, Бонтану зачастую приходилось расплачиваться из своего собственного кармана. Король задолжал ему около семи тысяч пистолей, занятых во время карточной игры.

Мадам дю Плесси оглядела себя в зеркале. Слегка подрумянив щеки и прикоснувшись к ним кое-где белой пуховкой, она удовлетворенно кивнула своему отражению и сказала:

— Я готова, месье Бонтан!

Приподняв тяжелые юбки, она проскользнула за слугой в узкий потайной ход. Дверь бесшумно закрылась за ними, и они очутились в низком коридоре, по которому, согнувшись, с трудом мог передвигаться один человек. Они поднялись вверх по винтовой лестнице и вновь очутились в тесном туннеле, многочисленные двери в стенах которого скрывали потайные комнаты.

Версаль оборачивался к ней другой, неизвестной ранее стороной — тайные встречи, неожиданные визиты, секретные совещания. Таинственные переходы Версаля окружали большие, светлые помещения, сверкающие позолотой в свете бесчисленных свечей.

Они пересекли укромную полутемную комнату, убранство которой — скамеечка и изящное ложе с мягкими подушками, казалось, специально

предназначалось для приема гостей.

Открыв еще одну дверь, они вошли в большой, роскошно обставленный зал. Оглядевшись, Анжелика поняла, что находится в приемной короля.

За мраморным столом, освещенным двумя канделябрами, склонясь над бумагами, сидел человек. Две большие собаки, возле камина, подняли головы, лениво заворчав на гостей, потревоживших их сон.

Бонтан пошевелил в камине кочергой и кинул еще пару поленьев. А потом, на глазах изумленной Анжелики, исчез в стене.

Людовик XIV, не выпуская пера из руки, поднял глаза от бумаг и улыбнулся:

— Садитесь, сударыня, прошу вас!

Анжелика присела на краешек кресла. В приемной повисло тягостное молчание. Наконец король встал из-за стола и подошел к ней.

— Итак, вы даже не подняли шума? Не запротестовали? Не выказали никакого недовольствия, когда вас вытащили из постели?

— Сир, я всегда к вашим услугам.

— С чего бы такая неожиданная покорность? Где же ваши ядовитые ответы?

— Ваше величество представляет меня в виде фурии и стыдит за плохое поведение? Какого же вы обо мне мнения!

Король уклонился от прямого ответа.

— Преподобный отец Жозеф целый час расписывал мне ваши способности. Я знаю его, как человека справедливого и достаточно умного, и часто прислушиваюсь к его советам. С моей стороны было бы неблагоразумно не простить вас именно тогда, когда лучшие умы церкви защищают вас... Чему вы так саркастически улыбаетесь? — неожиданно прервал он свою речь.

— Я не ожидала, что меня поднимут среди ночи только для того, чтобы я выслушала комплименты из ваших уст, сир.

— Маленькая колдунья!

— Бахтиари-бей, персидский посол, назвал меня «Фузул-Ханум»...

— И что означают его слова?

— То же самое, что сказали вы. Разве это не доказывает, что король Франции и посол Персии могут мыслить одинаково?

— Мы и обязаны были в таком случае подумать одинаково. — Он протянул к ней руки, повернутые ладонями вверх. — Куколка моя, принесите феодальную присягу своему сюзерену.

Улыбнувшись, Анжелика медленно вложила свои руки в ладони

короля:

— Торжественно клянусь выполнять свои обязанности и служить верно королю Франции, чьим вассалом я являюсь.

— Так-то лучше! Теперь пройдите сюда.

Он помог ей подняться и подвел к столу, где лежала голубая карта с линиями широты и долготы. На каждой из четырех сторон света были изображены розовощекие ангелочки, соединенные золотой вязью:

«Маре Нострум — Матер Ностра», характеристика, данная древними географами Средиземному морю: «Наше море — наша мать». Людовик водил пальцем по карте:

— Вот Франция, вот Мальта и вот Крит — последний оплот христианства. Здесь у нас вечные столкновения с турками. А вот и Персия — лев на фоне восходящего солнца, лежащий между полумесяцем Турции и тигром Азии.

— Неужели вы, ваше величество, подняли меня с постели только для того, чтобы поговорить о Персии? Так какой же интерес для нашей страны в том далеком государстве?

— Интерес государства неотделим от вашего личного, сударыня. Шелк! Надеюсь, вам известно, что три четверти нашего импорта шелка идет именно из Персии?

— Я не думала, что так много. А зачем Франции столько шелка? Что с ним делать? Король разразился веселым хохотом:

— И это спрашиваете вы, женщина? Что делать? Дорогая моя, подумайте, разве сможем мы обойтись без парчи и атласа, без чулок по двадцать пять ливров за пару, без шелковых ленточек и других украшений, сделанных из шелка? Да скорее мы сможем обойтись без хлеба, чем без шелка! Ведь мы — Франция! И для нас, французов, главным является не зерно, не масло, не скобяные изделия или какой-то другой вульгарный товар, а мода! Во времена моего отца кардинал Ришелье пытался сделать одежду скромнее. И знаете, что вышло? Сразу возросли цены на шелковые товары, ибо их пришлось добывать, прибегая к услугам контрабандистов... Вот почему для нас так важен договор с персидским шахом. Франции нужен шелк, и надо постараться покупать его как можно дешевле!

— А разве Кольбер не смог наладить производство шелка во Франции? Он говорил мне, что собирается в Лиане строить мануфактуру

— На это уйдет еще много времени. Нам придется овладеть многими восточными премудростями, прежде чем мы научимся сами изготавливать парчу и атлас. А тутовые деревья, которые я приказал посадить на юге, начнут плодоносить только через несколько лет.

— И даже тогда у нас не будет такого шелка, каким торгует Персия. Наши деревья дают красные ягоды, а в Персии шелковичных червей кормят листьями с деревьев, дающих белые ягоды. Но деревья, дающие белые ягоды, растут только на их высокогорных плато...

— Откуда вам известны такие подробности?

— Мне рассказывал посол, Бахтиари-бей.

— Так вы разговаривали с ним о шелке? И, значит, ему известны наши трудности и значение предстоящих переговоров?

— Он показался мне очень образованным человеком, высококультурным — на свой манер, конечно. Он — глаза и уши персидского шаха. Бахтиари-бей человек деловой, что, в общем, не совсем обычно для людей его звания. Как правило, они ведут дела в Сирии и Армении. Король задумчиво вздохнул:

— Похоже, что мне придется прислушаться к мнению Кольбера и отца Жозефа. Вы, кажется, действительно единственный человек, могущий помочь распутать наш шелковый клубок.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались, будто два заговорщика, связанные одной тайной. Глаза короля заблестели.

— Анжелика... — глухо качал он, но потом голос его приобрел естественное звучание, — кого только я не посылал к вашему персу, и все рассказывали мне чушь. И Торси, и Сент-Амон представляли его как варвара, не способного освоиться с нашими обычаями и перенять хорошие манеры. А в вашем изображении он кажется мне хитрым и очень умным, по-своему благородным, но жестоким.

— Уверяю вас, ваше величество, что, если бы вы встретились с ним сами, вместо того чтобы посылать кого-то, многие трудности отпали бы сразу. Ведь вы обладаете талантом распознавать людей с первого взгляда.

— Увы, короли не могут все делать сами. Они обязаны подбирать себе в помощники подходящих людей. Вот первое и самое главное условие, делающее монарха великим. Я допустил ошибку, послав некомпетентных чиновников. — Он нахмурился, но постепенно выражение его лица смягчилось. — Но вы, сударыня, вовремя оказались там и спасли положение.

— Сегодня утром, ваше величество, вы говорили совсем иначе.

— Согласен. Было бы непорядочно с моей стороны настаивать, что я был прав. Вы показали мне самый верный путь к достижению намеченной мной цели. Если мы не заключим соглашения с послом персидского шаха, то иезуиты потеряют свои миссии, а мы лишимся лучшего шелка. Судьба обоих начинаний в ваших руках, сударыня.

— И что же мне предстоит? Какая роль отведена мне?

— Выяснить, о чем думает посол, и дать мне знать, как вести себя, чтобы не наделать грубых промахов. И, по возможности, разгадать ловушки, подстроенные персом.

— Короче говоря, мне предстоит соблазнить его и отрезать ему волосы, как Далила?

— Решайте сами! — улыбнулся король. Мадам дю Плесси закусила нижнюю губу:

— Задание нелегкое, и мне потребуется много времени.

— Время сейчас не имеет значения.

— Мне кажется, сир, следует постараться заполучить верительные грамоты посла.

— Не следует торопиться, сударыня. Когда мне доложили, что Бахтиари-бей не собирается вручать свои грамоты, я разозлился сначала, потом пустил дело на самотек, а теперь мне хочется оттянуть нашу встречу как можно дольше. Прежде всего мне необходимо встретиться с русским послом. Если Россия согласится, то у нас появится новый, более безопасный путь доставки шелка. Нам не придется опасаться турок, генуэзцев и других пиратов, а от которых никому нет покоя.

— Значит, тогда товары больше не будут доставляться морем?

— Да. Они пойдут сушей. Взгляните сюда! Они склонились над картой. Головы их сблизилась, и Анжелика почувствовала, как локоны короля касаются ее щеки. Слегка задрожав, она распрямилась, решительно обошла вокруг стола и уселась напротив, отметив про себя, что огонь в камине погас и в приемной стало холодно. Ее пробирала дрожь, и она пожалела, что не захватила с собой плащ или еще что-нибудь теплое.

Не замечая, что она мерзнет, король продолжал говорить о планах Кольбера, решившего открыть мануфактуры в Лионе и в Марселе.

И вдруг прервался на полуслове:

— Вы не слушаете меня? В чем дело?

Прижав руки к груди, чтобы хоть как-то сохранить остатки тепла, молодая женщина молчала. Король от природы был крепок здоровьем и неприхотлив, спокойно переносил и жару, и холод, никогда не уставал и не замечал, что окружающие испытывают какие-то неудобства. Тех же, кто явно страдал от лишений, он попросту не любил и порой даже высказывал им свое недовольство.

— В чем дело? — повторил он. — Я полагаю, вы не захотите нанести мне оскорбление, отказавшись от возложенного на вас поручения?

— Ни в коем случае, сир! Если бы я намеревалась отказаться, я бы

вовсе не слушала вас. Неужели ваше величество считает, что я способна тайком обмануть вас?

— Я думаю, что вы способны на все, — спокойно ответил король. — Тогда что же вас беспокоит? Почему вы вдруг стали такой безразличной к моим словам?

— Я просто замерзла!

— Замерзли? — удивился король. — Неужели у вас такое слабое тело? Никто прежде не жаловался мне здесь на холод.

— Никто не смел жаловаться, сир. Все боялись, что вы выскажете недовольство.

— А вы?

— Я тоже боюсь. Но еще больше я боюсь заболеть. Как же тогда я смогу выполнить поручение вашего величества?

Король ласково улыбнулся, и Анжелика впервые почувствовала, что в его гордом и неприступном сердце затеплилась нежность.

— Ладно, — решительно произнес он. — Я с удовольствием поговорил бы с вами еще, но не хочу совсем заморозить.

Он снял с себя плотный бархатный камзол и накинул его на плечи маркизы. Ее окутал теплый запах мужского тела, смешанный с ароматом ириса — любимыми духами короля. Людовик задержал руку на ее плече, и Анжелика, почувствовав тепло, вспомнила свой сон.

Король, опустившись на колени перед камином, энергично орудовал кочергой, а затем принялся раздувать тлеющие угли.

— Бонтан, видимо, заспался, — оправдывался он, — а мне не хочется кого-то звать сюда, чтобы не разглашать тайну нашей встречи.

Он поднялся и отряхнул панталоны. Анжелика смотрела на него, будто видела впервые. Рубашка с длинными рукавами, расшитый жилет, плотно облегающий широкую грудь. Сейчас он выглядел как разбогатевший ремесленник, проживший нелегкую жизнь. Неудобства военных лагерей, езда по колено в грязи по размытым дорогам, заброшенные полуразрушенные замки, где приходилось коротать ночи на соломенных тюфяках, — вот как проходила юность короля. И было неудивительно, что он решил сам раздуть огонь в потухшем камине.

Заметив, что она удивлена, Людовик улыбнулся:

— В такое позднее время можно и не придерживаться дворцового этикета. На долю королей выпал тяжелый жребий. Им приходится отчитываться за каждый свой жест перед целым миром и даже, я бы сказал, перед будущим. Правило распространяется не только на самих монархов, но и на всех окружающих. И только ночью я становлюсь самим собой... —

Он провел руками по лицу, будто снимая с него невидимую пелену.

Анжелика вдруг подумала, что мадам де Монтеспан недостойна своего короля.

— Ночью я становлюсь обыкновенным человеком, — продолжал Людовик как бы в раздумье, — Мне нравится этот кабинет, где я работаю в тишине и покое. Как хорошо размышлять, зевать, беседовать с собаками и знать, что все это не станет достоянием истории. Только ночью я могу приглашать к себе тех, кого искренне хочу видеть. Да, ночь — лучшая подруга всех королей!

Маркиза дю Плесси-Белльер с восхищением смотрела на человека, так много и упорно работающего, который мог после бессонной ночи ехать на охоту, принимать посетителей и даже танцевать на балах.

— Мне приятно наблюдать, как вы смотрите на меня, — внезапно произнес Людовик. — Когда женщина смотрит на мужчину такими глазами, то вся его душа наполняется смелостью и гордостью. А если мужчина к тому же и король, то он готов покорить мир...

Маркиза весело рассмеялась:

— Но ваши подданные, сир, вовсе не требуют от вас таких подвигов. Они хотят, чтобы в стране был мир.

— О, тут вы не правы! Никогда не думайте, что королевские обязанности, о которых я говорил, так обременительны. Быть королем — прекрасно! Но я умолкаю, мадам. Не хочу больше испытывать ваше терпение, ибо боюсь, наступит момент, когда вы посмотрите мне прямо в глаза и скажете: «Я засыпаю...»

— Но я слушаю очень внимательно, ваше величество!

— Да, я знаю. Вот почему мне приятно, когда вы рядом, — вы умеете слушать... Вы можете мне возразить: «Кто же не слушает короля?» Да, верно, но слушать можно по-разному. Вы же слушаете всем сердцем, всей душой и с желанием понять говорящего. И мне очень приятно. Но я не буду больше испытывать ваше терпение, мадам.

Бонтан все же не спал. Он вновь проводил Анжелику тайным ходом к ее комнате. Сняв королевский камзол, она передала его слуге.

Свеча, оставленная в спальне, оплыла, и в комнате царил полумрак. В ее тусклом свете молодая женщина увидела перепуганное лицо старшей девицы Жиландон, видимо, уже давно дожидавшейся госпожи.

— Что вы здесь делаете? — с раздражением спросила маркиза. — Я вас не звала.

— Собака залаяла, и я подумала, что вам что-нибудь нужно. Я окликнула вас, не получила ответа и решила, что вы заболели...

— Я просто могла крепко спать. У вас какое-то неумное воображение, Мари-Анн.

— Простите, мадам. Вам что-нибудь нужно?

— Ладно. Раз уж вы встали, то разожгите камин и согрейте простыни. Я замерзла.

Удобно устроившись в теплой постели, Анжелика долго не могла заснуть. У нее все еще звучал в ушах голос короля. Своим ласковым и доверительным тоном, он расположил ее к себе больше, чем когда-то страстными поцелуями.

Глава 19

Бахтиари-бей легко вскочил в седло. Церера, в новой разукрашенной сбруе с широкими позолоченными стремянами, стояла спокойно и даже не посмотрела на Анжелику, которая только что прибыла в резиденцию персидского посла. Группа персов с кривыми саблями на правом боку образовала полукруг возле своего повелителя. В руках они держали длинные разноцветные пики. Посол взял у слуги такую же пику, вскинул ее па вытянутой руке, и кавалькада рысью тронулась в путь. Через мгновение всадников скрыла парковая листва.

Мадам дю Плесси-Белльер, покинутая всеми на ступенях резиденции, почувствовала себя оскорбленной и униженной, ибо только сегодня утром получила приглашение посетить посла. Агобян, стоявший рядом, сказал:

— Не огорчайтесь, мадам. Они сейчас вернутся. Отряд разделится па две группы, и на ваших глазах разыграется сражение, устроенное в вашу честь его превосходительством.

И действительно, через несколько минут навстречу Друг другу вылетели два отряда бешено завывающих всадников. Некоторые из них на полном скаку проползали под брюхом лошади и снова садились в седло.

— Такое искусство называется джигитовкой. Одним из лучших джигитов является его превосходительство посол. Но сейчас он не может показать вам свое умение, опасаясь, что его новая лошадь может испугаться... И он весьма сожалеет, — объяснил ей армянин.

Подскакав к ступенькам подъезда, всадники замерли как вкопанные. Затем они вновь разъехались и по знаку Бахтиари-бея с завываниями набросились друг на друга. Пиками они старались вышибить друг друга из седла. Всадник, сброшенный с лошади или потерявший оружие, покидал поле боя.

Несмотря на неопытность Цереры в подобного рода стычках, посол оказался в числе победителей, и не из-за породистости лошади, а только благодаря силе и ловкости всадника.

После окончания схватки улыбающийся Бахтиари-бей подлетел к прелестной гостье.

— Посол показал вам развлечение, — заговорил снова армянин, — с которым его народ знаком еще со времен царя Дария, возможно, им в наследство достались обычаи, заведенные в Самарканде — родине одной из могущественнейших цивилизаций прошлого.

При посторонних Бахтиари-бей предпочитал пользоваться переводчиком. Маркиза, не желая отставать, выказала и свои познания:

— Французские рыцари в средние века устраивали настоящие турниры.

— Верно. Но этот обычай появился у них после возвращения крестоносцев с Востока, — заметил через переводчика Бахтиари-бей.

«Пожалуй, что так, — согласилась Анжелика. — А потом он докажет, что вся наша цивилизация обязана их древней культуре...» Однако, еще поразмыслив, она решила, что такое утверждение оказалось бы во многом правильным. Правда, теперь положение несколько изменилось, и народ Бахтиари-бея, наследник славного прошлого, принадлежит к отсталым народам.

Мадам дю Плесси решила уклониться от спорных вопросов и заговорила о лошадях. Посол вновь стал расхваливать Цереру.

— Он говорит, что даже в своей стране не встречал такой покорной и вместе с тем горячей лошади. Король Франции, несомненно, сделал ему хороший подарок.

— Скажите, что это испанская кобыла. Выслушав перевод, посол воскликнул:

— Я хотел бы посетить эту страну!

Разговаривая, они поднялись по ступенькам, устланным коврами, в залу, убранную в восточном стиле. Как только за ними опустились занавеси, драпировавшие двери, посол заговорил по-французски:

— Я появлюсь перед вашим королем лишь на церемонии, достойной его самого и шаха Персии, пославшего меня сюда.

— Но разве вы не договорились обо всем с маркизом де Торси?

— Конечно, нет! — взорвался перс. — Он собирается везти меня в карете, окруженной неверными, как пленника в клетке, Он говорит, что я должен стоять перед королем с непокрытой головой, что не только недостойно, но и оскорбительно для меня. В такой торжественный момент человек должен быть в чалме или в шляпе, как в мечети перед самим аллахом.

— Но наши обычаи не похожи на ваши. Мы снимаем головные уборы, входя в церковь на встречу с Богом. И я думаю, что если француз появится перед вашим шахом в башмаках, то вы заставите его снять их?

— Верно... И если бы у него оказался недостаточный эскорт, мы помогли бы ему. Оказали почести... и соблюли бы достоинство нашего шаха... Ваш король — великий правитель. И он должен позволить мне устроить триумфальный въезд в Париж, достойный его собственного

престижа. Или мне придется отправиться домой, не выполнив своей миссии.

Анжелика набралась смелости и спросила:

— А вы не боитесь немилости шаха?

— Да, я рискую. Но я предпочитаю лишиться головы, чем оказаться в смешном положении перед всем Парижем.

Маркиза поняла, что все сложнее, чем боязнь оказаться в смешном положении перед всем Парижем, и что дела обстоят гораздо серьезнее, чем кто-либо мог предполагать.

— Я все устрою, — пообещала она.

— Не уверен...

— Все будет улажено. И хотя я для вас всего лишь женщина и к тому же чужеземка...

— Вы не правы! — перебил Бахтиари-бей. — Ваш ум превосходит вашу красоту. И если миссия закончится успешно, я уже знаю, какой подарок просить у вашего короля!

Внезапно за занавесями раздался негромкий шорох, и помещение вдруг наполнилось нежным звуком флейты.

— Слуги приготовили мне ванну, — объяснил посол. — После скачек так приятно смыть с себя грязь и усталость.

Двое слуг внесли огромный медный таз, следом несколько слуг несли котел с кипящей водой, и за ними двигалась вереница персов с полотенцами, с бутылочками розовой воды и душистыми притираниями. Все они прошли мимо них в соседнюю комнату.

Анжелике захотелось уйти, и она решила объяснить его превосходительству, что по французским обычаям женщине неприлично оставаться у мужчины более двух часов. Но потом подумала, что перс воспримет ее уход как оскорбление и это сведет на нет все приложенные ею усилия. Она осталась.

Маленький слуга поставил перед Анжеликой серебряное блюдо с фруктами и сладостями, а затем притащил целую кучу подушек и принялся подкладывать их под спину и руки гостьи. Он кинул щепотку какого-то порошка в кувшинчик на раскаленных угольях и придвинул его так, чтобы она могла вдыхать едкий голубоватый дымок.

Ей уже давно следовало бы уйти отсюда. Тяжелый воздух, напитанный благовониями, кружил голову, а воспоминание о черных глазах посла, наполненных чувством собственного достоинства и плохо скрываемой яростью, подавляло ее волю. Совсем скоро он должен вернуться.

Сняв крышки с позолоченных серебряных кубков, маленький слуга влил в них что-то из крохотного флакончика. И, щебеча, как птица, на непонятном языке, обратился к Анжелике.

Она ничего не поняла, и тогда он поднес один из кубков прямо к ее губам, в нем была жидкость золотисто-зеленого цвета. Пригубив напиток, Анжелика нашла, что по вкусу он напоминает дягиль из ее родного Пуату.

Потом маркиза заинтересовалась сладостями на блюде. Все они были разных цветов. Она попробовала всего понемногу, откладывая в сторону то, что ей не нравилось, и попросила еще фруктового шербета. Потом ей пришлось в голову покурить наргиле, но когда маленький слуга понял, чего она хочет, испугался и с ужасом жестами и мимикой стал показывать, что с ней будет. Однако, исчерпав все возможности жестов, слуга расхохотался, и молодая женщина последовала его примеру.

Смеясь, она продолжала слизывать с кончиков пальцев розовую пасту, когда в залу вошел Бахтиари-бей. Он остановился и, как зачарованный, смотрел на сидящую в подушках Анжелику. Несколько мгновений он молчал, а затем, сделав над собой усилие, заговорил:

— Вы восхитительны!.. Вы напомнили мне одну из моих наложниц... Она была алчной в любви, как настоящая кошка.

Он взял с подноса спелый гранат и кинул его маленькому слуге. Мальчишка поймал его на лету и скрылся, бесшумно скользя босыми ногами по мягкому ковру.

«Маленький хитрец с Востока опоил меня каким-то зельем», — подумала Анжелика.

Однако она чувствовала, что ее состояние не похоже на опьянение. По телу разлилось тепло, и возникло счастливое ощущение, все ее чувства обострились. С некоторым удивлением она рассматривала! новый наряд персидского посла. На нем были только белые шаровары, перетянутые под икрами ног и закрепленные на талии широкой лентой, украшенной драгоценными камнями. Обнаженная грудь блестела, смазанная ароматным маслом. Мускулистые руки и развитые плечи говорили о недюжинной силе. Напомаженные черные волосы были зачесаны назад. Быстрым движением он сбросил разукрашенные сандалии и растянулся на софе. Сунув в рот мундштук наргиле, посмотрел на маркизу.

Глупо было бы думать, что они станут обсуждать протокол официального приема. О чем же у них теперь пойдет разговор? Ей вдруг захотелось беззаботно вытянуться рядом с ним на подушках, но она переборола свое желание и продолжала сидеть. В голове теснились какие-то мысли, но настроение оставалось преотличным.

— Я задумалась о ваших наложницах, месье, — начала Анжелика. — Как они одеваются?

— В своих покоях и в комнатах властелина они носят пышные шальвары и безрукавки. Выходя на улицу, они набрасывают на себя плотную чадру с узкой щелью для глаз, чтобы видеть дорогу. А дома вместо чадры надевают тонкие, как паутина, накидки, из шерсти белуджистанских коз.

Маркиза вновь обмакнула пальцы в желе.

— Удивительная жизнь! А о чем же думают бедные затворницы? Что сказала ваша наложница, — ну та, что была алчной, как кошка, когда вы покинули ее?

— Наши женщины ничего не говорят в таких случаях. А та наложница ничего не может сказать по одной простой причине — она уже мертва.

— Простите меня, — смутилась Анжелика.

— Она умерла под плетью, — медленно произнес Бахтиари-бей. — Потому что она осмелилась полюбить дворцового стражника...

— О-ох! — вырвался у Анжелики вздох ужаса. Отложив лакомства, она широко раскрытыми глазами смотрела на перса. В них полыхал страх. Она еще раз глубоко вздохнула:

— Вот оно что... Прошу вас, расскажите, как поступают в Персии с неверными женами?

— Женщину и ее любовника привязывают спинами друг к другу и относят на самую высокую башню дворца. Стервятники первым делом выклевывают им глаза, и они долго мучаются перед смертью. Но я оказался более милосердным — я перерезал ему глотку кинжалом...

— Но разве они сейчас не счастливы? — спросила маркиза. — Ведь вы их отправили в рай, — добавила она назидательным тоном.

Бахтиари-бей расхохотался:

— Маленькая Фирузэну!.. Бирюзинка!.. Каждое слово, срывающееся с ваших уст, — как подснежник, цветущий в горах Кавказа. Дайте мне урок — научите любить европейскую женщину. Мужчина должен уметь разговаривать с ней о делах, как совсем недавно делали мы с вами, и уметь петь ей хвалебные песни... Но когда же наступит время молчания?!

— Только когда захочет женщина. Бахтиари-бей резко вскочил на ноги. Лицо его сразу запылало от гнева.

— Неправда! Не может быть! Мужчина не допустит такого унижения!.. Французы по всему миру слынут храбрецами, и они...

— И они побеждены на поле любви.

— Не может быть! — повторил перс. — Когда к женщине входит

повелитель, она должна немедленно раздеться, умастить свое тело благовониями и предложить его своему хозяину!

Кошачьим движением он метнулся к ней, и в следующее мгновение она оказалась прижатой к подушкам. Хищная улыбка перса приблизилась к ее лицу. Анжелика изо всей силы толкнула его в грудь и сбросила с себя, хотя близость его обнаженного тела возбудила в ней страсть.

— Еще не время! — тихо вымолвила она.

— Поберегитесь! И за меньшее оскорбление я приговаривал женщин к смерти.

— Вы не имеете права распоряжаться моей жизнью и свободой. Я принадлежу королю Франции.

— Он послал вас ко мне для развлечений.

— Нет. Лишь только для того, чтобы оказать вам честь и лучше узнать вас, ибо он доверяет мне. И если вы убьете меня, то он с позором выгонит вас из нашей страны.

— Я расскажу всем, что вы вели себя со мной как бесстыжая шлюха.

— Король не поверит вам.

— Он отправил вас в мое распоряжение.

— Еще раз — нет! Он не мог так поступить.

— А кто же может?

Она посмотрела ему в лицо жаркими изумрудными глазами:

— Решать могу только я сама!

Посол, смутившись, ослабил хватку. Анжелика, вдавленная в мягкие подушки, никак не могла подняться. Она тут же расхохоталась, почувствовав, что уже одержала победу.

— Знаете ли вы, — заворковала она, — как огромно различие между женщиной, которая говорит «да», и женщиной, заявляющей «нет»? Момент, когда она говорит «да», является величайшей победой для мужчины-француза.

— Понимаю, — задумчиво произнес посол.

— Помогите же мне встать, — вдруг потребовала она, протягивая ему обе руки.

Он покорно помог ей подняться, и у Анжелики мелькнула мысль, что он похож на прирученного дикого кота.

— А каким должен быть мужчина, чтобы женщина сказала ему «да»?

Ей очень хотелось заявить: «Он должен быть таким же диким и прекрасным, как вы!»

Его близость опьяняла ее. Как долго она сможет играть в такую опасную игру? Ее била дрожь, как в лихорадке. Она смотрела на его глаза,

на губы, чуть приоткрытые в страстной полуулыбке, и ей казалось, что она сама жаждет оказаться в его объятиях.

Бахтиари-бей наполнил серебряный кубок и подал ей. Маркиза поднесла его к губам и почувствовала терпкий вкус ликера.

— У каждой женщины свой секрет, и только ей самой известно, почему однажды ей нравится блондин, а другой раз — брюнет.

Вытянув руку, она перевернула кубок и тоненькой зеленоватой струйкой вылила его содержимое прямо на ковер.

— Дьяволица... — прошипел он сквозь зубы.

— ...и почему одной нравится покорный, а другая сгорает от любви к мужчине, способному в порыве ярости вонзить в нее кинжал...

И вдруг наваждение пропало, в одно мгновение Анжелика пришла в себя. Поднявшись с мягкого ложа, она стала говорить послушные, вежливые слова, уверяя, что она передаст королю все его пожелания и полагает, что король сочтет их вполне обоснованными.

Все еще грозно сверкая глазами, персидский посол сообщил, что в его стране есть обычай предоставлять своим знакомым кров до тех пор, пока длится их дружба.

Маркиза дю Плесси покачала головой. Она поблагодарила его превосходительство и объяснила, что у нее есть обязательства перед королем, и она должна вернуться к нему и быть с ним столько, сколько будет продолжаться их дружба.

«Ишак!» — обругал себя посол.

Анжелика привела себя в порядок, поправила прическу и взяла в руки веер.

— Я буду защищать ваши интересы в Версале и попытаюсь уладить все трудности протокола встречи. А сможете ли вы пообещать сохранить в Персии наши католические миссии?

— Миссии входят в наш договор, мадам. А не будут ли оскорблены ваши священнослужители, если женщина вмешается в их дела?

— Несмотря на всю вашу мужскую гордость, ваше превосходительство, вы должны признавать, что именно женщина родила вас!

Посол замолчал. В его глазах светилось уважение к собеседнице.

Он улыбнулся:

— Вы достойны титула «султана-баши».

— Что же он означает?

— Женщина, которая властвует над государем. Ее не выбирают. Ею становится единственная женщина, покорившая душу и тело мужчины. Он

ничего не делает без ее совета. Она главенствует над другими наложницами. И лишь ее сын наследует трон отца. — Посол довел маркизу до двери. — Первое достоинство султана-баши в том, что она не ведает страха. А второе — она знает цену услугам, которые оказывает.

Он вплотную приблизился к мадам дю Плесси, быстрыми движениями снял все кольца со своих пальцев и вложил их ей в руки.

— Это вам! Вы — самая большая драгоценность. Вы достойны быть увешанной украшениями, как идол.

Анжелика с восторгом и восхищением смотрела на искусно оправленные алмазы, изумруды и рубины, но так же неуловимо быстро, как и он, возвратила его дар обратно.

— Нет, невозможно!

— Вы наносите мне еще одно оскорбление!

— В нашей стране если женщина говорит «нет», то она говорит «нет» и всем подаркам.

Бахтиари-бей тяжело вздохнул. Маркиза, улыбаясь, следила, как он медленно нанизывает на пальцы одно за другим кольца.

— Взгляните, — сказала она, протягивая руку. — Вот кольцо, которое вы подарили в знак нашего союза. Цвет его не изменился.

— Когда я снова увижу вас, мадам Бирюза?

— В Версале, ваше превосходительство. Погода стояла скверная. Было холодно, и рваные облака низко нависли над грязной дорогой.

Анжелика совсем забыла, что находится во Франции, что сейчас зима и что ей предстоит вернуться в Версаль с докладом королю о результатах своей миссии.

Она нервно теребила носовой платок, ее душили слезы, хотелось расплакаться.

«Как бы я хотела вновь очутиться в мягких подушках! Забыться... безрассудно предаваться любви, не думая ни о каких последствиях! Зачем, о Боже, ты дал мне разум? Почему я не родилась животным, которого не мучают вопросы и вечные проблемы?!»

Она была сердита на короля, уверенная, что его величество видит в ней только авантюристку, чье тело можно выгодно использовать в дипломатических целях, Ришелье неоднократно обращался к помощи легкомысленных красавиц в своих дьявольских интригах. К примеру, мадам де Шеврез, давняя приятельница Анны Австрийской, была одной из представительниц минувшей дипломатии. Поблескивая когда-то красивыми глазами из-под сморщенных век, вечно начеку и жадная до сплетен, она стала предметом насмешек молодых жеманниц. Никто не

хотел слушать ее рассказы о прошлом, а ее старая шляпа служила мишенью для острот.

Анжелика была готова разрыдаться от жалости к самой себе. Вот в кого хотел бы превратить ее король! И Монтеспан, очевидно, тоже считает, что ей, маркизе дю Плесси, отведена лишь роль защитницы эгоистичных королевских планов! Такова жизнь...

Глава 20

Король сказал «нет», — услышала она чей-то голос на лестнице, ведущей в королевские покои.

— Сказал «нет»? Чему он сказал «нет»?

— Свадьбе Пегилена и Великой Мадемуазель. Вчера принц Конде и герцог Энгиенский, его сын, валялись в ногах его величества и умоляли его не соглашаться на брак, позорящий весь королевский род. Они говорили, что французский двор станет посмешищем всех европейских держав, а король прослышет монархом, не заботящимся о чистоте своей родословной. Короля не пришлось долго уговаривать, и он сказал решительно «нет». Сегодня утром он сам сообщил обо всем Великой Мадемуазель. Она расплакалась и в отчаянии укатила в Люксембургский дворец. Бедная Мадемуазель!

«Бедный Пегилен!» — подумала Анжелика.

В прихожей королевы мадам дю Плесси увидела Атенаис де Монтеспан, завершающую туалет. На ней было алое бархатное платье, шитое серебром и украшенное драгоценными камнями. Луиза де Лавальер, на коленях, закалывала ленты булавками.

— Луиза, поскорее! Ведь вы — единственная женщина, умеющая так ловко закреплять шелк. Он такой капризный!.. Но зато как он мил, не правда ли?..

Анжелика удивилась, как покорно Луиза де Лавальер отошла на второй план и с каким усердием помогает теперь сопернице.

— Да, мне кажется, что так лучше. Спасибо, Луиза, вы всегда правы. Теперь без вас я просто не могу как следует одеться. Ведь король так придирчив! А вы настоящая волшебница. Как вы считаете, мадам дю Плесси?

— По-моему, превосходно, — не задумываясь, отозвалась Анжелика, отгоняя набрасывающуюся с рычаньем на нее собачку королевы.

— Ей, очевидно, не нравится ваш черный костюм, — крутятся перед зеркалом, рассуждала Атс-наис. — Как жаль, что вам все еще приходится носить траур. Он так не идет вам... А вы как думаете, Луиза?

Мадемуазель де Лавальер, все еще на коленях, все еще помогая сопернице, подняла вверх светло-голубые глаза:

— Я думаю, что мадам дю Плесси идет траур. Лучше бы де Лавальер промолчала.

— Что?! — взвизгнула Атенаис, и глаза ее потемнели, как море перед штормом. — Может, ты скажешь, что красное не идет мне?

— Ваш цвет — голубой, мадам.

— Почему же ты не сказала мне раньше, идиотка? Дезоиль, Пали! Живо помогите мне раздеться! Катрин, неси голубое платье!..

Трудно сказать, кто поднимал больше шума — измаявшаяся собачка или принявшаяся раздеваться мадам де Монтеспан. И в это самое время вошел король. Он был в парадном костюме. На нем не было только мантии, расшитой белыми лилиями, которую он надевал обычно в последний момент перед официальным приемом. Он шел из апартаментов королевы, сопровождаемый Бонтаном.

— Вы еще не готовы, мадам? — нахмурился он. — Поторопитесь, сударыня. Польский король должен сейчас уже появиться, а я хотел, чтобы вы присутствовали на приеме!

Король был не в духе, ибо обида, которую он нанес своей кузине, герцогине де Монпансье, терзала его совесть. А тут еще замешкавшаяся фаворитка...

— Вам следовало пораньше думать о своем туалете, — с неудовольствием сказал он.

— Откуда мне было знать, что вашему величеству не нравится красный цвет?

Король повысил голос, чтобы перекрыть шум, сразу поднявшийся в комнате:

— Не становитесь в позу, сейчас не время. Лучше послушайте: мы уезжаем в Фонтенбло завтра утром. Не задерживайтесь!

— Мне тоже готовиться к отъезду в Фонтенбло, сир? — робко спросила де Лавальер.

Людовик XIV неодобрительно взглянул на хрупкую фигуру своей бывшей фаворитки.

— Нет. Вам незачем ехать.

— Но что же мне делать? — со стоном вырвалось у несчастной женщины.

— Остаться в Версале. А еще лучше — ехать в Сен-Жермен.

Мадемуазель де Лавальер залилась слезами и без сил опустилась на скамью.

— Одна? Ведь со мной никого не будет!

Король подхватил лающую собачку и кинул ее на колени плачущей женщины.

— Вот кто составит вам компанию!.. — Он быстрыми шагами

направился к выходу из комнаты и вдруг увидел мадам дю Плесси.

— Вы завтра снова отправляетесь к персидскому послу?

— Нет, сир, — в тон ему ответила маркиза.

— А куда?

— На сен-жерменскую ярмарку.

— Зачем?

— За вафлями.

Король до ушей залился краской и ушел в соседнюю комнату. Бонтан придерживал дверь, через которую служанки вносили голубое одеяние мадам де Монтеспан.

Анжелика подошла к де Лавальер. Бывшая фаворитка тихонько плакала.

— Почему вы позволяете мучить себя? — спросила маркиза дю Плесси. — Зачем вы сносите такие унижения? Ведь мадам де Монтеспан играет вами, как кошка с мышью! И чем больше вы покорны, тем злее она становится.

Измученная женщина подняла лицо.

— Вы тоже предали меня!..

— Я никогда не клялась вам в верности, — печально ответила маркиза, — и никогда не навязывала вам своей дружбы. Вы ошибаетесь. Я никогда не предавала вас, и вот мой искренний совет: покиньте двор! Верните себе чувство собственного достоинства! Зачем добровольно оставаться Предметом для насмешек?

Заплаканное личико Луизы приняло выражение мученической покорности.

— Мой грех был на виду у людей. Видно, Богу угодно, чтобы и муки стали известны всем.

— Вы действительно кающаяся грешница. Но неужели вы думаете, что Богу угодны ваши страдания? Вы лишитесь здоровья и разума!

— Король не разрешает мне уйти в монастырь. Я много раз просила разрешения... — Она глянула на дверь, за которой только что скрылся разъяренный монарх. — Может быть, он еще любит меня, — вздохнула она, — и может, он еще вернется ко мне...

Мадам дю Плесси передернула плечами, удивляясь подобной наивности.

В комнату вошел паж и поклонился ей:

— Будьте добры следовать за мной, мадам дю Плесси. Король зовет вас.

Между королевской спальней и комнатой Совета находилось

помещение, где хранились парики короля. Не часто женщине приходилось видеть подобное зрелище. С помощью парикмахера Бине Людовик подбирал себе парик. Здесь висели парики для мессы, для охоты, для приемов и для прогулок в саду.

Бине предлагал августейшему клиенту свое новое произведение. Парик был так высок и пышен, что скорее подошел бы статуе, чем живому человеку.

— Нет, — сказал король. — Давайте оставим его для чрезвычайного случая, — например, для приема персидского посла.

После этого он посмотрел на Анжелику. Она присела в реверансе.

— Подойдите ближе, сударыня. Вы посетили вчера нашего посла с Востока?

К нему вернулась его обычная обходительность и театральность жестов. Но его спокойствия оказалось недостаточно, чтобы охладить пыл разозлившейся маркизы.

Бине, обладая тактом настоящего придворного, отошел в дальний угол кладовой.

— Чем вы объясните свое дерзкое поведение? — глухо спросил король. — Я не узнаю самую любезную женщину двора.

— А я не узнаю самого обходительного монарха в мире!

— Мне нравится смотреть на вас, когда вы в гневе, мадам. Ваши глазки сверкают, а носик морщится... Пожалуй, я и в самом деле был несколько грубоват.

— Вы были... — она запнулась, — ...были невыносимы! Как петух на навозной куче!

— Мадам! Не забывайте, что вы разговариваете с королем!

— Нет! Я говорю с мужчиной, шутя играющим женскими сердцами!

— Каких женщин вы имеете в виду?

— Мадемуазель де Лавальер, мадам де Монтеспан, я сама... И вообще всех женщин.

— Для мужчины такая игра слишком тонка. Как можно понять сердце женщины? У Луизы оно слишком большое, у Атенаис его вообще нет. А что касается вас... Мне кажется, что я еще не овладел упомянутым искусством настолько, чтобы играть вашим сердцем, мадам.

Анжелика опустила голову. Слова попали в цель. К тому же какие-то грустные нотки в его тоне беспокоили ее.

— Сегодня что-то все идет не так как надо, — продолжал Людовик, — И еще меня расстроило отчаяние Мадемуазель, когда я сообщил ей о своем решении. И вот я хочу снова пересмотреть вопрос о ее замужестве. Она

любит вас — идите и успокойте ее!

— А как месье де Лозен?

— Я даже не знаю, какова была реакция Пегилена, но думаю, что и он в отчаянии. Но я знаю, как поднять его дух. Да, кстати, вы видели вчера Бахтиари-бея?

— Да, сир.

— И как продвигаются наши дела?

— Очень хорошо, по-моему...

Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился де Лозен. Глаза его сверкали.

— Сир! — выкрикнул он, даже не извинившись за вторжение. — Я пришел спросить ваше величество, чем я заслужил бесчестие, нанесенное мне вами?

— Ну-ну, старина, успокойтесь, — ласково произнес король, чувствуя, что гнев его любимца неподделен.

— Нет, сир! Я не вынесу такого унижения. — Широким жестом он вытащил свою шпагу из ножен и протянул ее королю эфесом вперед. — Вы лишили меня чести, так возьмите и мою жизнь. Берите ее!

— Возьмите себя в руки, сударь!

— Нет, это конец. Убейте меня, сир!

— Пегилен, я знаю, какую боль я причинил, но я возвращу вам... нет, возьму... Я подниму вас так высоко, что вы перестанете сожалеть о несостоявшемся браке!

— Мне не нужны ваши дары, сир. Я ничего не приму от монарха, не дорожающего своим честным словом.

— Месье де Лозен! — закричал король голосом, звенящим, как сталь.

Мадам дю Плесси вскрикнула от испуга, и де Лозен быстро повернулся в ее сторону:

— А, и вы здесь, вдовушка! И вы заодно? Куда же вы вчера запропалились? Наверно, отправились торговать своим телом, и именно тогда, когда я вас кое о чем попросил?

— Довольно, сударь! — ледяным тоном оборвал король. — Уймитесь! Я могу понять ваше состояние, но я больше не желаю видеть вас при дворе, если вы не способны покориться судьбе.

— Покориться?! Ха! Покориться!.. Как вам нравится это слово, сир! Вы хотите видеть вокруг себя одних рабов. Время от времени вы позволяете кому-то поднять голову, но при условии, что он тут же сунет ее в пыль у ваших ног, как только у вас изменится настроение... Я прошу у вашего величества разрешения удалиться. Я считал радостью служить вам,

но пресмыкаться никогда не буду! — И маркиз де Лозен ушел, даже не попрощавшись с присутствующими.

— Мне тоже можно уйти, сир? — спросила Анжелика, неловко чувствовавшая себя в сложившейся ситуации.

Король кивнул.

— Только не забудьте утешить Мадемуазель, когда появитесь в Париже.

— Хорошо, сир! — Она покинула кладовую. Король задумчиво подошел к зеркалу.

— Вы уже выбрали, Бине?

— Да, сир. Очень приятный парик. Два ряда локонов прямо от центра, и не выглядит ни чересчур высоким, ни широким. Я назвал его «посольским».

— Превосходно. Вы всегда выбираете именно то, что нужно, месье Бине.

— Мадам дю Плесси-Белльер часто говорила мне то же самое. Будьте добры, наклоните чуть-чуть голову, сир, чтобы я смог закрепить ваш парик.

— Да, да, помню. Ведь именно благодаря мадам дю Плесси вы и попали ко мне. Именно она и рекомендовала вас. Мне кажется, что вы давно были знакомы с ней.

— Да, очень давно, сир.

Король, глядя в зеркало, спросил:

— И как она вам нравится?

— Сир, я думаю, что только она достойна вашего величества!

— Вы не поняли меня, Бине. Ведь я говорю только о форме парика.

— И я тоже, сир, — ответил парикмахер.

Войдя в большой зал, мадам дю Плесси стала расспрашивать знакомых, какую ожидают церемонию. Придворные, разряженные в роскошные парадные костюмы, терялись в догадках, и никто ничего толком не знал.

— Готова поспорить, что ждут русское посольство, — громко объявила мадам де Шуази.

— А вам не кажется, мадам, что будут принимать польского короля? Король упоминал о нем в разговоре с мадам де Монтеспан, — заметила Анжелика, довольная, что может блеснуть сведениями, никому не известными.

— В любом случае — посольство. Король всегда поднимает знамена в

честь прибытия иностранцев. Посмотрите-ка на тех молодых людей с варварскими усами. Один из них прямо-таки глаз не отрывает от вас. От одного его вида у меня кровь стынет в жилах!

Мадам дю Плесси повернула голову в направлении, куда указывала мадам де Шуази, и встретила взглядом с венгерским князем Ракоци. Улыбаясь, он пересек залу, подошел к дамам и поклонился. На нем был приличествующий данному случаю парик, а свою шпагу он сменил на кинжал в дорогих ножнах с голубыми камнями в золоте.

— Сударыня, уделите мне пару минут!

Анжелика испугалась, не заведет ли он снова речь о женитьбе, но, сообразив, что в толпе придворных ей вряд ли стоит бояться его, спокойно отошла к нише ближайшего окна. Блеск голубых камней на ножнах князя напомнил ей о других событиях. Перехватив ее взгляд, князь объяснил:

— Это персидская бирюза.

— По-персидски ее называют «фирузэ».

— Вы говорите по-персидски? Хама фарси харф мизанит?^[3]

Анжелика сделала неопределенный жест.

— Очень красивый кинжал.

— Все, что осталось у меня от прежнего богатства, — смущение в голосе принца смешивалось с гордостью. — Кинжал и мой конь Господар — мои верные товарищи. Только благодаря Господару я удачно пересек границу. Но во Франции приходится держать его в конюшнях Версаля, а парижане всегда потешаются над ним.

— Почему, князь?

— Вы поймете сами, когда увидите его.

— Что вы хотите этим сказать?

— Абсолютно ничего. Я просто хотел вытащить вас из толпы, чтобы хоть немного побыть с вами и посмотреть в ваши глаза.

— Мне кажется, вы выбрали, неподходящее время, князь. Версаль редко бывает так переполнен людьми.

— У вас такие прелестные ямочки на щечках, когда вы улыбаетесь. А улыбка мила, даже когда у вас нет повода веселиться. Что вы сейчас здесь делаете?

Мадам дю Плесси с интересом разглядывала князя. Его речь всегда принимала какой-то неожиданный поворот. Может быть, потому что он недостаточно разбирался в тонкостях французского языка?

— Ну как же... Я — фрейлина ее величества Марии-Терезы, и по должности обязана...

— Очень глупое занятие.

— Но у него есть и свои хорошие стороны, месье апостол. А чего же вы хотите? Женщинам вовсе не присущи черты бунтарей-революционеров. Им больше нравится наблюдать за мужчинами и самим быть на виду. Они созданы, чтобы украшать своим присутствием двор великого короля. И жизнь в Версале вовсе не скучна — здесь каждый день что-то новенькое. Кстати, кого ожидают сегодня?

— Нет, мадам, я не знаю. Один из швейцарцев принес мне приглашение короля прямо в конюшню, где я возился со своим Господаром. Я рассчитывал на его аудиенцию.

— Вы уже имели ее раньше?

— Да, и не один раз. Ваш король вовсе не деспот. Он уже начал оказывать мне помощь в деле освобождения родины...

Мадам дю Плесси обратила внимание на вновь прибывших и с интересом стала разглядывать их. Князь Ракоци продолжал ей что-то рассказывать, и она резко оборвала его:

— Конечно, все очень хорошо, но вы так и не сказали мне, в честь кого прием и зачем вас позвали сюда? Да, кстати, я слышала, что в Париж прибыл русский посол.

— О!.. — Лицо венгра исказил гнев, в глазах засверкали молнии. — Русские, говорите вы? — Анжелика не могла понять, чего было больше в его голосе: гнева, бешенства или обиды. — Русские! Тогда и духу моего здесь не будет. Ведь именно они и захватили мою страну!

— А я думала, что виноваты турки или Священная Римская империя.

— И вы не знаете, что украинцы заняли Будапешт, столицу моей родины?

Молодая женщина призналась, что не знает. И более того, она представления не имеет, кто такие украинцы.

— Вероятно, я кажусь вам просто глупой. Но, поверьте мне, я готова поспорить на сто пистолей, что большинство французов слышало об украинцах еще меньше, чем я.

Ракоци печально опустил голову.

— Увы, как далек Запад от наших забот! И все же мы едем сюда за помощью... Однако знания языка совершенно недостаточно, чтобы одолеть преграды, стоящие между народами. Скажите, я хорошо говорю по-французски?

— Великолепно, месье.

— И все же недостаточно хорошо, чтобы меня понимали до конца.

— О, я уверена, что король понимает вас. Он знаком с положением

дел в Европе.

— Но он взвешивает их на весах своих желаний и стремлений. Будем надеяться, что я не окажусь слишком легковерным...

Тут Анжелика почувствовала оживление среди придворных, находящихся в" зале, и поняла, что важный гость наконец прибыл.

Она притронулась веером к руке князя и указала ему на толпу, пришедшую в движение. Покинув оконную нишу, они рука об руку подошли к придворным. Обернувшись к своему спутнику, мадам дю Плесси в изумлении уставилась на его окаменевшее от ярости лицо.

— Русские! — с гневом произнес он и, не замечая, что в волнении до боли стиснул руку своей собеседницы, быстро зашептал: — Вон, в центре, Дорошенко, гетман Украины. Именно он первым вошел в Будапешт...

Его била нервная дрожь.

— ...Оскорбление!.. Непростительная обида!.. — Лицо князя стало пепельно-серым.

— Князь, не устраивайте сцен, прошу вас! Помните, что вы при дворе короля Франции.

Князь Ракоци, казалось, не слышал, что говорила ему мадам дю Плесси. Глаза его не отрывались от гетмана. И вдруг, не произнеся ни слова, он сделал шаг назад и затерялся в пестрой толпе.

Анжелика облегченно вздохнула. Она не хотела оказаться втянутой в громкий скандал и навлечь на себя гнев короля. Людовик явно проявил недальновидность, пригласив на такой прием венгра-революционера. Ничего хорошего от него ждать было нельзя...

Через каждые три шага, в соответствии с восточными традициями, члены русской делегации кланялись в пояс. Раболепство их поклонов резко контрастировало с высокомерными взглядами. Глядя на них, мадам дю Плесси чувствовала силу, скрытую в гибких спинах варваров, движениями похожих на диких зверей — прирученных, но всегда готовых к яростному прыжку. По коже пробежали мурашки: после слов Ракоци она леденела от предчувствия чего-то жуткого.

Но, бросив взгляд на Людовика, маркиза дю Плесси пришла в себя. Величественная поза короля ободрила ее. Его великолепный парик был таким же впечатляющим, как и тяжелые головные уборы русского посольства.

Вперед выступил месье де Помпон. Он был послом в Польше, знал русский язык и мог переводить. После обычного обмена приветствиями послы преподнесли дары.

Прежде всего появились три медвежьи шкуры — черная, бурая и

белая, потом черные собольи, громадные бобровые хвосты, каракулевая полость, сшитая из новорожденных ягнят, и, наконец, брикеты черного и зеленого чая — дань китайского императора, установленная еще во времена царя Ивана Грозного.

Королева тут же сказала, что она слышала о целебных свойствах чая, и пришла в неопикуемый восторг, получив изумруд, размером с орех, и голубой шестигранный берилл с Урала — настолько большой, что его внесли двое дюжих мужчин.

Затем перед королевской четой разостлали короткошерстные ковры из Бухары и длинношерстные из Хивы, разноцветные узоры которых искрились в глазах изумленных придворных. И тут же раскинули еще один ковер из Туркестана — такой легкий, будто он был соткан из паутины.

Один из членов посольства склонил колено перед королем и вручил монарху самородок чистого золота с озера Байкал на шелковой подушечке. Через переводчика русские послы сказали королю, что они наслышаны о его любви к редким животным и передают ему в дар двух пенджабских козлов, из шерсти которых в Индии выделываются кашмирские шали. Послы также сообщили королю, что очень редкий даже в Сибири белый тигр ждет своего нового хозяина во внутреннем дворике.

Эта новость вызвала взрыв восторга. Лакеи принялись расчищать дорогу королю, выразившему желание немедленно увидеть зверя. И все поспешили за монархом к лестнице.

Вот тут-то все и случилось.

Лохматая и черная, будто только что выскочившая из ада лошадка мчалась вверх по ступеням. Всадник, поднявшись на стремянах, выкрикивал что-то на непонятном языке и по-французски:

— Да здравствует свобода!

Он вскинул руку. В воздухе просвистел кинжал и, вибрируя, вонзился в пол у ног украинского гетмана. После этого, круто развернув коня, всадник поскакал вниз по лестнице.

— На лошади... прямо по лестнице... — слышалось со всех сторон. — Да это же пони! Лошадь не может скакать по ступенькам...

Французы успели увидеть лишь непревзойденное искусство наездника. Но русские неотрывно глядели на кинжал, рукоять которого все еще раскачивалась у ног Дорошенко. Король через переводчика де Помпона заговорил с ними. Стало тихо.

Дворец, сказал он, открыт для всех его подданных, ибо народ имеет право видеть своего короля. Он приветствует появление при дворе и иностранцев. Несмотря на стражу, изредка бывают неприятные случаи. Но,

благодарение Богу, все обошлось благополучно. Нарушителя порядка поймут и заключат в тюрьму. Если окажется, что он душевнобольной, его поместят в лечебницу, а если его признают в своем уме — то повесят. Послам не следует принимать все близко к сердцу.

Русские заявили, что тот человек кричал на венгерском языке и что они хотят знать его имя.

«Слава Богу, они его не узнали!» — подумала мадам дю Плесси. Ее была нервная дрожь, зубы стучали. И хотя большинство присутствовавших расценило инцидент как шутку, кинжал по-прежнему продолжал торчать в полу. Вдруг маленький человечек, разодетый, как тропическая птичка, в розовые и зеленые цвета, скользнул по паркету, выдернул кинжал и неслышно скрылся. Алиман, слуга Анжелики, по ее сигналу унес оружие.

Общество с облегчением вздохнуло и двинулось вниз по широкой лестнице, спускаясь ко внутреннему дворику, где сидел в клетке огромный сибирский тигр. Клетка стояла на телеге, запряженной четверкой лошадей. Лицезрение великолепного зверя мгновенно рассеяло мрачные мысли. Тигра торжественно провезли по Королевской аллее к специальному павильону, каждый загон которого предназначался для редких животных. Теперь сибирскому красавцу предстояло жить по соседству с нумидийским львом, подаренным марокканским султаном, и двумя индийскими слонами. Зверь жался в угол клетки. де Помпон переводил сторожу то, что говорил узкоглазый сибиряк; как обращаться с новым жильцом, чем кормить и каковы его привычки.

Анжелику не пригласили в Фонтенбло. Но она не забыла, что король посоветовал ей утешить Великую Мадемуазель, герцогиню де Монпансье, и поэтому сразу отправилась в Париж.

В карете она вытащила из складок платья кинжал, незаметно переданный ей карликом, и со смешанным чувством беспокойства и удовлетворения стала его разглядывать. Она радовалась, что сумела похитить его. Кинжал не должен был попасть в чужие руки, а она, пожалуй, являлась единственным другом князя во всем королевстве.

Заметив, что девицы Жиландон, сидевшие напротив, с любопытством смотрят на блестящее лезвие, Анжелика спросила, знают ли они что-нибудь о человеке на пони. Девушки сразу оживились. Как и все остальные посетителя Версаля, от поваренка до главного дворецкого, они были взбудоражены происшествием. И сообщили своей госпоже, что виновник суматохи не был арестован. Его видели скачущим по направлению к лесу. Стража, посланная за ним, вернулась ни с чем.

«Значит, он все-таки скрылся, — успокоилась Анжелика. — Очень

хорошо!» И сразу же упрекнула себя за крамольные мысли. За такие мысли необходимо сурово наказывать. И вместе с тем поступок венгра был впечатляющим. Втайне, в глубине сердца, она гордилась им. Людовик XIV любил играть в кошки-мышки, чтобы испытать покорность своих вассалов. И он восстановил против себя де Лозена и князя Ракоци... Арестуют ли теперь Пегилена? Куда отправится Ракоци? Ведь его узнают повсюду по лохматой лошадке. На таких гунны осаждали Париж...

— Не святая ли Женевьева спасла Париж от нашествия гуннов? — спросила мадам дю Плесси.

— Да, мадам, — ответили сестры хором. Ничто на свете не могло их удивить. Их общество едва ли доставляло удовольствие Анжелике, но зато не тяготило ее. Маркиза ничуть не походила на знатных дам, испытывающих необходимость в покорных слушательницах и способных болтать целыми часами. У нее имелось даже некоторое преимущество — неразговорчивость девиц давала ей время для размышлений.

Карета катилась по лесам Сен-Клу. В слабом свете редких фонарей не было видно ничего, кроме мокрых веток с ключьями тумана на них.

«Где сейчас Ракоци?» — мелькнула мысль. Анжелика откинулась на бархатную спинку сиденья и погрузилась в раздумья. Почему-то вспомнился зеленый ликер, которым персидский посол собирался подогреть ее чувства. Вероятно, к вину было подмешано средство для возбуждения желания... Предположение натолкнуло маркизу на мысль о любовнике. Ей действительно нужен был мужчина. Как глупо было с ее стороны так отчаянно сопротивляться красавцу персу! Что ее подталкивало? Для кого она берегла себя, не растрачивая чувств? Кому она нужна? Она свободна...

Чаще всего так думалось в Париже, где одиночество днем и пустая кровать ночью угнетали ее. Она предпочла бы остаться в Версале и не торопиться с позднего бала к ранней заутрене. Ночи ее были заполнены муками страсти и эротическими видениями.

«Что за несчастная судьба! — тосковала молодая женщина, расхаживая по спальне, как тигрица в клетке. — Почему меня не пригласили в Фонтенбло? Неужели король боится недовольства мадам де Монтеспан. Чего хотел король от нее самой? Какая же судьба уготована лично вам, сестрица Анжелика?..»

— ...король! — вдруг произнесла она.

Дверь отворилась, вошел Роже, осведомляясь, будет ли она ужинать. Она смотрела на него несколько мгновений, не понимая, о чем он говорит. Собравшись с мыслями, она наконец ответила, что не голодна. Затем к ней

пришла Мари-Анн де Жиландон спросить, не желает ли она липового отвара.

Анжелика вдруг почувствовала страстное желание ударить старую деву, будто та предложила что-то смертельно обидное. С трудом справившись с искушением, маркиза попросила принести бутылку сливовой настойки. Осушив два бокала подряд, она ощутила, как вино постепенно растворяет тоску.

Кинжал Ракоци все еще лежал на столе. Маркиза подошла к инкрустированному бюро с бесчисленным количеством ящичков, открыла один из них и положила в него оружие.

Если бы любопытный слуга захотел тайком увидеть, какие сокровища прячет мадам дю Плесси в ларце, в который лег кинжал венгерского князя, он был бы разочарован, увидев кучу совершенно ненужных и бесполезных предметов. Несколько раз она уже собиралась избавиться от них, но у нее все недоставало решимости.

Анжелика выпила еще бокал. Голубой камень на пальце мягко засветился рядом с украшениями рукоятки кинжала и его ножен.

«Мой камень — бирюза», — подумала она.

Перед мысленным взором возникли два смуглых лица — богатого персидского посла и бедного князя, изгнанного из Венгрии. Ей вдруг захотелось вновь увидеть Ракоци.

Необычный его поступок открыл ей глаза на его истинную сущность. Он действовал по вдохновению. Как же случилось, что она не разгадала его сразу? Неужели празднословие, окружавшее ее со всех сторон, помешало ей увидеть настоящего мужчину?

«Бедный Ракоци! Где он теперь? — чуть не расплакалась она. — Надо еще выпить. Вино поможет уснуть, и надо наконец выспаться. Как страшно оставаться одной!..»

Вдруг она приподнялась в кресле. В голове, закружившейся от выпитой настойки, мелькнула новая мысль: если она вернется к персу и скажет ему «да» — прекратятся ли ее страдания? Ведь она мечтает о забытье, приходящем только с любовью. В конце концов, она всего лишь женщина. Зачем бороться с судьбой?!..

— Я еще прекрасна! — крикнула она в зеркало и тут же опечалилась. — Бедная Анжелика, — сказала она своему отражению, — почему ты так одинока?

Она выпила еще бокал и подумала: «А теперь, когда ты напилась, можно идти спать!»

Сквозь хмель Анжелика подумала, что Великая Мадемуазель страдает

по той же причине, что и она сама, а если так, то вряд ли она спокойно спит. Значит, приезд ее, Анжелики, посреди ночи не будет нетактичным. Ночи кажутся такими длинными, когда ты одинока...

Мадам дю Плесси подняла слуг, приказала заложить карету и вскоре уже ехала по темным улицам Парижа в Люксембургский дворец.

Она оказалась права — Великая Мадемуазель не спала. После жестокого решения короля ей в утешение осталась только подушка, орошенная слезами. Немногочисленные верные подруги тщетно пытались успокоить ее.

— Его место здесь! — рыдала она, указывая на вторую половину кровати. — Я не переживу разлуки, я умру...

Увидев мадам дю Плесси, она бросилась ей на грудь, зарыдав с новой силой. Они сели на кровать, обнявшись, как родные сестры, и просидели так до утра, говоря о Лозене и проливая горькие слезы.

Глава 21

Когда мадам дю Плесси-Белльер закончила свои объяснения и сообщила, что Бахтиари-бей не желает наносить визит королю только потому, что принимают его с недостаточной пышностью, Кольбер театрально воздел руки к небесам.

— Подумать только, — воскликнул он. — А меня еще бранят за расточительность и неумеренные потребности нашего короля!

Людовик XIV расхохотался от души:

— Знаете, Кольбер, ваши нотации порой несправедливы. Трата денег на Версаль является не таким уж плохим вложением, как вам кажется. Дворец становится выдающимся сооружением, возбуждает всеобщее любопытство и делается предметом зависти даже у самых отдаленных народов.

И вот в день, когда персидское посольство прибыло в Версаль, тысячи горшочков с растениями из теплиц и оранжерей были выставлены вдоль террас. Холодные, застывшие лужайки парка расцвели, как весенний луг. Паркет в главной зале был сплошь усеян лепестками роз.

Персидский посол Бахтиари-бей проходил по залам, убранство которых могло соперничать с роскошью дворцов из арабских сказок. Шествие закончилось в ванной, где бассейн, отделанный розовым мрамором, убедил перса, что и французы не чуждаются омовению, хотя и не делают их ритуальными.

Настал день триумфа Анжелики. У нее было явное преимущество перед остальными дамами и даже перед самой королевой, ибо посол не обращался к ним и уделял все внимание единственно маркизе дю Плесси.

Договор о шелке был подписан очень быстро и во вполне благожелательном тоне.

Уставшая до невозможности Анжелика вернулась в Париж. Карета остановилась перед ее домом. Дверцу открыл забрызганный с ног до головы королевский курьер.

— Слава Богу, я вас дождался, мадам. Король послал за вами! — И он вручил ей приказ о немедленном возвращении в Версаль.

— Неужели нельзя подождать до завтра?

— Король передал и на словах: немедленно — и приказал мне сопровождать вас независимо от времени суток.

— Но ворота Сент-Оноре уже закрыты!

— Есть распоряжение открыть их для вас!

— На нас могут напасть грабители...

— Я хорошо вооружен, мадам.

Ей оставалось только повиноваться королевскому приказу. Маркиза закуталась в теплый плащ и велела кучеру поворачивать назад.

Версальский дворец ночным чудовищем вздымался на фоне уже розовеющего неба. Окна громадного помещения, предназначенного для королевских приемов, светились от пламени горящих факелов. Маркиза поежилась, проходя пустыми залами мимо швейцарской стражи, неподвижно застывшей у дверей.

В кабинете короля было много народа. де Лион и Кольбер, с осунувшимися лицами, королевский исповедник Босюэ и мрачный, будто ожидавший какой-то катастрофы Лувуа, шевалье де Лорен и еще несколько человек. Выражение физиономий всех присутствующих, застывших перед Людовиком XIV, говорило о жарком споре. По оплывшим свечам можно было догадаться, что разговор велся всю ночь.

Как только мадам дю Плесси появилась на пороге, все разом смолкли и в кабинете воцарилось тягостное молчание. Король попросил ее присесть и принялся изучать какое-то письмо — похоже, лишь для того, чтобы собраться с мыслями. Потом он заговорил:

— Наш персидский посол, мадам, довольно странным образом закончил свою миссию. Он уже отправился на юг, но оставил мне довольно любопытное послание, касающееся, кстати, и вас... Впрочем, читайте сами!

В послании, наверняка переведенном и переписанном армянином Агобяном, еще раз выражалась благодарность королю Франции за оказанный прием и доброту. Затем следовало перечисление даров Людовика XIV, величайшего монарха Запада, посылаемых шаху Персии:

«Один серебряный сервиз на 12 персон с выгравированными королевскими лилиями.

Одна дюжина карманных часов с лилиями.

Два больших гобелена.

Одна печать из оникса с вырезанной персидской эмблемой — лев и солнце.

Два больших портрета королевской четы.

Двадцать отрезов тонкого полотна.

Одна угольная жаровня с мехами.

Три ящика серебряных ядер для подогрева бани великого шаха.

Шесть ящиков безделушек для раздачи слугам и простонародью.

Три горшка с геранью, которую решено пересадить в персидскую

почву.

Одно парадное седло из выделанной в Лионе кожи и серебряная уздечка».

Но его величество не включил в число подарков драгоценную Бирюзу — то, чего ожидал посол для себя лично как награду за успешное выполнение миссии. И затем следовало настолько подробное описание «бирюзы», что сомнений не оставалось: речь шла о совершенно конкретной женщине — маркизе Анжелике дю Плесси-Белльер.

Бахтиари-бей выражал надежду, что обычаи Запада не допустят уехать ему, послу, с пустыми руками и что король лично передаст ему столь понравившееся драгоценное сокровище. И вот, ко всеобщему удовольствию, все договоры подписаны. Так почему же он не видит «очаровательной маркизы, звезды французского двора, лилии Версаля и самой умной женщины на свете» среди последних подарков, врученных меся де Лореном и маркизом де Торси перед его отъездом?.. Он считал, что только скромность удерживала ее от присоединения к посольскому каравану со всем своим багажом и экипажем. Он ждал до ночи и отправился в путь. Но на первой же остановке понял, что с ним сыграли злую шутку. С ним обращались как с ослом, перед которым на палке повесили морковку. Неужели повелитель Запада двуличный человек? Или он такой жадный? Или он смотрит на договор, как на игрушку?

Длинный список вопросов ясно свидетельствовал о состоянии, в котором пребывал Бахтиари-бей. И в заключение намекал на возможные неприятные последствия, ибо все достигнутое вполне могло быть немедленно разрушено.

— Ну и что? — спросила мадам дю Плесси.

— Вот именно, ну и что? — передразнил ее король. — Потрудитесь объяснить свое постыдное поведение в резиденции посла, позволившее персу сделать нам такое гнусное предложение.

— Мое поведение, сир, было поведением женщины, посланной к восточному вельможе, чтобы льстить ему, всячески обольщать и соблазнять. Чтобы склонить к переговорам и тем послужить своему королю.

— Вы представляете дело так, будто сам я принуждал вас заниматься проституцией?

— Намерения вашего величества мне были совершенно ясны.

— Что за глупости?! Для женщины вашего ума и характера найдутся десятки других путей умиловить посла, а не становиться шлюхой... Так вы стали любовницей темпераментного варвара и закоренелого врага

нашей святой церкви? Да? Отвечайте мне!..

Анжелика покусывала губы, чтобы скрыть усмешку. Прищуренными глазами она оглядела всех присутствующих в кабинете.

— Ваши вопросы, сир, смущают меня, я стесняюсь этих господ. Позвольте заметить, что на такие вопросы я отвечу только лишь своему исповеднику.

Король поднялся в кресле, его глаза засверкали. Но тут вмешался Босюэ. Выпрямившись во весь свой громадный рост и вытянув вперед епископскую руку, он произнес:

— Позвольте мне напомнить вам, сир, что только священник имеет право знать сокровенные тайны человеческой души.

— И король тоже, месье Босюэ, когда он действует на благо своей страны. Бахтиари-бей вызвал мое неудовольствие своей наглостью. Когда мужчина-перс увлекает мою...

— Нет, сир, я не согласилась, — решительно перебила короля Анжелика.

— Я рад слышать это, мадам, — сказал король с явным облегчением и снова сел в кресло.

Босюэ заключил, что, каким бы ни было прошлое, настоящее всегда важнее. Следовательно, надо решить, как уладить дело с персом, не удовлетворяя его требований.

Все вдруг заговорили наперебой. Торси предложил схватить посла и бросить его в темницу, а персидскому шаху объяснить, будто его посол умер от лихорадки. де Лион тоже полагал, что Франция обойдется без «далеких магометан». Солдафонам, как Торси и де Лион, было трудно понять значение торговли для экономики страны. Босюэ и иезуит принялись доказывать, что будущее христианства на Востоке прямо зависит от успеха посольства. И, в конце концов, именно маркиза дю Плесси предложила единственно правильный выход из создавшегося положения, чтобы успокоить посла, не нанося ему оскорбления. Она предложила королю написать Бахтиари-бею, что он никоим образом не обижается на просьбу, считает ее естественной и разумной, но не может исполнить желание своего благородного друга, ибо мадам Анжелика является его, короля, султаной-баши и, следовательно, посол поймет, что его просьбу никак нельзя исполнить...

— А что такое «султана-баши»?

— Так зовется любимая жена шаха, которой он доверяет руководство гаремом и чьими советами пользуется при необходимости.

— Ну, если так, то Бахтиари-бей будет вправе ответить, что королева

является... как ее?., султаной-баши.

— Здесь ответ простой. И на Востоке наследники трона женятся на девушках королевской крови, которых им выбирают для продолжения рода. А среди наложниц может оказаться женщина, могущая со временем овладеть всей полнотой государственной власти.

— Станный обычай, — заметил король. — Но, по-моему, у нас просто нет выбора.

Стали сочинять ответное послание, и Кольбер согласился писать его. Несколько минут в кабинете стояла тишина. Потом он прочитал свое творение, оканчивающееся так:

«...просите у меня любую другую женщину королевства, и она будет вашей. Самая молодая и прелестная, вам стоит только указать...»

— Ну-ну, полегче, месье Кольбер, — усмехнулся Людовик. — А то вы своими литературными излияниями втянете меня в такую аферу, что мы и вовсе не вылезем.

— Поймите, сир, что, отказывая персу, вы должны предложить достойную замену, чтобы он не оказался разочарован.

— Клянусь честью, пожалуй, вы правы! Я как-то не додумал до конца.

Придворные, всю ночь толпившиеся в зале, вздохнули с облегчением, когда король вышел к ним с улыбкой и в хорошем расположении духа. Ибо все ожидали неприятностей и даже объявления войны. Удовлетворяя любопытство собравшихся, король с юмором рассказал о требовании персидского посла. Он лишь не упоминал имен, заметив только, что роль требующейся гурии должна была бы играть очаровательная дама, умная и обаятельная, и чтобы ее тело напоминало ему о далекой Франции.

— И у нас возникли трудности с выбором подходящего сувенира, — продолжал король. — Полагаю, что решение окажется под силу только месье де Лозену, он у нас знаток...

Пегилен сделал жест, благодаря монарха:

— Дело несложное, сир. При дворе полно прелестных шлюх... — Он взял за подбородок мадам де Монтеспан. — Почему бы не ее? Она уже доказала, что может удовлетворять запросы особ королевской крови...

— Что за дерзости? — вспыхнула Атенаис.

— А что вы скажете, сир, про эту? — продолжал Пегилен, указывая на принцессу Монако, бывшую его любовницу. — Она мне нравится. Но это обстоятельство является причиной, чтобы ее не взяли на роль...

Король грубо оборвал его речь:

— Следите за своими выражениями, сударь!

— Но почему же, сир, никто не следит за своим поведением?

— Кажется, месье Пегилену снова захотелось в Бастилию, — шепнула Анжелике мадам де Шуази. — А все же он хорошо ответил королю. И что там за скандал с персидским послом? — вдруг спросила она, глядя на собеседницу. — Уж не замешаны ли вы в нем?

— Я все расскажу вам в Сен-Жермене...

Щелканье хлыстов, стук колес и ржанье лошадей заполнили дворцовую площадь, пока экипажи выстраивались в кортеж. де Лион высунул голову из окна своей кареты:

— Можете радоваться, мадам. Я влип в дурацкое дело. Именно мне король поручил отыскать вам достойную замену для перса... У Мольера есть хорошенькая и очень умная актриса. Не попробовать ли ее уговорить?

— Все хорошо, что хорошо кончается, — ответила Анжелика, вымученно улыбаясь. Она уже целые сутки не смыкала глаз, и за это время ей пришлось многое пережить. А мысль о том, что еще предстоит трястись в карете до Парижа, приводила ее в уныние.

Кучер со шляпой в руке поджидал ее у кареты. С чувством собственного достоинства он заявил мадам маркизе, что имеет честь в последний раз везти ее. Он всегда добросовестно выполнял свою работу, но он очень устал. И, к своему великому сожалению, он вынужден оставить службу у мадам маркизы.

Глава 22

Нищие ждали на кухне. Повязывая передник, Анжелика напомнила себе, что давно уже не исполняла долга богатой — не раздавала собственноручно милостыню хотя бы раз в неделю. Праздники при дворе и частые разъезды заняли целиком все ее время. Теперь еще следовало привести в порядок счета.

Роже был хорошим дворецким. Барба следила за Шарлем-Анри. Аббат де Ледигьер и Мальбран занимались с Флоримоном. Зато ее собственные имущественные дела пришли в полнейший беспорядок.

Первым делом она отправилась к Давиду Шайу, управлявшему шоколадными заведениями. К нему никогда не было претензий, и от него она поехала инспектировать людей, занимающихся ее торговыми операциями с Антильскими островами.

Возвратившись домой, Анжелика увидела, что девицы Жиландон все приготовили к раздаче милостыни. Она сама вынесла корзину с булочками, а Мари-Анн следовала за ней с сумкой бинтов и медикаментов. Тусклый отсвет заходящего солнца лежал на лицах бедняков. Одни сидели на скамьях и стульях, другие стояли вдоль стены. Все были уже вдоволь накормлены супом.

Маркиза приступила к раздаче хлеба. Матерям она добавляла немного ветчины или колбасы, чтобы те могли накормить свои семьи. Были и новые люди, и те, что приходят сюда еженедельно.

Анжелика обратила внимание на женщину с маленьким ребенком на руках, рот которой кривила мрачная усмешка. Анжелика присела рядом.

— Вы хотите попросить меня о чем-то?

Женщина мгновение колебалась, а потом протянула Анжелике свое дитя. Маркиза молча приняла его и стала осматривать хилое тельце. Она увидела фурункулы, их было много, и некоторые ранки уже гноились.

— Ребенка нужно лечить!

Женщина энергично замотала головой, продолжая молчать. На помощь пришел старый знакомый маркизы, старик-калека, которого все нищие называли «Черный Хлеб».

— Она хочет, чтобы к ее сыну прикоснулся король. Вы ведь знаете короля? Посоветуйте, Маркиза Ангелов, что нужно сделать, чтобы ее желание исполнилось?

Анжелика смотрела на маленький забавный носик мальчишки и его

перепуганные, подвижные, как у бельчонка, глаза. Захочет ли король прикоснуться к ребенку? А почему бы и нет? Ведь с тех пор, как Хлодвиг — первый христианский король Франции — исцелил от золотухи своего слугу Леонцетта, чудесный дар передавался всем наследникам престола.

Легенда гласила, что когда Леонцетт — оруженосец Хлодвига — заболел золотухой, монарху во сне явился ангел, сказавший, чтобы Хлодвиг дотронулся до шеи слуги. Проснувшись, король так и сделал — и тотчас исцелил оруженосца. С тех пор всех королей Франции почитают как врачей, и никто из них не гнушается исцелять больных. Людовик XIV следовал традиции, и почти каждое воскресенье в Версале, в Сен-Жермене, а то и в Париже к нему допускали больных. Как-то раз ему пришлось прикоснуться к ста пятидесяти больным, и многие из них вскоре выздоровели.

Маркиза сказала, что ей необходимо поговорить с Балле, королевским врачом, или с его помощником, прежде чем показывать мальчика королю, и посоветовала женщине прийти к ней на следующей неделе.

Нищие и калеки, слышавшие разговор, бросились к Анжелике и стали умолять ее:

— Мадам, мы тоже хотим, чтобы король прикоснулся к нам!

Она пообещала, что сделает все возможное, чтобы помочь им. Тем временем она промыла ранки ребенка целебным бальзамом и перевязала их чистыми тряпками.

Старик Черный Хлеб был постоянным посетителем дворца Ботрей, где маркиза, как могла, лечила его язвы. Он, правда, не видел в лечении никакой пользы, но не хотел обижать маркизу, всегда приглашавшую его. Невнятно бормоча в седую бороду, он рассказывал ей последние новости Двора Чудес и о Великом Кезре. Он не хотел выглядеть обычным нищим-попрошкой, постоянно перебирал четки, а на его одежде пилигрима были нашиты блестящие колокольчики.

Анжелике нравилось слушать его.

— Что расскажешь сегодня, Черный Хлеб?

— Сегодня утром, — заговорил калека, — я возвращался пешком из Версаля. Всем полезны небольшие прогулки по лесу. Неожиданно моя собака громко залаяла, и из-за деревьев на дорогу вышел человек. Он приблизился ко мне и очень вежливо попросил: «Есть ли у вас кусочек хлеба? Я заплачу вам золотом». Я тут же отдал ему весь свой хлеб. Потом он спросил у меня дорогу па Париж, и я ответил, что сам иду туда. По дороге проезжал виноторговец с пустыми бочками и посадил нас к себе на телегу. В дороге мы разговорились, и я похвастался, что знаю многих

дворян в Париже. Тогда он сказал, что хотел бы повидать маркизу дю Плесси-Белльер — она его хорошая знакомая. Я поверил ему и взял его с собой...

— Ты что-то выдумываешь, Черный Хлеб. У меня нет знакомых среди разбойников.

— Я говорю вам лишь то, что слышал своими ушами. И если вы мне не верите, спросите у него самого. Ведь он здесь.

— Где?

— Вон в том углу. По-моему, он чего-то боится и не хочет, чтобы его кто-нибудь видел.

Человек, на которого указывал калека, действительно старался закрыть свое лицо. Его худощавая фигура была закутана в рваный плащ с капюшоном.

Маркиза встала и направилась прямо к нему. Она сразу же узнала князя Ракоци.

— Вы! — только и смогла произнести она, обхватив его плечи руками и чувствуя через ткань плаща его худобу. — Откуда вы?

— Старик сказал вам — из лесу.

Анжелика прикинула, что прошел уже целый месяц после посещения Версаля русской делегацией. Как все случилось? Ведь уже зима!

— Не беспокойтесь, князь, — успокоила его Анжелика. — Я позабочусь о вас.

Когда нищие разошлись, она отвела венгра в комнату, соседствующую с флорентийской купальней. Ракоци пытался все обратить в шутку — накинув на лохмотья плащ, с поклоном осведомился о здоровье хозяйки. Но, приняв ванну и побрившись, он почувствовал слабость и погрузился в сон.

Маркиза позвала своего управляющего.

— Роже, — сказала она, — этот человек — мой гость. Я не могу назвать его имени, но мы должны обеспечить ему безопасное убежище.

— Положитесь на мое молчание, мадам.

— Но кроме вас есть многочисленная прислуга. Я хочу, чтобы все наши люди, от конюха до! дворецкого, поняли, что для них он просто не существует. Они никогда и нигде не видели его.

— Понимаю вас, мадам.

— Если он выйдет отсюда живым и невредимым, я щедро одарю их. Но скажите им, если с гостем под моей кровлей что-нибудь случится, то я...

— Маркиза дю Плесси сжала кулаки, и глаза ее засверкали. — Тогда, клянусь Богом, я рассчитаю всех! Вам ясно?

— Да, мадам, — поклонился управляющий.

Он знал, что слова мадам дю Плесси никогда не расходятся с делом. По убеждению Роже, слуга не может быть настолько глупым, чтобы сделать самому себе зло. Он должен стать глухим, слепым, а если нужно, то и немым. И Роже заверил хозяйку, что все его люди сохранят молчание и что он не позволит никому запятнать доброе имя маркизы.

Почувствовав в его словах твердость, Анжелика успокоилась. Но спрятать князя Ракоци было не главным. Надо помочь ему бежать из Франции, пересечь границу. Она знала, что Людовик XIV издал новые законы, направленные против революционеров.

Так она сидела в кресле, строя планы спасения князя Ракоци, пока каминные часы не пробили одиннадцать раз. Она поднялась, намереваясь готовить себе постель, и испуганно вскрикнула: рядом стоял Ракоци.

— Как вы себя чувствуете, князь?

— Превосходно! — Худощавый венгр очень забавно выглядел в просторной одежде Роже. — Избавившись от бороды, я чувствую себя свежее и лучше. Теперь я больше не похож...

— Тс-с-с... — тихо рассмеялась Анжелика. — Ведь в доме повешенного не принято говорить о веревке... — вздрогнула она, вспомнив о судьбе поэта, которого не смогла уберечь от королевской виселицы.

— Вы голодны?

— Я всегда голоден, — ответил князь, втягивая живот. — Мне кажется, что теперь я буду голоден до последнего вздоха.

Маркиза провела его в соседнюю комнату, где был накрыт стол. На позолоченном блюде лежала индюшка, фаршированная яблоками и каштанами. Рядом стояли овощи, жареный угорь, салаты и ваза с фруктами.

Ракоци даже вскрикнул, не в силах сдержать восторга. Он уселся за стол и жадно набросился на еду. В мгновение ока он оборвал оба крыла индюшки и, утолив первый голод, вспомнил о хозяйке и пригласил ее разделить с ним трапезу.

— Прошу вас извинить меня, но я был так голоден... Поешьте вместе со мной.

Она рассмеялась, наполнила бургундским большой кубок и поставила его перед прибором князя. Затем чуть-чуть плеснула себе и села напротив венгра.

Мелкие косточки птицы так и хрустели под нажимом сильных челюстей, и скоро от индюшки ничего не осталось. Ракоци откинулся на спинку стула и, вытерев руки о салфетку, отпил вина из кубка. Несколько

минут он наслаждался кажущейся сытостью, но потом, отхлебнув еще несколько глотков вина, снова принялся за еду. Его блестящие черные глаза обратились к Анжелике.

— Вы прекрасны, — проговорил он, не переставая жевать. — Все время, пока я скитался по лесу, ваш образ стоял передо мной. Образ самой красивой женщины... самой милой и нежной...

— Так вы все время скрывались в лесу?

Князь ничего не ответил, он ел.

При свете свечей кожа его казалась особенно смуглой, красивым жестом он откинул со лба глянцевые черные волосы, вьющиеся, как у цыгана.

— Да. А куда мне было еще деваться?.. Лес стал моим единственным убежищем, когда я скрылся из Версаля. К счастью, я сразу же попал в болото с незамерзающими лужами. Вода сбила собак со следа. Я отчетливо слышал их лай и крики стражников. Чувствовать себя добычей не слишком-то приятно. Но у меня был Господар, мой пони. Он до вечера простоял в воде, на его шкуре образовались сосульки, но он ни разу не шелохнулся и не попытался вылезти из болота, вероятно, понимая, что тогда мы пропадем оба. И только поздно ночью преследователи оставили нас в покое...

Маркиза снова наполнила его кубок.

— Но как же вы жили? Где вы прятались от зимнего холода?

— Мне посчастливилось найти заброшенную хижину дровосека. Я разжег там огонь, завел под крышу Господара и согрелся. Пробыв там два дня, я отправился дальше. Силы мои были на исходе, когда я набрел на маленькую деревушку на опушке леса. Я прокрался туда и стащил ягненка. На какое-то время у меня было мясо, а Господар ел мох и ягоды. По ночам я пробирался в деревню и добывал какую-то еду. Местные жители, вероятно, приписывали пропажу животных нападениям волков. Порой эти страшные звери приближались и к моему навесу. Я его соорудил при помощи ножа, который всегда при мне. Я отгонял их головешками из костра. Затем я решил пойти на юг и выйти из леса где-нибудь подальше, где нас с Господарем не знали. Но, как бы это объяснить?.. Лес непривычен человеку, жившему всегда в степи. В лесу нет вольного ветра, нет запаха трав — только снег да туман, укрывающий все густой пеленой. Лес похож на дремлющий дворец... Однажды я поднялся на холм и посмотрел на расстилающийся передо мной лес. Деревья, деревья — ничего больше. Да лысины на месте болот... а в центре — рукотворный остров, весь белый и золотой. Я увидел место, откуда так поспешно бежал, я увидел снова

Версаль!..

Принц замолчал и опустил голову. Впервые воспоминания о собственных злоключениях и несчастьях опечалили его. Он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу, как бы стирая ужасные мысли. А потом продолжал:

— Мы некоторое время постояли на холме, на пронизывающем ветру. Я даже разглядел разноцветную дорожку, ведущую ко входу во дворец. Так необычно было видеть красные и голубые цветы прямо на заснеженных дорогах.

— Там были живые цветы, — заметила Анжелика. — В день приема персидского посла.

— А я грешным делом подумал, что вижу мираж, родившийся в моей ослабевшей голове. Я был поражен и понял то, о чем смутно догадывался. Ваш король — величайший монарх.

— И все же вы посмели выказать открытое неповиновение у него на глазах. Что за безумие! Прямое оскорбление! Ваш кинжал у ног посла, да еще на глазах всего двора!

Ракоци понимающе улыбнулся:

— Оскорбление за оскорбление! Но неужели вам тоже не понравился мой поступок?

— Понравился. Но посмотрите, до чего он вас довел! Вы столько выстрадали за него!

— Верно. Увы, наши восточные предки передали нам по наследству свою энергию, но отнюдь не благоразумие. Когда легче умереть, чем подчиниться, приходит время для таких поступков. И я еще не закончил борьбу с тиранией королей. — Он ласково улыбнулся. — Только женщине можно довериться. Мужчины часто окружают себя теми, кто ищет их защиты, но женщины — никогда. Я решил отправиться к вам, и вот я здесь. Я хотел бы попасть в Голландию — ведь там республика, дорого заплатившая за свою свободу. И она всегда предоставляет убежище нуждающимся в нем.

— А как вы поступили с Господарем?

— Я не мог выйти с ним из леса вместе. Он бы выдал меня. И я не мог оставить его на съедение волкам. Я перерезал ему горло...

— О Боже!.. — воскликнула Анжелика, и на ее глазах блеснули слезы.

Ракоци одним глотком осушил кубок, поставил его на стол и тихо заговорил:

— У себя на родине я видел солдат, бросающих детей в огонь. Я видел, как детей вешают за ноги на деревья, а матерей заставляют слушать

предсмертные крики невинных малюток. Так поступал король Венгрии. Что значит гибель маленькой лошадки в сравнении с теми ужасами? Не растрчивайте свою жалость по пустякам. Я как-то сказал вам, что у меня нет ничего, кроме верной лошади и кинжала. Теперь у меня нет ни того, ни другого.

Маркиза дю Плесси, не в силах произнести ни слова, решительно встала с кресла, подошла к бюро, вытащила ларец и, достав кинжал, молча подала его князю.

Лицо Ракоци осветилось радостью.

— Так он попал в ваши руки! О, сам Господь сделал вас путеводной звездой, помогающей мне в вашей стране. Но почему вы плачете, мой ангел?

— Я и сама не знаю. Все так жестоко и неизбежно. — Она смотрела на него сквозь слезы.

Князь священнодействовал. Он бережно принял кинжал, внимательно осмотрел его лезвие и, вложив в ножны, не спеша прикрепил их к поясу.

— Нет ничего более жестокого и неизбежного в жизни, — заявил он торжественно, — чем борьба человека за право жить в мире со своей душой и своей совестью!

Он потянулся всем телом, раскинув руки и расставив ноги, испытывая глубокое удовлетворение. Казалось, что несколько часов отдыха вновь вернули ему силы, и, как зверь, он уже готовился к новой схватке.

Маркиза подумала, что он ей кого-то напоминает не столько лицом, сколько своей ладно скроенной фигурой.

— Но сейчас моя душа отошла на второй план, — продолжал князь, ухмыляясь жестокой усмешкой, напоминающей волчий оскал. — Сейчас я чувствую лишь желание плоти.

— Вы хотите еще что-нибудь съесть?

— Да... Вас! — Взгляд его карих глаз словно пронзил ее насквозь.

— Очень заметно по вашим глазам.

— Мои слова никогда не расходятся с делами. Любовь к вам заполнила все мое существо. И я постараюсь согреть вас!

— Но я совсем не замерзла!

— Нет, замерзли. Очень замерзли! Я чувствую одиночество и холод вашего сердца и слышу горькие рыдания, рвущиеся из самой глубины вашей души. Идите же ко мне!

Он обнял ее — сильно, но не грубо. Его губы скользнули вдоль ее шеи за ухо.

У нее не было сил сопротивляться. Волосы их спутались. Она

чувствовала, как его усы щекочут ей грудь, опускаясь все ниже. Она испытывала необычное, почти болезненное ощущение, сдавливающее горло и заставляющее дрожать руки. Она все теснее прижималась к нему и, когда он отпустил руки, зашаталась, как человек, теряющий сознание.

Очнувшись, Анжелика вышла из столовой и направилась в спальню. Здесь она стала лихорадочно срывать с себя одежду. Она дрожала всем телом, неожиданный прилив страсти заставил ее потерять контроль над своими поступками. Опустившись на кровать, она распустила волосы. В голове билась только одна мысль: «Разве может быть помехой то, что он потерял все?» Она развела руки, и поток шелковистых волос рассыпался по обнаженной спине. Перебирая их пальцами, она откинула назад голову и закрыла глаза.

Ракоци стоял в дверях и любовался ею. Свет масляного ночника освещал изгибы ее полных бедер, подрагивающих от нетерпения. Густые выющиеся волосы переливались, словно плащом окутывая тело. Жемчужное кольцо поблескивало на шее. Сквозь ресницы она смотрела, как он приближается к постели. И вдруг ее пронзило воспоминание. Да, он напоминал ее первого мужа, графа де Пейрака, сожженного на Гревской площади. Правда, он был немного ниже ростом и не хромял.

Анжелика протянула руки вперед. Он склонился над ней и заключил в страстные объятия. Она без всякого сопротивления отдалась его ласкам. Какое-то утонченное, не испытанное ранее наслаждение овладело ею.

«Какое счастье быть с мужчиной!..» Три ночи она спала, прижавшись к его длинному телу. Кровать была мягкой и теплой, балдахин не раздвигался. Она упивалась блаженством лежать рядом с ним и засыпать в его объятиях. Под утро, когда он еще сладко спал, она просыпалась и лежала молча рядом, тихонько лаская его и глядя мягкие волосы.

При мысли, что она вновь может остаться одна, Анжелику бросало в холод. Она даже не задавала себе вопрос — почему полюбила его. Да и зачем? Он всегда просыпался мгновенно, как человек, готовый встретить опасность. Какой-то миг он с удивлением смотрел на нее, будто она была случайной добычей, оказавшейся в постели завоевателя. Но тут же обнимал, и она покорно льнула к нему, испытывая необъяснимую радость от прикосновения его рук, ласкающих ее тугие груди. Он поражался, как она смогла сохранить до такого возраста красоту и свежесть тела. А она в свою очередь страстно ласкала его, ее способность любить была так безгранична, что она сама просила любви и принимала ее с очаровательной робостью.

— Я каждый раз испытываю новые чувства, — шептал он ей на ухо.

— Раньше я считал, что вы чересчур сильная, чересчур умная и холодная, чтобы остаться женственной. Но вы обладаете всеми достоинствами сразу... Будьте моей женой, мадам!

— Но у меня двое детей.

— Мы воспитаем из них настоящих героев!

Анжелика попыталась представить себе ангелочка Шарля-Анри в роли борца-мученика за святое дело освобождения Венгрии и рассмеялась. Ракоци прижал ее к себе:

— Как вы прелестны! Я не смогу жить без вас. Если вы покинете меня, вся сила вытечет из меня, как кровь из раны. Вы не должны никогда расставаться со мной... — Он вдруг насторожился, прислушался, и лицо его мгновенно потемнело. — Кто здесь?

Князь рывком раздвинул занавеси. В дальнем конце спальни открылась дверь, и показался Пегилен де Лозен. За его спиной покачивались белые плюмажи мушкетеров.

Лозен прошел вперед и отсалютовал шпагой, выполняя дворцовый этикет:

— Именем короля, князь, вы арестованы! После минутного колебания венгр спрыгнул с кровати и поклонился маркизу:

— Мой плащ на спинке кресла. Не будете ли вы так любезны передать его мне? Я оденусь и последую за вами.

Анжелике казалось, что все происходит в кошмарном сне.

Подобные сцены не раз представлялись ей за последние три ночи. Но сейчас она была так поражена, что даже не стыдилась своей наготы.

Де Лозен влюбленными глазами посмотрел на нее и даже послал воздушный поцелуй. Но, неожиданно став серьезным, тихо произнес:

— Сударыня, именем короля вы арестованы. Соблаговолите одеться...

Кто-то постучал в дверь ее кельи. Анжелика не посмотрела на вошедшую — наверное, монахиня из тех, кто приносит похлебку и ходит, опустив глаза в землю. Мадам дю Плесси потеряла руки, разгоняя кровь, ибо келья была сырой и холодной, и снова, взяв иглу, погрузилась в работу.

Взрыв хохота заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Молоденькая монахиня, только что вошедшая в келью, прямо покатывалась со смеху.

— Мари-Аньес! — воскликнула Анжелика.

— Бедная моя сестричка! Если бы ты знала, как смешно выглядишь в роли затворницы!

— Мне нравится вышивать... но не в таких условиях. А как ты

оказалась здесь, Мари-Аньес? Кто разрешил тебе прийти сюда?

— Я не нуждаюсь ни в чьем разрешении. Я живу здесь. Ты находишься в моем монастыре.

— В монастыре кармелиток Св. Женевьевы?

— Конечно. И благодари судьбу за то, что она привела тебя ко мне. До сегодняшнего утра я не знала имени дамы из высшего общества, заточенной у нас. Мать-настоятельница посоветовала мне посетить эту даму, и, конечно же, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

— Мне очень жаль, но я сама не знаю, чем ты сможешь мне помочь, — горестно вздохнув, ответила Анжелика. — За три дня, что я нахожусь здесь, я поняла, что меня собираются держать в суровых условиях. Послушницы, приносящие еду, похожи на глухонемых. Я просила, чтобы ко мне позвали настоятельницу, и вот все жду ее прихода.

— Нам нелегко в точности выполнять приказы его величества, когда он присылает нам паршивых овец, чтобы держать их подальше от стада.

— Благодарю за комплимент.

— Так мы все называем друг друга. Мы тоже овечки, хотя и не паршивые. — Ее зеленые глаза, невероятно похожие на глаза старшей сестры, заблестели на исхудавшем от поста лице. — А на тебя наложили епитимью, чтобы ты замолила свои грехи.

— Лицемерие! Уж если согрешила я, то всех дам двора следует держать под замком до конца их дней. И, кстати, откуда стало известно про мои грехи?

— На тебя был донос из Общества Святых Даров...

Анжелика удивленно смотрела на сестру.

— Неужели ты не знаешь, — продолжала Мари-Аньес, — что Общество мечтает покончить с распущенностью нравов? Они поставляют королю сведения о частной жизни его подданных. Они шпионят за всеми, и вряд ли кому удастся скрыться от всевидящих глаз.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из моих слуг находится у них на службе и доносит им о моей личной жизни?

— Конечно. Ведь ты не лучше и не хуже остальных при дворе и вообще в Париже.

Погрузившись в мрачные размышления, мадам дю Плесси сделала несколько стежков.

— Так вот откуда король узнал, что я прячу князя Ракоци! Мари, а не сможешь ли ты узнать, кто выдал меня королю?

— Может быть, и смогу. Среди наших сестер есть и благородные дамы, которым известны секреты всех сортов.

На следующий день Мари-Аньес вошла в келью старшей сестры с такой хитрой улыбочкой, что Анжелика сразу поняла: ее просьбу удалось выполнить.

— Ну вот я и узнала. За старания вырвать тебя из когтей дьявола тебе следует благодарить мадам де Шуази.

— Шуази?! Не может быть!

— Да, именно она уже давно заботится о твоей душе. Покопайся в памяти и припомни, кого она рекомендовала тебе в прислугу.

— Боже! — застонала Анжелика. — Их целая дюжина! Вся прислуга моих детей принята по ее рекомендациям!

Мари-Аньес снова расхохоталась:

— До чего же ты наивна, бедная моя Анжелика! Я считаю, что с такой доверчивой душой тебе не следует оставаться при дворе.

— Откуда же мне было знать, что кто-то беспокоится о моей душе?

— Они беспокоятся обо всем и обо всех. Господу нужны покорные слуги. Сила Общества Святых Даров в том, что они не останавливаются ни перед чем во имя спасения заблудших душ.

— Только не говори мне, что и ты на их стороне, — вспыхнула мадам дю Плесси. — Иначе я никогда не стану разговаривать с тобой.

Монахиня как-то двусмысленно улыбнулась, а затем скромно опустила глаза и вполне серьезно ответила:

— Один Бог рассудит нас!

Несколько секунд они молчали, потом Мари-Аньес заверила сестру, что сделает все возможное, чтобы разузнать, что ее ждет. Но Анжелике уже стало ясно, что сама она не будет вмешиваться в ход событий. Все зависело теперь от Общества Святых Даров.

— Не забывай, что здесь замешана политика, — напомнила ей Анжелика. — Ракоци был иностранцем-революционером и...

— Им абсолютно безразлично. Им совсем не важно, кто он... Если, конечно, он не сам король. Может, именно он и спасет тебя!

Шли дни. И вдруг неожиданный визит Солиньяка. Он долго говорил, и она молча внимала. Ей следует ознакомиться со специальным трактатом, посвященным искушению плоти, ибо три ночи, проведенные в объятиях Ракоци, осквернили ее. Ей нужно очиститься...

Ракоци!.. Что они сделали с ним? Нет, ей нельзя о нем думать, чтобы не утратить мужества и не расплакаться при инквизиторе.

— Вы прибыли ко мне от имени короля? — спросила Анжелика, когда он закончил свои душеспасительные разглагольствования.

— Конечно, сударыня. Только приказ его величества заставил меня

посетить вас. По нашему мнению, вы провели в раздумьях еще недостаточно времени.

— И как вы намерены поступить со мной?

— Вы свободны, — ответил Солиньяк, покусывая губы. — И давайте правильно пойдем друг друга. Конечно, вы можете покинуть монастырь и вернуться домой. Но в силу определенных обстоятельств вам не следует появляться при дворе без личного приглашения короля.

— Значит, я потеряла все привилегии?

— Это совсем другой вопрос. Едва ли мне нужно добавлять, что ваша жизнь во дворце Бот-рей — пока вы будете ожидать приглашения — должна быть образцом добродетели. Вы должны вести себя так, чтобы вас ни в чем нельзя было упрекнуть.

— Но кто же может меня упрекать? — резко спросила Анжелика.

Солиньяк не удостоил ее ответом и молча поднялся. Она снова принялась за шитье.

— Но, сударыня, — удивился Солиньяк, — вы разве не поняли, что я вам сказал?

— Так что же вы сказали?

— Что вы свободны.

— Благодарю вас, сударь.

— Я готов проводить вас до вашего дома.

— Еще раз благодарю вас. Но куда же мне спешить? Здесь я не так уж несчастна. И я выйду на свободу, когда сама пожелаю. Передайте мою благодарность его величеству!

При аресте Анжелика взяла с собой только те вещи, которые могла унести в руках, и решила вернуться домой пешком, чтобы полностью ощутить свободу.

— Почему Общество Святых Даров так безжалостно ко мне? — спросила она у Мари-Аньесс, когда та пришла прощаться. — Неужели они меньше грешат, чем я? Теперь, когда ты открыла мне глаза, мне легче будет обходить расставленные ими ловушки. Ведь сама мадам де Шуази передала мне приказ короля об изгнании из Фонтенбло. И лишь потом я узнала, что он вовсе не приказывал мне уходить, и я чуть было не совершила промах. Но я так и не могу понять, почему они преследуют людей, не доставляющих им абсолютно никакого беспокойства?!

— Очевидно, все же есть в тебе что-то такое, что настраивает против тебя благочестивых членов Общества, — задумчиво произнесла Мари-Аньес. — А что посоветовал месье де Солиньяк?

— Ехать домой и вести примерный образ жизни, подальше от

соблазнов двора.

— Так сделай все наоборот. Сразу же отправляйся в Версаль и постарайся увидеться с королем.

— Но если приказ был, то я рискую навлечь на себя гнев его величества.

— Ты можешь позволить себе такой риск! — запальчиво воскликнула Мари-Аньес. — В Париже, пожалуй, нет ни одного человека, не знающего, что король без ума от тебя и что весь его гнев — не что иное, как проявление ревности. А мадам де Шуази и Солипьяк стараются при каждом удобном случае распалить его ярость. Займи снова место, подобающее тебе. Говорят, что для короля ты — как яблоко на верхушке дерева и что ты добродетельно отвергла все его попытки овладеть тобой. Так неужели ты должна теперь покинуть двор и прозябать? Тебя одурачили фанатики, и ты лишилась всего.

— Мари-Аньес, ты удивляешь меня! Твои рассуждения великолепны! Ты считаешь меня дурой, и ты права. Если бы ты была рядом со мной при дворе и помогала своими советами! Не могу понять, что привело тебя к кармелиткам. Когда ты решила уйти в монастырь, я сочла твое желание за прихоть. Но ты действительно постриглась. И теперь каждый раз, как мы встречаемся, я поражаюсь твоему монашескому одеянию...

— Чего поражаться, — в желтоватом свете свечи были видны широко раскрытые глаза монахини. — Вспомни, Анжелика, ведь у меня же был ребенок. Я была матерью, и ты сама спасала меня от послеродового кровотечения. А что стало с моим ребенком? Я оставила его колдунье ЛаБуазен. Порой я думаю о его невинном маленьком тельце, моей плоти и крови, принесенной в жертву на алтарь дьявола тайными кудесниками Парижа. Я знаю, что они делают на своих черных мессах. К ним приходят за помощью в любовных делах, ради власти или денег, чтобы возвысить одних или умертвить других. Я часто вспоминаю своего ребенка. Они пронзили его иглами, выпустили кровь и смешали ее с вином, издеваясь над святыми таинствами. И тогда я ощущаю, что, если бы для искупления вины мне нужно было сделать что-то большее, чем просто уйти в монастырь, я не колебалась бы ни секунды...

Анжелика шла пешком по дороге, ведущей из монастыря в квартал Марэ. В Париже уже появились уличные фонари. Ла Рейни, новый начальник полиции, решил сделать столицу чистой, ярко освещенной, где честные люди смогут гулять по улицам даже с наступлением вечерней темноты. Высокие столбы были украшены железными петухами —

символом бодрствования.

«Но вряд ли, — думала она, — Ла Рейни сможет сдернуть с города покров преступности».

Она раздумывала о мире, в котором прожила долгие годы, — со всеми его ужасами, удовольствиями и искушениями. Что же победит?.. Сила тьмы или сила света? Не падет ли небесный огонь на проклятый город, когда в нем не найдется ни одной чистой души? Слова сестры, сказанные при прощании, всколыхнули в ее душе новую волну страха. Она предчувствовала угрозу со всех сторон.

В особняке Ботрей ее встретила Барба. Большинство слуг уже разбежалось. По беспорядку в доме можно было оценить силу королевской немилости. Она спросила о Флоримоне, и Барба сообщила, что в Версале ему отказали от места и он уже не паж. Больше никаких сведений о мальчишке не было.

«Неужели они осмелились выместить зло на Флоримоне?» — испуганно думала Анжелика.

В доме не было ни учителя фехтования, ни аббата де Ледигьера. Исчезли девицы Жиландон.

«Теперь я уверена, что именно эти две ханжи и выдали меня!» — подумала она.

Маленький Шарль-Анри смотрел на мать большими голубыми глазами. Ей захотелось усадить его на колени и приласкать, ибо теперь он являлся самым ценным сокровищем, оставшимся у нее в мире. Но ее собственное дитя вызвало в ней угнетенность.

Она закрылась в своей комнате и выпила бокал сливовой настойки, и раньше помогавшей ей переносить душевное одиночество и набираться свежих сил для будущей борьбы.

А немного спустя, чуть опьяненная, она опустилась на колени возле своей кровати:

— Боже! Если твой небесный огонь падет на город — пожалей меня. Помоги мне! Отнеси снова в луга, где меня ждет моя любовь...

Глава 23

Дворец купался в весеннем солнечном свете, окутавшем его золотистой дымкой.

— Как все-таки хорош Версаль! — восхитилась в сотый раз мадам дю Плесси.

Настроение у нее поднялось, душевные муки остались позади. В Версале поневоле думается о Боге и о короле, построившем такое великолепие, такое чудо. Анжелике пришлось удостовериться, что Солиньяк не обманул ее и что здесь ее не ждали. Ей удалось передать послание Бонтану, и когда он пришел на встречу с ней к озеру, то подтвердил формальный запрет короля.

— Несколько дней его величество буквально не мог слышать вашего имени, и мы боялись заговаривать о вас в его присутствии. Вы очень обидели его, сударыня. И вы сами прекрасно знаете, каким образом!

— Не имею понятия, Бонтан. А могу ли я повидать короля?

— Да вы не в своем уме, сударыня! Я же сказал, что король не хочет слышать о вас!

— Но если бы вы помогли мне, Бонтан, и он увидел меня... Вы знаете, что я бы сумела добиться прощения.

В глубоком раздумье Бонтан потер себе нос. Он знал натуру своего хозяина лучше, чем королевский исповедник, и понимал, как далеко может зайти, не вызывая прямого неудовольствия короля.

— Хорошо, сударыня. Я попытаюсь уговорить его величество встретиться с вами. И если он вас прогонит, то прогонит и меня, а если простит вас, то простит и меня.

Он посоветовал маркизе ждать в гроте Фетиды, ибо весь двор собирался на Большом канале, где спускали на воду малый флот.

— Корабли поплывут к Трианону, и король сможет уйти, не привлекая к себе внимания. Он пройдет в грот мимо дворца, но я не могу сказать, в какое время. Вам придется набраться терпения, сударыня.

— Хорошо. Грот Фетиды — превосходное место, я не буду страдать там от жары. Месье Бонтан, я никогда не забуду, что вы сделали для меня сегодня.

Слуга низко поклонился. Он понял значение ее слов и то, что у него на руках может оказаться козырная карта. Он давно уже недолюбливал заносчивую мадам де Монтеспан.

Грот Фетиды являлся одной из достопримечательностей Версаля. Он был вырублен прямо в гранитном утесе, высившемся к северу от дворца. Мадам дю Плесси прошла через одни из трех ворот. Солнце золотило барельеф Аполлона, топившего в море свою колесницу, символизируя уход бога света в царство Фетиды на склоне дня.

Внутри все было как в сказочном дворце. Отделанные перламутром тритоны дули в витые раковины, а украшенные разноцветными камнями зеркала создавали видимость бесконечности, многократно отражаясь друг в друге.

Анжелика присела на гребень раковины, высеченной из яшмы. Грациозные nereиды держали над собой щестирожковые канделябры. Из рожков, радужно переливаясь, били струи воды. Сотни птичек словно порхали в розовой дымке, создавая иллюзию цветущей рощи. Сначала казалось, что они действительно живые. Но, присмотревшись, можно было заметить, что крылья их отлиты из серебра и покрыты перламутром. Птички были последним изобретением королевского механика Фансине. Звуки водяного органа сливались с журчанием многочисленных фонтанов.

Мадам дю Плесси не скучала, слушая музыку и разглядывая окружавшие ее чудеса. Искусство и изобретательность достигли здесь своего совершенства. Король очень любил свой грот. Порой он приглашал сюда придворных дам, и они вместе слушали музыку и восхищались великолепными творениями умельцев.

Маркиза опустила руку в кристально чистую воду. Ей не хотелось заранее готовиться к предстоящему разговору. Она решила действовать по вдохновению. Но время шло, и беспокойство стало закрадываться в сердце мадам дю Плесси.

«Если сейчас поддаться панике, то я погибну и никто не спасет меня, — сказала себе она. — Я не должна его бояться. Страх означает поражение. Мне нужно помнить, что моя судьба полностью в руках короля...»

Анжелика вздрогнула, услышав позади себя шаги. Она повернулась, но никого не заметила. Тогда она посмотрела в сторону главного входа. Над массивными дверями сияла монограмма короля, выложенная из крошечных ракушек. Корона над ней, украшенная лилиями, была сделана из перламутра.

Молодая женщина не могла отвести глаз от сияющей эмблемы. И вдруг она поняла, что рядом с ней кто-то стоит. Собрав всю силу воли, она повернулась, увидела короля и застыла, как замороженная, забыв даже о необходимости сделать реверанс.

Король вошел в грот через потайную дверку, соединяющую его с Северной террасой дворца. Людовик был одет в костюм из красной тафты, отделанный прелестными кружевами вокруг шеи и на манжетах. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Ну, сударыня, — начал он, — неужели вы совсем не боитесь моего гнева? Или вы не поняли, что передал вам от моего имени месье де Солиньяк? Может быть, вы просто ищете скандала? Или мне нужно сообщить при свидетелях, что ваше присутствие нежелательно при дворе? Я уже потерял всякое терпенье. Отвечайте, я жду!

— Я хотела видеть вас, сир, — просто ответила мадам дю Плесси. ...Какой мужчина, встретившись с таинственным светом ее изумрудных глаз в золотых тенях грота Фетиды, смог бы устоять перед ней? А король был мужчиной. Он видел, что чувства ее непритворны, она дрожала. И маска суровости мигом упала с его лица.

— Тогда... тогда почему же вы так поступили? — почти печально спросил он. — Такая недостойная вас измена...

— Сир! Отверженный искал у меня пристанища. Женщины всегда поступают по велению сердца, а не по долгу бездушных принципов политики. Каковы бы ни были его преступления, в тот день я увидела несчастного человека, умирающего от голода.

— Дело вовсе не в политике. Стал бы я беспокоиться, если бы вы только приютили его, накормили и дали ночлег! Но ведь вы стали его любовницей!.. Вы поступили, как самая обыкновенная шлюха!

— Вы произносите очень грубые слова, сир. Я помню, что вы оказались более снисходительным, когда де Лозен был виновником прискорбной ссоры с моим мужем. А ведь тогда меня смело можно было считать виновной!

— С тех пор прошло много времени, — заметил король, — и я не хочу... не хочу, чтобы вы отдавали другим то, что можете отдать мне!

Он стал расхаживать по гроту, задевая на ходу серебристых птичек и щекастых тритонов. Словно простой ревнивый смертный, он изливал ей свой гнев, печаль и разочарование.

— Я хотел быть терпеливым. Я надеялся, что, когда вы узнаете меня получше, ваше сердечко, может быть, обратится ко мне и... Я искал пути, чтобы вы стали моей, и, когда понял, что излишняя торопливость помешает, я решил повременить. Прошли годы... да, годы с того дня, когда я увидел вас в костюме Весны! И вот вы пришли сюда, явились к королю без приглашения... Как же вы красивы и как смелы! А я обворован со всех сторон. Ведь ваши поцелуи оказались не обещанием и не признанием!

Ваши слова и улыбки являлись простыми уловками или хитрыми ловушками, в которые я раз за разом попадал. Я страдал от того, что не могу заключить вас в свои объятия, не могу поступить так, как мне хочется... Что хорошего в моей терпеливости и заботливости? Как же вы должны презирать меня, если, не раздумывая, отдались простому дикарю с Карпатских гор? Неужели вы думаете, что я смогу простить вас?!.. Но почему вы дрожите? Вам холодно?

— Нет, страшно.

— Вы боитесь меня?

— Нет, сир. Вашей власти.

— Мне очень жаль. — Он осторожно обнял ее за талию. — Не бойтесь! Вы единственный человек во всем мире, чей страх передо мной причиняет мне боль. Я бы очень хотел доставить вам счастье, радость или хотя бы приятные минуты. Чего бы я не дал, чтобы увидеть вашу улыбку! Не дрожите, любовь моя, я не сделаю вам больно. Я просто не смогу. Прошедший месяц оказался для меня сущим адом. Мне повсюду чудились ваши глаза. Но я не мог избавиться от мысли, что вы были в объятиях Ракоци. О, как я хотел разделаться с ним! По-мужски!..

— И как же вы поступили с ним, сир?

— Его судьба все еще беспокоит вас, — грустно усмехнулся король. — И только ради него вы проявили такое мужество, явившись ко мне? Успокойтесь, ваш Ракоци даже не в тюрьме. Видите, как вы недооцениваете меня! Я осыпал его милостями. Я дал ему все, чего он так долго добивался. Он вернулся в Венгрию с карманами, набитыми золотом. Теперь начнется раздор между венгерским королем и украинцами. Раздор будет мне на руку, ибо совсем не нужна в Центральной Европе такая сильная коалиция. Да, что Бог ни делает, все к лучшему!..

Анжелика поняла только одно: он вернулся в Венгрию. Сообщение поразило ее, будто удар грома. Она и сама не смогла бы ответить, насколько глубоки ее чувства к князю Ракоци, но ни на минуту она не допускала мысли, что никогда больше не увидит его... А он уже вернулся в свою страну — такую дикую и далекую, будто находящуюся на другой планете. Король вычеркнул его из жизни Анжелики, и она больше не сможет встретиться с ним.

Ей хотелось кричать от ярости. Ведь она так мечтала увидеть Ракоци! Он был ее любовником — нежным и страстным, с хорошей фигурой и ласковым взором. Он был нужен ей! Никто не имеет права распоряжаться судьбами других людей, словно они марионетки. Она мгновенно покраснела от гнева.

— Хорошо, что вы хоть дали ему денег, — закричала она. — И теперь он сможет сражаться с королями, сбрасывать их с тронов и избавлять людей от тиранов, обращающихся, как с куклами, со своими подданными. Теперь он сможет дать им свободу — свободу думать, дышать и любить.

— Замолчите! — Король схватил ее за плечи. — Замолчите! — Он осекся и продолжал уже спокойнее: — Я умоляю вас не оскорблять меня, любовь моя. Оскорбление я не смогу простить даже вам. Не проявляйте ненависти. И мне не стоило говорить о вещах, разделяющих нас. Нам следует лучше понять друг друга. Успокойтесь, мадам. Пойдемте.

Он подвел ее к краю бассейна, где переливалась жемчужная вода. Маркиза тяжело дышала, в горле стоял ком, зубы сжались. Людовик старался успокоить ее, он гладил пальцами ее лоб, зная, что ей это нравится.

— Я прошу вас, успокойтесь. Я знаю, что маркиза дю Плесси простит своего короля...

И, расплакавшись, она покорилась. Усталая, с надломленной волей, она прижала голову к его груди. Он победил. Заходящее солнце окрашивало ее волосы в красноватые тона. Она и представить не могла, какой могучей силой обладает король. Он смог бы, пожалуй, приручить даже самое упрямое животное. Он обладал терпением дикого зверя, караулящего добычу. Присев рядом с ней, он прижал ее к себе и ласково заговорил:

— Какая странная у нас любовь, Анжелика!

— Только любовь ли у нас, мой король?

— Для меня — да. Ибо если это не любовь, то что же?.. Анжелика... Ваше имя постоянно преследует меня. Я заканчиваю какую-нибудь работу и закрываю глаза. Тихонько кружится голова, и так же тихо ваше имя слетает с моих губ. Анжелика!.. Иногда я даже пугаюсь своей любви, глубоко запавшей мне в душу. Она как незаживающая рана. Только вы можете вылечить меня. Я мечтаю... да-да, иногда по ночам я мечтаю... Я представляю себе, что обнимаю ваше теплое, нежно пахнущее тело, лежащее рядом со мной. Я вижу ваши глаза... Я мечтаю о вашей милой и ласковой улыбке, сияющей мне из толпы, — как в тот день, когда прибыло русское посольство и я тащил тяжелую мантию и скипетр по зеркальному полу... Я тогда мечтал о вашем взгляде, одобряющем мои поступки, или, наоборот, нахмуренном, осуждающем, ревнующем меня... Я мечтаю о простых и незаметных вещах, которые мне не суждено познать...

— Неужели ваши любовницы не дарят вам таких жизненных ощущений?

— У меня были любовницы. Но не подруги. А я всегда искал друга. И вот теперь...

Он бросил на нее взгляд, в котором отражалось не желание, а нечто другое. Нежность, восхищение и обожание — все слилось во взгляде короля, и это было настолько необычно, что Анжелика не смогла отвести глаз от его лица. Они молча и вопрошающе смотрели друг да друга. Звуки водяного органа сливались с журчанием воды и окутывали их обоим обещанием будущего счастья. Анжелика боялась, что уступит первая, и, отвернувшись, попыталась выйти из-под чар королевского обаяния.

— Что происходит между нами, Анжелика? В чем причина вашей замкнутости, которую я так тщетно пытаюсь сломить?

Она попыталась рассмеяться:

— Не знаю, сир. Может быть, гордость, а может быть, страх. Ведь я не обладаю качествами, необходимыми для выполнения столь трудной задачи — быть королевской любовницей.

— Трудной задачи? О, как вы жестоки!

— Простите, сир! Но позвольте мне быть откровенной. Быть вечно ослепительной и лицемерной, тащить тяжкую ношу интриг, ревности... и непостоянства вашего величества. Нет, такое не для меня! Служить забавной игрушкой, которую потом выбросят за ненадобностью. Мадемуазель де Лавальер просто погибла, а я не такая толстокожая, как мадам де Монтеспан... Храните ей верность, сир! Она подходит вам куда больше, чем я. И, пожалуйста, не искушайте меня больше.

Король распустил ее волосы, собранные в красивую прическу, и зарылся в них лицом.

— Ваши опасения беспочвенны, любимая, — зашептал он. — Вы знаете меня очень поверхностно. Какую другую женщину я мог бы простить? Но вы... вы созданы быть «султаной-баши», как выразился персидский посол, собиравшийся увезти вас с собой. Вы одна можете повелевать королями. Я склоняюсь перед вами. Я люблю вас тысячекратно любовью — за вашу слабость и за вашу печаль, которую хотел бы развеять, за ваше очарование и за ваш ум, который нужен мне постоянно, как золото и мрамор, окружающие меня. Вы способны дать мне то, в чем я так нуждаюсь, — уверенность в себе... — Он взял в руки ее лицо и заглянул в глаза, будто хотел разгадать в них ее тайну. — Я могу ожидать от вас всего, но знаю: если вы полюбите меня, то уже не обманете ни в чем. Но до тех пор, пока вы не моя, пока я не услышу, как вы стонете от любовного изнеможения после моих ласк, я боюсь. Боюсь, что вы ожидаете ловушки с моей стороны. Вот почему я тороплю вашу крепость сдаться. И тогда мне

уже нечего будет бояться ни вас, ни всего света. Вы когда-нибудь представляли себе такую возможность, Анжелика? Вы и я вместе. Мы были бы непобедимы!..

Она молчала. Будто могучий ураган пронесся над ее головой... Она стояла, закрыв глаза и повернув к королю бледное лицо, на котором он ничего не мог прочитать. Он понял, что благоприятный момент закончился, и вздохнул, решив не торопить события.

— Вы не хотите отвечать мне сразу, не подумав? Очень мудро. Ну, горячая голова, я даю вам еще неделю на покаяние, чтобы возмущение остыло и вы подумали над моими словами. Возвращайтесь в свой дом в Париже до следующего воскресенья. Затем, я надеюсь, Версаль вновь увидит вас. Вы станете еще прекрасней, чем прежде, и еще прочнее займете место в моем сердце, несмотря на всю тяжесть вашей вины. Вы преподали мне урок, вы доказали, что, как бы ни был могуществен король, он не в состоянии править любовью. Но я терпелив и не собираюсь отчаиваться. Мы с вами еще побываем на Кифере^[4]. Да, моя дорогая, настанет день, когда я введу вас в Трианон. Я построил там пагоду из фарфора, и она станет приютом нашей любви — вдали от шума и интриг придворных, в окружении лишь цветов и деревьев...

До вас там не было никого. Каждая вещь, каждая плитка на мозаичном полу — все предназначено только для вас. И не возражайте! Оставьте мне надежду. Ведь я умею ждать! — И, взяв ее под руку, он вывел ее из грота Фетиды.

— Сир, могу я узнать о моем сыне?

— Ваша семья вечно доставляет излишнее беспокойство. — Лицо короля потемнело. — Мне пришлось лишиться его должности.

— Из-за того, что я попала в немилость?

— Никоим образом. У меня не было намерения из-за вас причинять ему неприятности. Но его поведение мне не понравилось. Дважды он заявлял, что Дюшен — мой главный стольник — хочет отравить меня. Он сказал при всех, будто видел, как тот подсыпал какой-то порошок в кушанье. С горящими глазами, в полный голос — я знаю, он унаследовал вашу смелость! — маленький паж заявил: «Сир, не касайтесь этого блюда, месье Дюшен положил туда отраву!» И выпалил так уже после того, как проба была снята.

— Боже, — вздохнула Анжелика. — Мне, право, очень неловко за моего мальчика, сир. Но он такой нервный и впечатлительный!..

— А в следующий раз он выкинул такой номер, что мне пришлось

наказать его, хотя я был не слишком суров к нему из-за моих чувств к вам. Рядом оказался герцог Орлеанский. Он нашел мальчика забавным и захотел взять его к себе. Я дал разрешение, и теперь ваш сын в Сен-Клу, в резиденции моего брата. Анжелика побледнела:

— И вы отпустили моего сына к подонку?!

— Сударыня! — загремел король. — Выбирайте выражения!.. — Но затем он смягчился и рассмеялся:

— Да, вас ничто не переменит! Не преувеличивайте опасность, подстерегающую вашего сына, — тут я с вами согласен! — в том довольно аморальном обществе. С ним его наставник, аббат, сопровождающий его повсюду, да еще его оруженосец. Мне очень жаль, что я доставил вам неприятность. И, конечно, вы сейчас же попроситесь в Сен-Клу.

— Сир, позвольте мне поехать в Сен-Клу.

— Пожалуйста. И даже более того. Я дам вам поручение к жене Филиппа. Она примет вас и задержит на пару дней. Так что вы наверняка увидите с сыном.

— Как вы великодушны, сир!

— Я просто влюблен. Не забывайте этого, сударыня, и не играйте моими чувствами.

Флоримон не отрываясь смотрел на нее:

— Клянусь, я не лгу, мама! Месье Дюшен пытался отравить короля. Я видел несколько раз, как он прятал белый порошок под ноготь и вытряхивал его в королевский кубок сразу после того, как пробовал сам.

— Ну, мой мальчик, ты просто ошибся. И потом, король ведь даже не заболел?

— Я не знаю. Может быть, там был медленно действующий яд.

— Флоримон, ты сам не знаешь, о чем говоришь! Ребенок не должен рассуждать о таких серьезных вещах. И не забывай, что короля окружают только преданные слуги!

— Правильно, мама! Я был предан королю! — И мальчик посмотрел на нее снисходительным взглядом, сделавшим его похожим на Мари-Аньес во время последнего свидания.

Целый час Анжелика старалась внушить Флоримону, что он все выдумал. Она выбилась из сил и удрученно спросила:

— Так кто же вбил тебе в голову, что нашего короля хотят отравить?

— Да все вокруг только и говорят об отравлениях, — произнес он таким искренним тоном, что ее сердце сжалось от любви и сочувствия к сыну. — Однажды герцогиня де Витри попросила меня сопровождать ее в

Париж. Она отправилась к ЛаВуазен. А я подслушал ее разговор со старой колдуньей... Она просила отравы для своего старого мужа и приворотного зелья, чтобы обратить на себя внимание месье де Вивонна. А паж маркизы де Коссак рассказывал, что его хозяин добивался от колдуньи секрета выигрыша в карты и еще отравы для своего брата, графа де Клермона, чьим наследником является. И, — торжествуя закончил Флоримон, — граф де Клермон умер буквально через неделю...

— Дитя мое, ты сам не понимаешь, какой подвергаешься опасности, пересказывая сплетни, — еле сдерживая страх, сказала Анжелика. — Никто не захочет иметь пажа, если он выбалтывает тайны своих господ.

— Но я никогда не сплетничаю! — вскричал Флоримон. — Я просто пытаюсь кое-что объяснить вам, но, похоже, говорю с глухой.

Он отвернулся с видом оскорбленного самолюбия и уставился в окно, стараясь скорее справиться с собой и не показать матери, как дрожат его губы.

Он был уже не таким маленьким, чтобы расплакаться, но слезы сами наворачивались ему на глаза.

Мадам дю Плесси не знала, что ей предпринять. Что-то было не так, чего-то она не понимала в своем сыне. Ведь он лжет чересчур явно и с раздражающей самоуверенностью. Но с какой целью?

В отчаянии она повернулась к аббату де Ледигьеру и с возмущением сказала:

— Мальчика следовало бы хорошенько наказать. Я невысокого мнения о вас как о воспитателе моего сына.

— Сударыня, я сделал все, что мог. Но по роду своей службы Флоримону пришлось узнать много секретов. И он решил...

— По крайней мере, вы должны были научить его держать язык за зубами!

И вдруг Анжелика вспомнила, что Ледигьер был протеже мадам де Шуази, а значит, тоже шпионил за ней и предавал ее.

Флоримон тем временем справился с волнением. Он заявил, что ему нужно гулять с маленькой принцессой, и попросил разрешения уйти. Он вышел степенно, с чувством собственного достоинства, но стоило ему пересечь террасу и оказаться в саду, как он бросился бегом. И его звонкий голосок сразу затянул веселую песенку.

— Что вы скажете мне, месье де Ледигьер?

— Сударыня, у меня ни разу не было ощущения, чтобы Флоримон кому-нибудь лгал.

— Понятно, вы защищаете своего ученика. Но иногда, по-моему,

теряете чувство меры.

— Кто же этого не знает? — повторил аббат любимую фразу Флоримона, всем своим видом выражая беспокойство. — При дворе даже самые порядочные люди находятся под подозрением. Мы все окружены шпионами...

— Вы должны хорошо разбираться в шпионаже, месье аббат. Наверное, мадам де Шуази не скупится, оплачивая предательство!

Аббат широко раскрыл глаза, побледнел, как полотно, и упал на колени:

— Ради Бога, простите меня, сударыня! Вы правы, мадам де Шуази направила меня в ваш дом, чтобы я шпионил за вами. Но я не предавал вас, клянусь небом! Я не причинил вам ни малейшего вреда, сударыня!..

Маркиза поднялась и подошла к окну.

— О, поверьте мне! — попросил аббат.

— Ладно, верю, — устало отозвалась она. — Но тогда скажите, кто выдал меня Обществу Святых Даров? Мальбран? Не похоже...

— Нет, сударыня. Он порядочный человек. Мадам де Шуази направила его к вам, чтобы помочь его семье, одной из самых уважаемых в провинции, но обедневшей.

— Тогда, может быть, девицы Жиландон?

Аббат заколебался. Он все еще стоял на коленях и с мольбой глядел на маркизу. После нескольких мгновений он заговорил:

— Я не могу утверждать, но знаю, что Мари-Анн ходила к своей благодетельнице накануне вашего ареста.

— Значит, она. Вошь неблагодарная!.. А вы, не сомневаюсь, скоро станете епископом.

— До епископа не так просто дослужиться, сударыня, — тихо пробормотал он. — И тут мне снова понадобится помощь мадам де Шуази... Ведь я родился самым младшим в семье из двенадцати детей. В доме на всех не хватало еды. Я хорошо себя вел, любил учиться, и меня решили посвятить церкви. Мадам де Шуази оплачивала мою учебу в семинарии. И когда после ее окончания я должен был выйти в свет, она сказала, что устроит меня в один дом, где я должен все видеть и слышать, а потом докладывать ей — и в особенности об аморальных поступках. Свое задание она назвала борьбой с силами зла. И я действительно полагал, что служу справедливому и благородному делу. Но когда попал к вам, сударыня... когда я увидел вас... когда я почувствовал... — Все еще стоя на коленях, он посмотрел на нее такими преданными глазами, что Анжелике стало жаль той романтической любви, которую она разбудила в его

неискушенном сердце.

— Встаньте! — приказала она, — Я прощаю вас, потому что считаю честным человеком.

— Я предан вам всей душой, сударыня. И я очень люблю Флоримона. Вы же не станете разлучать нас?

— Нет, Я чувствую себя спокойнее, когда знаю, что вы находитесь рядом с ним. Хотя окружение монсеньёра — самое последнее место, которое я могла бы пожелать своему сыну. Я знаю, как испорчены вкусы принца и его окружения. И красивый мальчик, вроде Флоримона, не будет здесь в безопасности.

— Верно, сударыня, — ответил аббат, поднимаясь на ноги и отряхивая колени. — Ведь я уже дрался на дуэли с Антуаном де Морелем, бароном де Волон — с самым большим негодяем из свиты герцога. Он вор, богохульник и садист. Он развращает, а потом торгует мальчиками, как лошадьми. Он попытался соблазнить Флоримона, и тогда я вызвал его. Мне повезло, я ранил его в руку. Потом у меня были встречи с графом де Бевроном и с маркизом де Эффина. Я дал им всем понять, что мальчик — протеже короля Людовика и что я пожалуюсь его величеству, если кто-нибудь причинит ему неприятность. Все хорошо знают, что вы его мать и находитесь в большой милости у короля. И, наконец, я устроил так, что Флоримон был приставлен к двум юным принцессам и, следовательно, избавлен от дурного общества... О, сударыня! Моим глазам и ушам пришлось привыкать ко многим скверным вещам, В свите монсеньёра о мальчиках говорят так же, как в мужской компании говорят о женщинах. Дамы ведут себя хуже мужчин, но, к сожалению, их нельзя вызван, на дуэль. Мадам де Бланвак, мадам Д'Эспиньи, мадам де Граньен — все просто охотятся за мной, и я ума не приложу, как избавиться от них.

— За Флоримонем тоже охотятся?

— Нет, сударыня, только за мной.

— Ах вы, бедняжка! — воскликнула Анжелика, не зная, рассмеяться или пожалеть его. — Тогда мне нужно забрать вас отсюда.

— Не беспокойтесь, сударыня. Я понимаю, что Флоримону необходимо сделать карьеру. И потому ему лучше жить в доме принца крови. Я постараюсь охранять его и закалить его характер. Нет преград для того, у кого сильная рука и кому помогает Бог, а шпагой я владеть умею. Ведь таковы мои прямые обязанности, не так ли, сударыня?

— Да, конечно, вы правы. Но вам не следовало бы привозить его сюда вообще.

— Нельзя было противиться приказу короля. И, кроме того, мне

кажется, что здесь он в большей безопасности, чем в Версале.

— Что вы имеете в виду, сударь?

Аббат внимательно осмотрелся по сторонам и, наклонившись к ней, тихо произнес:

— Там на него было два покушения.

— Да вы действительно потеряли голову, мой милый, — заметила Анжелика, пожимая плечами. — Вы просто помешались на убийствах. И кому нужна жизнь молодого пажа?

— Паж, чей голосок порой говорит правду и слишком громко, — тихо ответил аббат.

— Не хочу больше слушать вас. Вы наслушались страшных сказок. У Дюшена репутация честного и преданного человека.

— У всех придворных хорошая репутация. Разве можно кого-то из них назвать преступником? А каковы они на самом деле?

— Может, и хорошо, что вы все представляете в черном свете. Вы и в самом деле добрый ангел-хранитель Флоримона. Но мне хотелось бы, чтобы вы оба слегка остудили свое воображение. Нельзя же не доверять начальнику моего сына, королевскому виночерпию!

— И не верить пажу, являющемуся вашим собственным сыном, мадам?! Ах, сударыня, как же вы можете сомневаться в честности тех, кто беззаветно предан вам? Вы же сами не представляете себе, сколько у вас врагов! Они бы с радостью загнали вас в ловушку. Но если что-нибудь случится с вами или с Флоримоном, я умру от горя!

— Вы очень красноречивы, аббат, — ласково заметила мадам дю Плесси. — Я порекомендую вас месье Босюэ. Вдохновение всегда украшает проповедь. Я постараюсь помочь вам.

Аббат де Ледигьер хотел ответить, но открылась дверь, и кто-то вошел в комнату. Разговор прервался. Аббат поклонился маркизе и отправился на поиски своего ученика.

Анжелика вернулась в гостиную. Через открытую дверь из сада проникал свежий воздух. Вдали виднелся Париж.

По совету короля герцогиня Орлеанская пригласила мадам дю Плесси-Белльер задержаться у нее до следующего дня. Анжелика равнодушно приняла приглашение. Несмотря на роскошь и богатство, двор монсеньера состоял из людей с довольно сомнительной репутацией, а свита большей частью набиралась из мальчиков-гомосексуалистов. Не лучшей славой пользовались и придворные дамы. Анжелике показалось, что здесь нашли себе приют все те, кому было отказано в Версале, Красивые, но наглые женщины, по большей части злые и сварливые, развлекали монсеньера

сплетнями и интригами.

Анжелика хотела увидеть проклятого князя содомитов — красивого, как ангел на картинке, — шевалье де Лорена, постоянного фаворита монсеньёра, фактически ставшего хозяином Пале-Рояля и Сен-Клу. Она удивилась, не найдя его здесь, и спросила о нем понравившуюся ей шотландку леди Гордон.

— Как?! Вы не знаете? Лорен в немилости. Сначала его посадили в Бастилию, а потом отправили в изгнание. Мадам давно боролась с ним, как со злейшим врагом. Король помог ей, и она наконец победила.

Она предложила маркизе переночевать с ней в комнате, где спали другие фрейлины. Здесь она и рассказала историю падения фаворита. Анжелика незаметно заснула под скабрзные детали этой эпопеи.

Мысли и сны маркизы были заняты Флоримоном. Она видела себя окруженной тысячей угроз, ползающих вокруг и шипящих, как ядовитые змеи.

Рано утром ее разбудил робкий стук в дверь, возле которой она лежала. Открыв ее, увидела улыбающуюся герцогиню.

— Именно вас я и хотела видеть, мадам дю Плесси. Не составите ли вы мне компанию для прогулки по парку?

— Я полностью в вашем распоряжении, ваше высочество. Сейчас я буду готова.

Они тихонько спустились по лестнице мимо дремлющих, опершись на алебарды, стражников. Маркизе вдруг вспомнились детские сказки и дворец Спящей Красавицы.

— Мне нравится гулять ранним утром, — начала принцесса. — Я плохо сплю. Большую половину ночи я читаю, а только задремлю — начинается рассвет. А вы любите читать?

Маркизе пришлось признаться, что у нее очень редко выпадает время для чтения.

— Даже в тюрьме? — спросила Генриетта Английская, улыбаясь без всякого злого умысла. — Я так мало знаю придворных, любящих читать. Возьмем моего родственника — короля. Ему приятно, когда писатели и драматурги дарят первые экземпляры издания, но он их даже не открывает... А мне нравится читать. Я даже немножко пишу сама... — Принцесса замолчала и предложила:

— Присядем?

Они сели на мраморную скамью. Принцесса почти не изменилась с тех пор, как Анжелика в Лувре играла с ней в карты. Она была по-прежнему маленькой и грациозной, как лесной эльф. У нее была нежная кожа, и

выглядела она деликатнее Бурбонов и Габсбургов, своих родственников, чьи грубые манеры открыто критиковала. Ела она мало, как птичка, а спала и того меньше, но искусством и литературой интересовалась непритворно. В свое время она помогла Мольеру, а теперь взяла под крылышко Расина. Анжелика хотя и восхищалась умом принцессы, но находила ее несколько чудаковатой.

— Сударыня, — заговорила принцесса после минутного молчания. — Я обращаюсь к вам потому, что знаю — вы женщина богатая, умеете молчать и хранить чужие тайны. Сможете ли вы одолжить мне четыре тысячи пистолей?

Анжелике понадобились все ее силы и мужество, чтобы не выдать свое недоумение.

— Такая большая сумма мне нужна для поездки в Англию, — продолжала принцесса Генриетта. — Я вся в долгах и уже заложила часть своих драгоценностей. Но не могу сослаться королю на свою бедность. А ведь именно ради него я и отправляюсь в Англию. Он доверил мне поручение огромной важности — предостеречь моего брата Карла II от союза с Голландией, Испанией и германским монархом. Но ведь вы сами прекрасно знаете посольские правила. Надо тратить деньги направо и налево. Если же я стану скупиться, то не смогу успешно выполнить свою миссию.

Она покраснела и старалась скрыть смущение бойкой речью. И ее стеснение выглядела настолько необычно, что Анжелика решила вдруг проявить щедрость.

— Надеюсь, ваше высочество простит то, что я не сумею полностью выполнить вашу просьбу. Четыре тысячи мне не собрать, но три тысячи пистолей я смогу вам одолжить.

— Как приятно слышать, дорогая моя! — воскликнула герцогиня, очевидно не рассчитывавшая даже на такую сумму. — Уверяю вас, я расплачусь сразу после возвращения. Мой брат любит меня и, конечно, сделает какой-нибудь подарок...

Если бы вы только знали, как важен для меня успех миссии! Ведь я пообещала королю, что добьюсь победы. Ибо я его должница — он платит мне авансом...

Она взяла руку Анжелики и сжала ее. Пальцы ее были холодны. Видимо, она едва сдерживала слезы от нервного возбуждения.

— Если я потерплю поражение, для меня наступит конец света. Ведь в обмен на выполнение поручения я добилась ссылки де Лорена. И если оно не кончится успешно, он вернется обратно! А я не выдержу, если в моем

доме снова появится чудовище! Конечно, я тоже не ангел, но его влияние на моего мужа и на его окружение просто ужасает. Я больше не выдержу его присутствия... антипатия к женщинам у моего мужа достигла небывалых размеров, она превратилась в ненависть. Таковы результаты работы шеваляе де Лорена. Я знаю, как он опасен. Если бы я была богаче, то мне не трудно было бы справиться с ним, но монсеньёр передал ему почти все наши средства и даже королевские подарки. Я не могу соревноваться с ним. Подобно насильнику, которому совершенно безразлично, как долго он терзает жертву и каким образом достигает желаемого, де Лорен ухватился за моего супруга и отнял у него и деньги, и совесть... Мадам дю Плесси даже не пыталась сдерживать поток слов принцессы, потерявшей голову от обещания такого крупного займа. Ведь все окружавшие ее люди славились больше интригами, чем великодушием.

— И вы обещаете мне, что я получу деньги до своего отъезда? — все еще беспокоилась принцесса.

— Даю слово, ваше высочество. Конечно, мне нужно поговорить со своим управляющим, но в любом случае не позже, чем через неделю, три тысячи пистолей будут у вас.

— Как вы добры! Вы восстанавливаете утраченную мной веру в людей. Я уже не знала, куда обратиться за помощью. Монсеньёр страшно зол на меня из-за ссылки Лорена. Он проклинал меня последними словами и ругал как пьяный сапожник...

И она продолжала говорить без умолку. Несомненно, в другое время она бы молчала, ибо она знала, что зачастую доверялась людям, не умевшим хранить ее секреты. В другое время она сказала бы себе, что мадам дю Плесси, запросто расстающаяся с деньгами, или опасна, или глупа. Но сейчас перед ней была сосредоточенная слушательница, внимающая ее излияниям. И она захлеб рассказывала Анжелике о борьбе, которую вела много лет, чтобы не погрязнуть в болоте грязи и разврата. Она никогда не вышла бы за герцога Орлеанского, если бы могла предположить...

— Он завидует моему уму, совершенно забывая, что я женщина, что я его жена. Страх, что никто на свете не любит меня или просто не думает обо мне хорошо, будет преследовать меня все оставшиеся дни.

Как поняла Анжелика, Генриетта надеялась стать королевой Франции. Ее муж был лишь братом короля — здесь крылась ее главная претензия к монсеньёру. А ее слова о самом короле вызывали горечь и досаду.

— Если бы он не боялся, что мой брат Карл заключит союз с Голландией, он никогда не дал бы согласия на изгнание Лорена. Мои слезы

и печаль ничего бы не значили для него. Ведь его совсем не беспокоит деградация собственного брата...

— А вы уверены, ваше высочество, что не преувеличиваете? Королю, конечно, не нравится смотреть...

— О да, я хорошо его понимаю. Коронованной особе неприятно смотреть, как один из членов его семьи погружается в пучину порока. Но любимцы моего супруга не угрожают королевской власти. Им нужны лишь золото и беззаботная жизнь. И король милостиво одаривал их. Даже Лорен имел от него все, что хотел. Монарх уверен в преданности брата и не боится, что мой супруг окажется в строю мятежников, вроде их дяди, Гастона Орлеанского... Но сейчас я нужна Людовику. Кстати, я напомнила ему, что я королевская дочь и что если со мной станут плохо обращаться, то у меня есть брат, и он отомстит за меня!.. — Она глубоко вздохнула и прижала руки к сердцу. — Я не сомневаюсь в своей победе, и все же мне порой становится страшно. Меня со всех сторон окружает лютая ненависть. Монсеньёр несколько раз грозил отравить меня...

Анжелика вздрогнула и с большим трудом заставила себя остаться на месте.

— Мадам, вам не следует волноваться и говорить о таких ужасных вещах...

— Я не знаю, ужасны эти вещи или обыденны. Люди в наши дни умирают так просто.

Маркиза вспомнила о разговоре с аббатом де Ледигьером, и сердце ее заледенело от страха.

— Если вы, ваше высочество, так убеждены в опасности, то вам следует что-то предпринять в целях самозащиты. Обратитесь хотя бы в полицию.

Герцогиня посмотрела на собеседницу так, будто та высказала явную нелепицу, а потом разразилась горьким смехом.

— Ну и удивили же вы меня! Уж не наших ли оборотов во главе с Ла Рейни вы имеете в виду? Или Дегре, арестовавшего моего советника, епископа Вандейского? Не будьте такой глупенькой. Я всех их хорошо знаю...

Она поднялась и разгладила складки голубого шелкового платья. Несмотря на то, что ростом она была ниже мадам дю Плесси, выпрямившись, казалась гораздо выше.

— Помните, при дворе неоткуда ждать помощи. Надо уметь самой защитить себя или... или умереть.

Обратно они шли молча. На губах принцессы, застыла

меланхолическая улыбка. Ничто не могло отвлечь ее от страха за свою жизнь, это чувство постоянно преследовало ее. Внезапно она остановилась:

— Если б вы только знали, как бы я хотела остаться в Англии и никогда, слышите, никогда больше не возвращаться сюда!..

Глава 24

— Мадам! — кричали нищие, — мадам, когда же мы попадем к королю и он прикоснется к нам?

Больные и калеки заполнили особняк Ботрей. Их не оставляла надежда, что с помощью маркизы они попадут к королю. Ведь она же пообещала неделю назад, что их допустят во дворец!

Кое-как успокоив нищих, Анжелика решила обратиться к мадам Скаррон и попросить ее помочь группе больных попасть к королевскому доктору. И вдруг вспомнила, что очень долго не видела вдову. Когда же это было в последний раз? Да, во время праздников в Версале, в 1668 году. Два года пролетело!.. Что стало с Франсуазой?

Этим вопросом и задавалась маркиза, когда ее экипаж остановился у дверей небольшого домика, где мадам Скаррон жила уже многие годы.

Она постучала в дверь, но ей не ответили.

«Если хозяйки нет дома, то должна же оставаться прислуга, — рассудила маркиза и постучала еще раз. Но, так и не получив ответа, вернулась к карете и приказала кучеру ехать обратно.

На ближайшем перекрестке стояли несколько экипажей. Карета Анжелики тоже остановилась, и она выглянула в окно, чтобы посмотреть, как лучше проехать. И неожиданно для себя вдруг заметила, что дверь домика Франсуазы отворилась и вышла сама хозяйка — в маске и плаще.

— Вот это да! — воскликнула ошеломленная маркиза, распахнула дверцу, выскочила на мостовую и велела слугам возвращаться без нее в особняк Ботрей.

Накинув на голову капюшон плаща, Анжелика устремилась за мадам Скаррон. Вдова шла быстро, держа в руках две большие корзины. Маркиза, решив, что здесь кроется какая-то тайна, заинтересовалась и вознамерилась ее разгадать.

Через пару кварталов мадам Скаррон наняла одноместный экипаж, почему-то называющийся «винегретом». Анжелика рассчитывала, что не отстанет от них, так как обычно такие коляски двигались не слишком быстро. Но вскоре она пожалела, что отпустила свою карету. Теперь ей казалось, что путешествию не будет конца. Они уже пересекли Сену и углубились в сплетение бесконечных улочек неподалеку от городских ворот Вожирар. Анжелика чуть замедлила шаги и тут же потеряла «винегрет» из виду, а когда снова увидела коляску, вынырнувшую из

переулкa, та была уже пуста.

Не отчаиваясь, Анжелика окликнула возницу, сунула ему в руку монету, и тот без колебаний указал подъезд, где он только что высадил свою пассажирку.

Новый дом был из тех, что во множестве строились по всем предместьям. Маркиза постучала бронзовым молоточком, висевшим на двери. Ей пришлось довольно долго ждать, прежде чем приоткрылся «глазок» и девичий голосок спросил, что ей нужно.

— Я бы хотела видеть мадам Скаррон.

— Тут нет мадам Скаррон. И я вообще никого не знаю с таким именем! — Глазок закрылся, и легкие шаги поспешили в глубь дома.

Маркизу разбирало любопытство. Ей ужасно захотелось раскрыть неожиданную тайну.

«Ну, дорогая моя, — мысленно пригрозила она, — вы меня плохо знаете, если считаете, что я так просто отступлю!»

Она изо всех сил забарабанила в дверь, и глазок снова открылся.

— Я же сказала вам, что здесь нет никакой мадам Скаррон! — крикнула служанка.

— Скажите ей, что я здесь по поручению короля!

Ее слова вызвали замешательство. Затем запоры загремели, и дверь отворилась. На верхней ступеньке лестницы, прислонившись к перилам, стояла Франсуаза Скаррон.

— Анжелика! Ради Бога, что случилось?

— А вы, похоже, совсем не рады нашей встрече? Ведь я чертовски устала, гоняясь за вами. Как вы себя чувствуете, дорогая?

Маркиза дю Плесси поднялась по лестнице и поцеловала подругу. Франсуаза выглядела озабоченной и настороженной.

— Так вас послал король? Почему именно вас? Изменились его последние указания?

— Нет, не думаю. Но вы странно себя ведете, — ответила маркиза. — Может быть, вы сердитесь на меня за то, что я давно не навещала вас? Позвольте, я вам все объясню. Только давайте пройдем присядем...

— О, нет! — Мадам Скаррон расставила руки, загораживая дорогу непрошеной гостье. — Сначала все расскажите мне!

— Но не можем же мы вечно торчать на лестнице? Что с вами? Вы ужасно изменились. Если вас что-то тревожит — доверьтесь мне, и я постараюсь помочь.

Но мадам Скаррон совсем не слушала ее.

— Скажите, что вам передал король?!

— Король ничего не передавал мне. Признаюсь вам, я просто захотела увидеть вас и воспользовалась его именем. Я знала, что оно подействует, как пароль: «Сезам, откройся!»

Мадам Скаррон закрыла лицо руками.

— О боже! Как ужасно! Вы пришли сюда! Я погибла... — Заметив, что собравшиеся в прихожей слуги с нескрываемым любопытством смотрят на них, она подтолкнула Анжелику к маленькой комнатке. — Входите!..

Первое, что заметила маркиза, была колыбелька у окна. Подойдя ближе, она увидела улыбающегося младенца в возрасте нескольких месяцев.

— Так вот каков ваш секрет, милая Франсуаза! А он у вас премиленький! Можете положиться на меня, я сохраню вашу тайну!

«Бедная Франсуаза! Она ведь вдова и заботится о своей репутации. И вдруг такое щекотливое положение», — мелькнуло в голове маркизы, и она обратилась к подруге:

— Почему же вы не доверились мне? Я бы с удовольствием помогла вам.

Франсуаза снисходительно усмехнулась:

— Нет, Анжелика, вы не о том думаете. Посмотрите внимательнее на дитя!

У ребенка оказались голубые глаза. Их цвет и разрез были невероятно знакомыми.

— Так это же ребенок Монтеспан и короля!

— Верно, — подтвердила мадам Скаррон. — Видите, в каком положении я оказалась? Если бы не просьба самого короля, я ни за что не взялась бы за такое дело. Все хранится в строжайшей тайне, никто ни о чем и не подозревает. Вы представляете себе, Анжелика, какой может разразиться скандал?! Тогда мне просто не жить...

Она усадила маркизу рядом с собой на софу, теперь, когда первое волнение прошло, она сама захотела спокойно поговорить. Она объяснила, что де Лувуа порекомендовал ее королю — сразу, как только ребенок родился и встал вопрос, кому о нем заботиться. По закону он принадлежал мужу мадам де Монтеспан. Но, зная характер маркиза де Монтеспана, следовало соблюдать осторожность и скрытность. Подобное дело требовало преданности, ума и находчивости. Выбор пал на мадам Скаррон.

— Король сомневался во мне. Кажется, он вообще недолюбливает меня. Но де Лувуа и Атенаис настаивали. Атенаис хорошо знает меня. Она посчитала, что я не посмею отказать ей после всего того, что она для меня сделала. Я согласилась — и с тех пор живу взаперти. Мне пришлось

подыскать дом, раздобыть вещи, необходимые для малыша, нанять прислугу и все проделать так, чтобы никто не догадался, кто я такая и чей это ребенок. Мне пришлось прятаться ото всех. Я вхожу в дом через одну дверь, а выхожу через другую. Когда я встречаюсь с друзьями, мне приходится следить за своей речью, чтобы не проговориться... Но, надеюсь, Бог простит меня. Я думаю, что ложь на благо короля не самый тяжкий грех!

Она говорила с большой долей юмора, и Анжелике показалось, что новая роль пришлась подруге по душе, что мадам Скаррон гордится своей значимостью и тем, что ей отведено место в личной жизни самого короля.

Ребенок захныкал. Франсуаза встала и по-хозяйски поправила подушечку. Как и большинство женщин, она не утратила материнских чувств. К тому же всегда была превосходной хозяйкой.

— Он мог бы быть поздоровее, — сказала она Анжелике. — Видите, он родился со слегка вывернутой ножкой, и я даже боялась, что он вырастет хромым. Но теперь все опасения позади. Я разговаривала с королевским доктором, и он сказал, что ребенка надо отправить на воды в Бареж. Так что весной мне придется ехать с ним туда. У меня совсем не остается свободного времени... А вскоре на мои руки свалится и второй!..

— Так Атенаис снова беременна, верно?

— Увы!..

— Но почему же «увы»?

— Атенаис в отчаянии. Она сама призналась мне в своей новой беременности.

— Она должна радоваться. Разве дети — не лучшее доказательство любви короля?

— Увы! — повторила мадам Скаррон, в упор глядя на Анжелику, и та первая отвела глаза. — Увы!..

В комнате воцарилось долгое молчание.

— Она страшно напугана, — спустя время снова заговорила мадам Скаррон, — и приходит сюда не столько поглядеть на ребенка, сколько излить свою душу. В Версале ведь приходится только улыбаться!.. Ни для кого не секрет, что у нашего короля появился новый предмет обожания. — Она в упор посмотрела на гостью:

— Ведь вы — любовница Людовика!

Маркиза дю Плесси принялась возражать:

— Неужели вам не известно, что король арестовал меня и запер в монастырь? Таково, по-вашему, доказательство его любви?

Вдова молча покачала головой. Она хотела продолжить беседу, но во

дворе послышался стук колес. Потом раздался нетерпеливый стук в дверь, и вот уже в прихожей зазвенел голос Атенаис.

Мадам Скаррон побледнела. Она предложила Анжелике спрятаться в гардероб, но та отказалась. А больше в маленькой комнате спрятаться было просто негде.

— Не дурите. Чего вы боитесь? Я все объясню ей сама. Мы никогда не были врагами.

Мадам де Монтеспан ворвалась в комнату, как вихрь, на ходу сбрасывая на стол перчатки, веер, кошелек и даже часы.

— Я только что узнала, — начала она, — что он встречался с ней в гроте Фетиды... — и, повернувшись, увидела Анжелику.

Встреча оказалась настолько неожиданной, что Атенаис даже подумала о галлюцинации. А Анжелика воспользовалась паузой:

— Я прошу у вас прощения, Атенаис. Входя сюда, я не знала, что врываюсь в ваш дом. Я следила за Франсуазой, чье поведение заинтриговало меня, и вошла сюда за ней следом...

Мадам де Монтеспан медленно залилась краской. Глаза ее сверкали.

— Могу вас заверить, — настаивала Анжелика, — что мадам Скаррон сделала все возможное, чтобы сохранить доверенный ей секрет. Во всем виновата я одна.

— О, я верю вам! — воскликнула Атенаис, раздражаясь злым смехом, усаживаясь поудобнее в кресле и вытягивая ноги, обутые в атласные туфли. — Сними их! — приказала она Франсуазе. — Они меня сегодня утомили... Вдова молча опустилась на колени и стащила с нее тесные туфли.

— А теперь скажи, пусть принесут сюда тазик с теплой водой.

Отдав распоряжения, она снова повернулась к мадам дю Плесси:

— Я хорошо знаю вас и ваше ханжество. Любопытная, как привратница, вы всегда за всеми шпионите. Вы даже хуже лакеев, подглядывающих за хозяевами. Вы были сводней из шоколадной лавки — ею вы остались.

Анжелика круто повернулась и направилась к двери. «Лучше не связываться с Атенаис!» — говорила она себе.

Бесстрашная мадам дю Плесси испытывала непреодолимый ужас перед ссорами с женщинами. От их верных и неверных обвинений оставались в душе незаживающие раны.

— Нет, стойте! — повелительно выкрикнула маркиза де Монтеспан.

Трудно не подчиниться потомку герцогов Мортемаров, когда тот находится в дурном духе. И мадам дю Плесси вернулась.

«Ну что же, если Атенаис хочет скрестить шпаги, я готова!» — подумала она.

Холодными зелеными глазами неприязненно смотрела она на мадам де Монтеспан. Теперь она уже овладела собой, и на губах ее появилась презрительная улыбка.

Пылающие щеки маркизы де Монтеспан стали увядать. Она поняла, что, унижая соперницу, не достигнет ничего, и сменила тон:

— Что за несравненное чувство собственного достоинства у нашей мадам дю Плесси-Белльер. Прямо королева! Не говоря уже о тех таинственных качествах, которые выделяют ее среди простых смертных... Именно так отозвался о вас король. «А вы заметили, сказал он как-то мне, что она редко улыбается? Хотя может быть весела, как ребенок. Ах, наш двор — такое печальное место». Подумать только, наш двор — печальное место! Вот как вы заставили говорить короля!..

«Ее таинственность, — сказала я ему однажды, — кроется в тех невзгодах, которые она хлебнула, когда торговала своими прелестями в притонах Парижа до замужества с маркизом дю Плесси». И знаете, что ответил мне король? Он ударил меня по щеке! — Она разразилась истерическим хохотом. — О, он выбрал самое подходящее время! На следующий день вас застали в постели с азиатским князем... Вот тут уж я посмеялась!

Внезапно заплакал проснувшийся ребенок. Мадам Скаррон взяла его из кровати и отнесла к кормилице. Когда вернулась, мадам де Монтеспан рыдала навзрыд. Истерический хохот перешел в не менее истерический рев.

— Слишком поздно, — со стоном произнесла она. — Я думала, что его влечение к вам не выдержит такого испытания. Но он проглотил все. Наказывая вас, он наказывал самого себя, а всю злобу вымещал на мне. Мне приходилось соглашаться, что государственные дела нельзя решать без вас. «Надо бы посоветоваться с мадам дю Плесси!» — говорил он. Я не могла вытерпеть... Ведь он никогда не советовался ни с одной из своих фавориток! А вы?! Он спрашивал у вас совета даже в вопросах международной политики! — Мадам де Монтеспан выкрикнула последнюю фразу, будто у нее внутри что-то взорвалось. — Он относится к вам, как к мужчине!

— Вот это-то и должно быть отрадно для вас, — возразила Анжелика.

— Нет! Вы — единственная женщина, с которой он так обращается!

— Неправда. Разве мадам Генриетте не доверена дипломатическая миссия в Англии?

— Но мадам — дочь короля и сестра Карла Английского. А кроме того, если король и поручил ей такое дело, все равно он ненавидит ее. И мадам зря надеется, что, выполнив миссию, завоюет королевскую любовь и доверие. Людовик пользуется ее умом, но именно за ум и ненавидит. Он просто органически не терпит умных женщин...

Мадам Скаррон вмещалась в разговор, чтобы разрядить накаленную атмосферу.

— А какому мужчине нравятся умные женщины? — вздохнув, спросила она. — Дорогие мои, зря вы спорите по пустякам. Как все мужчины, король ищет разнообразия. С кем-то ему нравится поболтать, а с кем-то посидеть молча. У вас завидное положение, Атенаис, и будь я на вашем месте, я бы им пользовалась. Пытаясь удержать все, вы можете всего и лишиться. И, проснувшись однажды утром, обнаружите, что король забыл вас ради другой обольстительницы, о которой вы даже и не подозревали...

— Верно, — подтвердила Анжелика. — И не забывайте, Франсуаза, вы — единственная, кто, по предсказанию колдуньи, выйдет замуж за короля. А я и Атенаис останемся с носом. — Она накинула плащ, собираясь уходить. — И когда такое случится, прошу вас, не забудьте, что когда-то мы были друзьями!

Атенаис резко поднялась, будто ее подтолкнула пружина, подбежала к маркизе дго Плесси и схватила ее за руки:

— Не подумайте, что мои слова являются признанием поражения. Я не уступлю его никому! Король мой! Он принадлежит только мне! Я вырву из его сердца любовь к вам! Или я просто уничтожу вас, а он не такой человек, который любит бесплотных духов!

Мадам де Монтеспан впиалась ногтями в кожу Анжелики. На руке выступила кровь.

Внезапная боль разожгла в Анжелике тлеющую ненависть. Вся ругань, которую Анжелика когда-либо слышала в своей жизни, обрушилась на голову королевской любовницы. Вырвавшись из ее цепких пальцев, она изо всех сил ударила ее по лицу. Раздавшийся визг не только не утихомирил ярость, а, наоборот, еще больше распалил маркизу.

Мадам Скаррон бросилась между ними.

— Прекратите! — крикнула она таким властным голосом, что сама испугалась. — Вы позорите себя! Ведь вы обе из одной провинции. Мы все трое — из Пуату!

Ее голос совершил чудо. Анжелика и сама не поняла, почему упоминание о родном Пуату умиротворяюще подействовало на нее и

смягчило гнев. Пошатываясь, она подняла плащ, брошенный в пылу ссоры на пол, и, надевая его на ходу, стала спускаться с лестницы. Из маленьких ранок, оставленных ногтями бешеной фурии, сочилась кровь. Анжелика задержалась в прихожей, чтобы достать платок и вытереть руку. Здесь и догнала ее мадам Скаррон, как заправский дипломат понимавшая, что ей не следует терять расположения женщины, в один прекрасный день могущей стать королевской фавориткой и полновластной хозяйкой в Версале.

— Она вас ненавидит, — тихо шепнула мадам Скаррон. — Вам следует опасаться ее. Но знайте, что я всегда на вашей стороне.

— Она просто ненормальная! — ответила Анжелика, пытаясь унять нервную дрожь.

Но на самом деле мадам дю Плесси отлично понимала, что Атенаис вполне нормальна и может контролировать свои слова и поступки. И почувствовала, как со всех сторон ее начинает окружать ненависть — ядовитая, как запах отравленных цветов. И в ветре, дувшем с холмов Вожирара, ей слышался голос:

*Цветы от королевы
Маркиза приняла,
Их аромат вдохнула
И вскоре умерла.*

Глава 25

После мессы король отправился совершить благодеяние — прикоснуться к больным. Свита проследовала за ним из часовни по большой галерее в сады. Больные, окруженные лекарями в длинных мантиях, ожидали у ступеней лестницы, ведущей в оранжерею.

Анжелика стояла среди придворных дам. По счастью, здесь не было мадам де Монтеспан, не было и королевы. Мадемуазель де Лавальер, присоединившись к ней, выразила радость, что снова видит ее при дворе. Отвергнутая любовница все еще хранила надежду на милость короля... Но, перехватывая улыбки, которые король расточал мадам дю Плесси, никто при дворе уже не сомневался, что вслед за краткой порой изгнания маркиза вновь пользуется королевской благосклонностью.

После церемонии все отправились в рощу подкрепиться приготовленными там угощениями.

Здесь-то Анжелика и увидела мадам де Монтеспан, прикрытую зонтиком из голубого атласа, который нес за ней маленький негритенок. Фаворитка улыбалась только тем, кого приглашала следовать за собой, ибо рощица была ухожена и разбита специально для нее и оформлялась при ее живейшем участии.

С веселым лаем по ступенькам фонтана Латоны сбежали две маленькие собачки королевы. За ними следовали безобразные карлики. Шествие замыкала королева, угрюмая и некрасивая. Ее скверное настроение объяснялось отсутствием прекрасного зонтика, такого же, как тот, которым укрывалась от солнца фаворитка.

Королевские карлики под руководством Баркароля принялись отплясывать какую-то пародию на сарабанду. Часть придворных от души веселилась, позабыв о своих переживаниях, а другая — негодовала, глядя на ужимки карликов. Голоса и смех танцующих тонули в звуках дворцового оркестра.

А король, как загипнотизированный, смотрел на мадам дю Плесси, стоявшую рядом.

— Следить за вами для меня и радость, и мучение! Когда я вижу, как синяя жилка пульсирует на вашей нежной шейке, я хочу припасть к ней губами. Во мне все поет, когда я ощущаю ваше тепло. Если же вас нет рядом, меня, как суровой зимой, сковывает холод. Мне нужны ваш взгляд, ваш голос, ваше присутствие. Как бы мне хотелось видеть вас лежащей

рядом со мной в постели и следить, как сохнут ваши жемчужные слезки после любовной схватки! Смотреть, как поутру вы просыпаетесь и в вас снова вспыхивает огонь любви... Вы краснеете так быстро и легко, что люди думают о вас как о мягкой и очень впечатлительной женщине. Но на самом деле вы тверды, как благородный алмаз...

Громкий звон разбитого стекла прервал короля. Блюдец с шербетом выскользнуло из руки Анжелики, разлетевшись по полу мелкими кусочками, и восточная сладость испачкала платье. Баркароль, толкнувший ее под локоть, уже скрылся в толпе придворных.

— Чума на всех калек! — загремел король.

Среди дамских нарядов вдруг высунулась улыбающаяся физиономия проказника. Король, заметив его, швырнул в него свою тросточку, но проворный карлик уже упорхнул, как птичка, помахав рукой на прощанье.

Королеву, вступившуюся за своего любимца, король грубо отругал, собачки набросились на лакомство, упавшее на пол, а несколько придворных дам бросились па помощь мадам дю Плесси, предлагая выпить воды и вытирая ее платье кружевными платочками. Влияние мадам дю Плесси усиливалось, и слава ее росла.

Близился вечер, и общество решило вернуться на солнечную еще лужайку в роще.

На полу покинутого всеми павильона лежала собачка, дергаясь в предсмертных конвульсиях. Баркароль вошел в здание, знаком подозвал следовавшую за ним Анжелику и наклонился над бедным животным.

— Видите? — обратился он к мадам дю Плесси. — Надеюсь, теперь вам все понятно, Маркиза Ангелов? Ведь собака отведала угощение, предназначавшееся именно вам! Конечно, у вас все было бы не так быстро. Сначала вы почувствовали бы легкое недомогание, потом вас ждала бы ужасная ночь, а утром ваши слуги нашли бы вас мертвой...

— Баркароль, что ты говоришь?! Неужели гнев короля лишил тебя разума?

— Значит, вы так ничего и не поняли, дорогая маркиза? — спросил карлик. — Боже мой, разве вы не видите, что собака съела шербет, предназначенный вам?

— Я ничего не видела, кроме своего платья, собака могла съесть что угодно.

— Вы просто не хотите мне поверить...

— Но кому нужна моя смерть?

— Как кому? Той, чье место заняли вы в сердце короля. Или вы считаете, что она исполнилась любовью к вам?

— Мадам де Монтеспан? Невозможно, Баркароль. Она зла и бессердечна, она любит скандалы, но не пойдет так далеко.

— Почему бы и нет? — Он поднял испутившую дух собачку и зашвырнул ее в кусты. Дюшен был одним из приложивших сюда свою руку. А мне все рассказал Нааман, маленький негритенок. Мадам де Монтеспан думает, что он ничего не понимает по-французски. Он спит на диванчике в углу ее комнаты, и она не обращает на него никакого внимания. Вчера он находился в комнате, когда приходил Дюшен. Он — злой дух маркизы, и именно она рекомендовала его королю. Нааман слышал, как она упомянула ваше имя, и стал следить за разговором, ибо вы были его первой хозяйкой и он очень любит Флоримона, игравшего с ним и часто приносившего ему сладости. Она сказала Дюшену: «Завтра все должно кончиться. Выберите удобное время и преподнесите ей что-нибудь, к чему вы подмешаете вот это». И она передала ему пакетик. Дюшен спросил: «Готовила сама ЛаБуазен?» И Монтеспан ответила: «Да, она. А все, что она готовит, действует безотказно». Нааман не знал, кто такая ЛаБуазен, но я-то знаю, в свое время она была моей хозяйкой. О, ей известны сотни способов отправлять людей в рай...

Мысли смешались в голове Анжелики, и она покачнулась, на мгновение теряя сознание.

— Но если ты прав, значит, и Флоримон не лгал! Так ты думаешь, что она пыталась отравить короля? С какой же целью?

— Отравить короля? — задумался карлик. — Думаю, нет. Скорее, Монтеспан давала ему какое-то приворотное зелье. А теперь давайте-ка поскорее уберемся отсюда, пока Дюшен не пришел полюбоваться на свою работу.

В роще стало темнеть. Прохладная вода тонкими струйками стекала из чаш, поддерживаемых козлоногими сатирами, образуя извилистые ручейки в зеленой траве. Баркароль неслышной тенью следовал за мадам дю Плесси.

— Что вы собираетесь делать, маркиза?

— Не знаю...

— Но, надеюсь, вы будете во всеоружии?

— Что ты имеешь в виду, Баркароль?

— Что вы будете защищаться и отомстите! Око за око, зуб за зуб! Раз она поступила так, почему вам не сделать то же самое? А Дюшена угостят кинжалом ночью на Новом мосту. Вам стоит только приказать...

Анжелика молчала. Вечерний сырой ветер пронизывал ее насквозь так, что даже зубы стучали.

— Вам больше ничего не остается, маркиза, — шептал Баркароль. — Неужели вы уступите ей? Ведь тогда она, к чести рода Мортемаров, будет вертеть нашим королем, и сам дьявол станет помогать ей.

Спустя несколько дней вся королевская семья собралась на пышном празднестве в Версале. Вместе с герцогом и герцогиней Орлеанскими прибыл весь их двор. Флоримон, сопровождаемый наставниками, приветствовал свою мать, беседующую с королем возле фонтана Латоны. Он грациозно поклонился королю и поцеловал руку матери.

— А вот и он, наш перебежчик! — ласково произнес король. — Тебе нравится твоя новая должность?

— Дворец монсеньёра очень хорош, сир, но я предпочитаю Версаль.

— Я восхищен твоей откровенностью. И чего же тебе недостает больше всего вдали от Версаля?

— Вашего величества и... и фонтанов.

Ничего не могло быть милее сердцу Людовика XIV, чем похвала его фонтанам. И даже лесть тринадцатилетнего ребенка была ему приятна.

— Ты увидишь их снова. Я позабочусь об этом, когда узнаю, что ты перестал лгать.

— Научился молчать, хотите вы сказать, ваше величество, — ответил Флоримон. — Ибо я никогда не лгу, — он вежливо поклонился.

Анжелика и аббат де Ледигьер, стоявшие неподалеку, забеспокоились, когда король нахмурился, глядя на гордо глядевшего на него маленького пажа.

— Мальчик не слишком похож на вас внешне, но по поступкам он, несомненно, вашей породы. Если бы не подбородок, можно было бы усомниться в вашем родстве. Но из всего двора только вы да он осмеливаетесь так смотреть на короля Франции.

— Простите, сир! — сказала маркиза.

— Что?! Вы просите прощения за него или за себя? Черт побери! Не знаю, что и подумать! Говорят, что истина глаголет устами младенцев. Надо построже спросить Дюшена. Ведь он был рекомендован мне мадам де Монтеспан, и никто, кроме нее, его толком не знает.

Мадам дю Плесси позже вспомнила, что в то время, пока король говорил, подошедший лакей преклонил колени и преподнес ему маленькую корзиночку с фруктами, но не для еды — король никогда не ел один, без свиты, — а для показа. Монарх похвалил краснобокие яблоки, медовые груши и розовые персики. Фрукты понесли на столы, устланные скатертями такой белизны, что они казались снегом.

Погода выдалась превосходная, и придворные группами стояли на лужайке перед дворцом. Анжелика восторженно смотрела на сады Версаля, расцвеченные лучами заходящего солнца, и вдруг почувствовала, что чья-то маленькая ручка теребит ее юбки.

— Ма-ма!.. Ма-ма Плес-си!..

Обернувшись, она увидела негритенка Наамана — в тюрбане, цветном жакетике и широких шароварах. Даже в сумерках было видно, как белки его глаз блестят, словно два бильярдных шара.

— Ма-ма! Мальчик умер! — Из-за акцента она никак не могла понять, о чем он говорит. — Месье Флоримона! Заболела! Умерла!..

Услышав имя Флоримона, Анжелика схватила негритенка, приподняла к своему лицу и затрясла:

— Что с Флоримоном? Отвечай!..

— Не знает! Ма-ма! Мой не знает!

Отбросив мальчика в сторону, мадам дю Плесси бросилась на северную террасу, где недавно видела аббата де Ледигьера. Он все еще стоял там, парируя притязания мадам де Граньен и мадам де Монбазен.

— Аббат, — крикнула она, — где Флоримон?

— Он только что был здесь, мадам. Он сказал, что у него поручение на кухню, что скоро вернется. Он любит выполнять разные поручения и быть полезным.

— Нет, нет! — затряс тюрбаном оказавшийся рядом Нааман. Он сказал: «Я избавился от Фло-римона. Будем спокойны. Никто не будет сплетничать!»

— Слышите, что он говорит? Мальчик никогда не врет! — кричала Анжелика. — Ради Бога, скажите, куда он пошел?

— Я... я... он сказал мне... — заикался аббат. — На кухню... Он хотел пойти по лестнице Дианы... Так быстрее!

Нааман взвыл, как обезьянка, пойманная в ловушку. Затем он мелодраматически воздел руки вверх и растопырил пальцы:

— Диан лестница? Плохо! Очень плохо!.. — И негритенок со всех ног помчался вперед.

Приподняв юбки, Анжелика кинулась за ним следом. Аббат поспешил вдогонку. За несколько секунд они добежали до южного крыла дворца и остановились.

— Маленький паж в красном? — переспросил стражник. — Да, я видел его минуту назад. И очень удивился, потому что лестница разобрана для перестройки.

— Но... но... — заикался аббат, — ведь, когда здесь жили... мы часто

пользовались лестницей Дианы. И можно было по южной стороне через балкон спуститься в кухню...

— Но теперь лестницу разобрали, и ею нельзя пользоваться. Наверх ведут только леса.

— Флоримон этого не знает... Флоримон не знает... — машинально повторял аббат.

— Неужели мальчик пошел наверх? — ругнувшись, спросил стражник. — Я крикнул ему, чтобы он остановился, но он быстро бежал...

Нааман, Анжелика и аббат снова устремились вперед. В темноте нельзя было различить ни лестницы, ни ступенек, ни лесов. Работы сегодня уже закончились, вокруг не было ни души. И именно сюда бежал Флоримон. У мадам дю Плесси подкосились ноги.

— Стойте! — закричал стражник. — Сейчас я принесу трутовницу и посвечу вам, а то все вы свалитесь. Тут, правда, есть приставная лесенка, но ее еще нужно отыскать...

Пламя его крохотного светильника выхватило всего две ступеньки разобранной лестницы перед зияющим провалом глубиной в добрых два этажа.

— Негодяи, они убрали даже лесенку!..

У мадам дю Плесси закружилась голова, когда она заглянула в бездну, дохнувшую на нее тьмой и холодом преисподней.

— Флоримон! — разнесся ее голос, но только эхо ответило ей. — Флоримон! Мальчик мой!..

Стражник напрасно пытался рассеять тьму, раздувая пламя трутовницы.

— Ничего не видно. Если он упал, то должен быть там. Надо принести лестницу и факелы. Святой отец, поддержите женщину, а то она свалится. Мы пойдем за подмогой.

«Они убили моего мальчика... мою гордость и радость... Флоримон не знал...»

Аббат и стражник, поддерживая с двух сторон обессилевшую Анжелику, усадили ее на небольшую скамью в темном вестибюле. Появилась девушка с горящим канделябром.

— Вам плохо, мадам? — спросила она. — У меня с собой есть нюхательная соль.

— Ее сын упал с лестницы, — объяснил девушке стражник. Побудь здесь с дамой, а я пойду за подмогой.

Вдруг Анжелика вздрогнула и замерла.

— Слушайте! — звонко воскликнула она.

В глубине темного коридора послышался топот бегущих ног, и вот прямо на них выскочил Флоримон. Он бы промчался мимо, но стражник преградил ему дорогу.

— Пустите меня! Пропустите! — крикнул Флоримон. — Я опаздываю к месье де Карпорту. Он послал меня на кухню.

— Остановитесь, Флоримон! — закричал аббат, бросаясь к нему и трясущимися руками пытаюсь удержать возбужденного мальчугана. — Здесь нет лестницы и нельзя пройти. Вы просто упадете и разобьетесь!..

Но стражник уже крепко держал пажа за воротник.

— Полегче, маленькая обезьянка! Разве ты не понял, что там опасно? — говорил он.

— Но я же опаздываю!

— Играть со смертью никогда не поздно. Полегче, сынок. Поблаговари Пресвятую Деву и своего доброго ангела-хранителя.

Запыхавшись от бега, Флоримон сбивчиво стал объяснять, что с ним произошло. Оказалось, что, проходя через то самое место, где они сейчас находились, он увидел герцога Анжуйского — третьего и самого маленького из детей короля, которому было всего полтора года от роду. Малыш ускользнул от няnek и разгуливал по лабиринтам дворца с яблоком в руке. Всегда услужливый Флоримон подхватил малыша и отнес его в апартаменты дофина и его сестер. И когда Анжелика склонялась над краем разобранной лестницы, Флоримон выслушивал сердечные благодарности и похвалы няnek и гувернеров принца. Измученная Анжелика привлекла к себе сына.

— Я не переживу, если ты уйдешь вслед за Кантором. Тогда уйдет все, что привязывает меня к жизни. Ты спас меня!..

Она навек запомнит сумерки в Версале и маленькую черную ручку, теребящую ее юбки: «Мама!.. Ма-ма Плес-си!.. Мальчик умер!..» Она поискала глазами Наамана, но того и след простыл. Убедившись, что Флоримон в безопасности, негритенок вернулся к хозяйке и, несомненно, получил увесистую оплеуху за то, что долго отсутствовал.

Вернулась девушка со стаканами и вином. Никто и не заметил, что она уходила. Анжелика принудила себя сделать глоток и обернулась к стражнику:

— Выпейте и вы, мой добрый страж. Без вас мы все могли бы свалиться с лестницы.

Стражник одним глотком осушил стакан.

— От вина не откажусь, спасибо. Но вот я только не понимаю, куда девалась приставная семифутовая лестница? Надо будет доложить

капитану о пропаже.

Мадам дю Плесси дала девушке и стражнику по золотой монете. Потом, все еще держа сына за руку, она пошла к себе в сопровождении аббата. Силы совсем оставили ее.

— Флоримон, кто послал тебя на кухню?

— Месье де Карапорт, офицер службы при королевском столе. Я хорошо знаю его.

«Узнаю ли я когда-нибудь правду?» — приложила Анжелика руку ко влажному лбу. Она услышала, как за стеной аббат де Ледигьер рассказывал о случившемся Мальбрану.

— Разве месье де Карапорт не сказал тебе, — обратился тот к Флоримону, — что по лестнице ходить нельзя, что там опасно?

— Нет, месье Мальбран.

— Он, должно быть, все-таки предупреждал тебя, а ты прослушал.

— Нет-нет, — сердито запротестовал Флоримон. — Он даже сам сказал: «Иди по лестнице Дианы. Ты ведь знаешь, так быстрее!»

«Не выдумал ли он все? — мелькнула успокоительная мысль. — Нет, вряд ли. — Анжелика не могла отделаться от предположения, что кто-то упорно старается убить ее сына. — И приставная лестница исчезла. Что же делать? Что ей думать?..»

Голова раскалывалась, и ужас холодной рукой сжимал сердце. И когда в комнату, спросив разрешения, вошел Мальбран, она сразу обратилась к нему с вопросом:

— Как же мне теперь поступить?

Мальбран был человеком, несомненно искушенным в житейских делах. Седые волосы придавали ему облик мудреца. Он задумался.

— Ему нужно вернуться в Сен-Клу, мадам, там он будет в большей безопасности.

Анжелика с трудом улыбнулась:

— Кто бы мог подумать, что наступит такой день, когда... Ну да ладно, вы правы.

— Ему надо держаться подальше от Дюшена.

— Думаете, ему все же грозит опасность?

— Даю руку на отсечение. Но давайте подождем. Я надеюсь, что все-таки поймаю его с поличным и сдеру с него живого шкуру.

Флоримон понял, что кто-то покушался на его жизнь, и напыжился, как павлин:

— И все потому, что я сказал королю, что не врал, когда говорил о Дюшене. Лакей Пикар, наверное, услышал и донес Дюшену.

— Но на кухню тебя послал Карапорт?

— Карапорт подчиняется Дюшену... Значит, старик Дюшен все же побаивается меня!

— Когда ты только научишься держать за зубами свой язык?! — Мадам дю Плесси уже почти пришла в себя и ласково шлепнула сына:

— Понимаешь ли ты, что у тебя и косточки целой не осталось бы, свались ты с такой громадной высоты?

— Сейчас я был бы уже мертв, — философски заметил Флоримон, — и был бы вместе с Кантором... — На минуту он задумался и неожиданно проговорил:

— Нет, Кантор не умер!

Дверь открылась. Вошли Тереза и Жавотта с бальным платьем для маркизы.

— Возьмите его с собой, — сказала Анжелика аббату, указывая на Флоримона. — Мои нервы так напряжены, что я просто не знаю, что мне делать. Хорошенько смотрите за ним и не оставляйте ни на минуту одного!

Она попросила Терезу налить ей бокал вина, а взяв его в руки, остановилась в нерешительности. Вдруг вино отравлено? Но, пересилив страх, она выпила бокал, и в голове у нее немного просветлело.

«Если бы я была уверена, то сразу бы начала действовать!» Она вспомнила слова Баркароля, Избавиться от Дюшена действительно не представляло труда, если бы Мальбран или еще кто-то нанял убийц. А если бы ей удалось завербовать служанку мадам де Монтеспан, то она заранее узнавала бы о готовящихся опасностях. И она подумала о Дезоиль, которой Атенаис многое доверяла. Ведь именно ее Анжелика однажды поймала на мошенничестве при игре в карты.

После второго бокала вина она уже могла танцевать, веселиться и быть привлекательной. Но позже, когда она вернулась в свою комнату после приема у королевы, ей снова стало страшно. Вдруг показалось, что она не одна в помещении.

Она повернула голову и чуть не вскрикнула от ужаса. Из-за комода на нее в упор смотрели два черных глаза. Потом чья-то черная фигура отделилась от стены и, крадучись, как кошка к мыши, двинулась к ней.

— Баркароль!

Карлик внимательно смотрел на нее.

— Чародей в Версале вместе со своим помощником, — хрипло зашептал он. — Пойдем, сестра, тебе нужно кое-что узнать, если тебе дорога твоя жизнь.

Не противясь, она вышла за ним через дверь, уже знакомую по

приключению с Бонтаном. У Баркароля не было свечи, но, казалось, он видит в темноте, а Анжелика то и дело спотыкалась и наталкивалась на стены узкого потайного хода. Вытянув вперед руки, она продвигалась наощупь.

— Вот мы и пришли, — наконец сказал Баркароль, и Анжелика услышала, как он скребет пальцем по стене, будто отыскивая что-то. — Ты наша, сестра, и я покажу тебе кое-что. Но будь осторожна. Что бы ты ни увидела и ни услышала, ты должна хранить молчание.

— Положись на меня, Барко!

— А если ты увидишь преступление — еще более ужасное, чем можешь себе представить?

— Я не дрогну!

— Если ты издашь хоть один звук, он будет смертным приговором и тебе, и мне...

Раздался легкий, едва слышный щелчок, и в открывшейся щели заблестела полоска света.

Анжелика приникла к ней, но поначалу ничего не могла разобрать. Однако мало-помалу она освоилась и увидела богато обставленное помещение, освещенное тремя восковыми свечами, а потому слышала стройное духовное пение. По стенам скользили какие-то тени. Неподалеку сидел на корточках мужчина и что-то невнятно напевал и бормотал, словно подвыпивший монах. В руке у него был требник, которым он размахивал из стороны в сторону. Затем она различила высокого мужчину, двигавшегося в направлении к ней. Она ощутила на своей шее капли пота.

«Никогда, — подумала она, — я не видела более чудовищного существа!..»

Очевидно, мужчина был священнослужителем, ибо на нем было подобие белой ризы с вышитыми на ней черными сосновыми шишками. Несмотря на преклонный возраст, он двигался весьма энергично. Нездоровый цвет лица, вздувшиеся фиолетовые прожилки и отвисшая дряблая кожа свидетельствовали о порочности его натуры. Он казался трупом, восставшим из могилы, но ожившим лишь наполовину. Глухое звучание его голоса порой переходило в старческое дребезжание, но тем не менее в нем чувствовались сила и воля. Один его глаз был полностью закрыт, другой — косил. Однако косой этот взгляд, казалось, не упускал ни малейшей детали и проникал в самые сокровенные уголки человеческой души.

Когда среди женщин, стоявших перед ним на коленях, Анжелика узнала колдунью ЛаБуазен, все поплыло перед ее глазами. Едва не

лишившись чувств, она отшатнулась к стене. Баркароль схватил ее руку и сжал:

— Не бойся, они не знают, что мы здесь!

— Зато знает дьявол! — отозвалась она.

— Дьявол уже ушел. Сейчас все кончится.

Еще одна женщина приблизилась к человеку в белой ризе и встала на колени. Под откинутой вуалью оказалась мадам де Монтеспан. Маркиза дю Плесси была так удивлена, что совсем позабыла о своем страхе. Как же образованная и высокомерная Атенаис могла оказаться в таком ужасном обществе?

Пастырь протянул ей книгу. де Монтеспан положила на нее свою холеную руку, и сноп разноцветных огней заиграл на кольцах. Словно примерная школьница, она стала повторять за ним слова колдовской молитвы:

— Во имя Астарты и Асмодея, князей вечной тьмы, я прошу расположения короля и дофина, и пусть оно длится вечно. Пусть королева будет бесплодна. Пусть король оставит ее постель и будет со мной. Пусть сгинут все мои соперницы...

Анжелика едва узнавала ее. Она выглядела настолько жалкой и поглощенной своей невероятной страстью, что от прежней высокомерной и надменной Атенаис не осталось и следа.

Густой дым заполнил комнату, и лица присутствующих виднелись как в тумане. Псалмопевец умолк, закрыл тревник и почесался, ожидая разрешения удалиться.

Мадам, де Монтеспан спросила:

— А рубашка?

— Правильно, рубашка, — ответила ЛаВуазен, поднимаясь с колен. — О ней не забыли, и вы за нее хорошо заплатите. Вы будете ею довольны. Марго, дочка, подай сюда мою корзину!

Девочка лет двенадцати выскочила из темноты и поставила перед Атенаис корзину, из которой затем нерешительно вытащила розовую, расшитую серебром ночную сорочку.

— Осторожнее, не держи ее так долго, — предупредила мать. — Пользуйся листьями платана, я захватила их с собой.

Маркиза дю Плесси закрыла себе руками рот, едва сдерживая крик. В руках незнакомой девочки была ее любимая ночная сорочка.

— Тереза! — позвал кто-то.

Появилась одна из служанок Анжелики.

— Возьми-ка рубашку, — произнесла ЛаВуазен, — но обращайся с

ней осторожно. Вот тебе листья платана для защиты рук. Не закрывай корзину, Марго!..

Колдунья пошла в другой конец комнаты и вернулась с маленьким белым свертком. То был трупик новорожденного ребенка. На его пеленках алели пятна крови.

— Не забывайте о своих клятвах!

Анжелика в ужасе закрыла глаза и прижала руки к груди, еле сдерживаясь, чтобы не крикнуть во весь голос: «Убийцы!..»

У нее больше не было сил смотреть, но она слышала, как в комнате засуетились и стали задувать свечи, готовясь расходиться.

Скрипучий старческий голос произнес:

— Смотрите, чтобы стража ненароком не заглянула в вашу корзину.

— Не бойтесь, — хихикнула ЛаВуазен. — После того, что я сказала, стражники сами будут побаиваться и лебезить передо мной.

Наступило молчание. Анжелика открыла глаза и оказалась в полной темноте, потому что Баркароль закрыл щель в стене.

— Ну, я считаю, что вы узнали достаточно. Большого вам не вынести. Давайте поспешим обратно, чтобы не наткнуться на Бонтана. Он, как сыч, шныряет здесь по ночам.

Когда они вернулись в комнату Анжелики, карлик привстал на цыпочки, достал из буфета бутылку со сливовой настойкой и наполнил два больших бокала.

— Выпейте, маркиза. На вас лица нет... Вам непривычно, не то, что мне. Боже, я целых два года служил в доме ЛаВуазен и хорошо узнал ее. Познакомился и с другими. И она еще не самая худшая. Она во многом разбирается, особенно в хиромантии и в физиогномике. Ее начали учить с девятилетнего возраста. Она рассказывала мне, что сначала говорила людям, приходившим узнать свою судьбу, что они умрут, когда будет угодно Богу. Но людям такие предсказания не нравились. Тогда она стала говорить с ними по-другому и сразу разбогатела. Ха-ха-ха! — Баркароль облизал губы и налил себе еще бокал. — Но вот рубашка меня действительно беспокоит. А вас, маркиза?

— Да, и меня тоже. Ведь Тереза неспроста присутствовала на этом шабаше ведьм!

— Голову даю на отсечение, что мадам де Монтеспан хочет известить вас. Я узнал, что не так давно ЛаВуазен ездила в Овернь и в Нормандию, чтобы раздобыть там кое-что для снадобья, отправляющего людей на тот свет и не оставляющего никаких следов.

— Но теперь я предупреждена и не попаду в западню. И еще я знаю, у

кого мне попросить совета и к кому обратиться за помощью. — Она подняла бокал:

— За тебя, Барко!.. А кто был тот священнослужитель?

— Аббат Гибур из прихода Сен-Марсель в Сен-Дени. Это он перерезает горло младенцам, чтобы пить их кровь.

— Прекрати! — в ужасе крикнула маркиза.

— В доме у ЛаБуазен есть специальная печь, где она сжигает младенцев. Она сожгла не меньше двух тысяч недоношенных или принесенных в жертву младенцев.

— Перестань!.. Замолчи, Баркароль!

— Превосходные люди, Маркиза Ангелов, высокопоставленные и к тому же преданные друзья. Тот, кто гнусавил, — Лесаж, «Отец Колдовства», а мадам де ля Роше-Гийом — крестная мать его дочери. Ха-ха-ха!

— Заткнись! — не выдержала Анжелика. Она схватила с камина статуэтку и изо всей силы швырнула в карлика. Безделушка, ударившись о стену, разлетелась в мелкие куски, а Баркароль сделал сальто и, не переставая хихикать, прыгнул к двери. Ока еще долго слышала его непристойный затихающий смех.

Когда на следующую ночь Тереза вошла в спальню, неся в руках ее розовую ночную сорочку, Анжелика в пеньюаре сидела у туалетного столика. Она наблюдала в зеркало, как девушка аккуратно раскрыла кровать, подбила подушки, откинула покрывало и расстелила на нем ночную сорочку.

— Тереза!

— Да, мадам маркиза?

— Знаешь, я очень довольна тобой... Девушка замерла с глупой улыбкой;

— Мадам маркиза очень добра ко мне.

— И я сделаю тебе подарок, ты заслужила его. Я дарю тебе сорочку, которую ты принесла мне. Ока подойдет тебе. Бери ее!

В комнате наступила мертвая тишина. Мадам дю Плесси увидела выражение ужаса на лице Терезы, и это говорило яснее всех слов.

— Возьми ее! — повторила маркиза страшным голосом, выговаривая слова сквозь стиснутые зубы. Почему ты не хочешь ее взять? — Маркиза поднялась со стульчика и подошла к девушке. Ее изумрудные глаза горели адским пламенем. — Так я знаю, почему! Покажи свои руки, негодяйка!

Тереза уронила листья, зажатые в кулаке.

— Листья! Листья платана! — вскрикнула маркиза, топча их ногами, и

с размаху хлестнула служанку по щеке. — Вон отсюда! Убирайся к дьяволу, своему хозяину!

Закрыв лицо руками, Тереза с громким плачем выбежала из спальни.

Когда через полчаса к ней вошла Жавотта с ужином на подносе, маркиза стояла возле трюмо и смотрела в зеркало невидящими глазами. Девушка сервировала столик.

— Жавотта, — вдруг окликнула ее хозяйка, — тебе ведь нравится Давид Шайу?

Девушка вспыхнула, глаза ее раскрылись.

— Прошло много времени, мадам, с тех пор, как я видела его в последний раз.

— Но ведь ты продолжаешь любить его?

— Да, мадам. Хотя он, наверное, теперь и не посмотрит на меня. Он стал таким важным — ему принадлежит ресторан и заведение, где подают шоколад. Люди говорят, что он собирается жениться на дочке нотариуса.

— Интересно, зачем она ему? Ему нужна женщина вроде тебя. Вы должны пожениться.

— Но я недостаточно богата для него...

— Значит, ты станешь богата! Я назначу тебе ренту, четыреста ливров в год, и дам полное приданое — две дюжины простыней, дамасские скатерти и самые лучшие батистовые сорочки. Ты станешь такой завидной партией, что он совершенно по-другому посмотрит на твои пухлые щечки. Я знаю, они всегда нравились ему.

Девушка удивленно смотрела на маркизу:

— И все это для меня, мадам?

— А почему бы и нет? Ты спасала моих детей, когда кормилица морила их голодом. — Анжелика положила руки па плечи девушки, притянула ее к себе, ощутив тепло молодого тела. — Ты честная девушка, Жавотта?

— Да, мадам. Я каждый вечер молюсь Пречистой Деве, хотя вы сами знаете, как мне трудно с нахальными лакеями... Да и благородные дворяне тоже пристают! Временами трудно приходилось. Я, правда, иногда позволяла целовать себя, но в грех не впадала.

Мадам дю Плесси еще крепче прижала ее к себе, восхищаясь сиротой, ухитрившейся сохранить чистоту в развращенном Версале.

— Ну, а теперь иди. Завтра я буду в Париже и увижу Давида. Скоро вы поженитесь.

— Давайте я помогу вам подготовиться на ночь, — направились Жавотта к все еще лежавшей на постели ночной сорочке.

— Спасибо, милочка, не надо. Беги к себе, я хочу побыть одна.

Жавотта повиновалась. По пути она кинула взгляд на графин с наливкой, который в последнее время частенько стоял пустой...

Глава 26

На следующий день Анжелика возвращалась из Парижа в Сен-Жермен. Вдруг впереди она заметила наемную карету, угодившую в глубокую канаву, а подъехав ближе, увидела, что у куста шиповника сидит девушка в одежде придворных дам мадам де Монтеспан. Это оказалась мадемуазель Дезоиль, и Анжелика дружески помахала ей рукой.

— О, мадам, ну и в переделку я попала! — воскликнула девушка. — Мадам де Монтеспан послала меня со срочным поручением, и она здорово рассердится за опоздание — я ведь торчу здесь больше часа. Дурень кучер не заметил огромного камня посреди дороги!

— Вы направлялись в Париж?

— Да... Но Париж только половина дела. Я должна встретить одного человека на пересечении дорог на Буа-Се, и он кое-что передаст для мадам де Монтеспан. К сожалению, человек может уйти, не дождавшись меня, и мадам будет страшно разгневана...

— Садитесь ко мне. Я сейчас прикажу повернуть лошадей назад.

— Как вы добры, мадам!

— Я не оставлю вас в беде. К тому же мне приятно оказать услугу Атенаис.

Мадемуазель Дезоиль примостилась рядом с мадам дю Плесси. Очень хорошенькая девушка с изрядной долей самоуверенности, которую мадам де Монтеспан ухитрялась вселять во всех своих слуг. Ее прислуга говорила правильно, отличалась здравым смыслом и хорошими манерами. Она сама всегда подбирала и обучала горничных.

Краешком глаза мадам дю Плесси наблюдала за спутницей. Она давно уже хотела войти в контакт с кем-нибудь из свиты мадам де Монтеспан. Случай шел ей навстречу — Анжелике был известен слабый характер мадемуазель Дезоиль, плутовавшей за карточным столом. Только Анжелика, знакомая с такими приемами еще по Двору Чудес, заметила ее проделки.

— Вот мы и приехали! — воскликнула Дезоиль, высовываясь из окошка кареты. — Слава Всевышнему, моя девица еще здесь.

Кучер остановил лошадей. Из придорожных зарослей показалась девочка лет двенадцати и медленно приблизилась к карете. Одета она была просто, короткие волосы прикрывал белый чепец, на ногах — сабо.

Девочка передала мадемуазель Дезоиль маленький пакетик. Та

шепнула ей что-то на ухо и вынула кошелек. Осознав отсчитанную сумму, Анжелика изумленно подняла брови: «Что же может так дорого стоить?» — подумала она, наблюдая, как девушка застегивает свою сумку. По очертаниям пакетика ей показалось, что в нем находится флакон.

— Теперь мы можем возвращаться, мадам, — сказала Дезоиль, обрадованная успешным выполнением поручения.

Пока карета разворачивалась, Анжелика успела еще раз взглянуть на девочку в белом чепце, уже скрывавшуюся в кустарнике.

«Где же я видела ее прежде?» — с необъяснимой тревогой думала Анжелика.

Карета неторопливо катила в Сен-Жермен, и неожиданный возглас Анжелики громко прозвучал в убаюкивающей тишине теплого вечера.

— В чем дело, мадам? — встрепелась Дезоиль.

— Ничего. Просто расстегнулась булавка, — ответила Анжелика. Она вспомнила девочку, передавшую пакет, — дочь ЛаБуазен, та самая, что принесла корзинку с ее ночной сорочкой в страшную памятную ночь.

— Позвольте, я помогу вам, мадам!

— Хорошо. Отстегните застежку на юбке... Вот и все! Вы так добры, мадемуазель! Знаете, я просто восхищаюсь вашим искусством — ведь вы теперь следите за нарядами Атенаис... — и вашим долготерпением.

Девушка молча улыбнулась.

«А знает ли она об адских замыслах своей госпожи? Может, она и сейчас везет яд, предназначенный маркизе дю Плесси? Судьба порой шутит очень зло... Но что же я понапрасну теряю время?..»

— Однако больше всего я восхищаюсь вашей игрой в карты, — продолжала Анжелика доверительным тоном. — В прошлый понедельник я видела, как вы обчистили герцога де Шолне. Бедняга не скоро оправится. Где же вы научились так искусно мошенничать?

Улыбка мигом слетела с лица девушки. Теперь она побледнела, а потом зарделась:

— Мошенничать? Что вы, мадам, я никогда не позволила бы себе...

— Я тоже, дорогая! — резко и фамильярно Анжелика взяла девушку за руку и перевернула ее ладонью вверх, — У вас на пальчиках очень нежная кожа. Кстати, я сама видела, как вы полируете пемзой кончики пальцев, чтобы сделать их более чувствительными и лучше различать во время игры наколки на картах. Наколки такие крошечные, что только такие нежные пальчики, как у вас, могут их различить. У герцога де Шолне руки слишком грубые, чтобы он мог что-либо заподозрить, но тем не менее мне кажется, что подозрение у него все-таки возникло...

Лоск и прилежный вид сразу же слетели с девушки. Ей было хорошо известно, что при дворе шулерство в картах считается самым большим позором. Герцог де Шолне и так проиграл не менее тысячи ливров девушке незнатного происхождения, и если станет известно, что она плутовала, то ей несдобровать.

Анжелика с трудом удержала ее от намерения броситься на колени прямо в карете.

— Мадам, вы погубите меня!

— Встаньте! Что мне пользы губить вашу карьеру? Вы — умная и ловкая мошенница. Только я одна раскусила вас. Думаю, что вы и дальше будете выигрывать... если, конечно, я не вмешаюсь.

Лицо Дезоиль покрылось пятнами.

— Мадам, что я могу сделать для вас?

У нее начисто пропало «мортемаровское» произношение, теперь она говорила простым и обыденным языком.

Мадам дю Плесси холодно смотрела в окно. Девушка расплакалась и сквозь слезы принялась рассказывать историю своей жизни. Она была дочерью какого-то неизвестного дворянина. Ее мать была горничной в игорном доме. Отсюда у дочери такие познания.

Атенаис, хорошо разбирающаяся в людях, взяла ее в свою свиту. Но девушка и при дворе не смогла отказаться от привычек, укоренившихся с детства. Одной из таких привычек была карточная игра.

— Я очень бедна. Ведь я не всегда мошенничаю. А когда не жульничаю — проигрываю. И сейчас я в страшных долгах — все, что я выиграла у герцога, пришлось отдать. У мадам де Монтеспан я боюсь просить. Она уже не раз оплачивала мои долги и недавно заявила, что больше не станет платить...

— И сколько же вы должны?

У девушки округлились глаза: мадам дю Плесси вытащила увесистый кошелек и бросила ей; мадемуазель Дезоиль взяла его дрожащими руками, и румянец снова залил ее щеки.

— Что я могу сделать для вас, мадам? Анжелика кивнула на сумочку:

— Покажите мне, что там лежит? Ни минуты не раздумывая, Дезоиль вытащила из сумки бутылочку с темной жидкостью.

— Вы знаете, кому предназначена отравка?

— Что вы имеете в виду, мадам?

— Может быть, вы даже не знаете, что ваша госпожа уже дважды пыталась отравить меня. Что удержит ее от третьей попытки? Тем более что я узнала девочку, получившую с вас деньги за флакон, она дочка

колдуньи ЛаВуазен, которую я знаю уже много лет.

Дезоиль с ужасом смотрела на спокойную Анжелику. Она призналась, что ей ничего не известно. Мадам де Монтеспан приказала ей съездить за снадобьем, приготовленным колдуньей, но ей вовсе не известно, для кого оно приготовлено.

— Я думаю, что мы скоро все узнаем, — заявила резко Анжелика, — ибо я рассчитываю на вас. Я надеюсь, что вы теперь будете предупреждать меня о грозящих мне опасностях. Держите глаза и уши открытыми и сообщайте все, что станет известно. — Анжелика повертела в пальцах флакон и, когда девушка робко протянула руку, чтобы взять его обратно, задумчиво добавила:

— Нет, уж лучше пусть он находится у меня.

— Невозможно, мадам! Что скажет мадам де Монтеспан, если я вернусь без флакона? Сначала она заподозрит ЛаВуазен, а потом докопается до истины, и мне придется отвечать за все. А если она еще узнает, что я ездила за ним в вашей карете, то...

— Все правильно! Но мне нужны доказательства. Хотите помочь мне? — Палец Анжелики уперся в грудь девушки. — Ведь в противном случае я испорчу вам всю жизнь. Вы будете уничтожены, опозорены и изгнаны отовсюду. Такое дело не отнимет у меня много времени!

Несчастливая мадемуазель Дезоиль не знала, что ей предпринять, и, видимо, решилась:

— Кажется, я кое-что вспомнила...

— И что же вы вспомнили?

— Снадобье совершенно безвредно. Предназначено оно для короля. Мадам просила ЛаВуазен приготовить напиток, способный вновь зажечь в груди короля пламя любви к ней.

— То же самое, что подсыпает ему Дюшен?

— Так вам все уже известно, мадам? Непостижимо! Мадам страшно разгневана. Она сказала Дюшену: «Или та женщина колдунья, или ЛаВуазен дурачит нас. Может, ЛаВуазен даже предает нас, если та платит ей больше!..» Теперь я понимаю, что разговор шел именно о вас. «Но долго такое не будет продолжаться!» — заявила она Дюшену. И все это произошло сегодня утром. Она выставила всех слуг, чтобы поговорить с ним наедине...

— И вы, конечно, подслушивали у двери?

— Да, мадам.

— И что же вы слышали?

— Сначала я ничего не могла понять. Но мало-помалу маркиза

распалась и повысила голос. И вот тут-то я и услышала: «Или та женщина колдунья, или ЛаБуазен дурачит нас. Все наши попытки потерпели неудачу. Кто-то, наверное, ее предупреждает. Но кто? Делу нужно положить конец. Вы пойдете к ЛаБуазен и поговорите с ней. Я и так много плачу ей. Или она сделает-то, что нужно, или сама поплатится за все. Сейчас я ей напишу! — Мадам написала записку и передала ее Дюшену. — Дадите ей прочесть, пускай она прочтет и поймет, как я зла, и тут же сожгите бумагу. И не уходите от нее, пока она не даст вам требуемое. Подождите, у меня есть платок, принадлежащий той, о ком я говорю. Мне отдал его один паж, думая, что он мой... У меня нет связи с ее прислугой после того, как она выгнала Терезу. У нее вообще мало слуг, она какая-то странная женщина. И что только в ней нашел король?..» Несомненно, мадам, она имела в виду именно вас!

— И я так думаю. А когда Дюшен должен встретиться с ЛаБуазен?

— Сегодня ночью.

— Где? В какое время?

— В полночь, в таверне «Золотой Рог» — в местечке между Парижем и Сен-Дени. ЛаБуазен прибудет туда из Вильнева.

— Хорошо, вы помогли мне, девочка. Теперь на время я позабуду о ваших нежных пальчиках. Ну вот, мы и в Сен-Жермене. Я бы не хотела, чтобы нас кто-то видел вместе. Приведите себя в порядок, попудритесь... Вы выглядите просто ужасно.

Бормоча слова благодарности, мадемуазель Дезоиль выскочила из кареты и скрылась.

— В Париж! — приказала кучеру Анжелика.

Переодевшись в грубую юбку, плисовый жакет и спрятав волосы под черный платок, маркиза стала похожа на работницу из лавки. Она позвала к себе Мальбрана, срочно вытребованного из Сен-Клу.

Мальбран, войдя в комнату, удивился, увидев женщину из простонародья, и еще больше удивился, узнав в ней мадам дю Плесси.

— Мальбран, я хочу, чтобы вы сопровождали меня сегодня.

— Вы неузнаваемы, сударыня!

— Там, куда мы отправимся, этого недостаточно. Возьмите шпагу, кинжал и пистолеты. Потом разыщите Флипо и ждите меня в аллее. Я выйду через садовую калитку.

— Будет исполнено, сударыня!

Через полчаса Анжелика, сидя на лошади позади Мальбрана, прибыла на окраину Сен-Дени. Флипо сопровождал их бегом. Они остановились у темной гостиницы «Три товарища».

— Оставьте здесь лошадь и дайте хозяину гостиницы экую, чтобы он присмотрел за ней ночью. Иначе нам не выбраться отсюда. В темноте лошадь легко потеряется.

Мальбран исполнил все приказания маркизы и двинулся за ней. Он не задавал вопросов — лишь покусывал кончики усов да ворчал на грязь, не высохшую за день.

Район, похоже, был знаком старому вояке. Наверное, в былые годы ему не раз приходилось бывать здесь. А Флипо был просто в восторге — он чувствовал себя здесь как дома.

В своем необычном дворце из грязи и битого щебня, в деревянном тазу, как на троне, восседал Великий Кезр — Жанен Деревянный Зад. Подданных у него было великое множество, и его могли бы доставить в любое место — стоило ему только пожелать. Но Жанен не любил суесться.

Темень в его жилище была такая, что даже днем здесь горели масляные светильники. Деревянный Зад любил вести именно такой образ жизни. Добраться до него было нелегко. Раз двадцать посетителей останавливали люди не слишком благообразной внешности и спрашивали, какого черта им тут нужно. Флипо произносил пароль, и их пропускали.

Наконец-то Анжелика добралась до Жанена! С собой у нее был увесистый кошелек, который она попыталась сразу же вручить ему. Но Деревянный Зад презрительно взглянул на нее.

— Не спеши! — сказал он. — Не спеши.

— Кажется, ты не очень рад видеть меня, Деревянный Зад? Разве я не посылаю тебе то, что должна? Разве слуги не приносят тебе под Новый год жареного поросенка и к нему три бочки хорошего крепкого вина?

— Слуги!.. Слуги!.. Нужны мне твои ослы! Ты думаешь, что у меня нет другого дела, как хлебать твое вино и пережевывать твое мясо? Да у меня столько денег, что я могу устроить пир в любой день, когда захочу... Что я частенько и делаю! А у тебя, красавица, вероятно, мало времени, что ты так редко заглядываешь сюда?!

Повелитель нищих и бродяг был не на шутку рассержен, полагая, что Анжелика пренебрегает и брезгует знакомством с ним. Ему вовсе не казалось странным, что придворная дама, рискуя жизнью, ползет по грязи среди бандитов только для того, чтобы повидать его. Он бы, пожалуй, не удивился, увидев перед собой самого короля Франции, выходящего из кареты специально для встречи с ним.

Что ж, среди монархов такое водится! Он сам был королем отверженных и хорошо знал силу своих подданных.

— Мы могли бы договориться с королем, если бы он того захотел. На кой черт он окружил нас полицейскими? Кому нравится жить в окружении полиции? Полиция нужна только богатым дуракам! А нам как же быть? Что нам уготовано? Веревка или тюрьма да галеры? Общественные больницы для нищих? Что еще?.. Ведь он хочет нас совсем извести, этот проклятый Ла Рейни!

Великий Кезр искренне горевал. Двор Чудес доживал свои последние деньки с тех пор, как Ла Рейни стал начальником полиции и распорядился поставить фонари на всех улицах Парижа...

— А это кто? — вдруг спросил он, указывая на Мальбрана черенком своей трубки.

— Мой друг, ты можешь доверять ему. Его прозвище Скорошпаг. Ему отведена главная роль в том небольшом спектакле, который я собираюсь поставить. Но его одного не хватит, нужно еще три-четыре человека.

— Умеющих играть со шпагой или с дубинкой? Таких можно подыскать.

Анжелика поделилась с Кезром своим планом.

Человек с письмом колдунье ЛаВуазен встретит колдунью в кабаке за городским валом у Вильнева. Нужно подождать, пока встреча не закончится. А когда тот человек выйдет, наши люди схватят его и...

— И р-раз! — Деревянный Зад схватил себя за горло и чиркнул по нему рукой.

— Нет, не нужно крови. Его следует только допросить. Мальбран возьмет его на себя.

Услышав свое имя, тот подошел ближе:

— Как имя того человека, мадам?

— Дюшен. Главный виночерпий его королевского величества. Вы должны его знать.

Мальбран стукнул себя кулаком в грудь, всем своим видом выражая восхищение:

— Такую работу я выполняю с удовольствием. Я давно хотел поговорить с ним!

— Но это еще не все. Мне понадобится человек, который уже будет находиться в кабаке, когда Дюшен передаст колдунье письмо. И ему следует быть очень ловким, чтобы суметь перехватить записку, прежде чем Дюшен сожжет ее.

— И такого найдем!

У Деревянного Зада на примете был парнишка по кличке Жак-Фонарщик — рыжеволосый оборванец, карманник, не имеющий равных в

своём искусстве. Но его рыжие кудри оказались слишком приметны, и после нескольких посещений тюрьмы Шатле и пытки на дыбе, где ему вывихнули ногу, он стал хромым. Стащить письмо прямо из-под носа присутствующих было для него детской забавой.

— Мне нужна та записка, — сказала Анжелика. — И я заплачу за нее золотом.

Для бродяг не составляло труда проникнуть в любой дом Парижа, а особенно в дом ЛаВуазен. Они нашли себе сообщников в ее собственном доме. Пикар оказался ее лакеем, а ее дочь была любовницей Коссака. И с их помощью Жак-Фонарщик легко проник к ЛаВуазен и затаился на время.

— Но колдунью не нужно выдавать? — спросил Великий Кезр. — Ведь мы не доносчики. А предателям — смерть! — Он распрямил свой огромный торс, обтянутый военным мундиром с золотыми позументами, и, опершись на волосатые, как у гориллы, руки, прорычал:

— Власть отверженных вечна! И Ла Рейни никогда не уничтожит нас! Даже в отбросах всегда остаются ростки жизни...

Анжелика плотнее запахнулась в плащ. В тусклом отблеске масляных светильников — «лампиров» — лицо Великого Кезра под шляпой со страусиными перьями, казалось, было отмечено печатью Каина. Бородатые красные рожи окружали его со всех сторон.

Она знала многих бродяг, столпившихся возле Деревянного Зада и являвшихся его телохранителями — Завзятый Пьяница, Крысиная Отрава, Испанец... еще несколько человек, чьи клички она уже позабыла... а вот и новичок по прозвищу Череп. Такое имя он получил за обезображенное лицо. Монахи из Общества Святых Даров за богохульство так изуродовали ему губы, что теперь его зубы торчали наружу.

Она дрожала — но не от страха, потому что знала правила игры, да и не впервые прибегала к помощи проклятого мира.

Отверженные никогда не прощали измены и не выдавали своих сообщников. На самом верху или на самом дне «братья» и «сестры» всегда могли рассчитывать на помощь. Если они были бедны — их выручали миской супа, а богатым помогали кинжалом или дубинкой.

Примером такой прочной связи являлся и Баркароль. Ведь Деревянный Зад не распрощался с ним, когда он перебрался во дворец, и сейчас, слыша громоподобный голос Кезра, она припомнила все его ласковые слова, полные тайного смысла и высказанные при различных обстоятельствах, оберегавшие и зачастую спасавшие ее. Нет, Анжелика не боялась бродяг. Их волчья жестокость страшила ее куда меньше, чем дружба некоторых лиц высшего общества. Теперь она чувствовала

головокружение, будто стояла на краю пропасти, к которой ее подталкивает непреодолимая злая сила...

Мадам дю Плесси вернулась домой и уселась за бюро. Ей оставалось только ждать и стараться поменьше думать о происходящем в Вильневе.

Около десяти часов пришел Мальбран. На его лице была серая маска, а на плечах такой же серый плащ. На поясе висела шпага.

Она тихо заговорила с ним, будто кто-то мог подслушать их разговор здесь, в ее комнате, где она еще не так давно любила князя Ракоци.

— Вы хорошо знаете, Мальбран, какие сведения я хочу получить от Дюшена. Пусть он подробно расскажет о планах женщины, его пославшей. Пусть он назовет имена людей, желавших отравить мне жизнь и меня саму. Но самое главное — добудьте письмо. Наблюдайте за окнами гостиницы и, если Жаку не удастся стащить письмо, врывайтесь в дом со всеми вашими людьми. Попытайтесь также добыть жидкость, которую ЛаБуазен приготовила для передачи Дюшену. Вот и все...

Потом она сидела одна и ждала.

Через два часа после полуночи она услышала, как в маленькой потайной дверце повернулся ключ и раздались мужские шаги.

Осторожно постучав, вошел Мальбран и молча разложил на столе носовой платок, бутылочку, сумку и листок бумаги — записку.

Анжелика схватила бумагу, развернула ее и пробежала глазами по строчкам. Мадам де Монтеспан писала ужасные вещи.

«Вы обманули меня. Та особа жива по-прежнему, и привязанность короля к ней растет с каждым днем. Ваши обещания не стоят тысячи экю, которые я вам заплатила, а снабдьба не принесли мне ни любви одного, ни смерти другой. Подумайте, ведь я могу так сильно подорвать вашу репутацию, что весь двор отвернется от вас. Передайте все необходимое с моим человеком. И горе вам, если счастье не улыбнется на сей раз».

— Чуда не будет! — воскликнула Анжелика. — Ха! На этот раз счастье улыбнется мне!

На краешке записки оказалось красное пятно, постепенно буревшее. Анжелика коснулась его пальцем и почувствовала, что оно влажное. Она тут же забыла обо всем остальном и посмотрела на Мальбрана:

— Что вы сделали с Дюшеном? Где он?

— Если течение сегодня достаточно сильное, то он уже недалеко от моря.

— Но я же предупреждала, что не хочу крови! Что вы натворили, Мальбран?

— От трупа лучше, избавиться прежде, чем он завоняет, — ответил он и тут же добавил, глядя ей прямо в глаза:

— Сударыня, послушайте меня. Мои слова могут показаться странными для такого старика, как я. Но я очень люблю вашего сына Флоримона... всю свою жизнь я делал глупости. Я разбираюсь только в оружии и совсем не умею заботиться о своем кошельке. Однажды мадам де Шуази, зная мою набожную сестру и такого же благочестивого братца, предложила: «Мальбран, если вам доверят двух мальчиков из благородной семьи, научите их владеть оружием?..» А почему бы и нет? Вот так я и попал к вам, мадам, и стал воспитывать ваших детей. Может, и у меня есть дети, но я о них никогда не думал. Вот Флоримон — другое дело. Сомневаюсь, чтобы вы знали его лучше, чем я, хотя вы его родная мать. Мальш родился со шпагой в руке! И когда такой старик, как я, видит его силу и талант, его одаренность и одержимость... Ах, мадам, как мне становится приятно! И только сейчас я начинаю сожалеть о том, что впустую прожил жизнь и что я остался одинок. В вашем малыше я вижу своего сына, которого у меня никогда не было и которого я так и не обучил высокому искусству фехтования. Вам не понять, мадам... А Дюшен... Ведь он хотел убить Флоримона!

Анжелика закрыла глаза, ей стало дурно.

— До сих пор, — продолжал Мальбран, — у нас не было достаточной определенности. Но теперь все встало на свои места. Он сознался сразу, как только я пригрозил, что поджарю ему пятки. «Да, я хотел избавиться от маленького змееныша, — кричал он, — скомпрометировавшего меня в глазах короля!.. Он разрушил все мои надежды!..»

— Так он действительно, подсыпал что-то в кубок короля?

— Да. Ему приказала любовница короля. Приворотное зелье, изготовленное колдуньей. А в шербет, предназначенный вам, он подложил уже настоящую отраву. И Монтеспан лично ездила к ЛаБуазен, чтобы найти способ разделаться с вами. Карапорт был их сообщником. Именно он послал Флоримона с поручением на кухню и советовал пробежать по лестнице Дианы. Там леса без ограждения, и было бы очень просто свалиться с высоты в двадцать футов на битые камни... И сегодня я сказал ему: «Теперь твоя очередь прыгать, зверь! Тебе не жаль было ребенка! Выбирай сам — прыгай, или я прирежу тебя, как скотину!..» — Мальбран замолчал и вытер платком капельки пота с лица, а потом продолжил глухим голосом:

— Я должен был избавиться от подлеца. Что толку сохранять ему жизнь? У вас стало бы одним врагом больше, а их у вас и так хватает! Тот,

кто ищет смерти другому, должен знать, что и его самого может ожидать постыдный конец.

— Да, верно...

— Никто не осудит меня. Да и не было другой возможности завершить начатое дело. Мои помощники превосходно справились со своими обязанностями. Жак-Фонарщик договорился со слугой ЛаБуазен, что будет вместо него нести факел. Он притворился глухонемым, и колдунья охотно взяла его на randevу с Дюшеном... Все прошло по плану. Мы ждали снаружи и вскоре увидели, что у Дюшена и ЛаБуазен что-то не ладится. Они страшно переругались между собой, не найдя письма. А затем началась потеха. Колдунья ушла, даже не потребовав платы, а Жак-Фонарщик, шутки ради, пошел провожать ее домой. Мы занялись Дюшеном. С ним пришлось повозиться. Мы схватили его и в конце концов отобрали платок, флакон, коробочку с порошком и вырвали тайны, о которых я вам уже рассказал.

— Да, превосходно! — выдвинув ящичек бюро, Анжелика вынула кошелек. — Вот ваша награда, Мальбран. Вы славно потрудились!

Но верный слуга отвел ее руку:

— Я никогда не отказывался от денег. Но я поклялся, что такое дело совершу бескорыстно. Маленький аббат знает. Мы вместе поклялись, что отомстим за вас. Ведь вы — женщина, и вы одна. Вы правильно поступили, доверившись мне.

Маркиза опустила голову. Теперь между ней и старым искателем приключений, которого она, в сущности, и не знала как следует, будут стоять предсмертные крики Дюшена и всплеск Сены, принявшей его тело.

— От души благодарю вас, Мальбран, Завтра же отправляйтесь обратно в Сен-Клу. Я хочу, чтобы вы и дальше были с Флоримоном. А теперь прощайте. Спокойной ночи, сударь.

Мальбран раскланялся, как заправский мушкетер. Но прежде чем закрыть за собой дверь, он обернулся и посмотрел на Анжелику со смешанным чувством страха и восхищения. Не то чтобы он боялся за нее, хотя, конечно, она была женщиной слабой и беззащитной. Есть люди, могущие спокойно ходить по трупам, — например, та, другая. Но эта умела постоять за себя!

Глава 27

Король еще не вернулся с мессы, и мадам дю Плесси-Белльер, смешавшись с толпой придворных, ожидала появления его и королевы в версальском зале Меркурия. Надеясь, что ее отсутствие не будет замечено, она пришла раньше, успев привести себя в порядок, чтобы скрыть следы бессонной ночи, четырехчасовой тряски в карете и тяжелейших душевных переживаний. Цвет лица у нее был превосходный, она мило улыбалась и раскланивалась направо и налево, поддерживая оживленную беседу. Она очень интересовалась подробностями поездки герцогини Орлеанской в Англию, к своему брату королю Карлу II. Оказывается, при дворе ходили слухи, что мадам дю Плесси, сопровождая герцогиню, тоже надолго уехала в Англию. Еще говорили, что герцогиня собирается уже возвращаться и что переговоры оказались почти безрезультатными. Шутили, что весьма упитанная мадемуазель де Керуай, специально взятая в свиту принцессы, тоже не смогла убедить Карла II отказаться от тройственного союза и протянуть руку дружбы Людовику XIV. Злые языки утверждали, что герцогиня пригласила мадемуазель де Керуай, хорошо зная вкусы своего брата, предпочитавшего количество качеству...

Слуги разносили вазочки с джемом и корзины с фруктами. Мадам дю Плесси слышала, как один из них упомянул об отсутствии Дюшена...

Она вышла из толпы и приблизилась к большому окну. Стоял прекрасный день, и она невольно вспомнила свой первый приезд в Версаль. И тут же мысли ее обратились к единственной в мире женщине, угрожавшей ее жизни. Высоко подняла она голову и твердой походкой направилась в левое крыло дворца. Пройдя через анфиладу залов, Анжелика оказалась в комнате, выходящей на веранду.

Мадам де Монтеспан сидела за туалетом, а вокруг нее суетились горничные. Увидев Анжелику, все мгновенно замерли.

— Доброе утро, дорогая Атенаис!

— О, как мило, что вы навестили меня! — повернулась к ней фаворитка. — Чем же я могу, всеми покинутая, быть вам полезна?

Сейчас соперницы стремились перещеголять друг друга в любезности. Но голубые глаза Атенаис внимательно следили за мадам дю Плесси. Она понимала, что неожиданный визит не сулит ничего хорошего.

Анжелика расправила юбки и села на софу, обитую в те же цвета, что и стулья у туалетного столика. Меблирована комната была превосходно.

— У меня для вас есть интересные новости, — произнесла мадам дю Плесси.

— В самом деле? — снова отвернулась к зеркалу мадам де Монтеспан.
— Что ж, мы ждем!

Мадемуазель Дезоиль побледнела. Черепаховый гребень, которым она украшала голову госпожи, задрожал в ее руке.

— Здесь слишком много людей, Атенаис. А мои сведения не для чужих ушей.

— Вы хотите, чтобы я выслала прислугу? Нет, просто невозможно...

— Может быть. Но так будет лучше.

Мадам де Монтеспан снова повернулась к Анжелике. И, увидев выражение лица своей бывшей приятельницы, заколебалась:

— Я еще не готова — волосы не уложены. А король будет ждать меня в саду.

— Не беспокойтесь, мадам, я помогу вам справиться с вашей прической.

Мадам дю Плесси встала и спокойно подошла к женщине, ненавидящей ее всем сердцем. Она взяла из руки Дезоиль гребень и принялась искусно укладывать тяжелые пряди волос цвета спелой пшеницы.

— Такая прическа подойдет вам. Попрошу мадемуазель Дезоиль передать мне пару заколок.

Атенаис, не отрывая взгляда от зеркала, следила за Анжеликой. Та стала еще прекраснее, а значит, и более опасной, ибо красота ее была необычна. Прекрасный цвет лица, чистая и гладкая кожа, аккуратный нос. Глаза — словно драгоценные камни, а волосы, менее светлые, чем у фаворитки, глянцево блестели, пышными волнами спадая на плечи.

— Ни один мужчина не устоит против желания погладить их, — ревниво произнесла Атенаис, разглядывая волосы соперницы.

Внимательно осмотрев прическу и подправив кое-где выбившиеся локоны, Анжелика наклонилась и очень тихо прошептала:

— Дюшен умер прошлой ночью...

Ни один мускул не дрогнул в лице Атенаис. Она холодно и совершенно спокойно встретила неожиданное сообщение.

— А мне никто не говорил.

— Еще никто не знает, кроме меня. Вы хотите знать, как все произошло?.. — Распустив несколько прядей, Анжелика вновь принялась их расчесывать. — Он выходил из дома ЛаБуазен. Ей он принес записку и получил маленькую сумочку и флакон. И никто бы ничего не знал... кроме

вас, конечно. Осторожнее, дорогая, вы смяли баночку с румянами!

— Свинья! — сквозь зубы процедила мадам де Монтеспан, неожиданно перейдя на наречие Пуату. — Шлюха!.. Как ты посмела?!..

Мадам дю Плесси бросила гребень, вцепилась в гладкие, чуть полноватые плечи, которые когда-то так любил король, и вонзила в них свои полированные розовые ногти.

— А кто ты сама? Хотела убить моего сына? Тяжело дыша, женщины смотрели в зеркало друг на друга. Заговорила Анжелика:

— Вы приговорили меня к ужасной и постыдной смерти. Вы призвали на мою голову все дьявольские проклятия. Вы решили даже не жалеть ребенка... Но теперь дьявол лично занялся вами! Слушайте внимательно, мадам. Дюшен мертв и не проболтается. Никто никогда не узнает, куда он ходил прошлой ночью и кто написал письмо, предназначенное для ЛаБуазен...

Де Монтеспан вдруг почувствовала страшную слабость, колени ее задрожали.

— Письмо? Неужели он не сжег письмо? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Конечно, нет! — И Анжелика повторила:

— «Та особа жива по-прежнему, и привязанность короля к ней растет с каждым днем. Ваши обещания не стоят тысячи экю, которые я вам заплатила, а снадобья не принесли мне ни любви одного, ни смерти другой...»

Королевская фаворитка побледнела, как полотно, но самообладание не покинуло ее. Она рванулась из рук маркизы дю Плесси.

— Пустите, Горгона! Вы убиваете меня!..

Мадам де Монтеспан схватила пуховку и принялась пудрить плечи, пытаясь закрасить лиловые синяки, оставшиеся от ногтей маркизы дю Плесси.

— Что мне нужно сделать, чтобы получить обратно то письмо?

— Я никогда не отдам его вам. Или вы считаете меня душой? Письмо и другие мелочи, о которых я вам говорила, находятся в надежных руках. Они у одного адвоката, и, уж вы простите меня, я не назову вам его имени. Но помните, что у него есть возможность увидеть короля... А теперь, будьте любезны, передайте мне ту жемчужную заколку, я закреплю шиньон.

Мадам де Монтеспан передала украшение.

— В тот день, когда я умру, — продолжала Анжелика, — и печальная новость о кончине маркизы дю Плесси-Белльер достигнет ушей адвоката,

он немедленно передаст королю письмо и все остальные предметы, хранящиеся у него. Я думаю, что его величество без особого труда узнает и ваш почерк, и ваш стиль, мадам!..

Фаворитка больше не пыталась сопротивляться. Она была потрясена словами соперницы. Грудь ее тяжело вздымалась. Она лихорадочно открывала и закрывала баночки с румянами и притираниями на столе.

— А если я не позволю вам шантажировать меня? — выкрикнула она. — А если я рискну, и вы умрете? Единственное, чего я страстно желаю, — увидеть вас мертвой! Если вы останетесь в живых, вы отнимете у меня короля или сам король выберет вас — что, впрочем, одно и то же. Он так жаждет обладать вами, мадам! Ваши кокетливые отказы только подогревают его распалившееся желание. Он, пожалуй, скоро возненавидит меня — так ему хочется увидеть вас в апартаментах, которые он выстроил для меня. И коль мое падение предрешено, то по крайней мере мне хотелось бы получить последнее удовлетворение — увидеть вас мертвой. Мертвой!.. Мертвой!..

Мадам дю Плесси совершенно бесстрастно слушала выкрики мадам де Монтеспан.

— Вы прекрасно понимаете разницу между положением фаворитки, которую разлюбил король, и ситуацией, в которую попадете, если король узнает о ваших преступлениях. То есть тюрьма или ссылка до конца ваших дней. Я уверена, что наследница рода Мортемар сумеет сделать правильный выбор!

Атенаис ломала руки в бессильном гневе. Кипевшие в ней ярость, ревность и ненависть к счастливой сопернице лишали ее сил. Она не знала, что делать и у кого просить помощи.

— Фаворитка, которую разлюбил король! — как эхо, повторила она. — Нет! Если вы завоюете его расположение, вы завладеете им целиком. И вы все понимаете так же хорошо, как и я сама. Он управляет своими чувствами, а вы управляете его сердцем. И, поверьте, такое дорого стоит — овладеть сердцем мужчины!

— Не настолько уж я выигрываю в сравнении с вами, — передернула плечами Анжелика. — Не стройте из себя несчастную жертву, мадам. Не ваша роль! Лучше посидите спокойно и дайте мне закончить прическу.

— Да не дотрагивайтесь вы до меня!

— Но прическа действительно идет вам, Атенаис. И очень жаль, если она будет сделана только наполовину. Фи, как некрасиво!

В полном отчаянии Атенаис передала Анжелике гребень. Укладывая волосы, мадам дю Плесси посмотрела в зеркало и встретила свирепый

взгляд соперницы.

— Оставьте мне короля! — вдруг спокойно сказала Атенаис. — Ведь вы не любите его!

— А вы?!

— Но он уже мой! И мне больше подходит роль королевской любовницы.

Анжелика накрутила еще два локона и закрепила их у виска. Даже сам Бине не смог бы лучше уложить волосы.

— Дорогая Атенаис, — заканчивая работу, — сказала мадам дю Плесси, — не пытайтесь взывать к добрым чувствам, ибо для вас у меня их нет. Я просто хочу заключить с вами сделку. Если вы оставите меня в покое и перестанете плести заговоры, тогда мне дела не будет до ваших связей с колдунами и демонами. Но если вы решитесь на войну, то стрелы ваших молний обратятся против вас же, падут на вашу собственную голову и уничтожат вас. Не пытайтесь также подрывать мою репутацию и изводить какими-то другими уловками. Я всегда узнаю, откуда дует ветер, и не стану ждать, пока сама смерть избавит меня от вас. Вы говорите, что король любит меня. Тогда вы можете представить его реакцию, если он узнает, что вы преследуете меня. Учтите, моему адвокату все известно о ночной сорочке, посланной вами. И он расскажет королю, что вы хотели проделать со мной... И еще один совет, дорогая, на прощанье. Ваши волосы смотрятся прекрасно, но грим окончательно испорчен, на вашем месте я бы наложила другой.

Как только мадам дю Плесси вышла, в комнату вбежала стайка девушек и окружила свою госпожу у столика.

— Мадам, вы плачете? — испугалась одна.

— Дуры! Неужели вы не видите, что стало с моим гримом? — содрогаясь от рыданий, зло выдавила фаворитка короля. Посмотрела в зеркало на свое лицо, по которому текли разноцветные слезы, и удрученно вздохнула:

— Она права — конец. Мне надо начинать все сначала.

Всем бросился в глаза гордый вид мадам дю Плесси-Белльер. Во всеобщей суете и суматохе она так вызывающе высоко держала голову, словно хотела напугать окружающих. И, казалось, придворным дамам передалось чувство страха, только что испытанное мадам де Монтеспан. Сплетницы, еще недавно убежденные, что маркиза Атенаис де Монтеспан быстро разделается с «выскочкой», мгновенно потеряли уверенность, видя, как она окидывает их уничтожающими взглядами и как нежно улыбается королю. Людовик тоже не скрывал своих чувств и смотрел только на

Анжелику.

Мадам де Монтеспан не появлялась, и ее отсутствие никого не удивило, напротив, все нашли вполне естественным, что Анжелика прошла с королем по тропинке вдоль колоннады Минервы и далее во дворец по аллее фонтанов.

Король ввел ее в комнату для совещаний, где она бывала неоднократно ранее, когда монарх нуждался в ее советах. В комнате никого не было.

Когда двери за ними закрылись, король взял мадам дю Плесси за руки.

— Красавица моя! — быстро заговорил он. — Я больше не вынесу! Когда же вы перестанете мучить меня? Я никого не замечаю, кроме вас. Вы — мое солнце, моя звезда, до которой я никак не могу дотянуться. Вы — тот ручеек, из которого нельзя напиться. Вашим очарованием напоен воздух, которым я дышу. И все же я не могу приблизить вас к себе... почему? Почему вы так жестоки?! — Он почти потерял контроль над собой, обуреваемый страстным желанием. — Или вы думаете, что и дальше будете играть мной? Пора кончать с неопределенностью. Вы будете моей, пусть даже мне придется прибегнуть к силе! — Он привлек ее к своей груди.

— Вы можете найти во мне врага, сир!

— А я уверен в обратном. Не думаю, что я разбудил бы ваше сердце, оставаясь бесстрастным и терпеливым. Только узнав своего хозяина, вы начнете повиноваться его желаниям. Только после того, как он подчинит вас, вы станете послушны ему. Только проникнув в вашу плоть, я смогу проникнуть в ваше сердце... — Он помолчал и жалобно добавил:

— Ах, как волнуют меня тайны вашего тела!

Анжелику била дрожь. «Я не должна покоряться!» — думала она, но силы оставляли ее.

— Когда вы станете моей, — продолжал король, — когда я уговорами или силой возьму вас, тогда — я уверен! — вы же не уйдете от меня, ибо мы созданы друг для друга, и мы с вами будем править всем миром!

— Только что о том же самом говорила мадам де Монтеспан, — с тонкой усмешкой заметила Анжелика.

— Мадам де Монтеспан? Она так говорила? Вероятно, она думает, что я слепой. Я же прекрасно вижу ее злое сердце, ее неумную гордыню и повадки служанки, шпионящей за своими хозяевами. Она мешает вам? Заверяю вас, что уберу с вашего пути любого человека, стоит вам только пожелать! Только прикажите, и завтра же ее не будет при дворе!..

Анжелика попыталась перевести все в шутку и улыбнулась:

— Ваше могущество пугает меня, сир!

— Вам нечего бояться. Я готов отдать вам свой скипетр, ибо он попадет в достойные руки. Я доверяюсь вам во всем. Я буду ждать, сколько понадобится. Только скажите мне, наступит ли наконец время, когда мы поймем друг друга? — Он держал ее руки в своих и говорил умоляющим голосом.

— Думаю, что да, сир.

— Красавица моя, тогда мы поплывем на Киферу... на остров любви. И такой день наступит... Обещайте мне!..

Между поцелуями она тихо прошептала:

— Обещаю!..

И действительно, придет день, когда она встанет перед королем на колени и скажет:

— Вот и я...

Но будет это завтра или гораздо позже? Ответ зависел от нее самой, а она решила положиться на судьбу.

Глава 28

Мадам дю Плесси провела в Париже несколько дней, улаживая дела с Кольбером. После совещаний с ним она всегда очень поздно возвращалась домой. И однажды, прямо перед парадным подъездом особняка Ботрей, в призрачной темноте безлунной июльской ночи она увидела прихрамывающего нищего. Им мог быть только один человек — Черный Хлеб.

— Поезжай в Сен-Клу, маркиза! Поезжай в Сен-Клу! — хрипло прокричал он.

Она никак не могла найти дверную ручку, так бешено тряслись ее руки от неожиданно нахлынувшего страха. Нищий опередил ее и распахнул дверцу кареты.

— Торопись в Сен-Клу! Там что-то происходит. Я только что оттуда. Сегодня ночью там будут развлекаться. Поезжай!.. — Он стоял напротив дверцы и не давал Анжелике сойти на тротуар. — Поезжай, не медли!..

— Но меня никто не приглашал в Сен-Клу!

— Там будет еще одна непрощеная особа, сама смерть... Именно в ее честь там и устраивают торжество. Увидишь сама!..

Острая боль пронзила ее сердце при воспоминании о Флоримоне. Кровь застыла в жилах.

— Что ты хочешь сказать? — закричала она. — Что тебе еще известно?

Но старый бродяга вдруг отошел в сторону, и она услышала его шаги уже позади кареты. Мгновенно спрыгнув на мостовую, она бросилась за ним, но, обогнув карету, не нашла никого. Нищий исчез.

Анжелика приказала кучеру гнать лошадей в Сен-Клу. Закрыв дверцу, она прижала руки к груди, стараясь унять тяжелые толчки растревоженного сердца.

Кучер у нее был новый, раньше он служил у герцогини де Шеврез и в отличие от своего предшественника имел философский склад ума, и, вероятно, поэтому он осмелился заметить маркизе, что путешествие по лесу в столь поздний час небезопасно.

Признав его правоту, Анжелика приказала ему разбудить трех лакеев и управляющего Роже. Через несколько минут появились четыре человека. Маркиза велела им срочно вооружиться и сопроводить ее верхом. Кучер гикнул, и карета покатила к воротам Сент-Оноре.

Цоканье копыт гулко разносилось по безлюдным дорогам. Нервы мадам дю Плесси были до того напряжены, что каждый звук раздражал ее, и она закрыла руками уши. Поглощенная тревожными мыслями, она даже не заметила, как карета подъехала к воротам загородного дворца герцога Орлеанского. На площадке стояло множество экипажей, и ворота были распахнуты настежь.

И происходящее здесь никак не походило на праздник.

Анжелика выскочила из кареты и бегом направилась к дому. В передней ее поразило полное безлюдье. Ее никто не встретил, никто не помог раздеться. Она пересекла вестибюль и вошла в зал, где прохаживались придворные, переговаривающиеся почему-то шепотом. Она тревожно всматривалась в толпу, стараясь найти хотя бы одно знакомое лицо, и вдруг увидела леди Гордон, идущую прямо на нее.

Мадам дю Плесси остановила ее и спросила, понизив голос:

— Что здесь происходит, сударыня?

— Мадам герцогиня умирает, — тихо ответила та и скрылась за занавесью.

Анжелика посмотрела вокруг и схватила за рукав проходившего мимо лакея:

— Мадам умирает? Непостижимо! Ведь еще вчера она чувствовала себя превосходно. Я сама видела, как она танцевала в Версале!

— Да и сегодня тоже, мадам. Еще в четыре часа ее высочество шутила и смеялась... А потом выпила чашечку кофе и почувствовала себя плохо...

Фрейлина принцессы, мадам Деборд, лежала на софе, сжимая флакон нюхательной соли.

— Она шестой раз сегодня в обмороке, бедная женщина, — заметила мадам де Гамаш.

— А в чем дело? Она пила кофе из той же чашки? Она тоже отравилась?

— Нет, ее как раз и обвиняют в том, что она допустила отравление.

Мадам Деборд пришла в себя, заплакала и стала говорить что-то невнятное, рыдания не позволяли ей оправдаться. К ней приблизилась мадам де Гамаш, наклонилась и проговорила:

— Возьмите себя в руки, мадам! Ведь вы ни в чем не виноваты! вспомните, вы только кипятили воду, я принесла кипяток сюда, а мадам Гордон подала кофе в ее любимой чашке.

Но фрейлина ничего не слышала и не понимала. Она продолжала стонать и плакать, громко повторяя:

— Мадам умирает!.. Мадам умирает!..

— Мы уже знаем, — сказала Анжелика. — А пригласили ли к ней доктора?

— Все они там, — вздыхая, с трудом ответила мадам де Деборд. Король даже своего прислал. Там все собрались — королева, Великая Мадемуазель и монсеньёр...

— Ради бога!.. — прервала ее де Гамаш. Из апартаментов принцессы вышел сам Филипп Орлеанский вместе с мадемуазель де Монпансье. Остановившись у двери, Мадемуазель обернулась к герцогу.

— Кузен! — сурово прозвучал ее голос. — Ваша жена умирает. Ей нужен кто-то, кто бы поговорил с ней о Боге.

— Но ее исповедник все еще здесь, — запротестовал Филипп, оправляя складки жабо.

Казалось, что он расстроен меньше всех присутствующих. Мадемуазель в ярости передернула плечами:

— Ее исповедник? Конечно, ее исповедник! Если он чем-то известен, так только своей роскошной бородой. Но смерть... Кузен, да имеете ли вы понятие, что такое смерть?!

Герцог Орлеанский, изучая свои ногти, только горестно вздохнул в ответ.

— Знайте, что придет и ваше время! — воскликнула мадемуазель де Монпансье и разразилась рыданиями. — Тогда вам будет не до ногтей. Бедная Генриетта!.. — Она обвела залу взглядом и, заметив мадам дю Плесси, коротким кивком подозвала ее к себе. — Если б вы только знали, что здесь происходит! Людишки толпятся вокруг умирающей, болтают и кривляются, будто играют в плохой пьесе. А ее исповедник разглаживает бороду и несет явный вздор...

— Успокойтесь, кузина, — произнес герцог. — Давайте лучше подумаем, кто мог бы достойно исповедать ее. Ага, я знаю! Отец Босюэ. Мадам любила беседовать с ним!

Герцог тут же отдал распоряжение.

— Но мы не можем ждать. Кто знает, будет ли она жива, пока Босюэ едет сюда? Давайте поищем кого-нибудь здесь, в Сен-Клу.

Одна из фрейлин порекомендовала отца Фейе, каноника из Сен-Клу, известного в местном приходе очень хорошей репутацией.

— Но у него чертовски скверный характер, — с сарказмом заявил брат короля. — Зовите его, если хотите, а я удаляюсь. Я уже попрощался с Мадам.

Он резко повернулся на каблуках и направился к выходу. Свита последовала за ним. Флоримон, увидев мать, подбежал, чтобы поцеловать

ей руку.

— Страшное несчастье, правда, мама? Мадам ведь отравили!

— Прошу тебя, Флоримон, ради всего святого, не говори больше об отравлении.

— Но ее действительно отравили, я знаю! Все так говорят, да я и сам был там. Монсеньёр собирался отправиться в Париж, и мы стояли с ним во внутреннем дворике. Приехала мадам де Мекленбург. Монсеньёр поприветствовал ее и направился вместе с ней в апартаменты супруги... Тут леди Гордон подала Мадам чашку с холодным кофе; она выпила, тут же схватилась за бок и простонала: «Ах, как мне больно! Какой ужас, я не могу терпеть!» На ее розовых щеках появилась смертельная бледность. «Помогите, помогите! Я больше не могу...» Я сам слышал.

— Паж говорит правду, — подтвердила молоденькая фрейлина. — Когда Мадам добралась до постели, она сказала нам, что ее отравили, и попросила достать противоядие. Ей дали порошок из высушенной гадюки, но боль не утихла, а разыгралась с новой силой. Должно быть, ей подсыпали очень сильную отраву!..

Великая Мадемуазель даже возмутилась:

— Не говорите глупостей! Кому было нужно травить такую милую женщину? У нее никогда не было врагов.

Все замолчали, но тем не менее мысль об отравлении не покидала собравшихся, включая и мадемуазель де Монпансье. У всех на уме было одно имя — мужа Мадам — Монсеньёра, и еще имя его ссыльного фаворита. Мадемуазель вышла встретить только что прибывшего отца Фейе.

— Помогите нам, святой отец, ибо без вас герцогиня предстанет перед богом без исповеди, как еретичка. Пойдемте, прошу вас.

Мадам де Гамаш шепотом объяснила, почему монсеньёр не любит отца Фейе. Священнослужитель придерживался очень строгих правил, и к нему были бы применимы слова псалма:

«Я буду говорить о Твоих заветах

Перед лицом царя, и не устыжусь...»

Однажды во время великого поста он присутствовал на обеде в доме брата короля. Монсеньёр взял со стола сухое печенье и обратился к священнику с вопросом:

— Ведь этим я не нарушу правил поста?

— Съешьте хоть целого быка, — был ответ, — но будьте настоящим христианином.

Мадам де Гамаш вдруг замолчала. Внимание всех обратилось к

открывшимся дверям.

Из комнаты больной вышел король, сопровождаемый докторами. За ним следовала королева, прижимавшая платочек к глазам, а за ним шли графиня де Суассон, мадемуазель де Лавальер, мадам де Мои-теспан и мадам де Монтозье. Заметив Анжелику, король приблизился к ней, взял под руку и провел к алькову.

— Моя родственница умирает... — Его лицо выражало неподдельную скорбь, и, казалось, он искал дружеского утешения.

— Неужели нет никакой надежды, сир? А что говорят доктора?

— Сначала они твердили о временном недомогании. А теперь, мне кажется, они сами растерялись и не знают, что делать. Сошлись на том, что надо ждать. Ослы этакие! — Он бросил сердитый взгляд на эскулапов, оживленно шепчущихся друг с другом.

— Но что могло случиться? У герцогини было прекрасное здоровье. Она недавно вернулась из Англии и выглядела счастливой...

Король внимательно посмотрел на нее, как будто его осенила догадка. Ей захотелось взять его за руку, но она не посмела.

— Я прошу вашей любви, Анжелика, — вдруг прошептал он. — Оставайтесь здесь, пока... пока все не кончится, и приезжайте в Версаль. Мне нужен ваш совет. Вы приедете, дорогая?

— Да. Я приеду, сир!

Людовик XIV облегченно вздохнул:

— А теперь я должен уйти. Королям нельзя смотреть на смерть, таков закон. Когда буду умирать я, вся моя семья уйдет из дворца, и я останусь совсем один... Я очень рад, что с Мадам досточтимый отец Фейе. А вот и месье Босюэ. Мадам будет очень рада ему.

Король подошел к епископу и с минуту говорил с ним. Затем королевская семья удалилась, и Босюэ проводили к умирающей. Снаружи донеслось хлопанье каретных дверей и цоканье копыт. Придворные разъезжались.

Мадам дю Плесси присела на небольшую скамью. Флоримон как угорелый носился взад-вперед. Подбежав на минуту к матери, он сообщил, что монсеньёр лег на кровать и почти сразу уснул. В канун полночи к Анжелике подошла мадам де Лафайет и сообщила, что Мадам известно о ее присутствии здесь и что она просит ее зайти к ней.

В спальне герцогини толпились приближенные, но присутствие Босюэ и отца Фейе накладывало на происходящее особый отпечаток. Переговаривались шепотом. Оба священнослужителя отошли от изголовья умирающей и уступили место маркизе дю Плесси.

Анжелика увидела, как изменилась Мадам. Щеки ее ввалились, глаза померкли, и нос заострился. Под глазами образовались темные круги, и лицо уже искажала гримаса агонии.

— Боже, как вы страдаете! — прошептала Анжелика, стараясь унять слезы. — Я не могу без боли видеть ваши мучения.

— Как вы добры... Все говорят, что я преувеличиваю свои страдания. А у меня такие боли, что, не будь я доброй христианкой, я скорее покончила бы с собой, чем стала терпеть такую муку... — Она задыхалась, но продолжала говорить:

— Мадам дю Плесси, я рада очень, что вы пришли. Я не забыла о своем долге. Я привезла из Англии...

Она слегка кивнула Монтегю, английскому посланнику, чтобы он подошел ближе. Герцогиня заговорила с ним по-английски, но Анжелика разобрала, что она приказывает выплатить маркизе одолженные у нее три тысячи пистолей.

Посол был подавлен, ибо знал, каким ударом будет известие о смерти любимой сестры для короля Англии Карла II. Он решился спросить умирающую, не подозревает ли она кого-то конкретно, ибо он совершенно четко слышал слово «яд». Но тут поспешил вмешаться отец Фейе и перебил его:

— Мадам герцогине не надо никого обвинять. Все в руках Божьих.

Умирающая кивнула, закрыла глаза и долго молчала. Анжелика встала, собираясь оставить комнату смерти, но холодные, как лед, пальцы Генриетты Английской цепко держали ее руку. Мадам открыла глаза, и маркиза дю Плесси с удивлением отметила, что в них тихо светились спокойствие и мудрость.

— Здесь был король, — с трудом произнесла герцогиня. — С ним появлялись мадам де Монтеспан и мадемуазель де Лавальер.

— Я видела их, — подтвердила Анжелика и тут вспомнила, что Мадам сама любила короля.

Их флирт зашел так далеко, что возбудил подозрение королевы Марии-Терезы и королевы-матери Анны Австрийской. И тогда они решили отвести от себя подозрения, воспользовавшись, как ширмой, одной из ее фрейлин. Ею оказалась Луиза де Лавальер. И герцогиня вскоре оказалась свергнутой скромной фрейлиной. Гордость Мадам не позволила ей кому-нибудь пожаловаться, но... Мадам все-таки не удержалась и рассказала обо всем Атенаис де Монтеспан. И та, в свою очередь, заняла престижное место... И возле смертного одра собрались все три любовницы — две бывшие и одна настоящая. Потеря расположения Людовика не сделала

Мадам злой и мстительной. Она, напротив, стала еще более доброй, отзывчивой и мудрой. Пожалуй, даже чересчур мудрой. И вот она умирает, окруженная враждебностью или, в лучшем случае, совершенным равнодушием.

Глаза герцогини потускнели. Чуть слышным голосом она прошептала:
— Как бы мне хотелось, ради него самого, чтобы он полюбил вас... потому... что...

Она не смогла закончить фразы. Руки ее безжизненно упали, глаза закрылись.

Анжелика покинула спальню английской принцессы, опустилась на скамью в зале. Мгновение она сидела неподвижно, а затем ее губы зашептали сначала невнятно, а потом все громче и отчетливее слова молитвы.

Часа в два ночи из спальни вышел епископ Босюэ и сел рядом с ней. Он был голоден, и лакей принес ему чашку шоколада.

Флоримон, снующий, как ласточка, по коридорам и переходам, подбежал к матери и прошептал, что Мадам уже дышит с трудом. Босюэ молча поставил чашку на столик и направился в комнату умирающей. Навстречу ему вышла мадам Гордон, громко объявившая:

— Мадам Генриетта Английская скончалась.

Помня об обещании королю, мадам дю Плесси решила отправиться в Версаль. Она хотела взять с собой Флоримона, чтобы избавить его от тягостных хлопот, связанных с похоронами. Она нашла его в передней. Он сидел на каком-то сундуке и держал за руку маленькую девочку лет девяти.

— Это младшая Мадемуазель, — объяснил он матери. — Никому до нее нет дела, и я решил составить ей компанию. Она еще не поняла, что ее мать умерла, но когда поймет, то будет плакать. Я должен побыть с него рядом.

Анжелика ласково потрепала вьющиеся волосы сына. Хороший вассал никогда не оставит в беде своего сюзерена. Вот и она сейчас направляется к королю... Со слезами на глазах она поцеловала малышку, пока еще не расстроенную потерей матери. Ведь она в действительности очень мало знала ее — так же, как и та в свою очередь уделяла мало внимания дочери.

Экипаж катил в Версаль. Анжелика приказала кучеру гнать, не жалея лошадей. Она еще ночью прибыла во дворец, и ее сразу же провели в комнату для совещаний. Король ждал ее.

— Как?

— Все кончено. Она умерла. Король склонил голову, стараясь скрыть нахлынувшие чувства.

— Вы тоже полагаете, что ее отравили? — спросил он наконец.
Анжелика сделала неопределенный жест.

— Так говорят все, — продолжал король. — У вас светлая голова. Что думаете вы?

— Мадам давно боялась, что ее убьют или отравят. Она сама говорила мне...

— Значит, она боялась. Но кого? Разве она не называла никаких имен?

— Она знала, что де Лорен ненавидит ее и никогда не простит ей своей отставки.

— Кто еще? Говорите! Если не скажете вы, то кто еще посмеет или решится сказать?

— Мадам признавалась, что монсеньёр, приходя в ярость, не однажды грозил ей.

— Если мой брат... — король вздохнул и поднял голову. — Я приказал привезти сюда Мореля, главного дворецкого в Сен-Клу. И я хочу, чтобы вы послушали наш разговор, но так, чтобы он вас не видел. Спрячьтесь, пожалуйста, за портьеру.

Маркиза быстро встала за плотный занавес, затягивающий оконную нишу. Дверь отворилась, и в сопровождении Бонтана и лейтенанта дворцовой стражи вошел Морель — тучный мужчина, достаточно надменный, хотя для его профессии больше подошла бы угодливость. Несмотря на арест, он сохранял спокойствие.

Король дал знак лейтенанту удалиться.

— Слушайте меня внимательно, — заговорил он, глядя на Мореля. — Вам будет дарована жизнь, если вы будете говорить правду.

— Сир, я буду говорить только правду!

— Не забудьте своего обещания. Если вы солжете, вас казнят. Выбор за вами, как вы покинете дворец — живым или мертвым.

— После ваших слов, сир, — спокойно ответил главный дворецкий Сен-Клу, — нужно оказаться круглым дураком, чтобы лгать.

— Хорошо, отвечайте. Мадам отравили?

— Да, сир...

— Кто?

— Маркиз д'Эффиа и я.

— Кто инициатор, кто вам поручил такое страшное дело? И кто вам дал яд?

— Главный вдохновитель и организатор заговора — шевалье де Лорен. Он же прислал из Рима ингредиенты снадобья, Я его приготовил, а маркиз д'Эффиа положил его в питье ее высочества.

Голос короля внезапно ослаб:

— А мой брат... — попытался он совладать с собой. — Он знал о готовящемся покушении?

— Нет, сир.

— И вы можете поклясться?

— Клянусь Всевышним, сир, что виновен я один. Монсеньёр ничего не знал. Мы не говорили ему... Он разоблачил бы нас!

Людовик XIV облегченно вздохнул:

— Вот и все, что я хотел узнать. Теперь уходите. Я обещал вам жизнь, но вы должны покинуть королевство. И если вы когда-либо пересечете границу Франции — вас казнят!

Морель с Бонтаном удалились. Король неуклюже выбрался из-за стола.

— Анжелика! — голосом раненого, взывающего о помощи, позвал король, и Анжелика почти бегом бросилась на зов.

Он крепко прижал ее к своей груди, будто хотел задушить в объятиях, и она почувствовала, как он прижался к ее плечу.

— Анжелика, ангел мой!

— Я с вами, сир...

— Какое страшное дело! — бормотал он. — Что за низкие вероломные душонки!

Он еще не знал всей истины. Но такой день настанет, и он окажется одиноким среди целого моря лжи и преступлений.

— Не оставляйте меня одного!

— Я с вами, сир...

Наконец до него дошел смысл ее слов. Он поднял голову и робко спросил:

— Вы говорите правду, Анжелика? Вы теперь не покинете меня?

— Нет.

— И вы станете моим настоящим другом?.. И вы будете моей?

Она молча кивнула в ответ, а он осторожно коснулся руками ее лица.

— Вы говорите правду? — повторил он, тщетно пытаясь подыскать нужное слово. Рассвет окрасил в розовый цвет края занавесей.

— Рассвет... примета новой жизни, возрождение силы... Вы дарите их мне после этой ужасной ночи. О, радость моей души! Вы будете моей. Моей! Я буду обладать сокровищем!

Он стиснул ее в порыве страсти. Она почувствовала, как его сила вливается в нее, и на мгновение поверила, будто их возникающая связь сможет возвысить их обоих над всем миром. Враги ее исчезнут, как дым, и

все демоны вернутся обратно в ад.

В дверь осторожно постучал Бонтан:

— Сир, уже пора!

Анжелика попыталась высвободиться из его объятий, но он крепко держал ее.

— Сир, уже пора, — как эхо повторила она.

— Да, мне пора стать королем. Но я боюсь, что если выпущу вас, то потеряю снова.

Маркиза, печально улыбаясь, покачала головой. Она очень устала, и глаза сами закрывались после бессонной ночи.

— Я люблю вас! — пылко воскликнул король. — О, как я люблю вас, мой ангел! Никогда не покидайте меня!..

Глава 29

Рядом с двумя маленькими английскими ботиками, неаполитанской фелюгой и бис-кайской галерой на мелкой волне покачивался небольшой фрегат. Вокруг сновали шлюпки. Фрегат был оснащен бронзовыми пушками с королевскими лилиями на стволах, убран гирляндами цветов и орнаментом из раковин, канатами алого и желтого цветов, парчовыми драпировками, шитыми золотом и серебром. Такелаж был украшен флажками и вымпелами с королевскими эмблемами.

Людовик XIV превратил эту жемчужину корабельного искусства в новое развлечение своего двора. Ступив на первую ступеньку золоченых сходней, он обернулся к придворным дамам. Кого же он выберет, кто возглавит вместе с ним торжественную процессию? Король улыбнулся и протянул руку Анжелике. На глазах всего двора она поднялась по сходням и села на покрытое парчой канапе. Король сел рядом.

Следом на борт поднялись все приглашенные. Мадам де Монтеспан среди них не было. Она находилась среди придворных, разместившихся на галере. Королева со свитой расположилась на фелюге, а остальные придворные расселись по многочисленным лодкам. Королевские музыканты устроились на широкой барже.

Под звуки скрипок и гобоев маленькая армада заскользила по глади Большого Канала. Но прогулка оказалась непродолжительной — мрачные дождевые тучи заволокли синее небо.

— Надвигается гроза, — заметила Анжелика, пытаясь за беспечным тоном скрыть свой страх и тревожные предчувствия.

— Так вы думаете, что нас ожидает кораблекрушение? — весело поинтересовался король, не сводя с нее влюбленных глаз.

— Все может случиться, сир...

Вскоре все сошли на берег, где уже стояли навесы, под которыми их ждали приготовленные столы с угощениями. Началось веселье.

Решили играть в жмурки, и Анжелике выпало водить. Ей завязали глаза, а месье де Сент-Эньян крутанул ее так, что закружилась голова. Он тихонько отошел в сторону, а Анжелика расставила руки и, засмеявшись, громко воскликнула:

— О, не убегайте так быстро!

Вокруг нее слышался шепот, она даже уловила несколько слов, смысл которых не смогла понять. Вдруг мгновенно все звуки пропали и

наступила тишина. Потом кто-то подкрался к ней сзади и сдернул повязку.

— Ах! — закрыла она лицо руками.

А открыв глаза, она на миг остолбенела. Оказалось, что она находится не на лугу, а перед густыми зарослями кустарника, разделенными каменной лестницей, поднимающейся на три следующие одна за другой террасы. Наверху холма стоял небольшой дворец, окруженный розовыми мраморными колоннами. Заросли акации наполняли воздух дурманящим ароматом.

— Это Трианон, — сказал король, обнял ее за талию и повел вверх.

Она чувствовала, как дрожит его рука. Он так и не смог до конца преодолеть детскую робость по отношению к женщинам.

Анжелика уже и не пыталась сопротивляться. Чудесный дворец манил ее, обещая покой и негу. Ничего нельзя было поделаться с магическим треугольником любви, уединения и полумрака.

Открылась застекленная дверь. Помещение было декорировано парчовыми занавесями искусной выделки. Взволнованная молодая женщина не сразу обратила внимание на главную деталь интерьера — огромную кровать.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Здесь нечего бояться, любовь моя!

Склонив голову ему на плечо, она ощутила, как он расстегнул ей корсаж и теперь касается рукой ее высокой груди и дрожащими пальцами проводит по потаенным местам. Он тихо, но настойчиво увлекал ее к кровати.

— Пойдем, пойдем! — нежно просил он.

Сейчас им руководила простая животная страсть. Порыв похоти увлек его и бросил к ногам женщины, которой он так долго добивался. Самообладание монарха уступило место всепобеждающей любви.

Анжелика оперлась локтями на кровать и открыла глаза. Она понимала, что король полностью в ее власти, что сейчас она сильнее его и что необходимо успокоить, унять его разбушевавшуюся плоть своими ласками.

Вспыхнувшая молния пронзительно осветила стены большого покоя, и Анжелика затрепетала, с ужасом всматриваясь в нахлынувший на них мрак.

— Гроза... — тихо проговорила она. Раскат грома нарушил тишину.

— Пустяки. Чего нам бояться?

Вырвавшись вдруг из объятий короля, она подбежала к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Он удивленно спросил:

— Что с вами? Сейчас не время скромничать... Ваше поведение доказывает, что существует еще одно препятствие, о котором я давно догадывался. Неужели между нами действительно стоит другой мужчина?

— Да!

— Его имя?

— Жоффрей де Пейрак, мой муж. Человек, которого вы заживо сожгли на костре... — Ее рот открылся, будто ей не хватало воздуха. Она медленно поднесла руку к лицу.

— Жоффрей де Пейрак! — повторила она. У нее подкосились ноги. Она опустилась на пол возле окна, бормоча что-то тихим голосом, но слов ее было не разобрать.

— Что вы сделали со сладкоголосым певцом Тулузы, с Великим Хромым? Как я могу забыть Тулузу, где пели и разбрасывали по полу лепестки цветов?.. — Голос мадам дю Плесси постепенно окреп, и теперь можно было понять, о чем она говорит. — Тулуза!.. Самый благородный и самый жестокий из всех городов, город Жоффрея де Пейрака, которого вы заживо сожгли на Гревской площади...

Перед ее глазами плясало пламя холодного зимнего утра. Рыдания душили ее.

— Его пепел бросили в Сену. У его детей не осталось имени. Замки его разорены. Друзья отвернулись, и даже враги забыли его. Не осталось и следа от Отеля Веселой Науки, где радостно и светло текла его жизнь. Вы все забрали себе, сир, но вы не получите меня, его жену!

За огромными окнами дворца бушевала непогода. Гром и молнии, ветер и потоки дождя, превратившегося в ливень. Гроза разошлась вовсю. Казалось, сама природа встала на сторону Анжелики.

— Быть может, вы о нем забыли, — продолжала она, — но человек, пока жив, остается человеком, даже такой великий монарх, как вы, сир. А он превращен в прах, и даже пепел его развеян по ветру. Но я помню все и буду помнить всю жизнь. Я приходила в Лувр, чтобы вымолить ему прощенье, но вы прогнали меня прочь. Вы знали, что он невиновен, но вам нужно было избавиться от него. Он вам мешал! Вы боялись его влияния в Лангедоке. Потому что он был богаче вас и потому что не захотел унижаться перед вами. Вы назначили судей, обвинивших его, и убрали единственного свидетеля, могущего спасти его. Вы обрекли его на позор и мучения... Зачем вы осудили на безвестность и нищенское прозябание меня и моих сыновей? Как можно забыть такое?..

Она рыдала, но слез уже не было. Король стоял, как громом пораженный, и молчал.

Время шло...

Что было ему делать? Молчать или говорить? Ведь ни молчание, ни слова не освободят его от прошлого, каменной стеной отделившего их друг от друга.

Дождь продолжался, но гроза уходила. Из-за туч стали пробиваться слабые лучи солнца, и один из них, скользя, позолотил голову Анжелики. Король очнулся и посмотрел в окно. Затем он широким шагом подошел к стулу, где лежала его шляпа, и обернулся:

— Пойдемте, сударыня, двор ждет нас. Анжелика не шелохнулась.

— Прошу вас, приведите себя в порядок. Нам нельзя опаздывать. Мы и так слишком о многом поговорили.

Маркиза покачала головой.

— Не так уж и о многом. Только о самом необходимом...

Несколько секунд она никак не могла подняться — силы, казалось, оставили ее. Глаза ее были закрыты, руки безвольно повисли. Наконец, тяжело вздохнув, она встала и, шатаясь от слабости и нервного напряжения, оперлась о спинку кресла. Натянув платье, стала приводить себя в порядок. Руки не слушались ее.

Еще две минуты ей понадобилось, чтобы справиться с волнением. Потом она подошла к зеркалу, осмотрела прическу и поправила несколько выбившихся локонов.

Да, маркиза выглядела как обычно.

Король сделал шаг к ней, но так и не взял ее под руку. Оценив ситуацию, она сама двинулась к выходу. Пропустив ее чуть вперед, король пошел следом. Их шаги гулко раздавались на мраморных террасах дворца.

Как далеки друг от друга были эти двое!

Ночью предстоял бал, поздний ужин и карты. Мадам дю Плесси не могла выбрать — уехать самой или ждать приказа короля. Было ясно одно, что дальше так продолжаться не может. Но как и когда он решит ее судьбу?

Ночь кончалась, празднество было в полном разгаре. Но король не появлялся, он был занят делами. Мадам дю Плесси оставалась в центре внимания. Ее отсутствие одновременно с королем накануне вечером не прошло мимо внимания придворных. Мадам де Монтеспан покинула Версаль, не скрывая своей ярости. Но Анжелика просто забыла о сопернице, ибо у нее появился гораздо более могущественный недруг. Если король открыто выкажет к ней свою немилость, что станет с Флоримоном и маленьким Шарлем-Анри?

Она села за карточный стол и проиграла чуть ли не тысячу пистолей.

Неудача показалась ей символической. Тысяча пистолей! Она не любила карты, но при дворе почти каждый день шли азартные игры. Она подумала, что с картами, да и со всем остальным, скоро будет покончено, уверенность, что истекают последние часы ее пребывания в Версале, не оставляла ее.

Поднявшись из-за карточного стола, она решила в последний раз обойти все места, где любила посидеть, любуясь окружающей красотой. Остановившись у окна в Главной галерее, она вспомнила утро, когда встретила здесь Баркароля и разговаривала с ним. Она все еще была во дворце, в котором могла бы занять место королевы, через окно которого, в конце аллеи, виднелись мачты прекрасной флотилии.

Погруженной в глубокую задумчивость ее и нашел Бонтан. Поклонившись, он шепнул ей, что король хочет видеть ее. Итак, час пробил!.. Король выглядел спокойным и ничем не выдавал своих чувств.

Он понимал, что сейчас разыгрывается драма, последний акт которой очень важен для него. Никогда еще он так пылко не желал победы. Никогда он не сталкивался с такой прочной обороной.

«Если она уйдет, — думал он, — мое сердце не выдержит и превратится в уголь!..»

Он нетерпеливо шагнул по кабинету, поглядывая на дверь, дожидаясь женщины, которую любил больше всех на свете и желал обладать ею так страстно, что, казалось, сердце разорвется от боли.

Маркиза вошла, и он пригласил ее сесть. Остановившись перед ней и стараясь говорить спокойно, он начал:

— Вчера, сударыня, вы выдвинули против меня много тяжких и несправедливых обвинений. Я провел всю ночь, просматривая судебные отчеты того дела, пытаюсь восстановить его в памяти и соединить воедино все детали. Многие детали процесса, конечно, стерлись из памяти, но суть дела я не забыл. В начале своего правления я был втянут в игру, где призом победителю служила корона и королевская власть...

— Мой муж никогда не угрожал ни вашей короне, ни вашей власти. Только зависть...

— Давайте не будем повторять все снова, — прервал ее король. — И давайте не ссориться понапрасну. Я утверждаю, что граф Жоффрей де Пейрак угрожал моей короне, ибо стал самым богатым и могущественным из всех моих подданных. Величие других людей было и остается моим злейшим врагом. Вы ведь умная женщина, Анжелика, и гнев не должен лишить вас здравого смысла. Я хочу объяснить вам, как все обстояло на самом деле. Когда я достиг совершеннолетия и вступил на престол, в

стране повсюду вспыхивали бунты и волнения. Началась гражданская война, наседали иностранцы, и Франция одно за другим теряла свои заморские владения. Во главе моих основных врагов стоял очень могущественный человек — мой дядя Гастон Орлеанский. Принц Конде поддерживал с ним дружеские связи. Плелись многочисленные заговоры. Члены парламента тоже выступали против короля. При дворе оставалось мало верных людей. Единственными, в чьей верности я не сомневался, были моя мать и кардинал Мазарини, ненавидимый всеми. Кардинал был итальянцем, а моя мать манерами и привычками всегда оставалась испанкой. Можете себе представить, как их любили мои подданные! А в середине, между двумя противоположными полюсами, стоял я, — в сущности, еще ребенок, хотя и располагавший огромной властью, но еще слишком слабый, чтобы ею воспользоваться.

— Но вы не были ребенком, когда арестовали моего мужа...

— Ради всего святого, не будьте такой упрямой! — воскликнул король. — Неужели вы все-таки обыкновенная женщина, не способная постичь суть дела? Боль, причиненная вам арестом и казнью графа де Пейрака, составляет лишь крошечную деталь панорамы, которую я хочу воссоздать для вас.

— Но граф де Пейрак был моим мужем, и согласитесь, сир, такая крошечная деталь, для меня важнее всей вашей панорамы...

— Очевидно, история должна была идти в соответствии с личными интересами мадам де Пейрак, — сыронизировал король, — даже если панорама является всем остальным миром.

— Мадам де Пейрак не интересуется историей всего остального мира, — парировала она его колкость.

Людовик даже привстал, глядя на лихорадочный румянец, проступивший на ее щеках, и слегка улыбнулся:

— Однажды вечером, не таким уж далеким, в этой самой комнате вы вложили свои руки в мои и принесли клятву верности королю Франции... Впрочем, такие клятвы я слышал не единожды даже из уст предателей и перебежчиков. Множество дворян было готово сложить свои гордые головы в борьбе со своим сюзереном, если только им казалось, что с ними обходятся несправедливо. Вот почему я всегда старался держать их всех при себе в Версале, на глазах. У меня не было никаких иллюзий ни на чей счет, даже на ваш, мадам.

Задумавшись на минуту, он продолжал:

— Я не собираюсь разжалобить вас и просить о снисхождении к молодому королю, каким был тогда. Между моей прежней

беспомощностью и нынешним могуществом пролегла большая и трудная жизнь. Помню, как парламент поднял против меня армию, как герцог Бофор и принц Конде организовали Фронду, как интриги герцогини де Шеврез привели в Париж армию эрцгерцога Австрийского. Когда Мазарини приказал арестовать Конде, тогда герцогиня де Лонгвиль, сестра принца Конде, подняла Нормандию, а принцесса Конде возглавила восстание целой провинции Гиень и руководила им из своей столицы Бордо. Я помню бегство первого министра и помню, как французы сражались друг с другом под стенами нашего Парижа...

Мадам дю Плесси сидела, сомкнув пальцы, не глядя на Людовика. Он чувствовал, что она слушает его невнимательно, и это причиняло ему больше нравственной боли, чем сами невзгоды, о которых он рассказывал.

— Зачем вы мне все это говорите? — спросила вдруг она. — Чем я смогу помочь вам?

— Зачем я говорю? — повторил он ее слова. — Да затем, чтобы спасти свое доброе имя в ваших глазах. Обрывочная и неполная информация, которой вы располагаете, явилась причиной того, что вы составили неверное и даже оскорбляющее меня представление о своем монархе. Король, злоупотребляющий властью только для удовлетворения своих низменных желаний, недостойн священного звания, врученного ему Господом Богом. Лишить человека жизни из зависти или ревности — деяние, достойное осуждения, и подлинный сюзерен не должен поступать так с вассалами. Но то же самое действие, исполненное для блага народа или для торжества мира в королевстве, — акт мудрости и благоразумия.

— Но каким образом мой муж мог угрожать спокойствию королевства?

— Вот именно! Я только что достиг совершеннолетия, мне исполнилось шестнадцать лет. Я знал лишь тяжесть королевской короны, но не ее силу. Я мобилизовал все мужество, убеждая себя, что для спасения трона мне еще предстоит найти много способов укрепления власти. В самом начале правления мне пришлось арестовать кардинала де Реца. Так я начал наводить порядок в своем доме. А потом мне пришлось решать судьбы многих других людей, главным образом моих врагов. Дядя, герцог Гастон Орлеанский, был сослан... Бофор и Ларошфуко прощены... принц Конде удрал в Испанию, и я приговорил его к смерти. Но когда дело дошло до моей женитьбы, испанцы стали просить о его помиловании, и я даровал ему жизнь. Время шло, и меня стали занимать другие заботы, — в частности, дело бывшего суперинтенданта Фуке. Вы знаете, какие поместья он развел в Иль-де-Франс и в Аквитании? Очень много говорили

и о чудесах Тулузы. Тогда я еще не знал, что обычаи той провинции так же странны для парижан, как, например, обычаи заморских стран, Тулузский граф был образован, влиятелен, эксцентричен, богат и высокомерен, И в первый же раз, как я увидел его, меня охватило беспокойство. Да, он был богаче меня и раньше или позже мог стать могущественнее меня. Тогда я стал думать, как обуздать силу, способную создать королевство в королевстве. Поверьте мне, я ничего не имел против него как человека, но мне нужно было уничтожить угрозу верховной власти. И чем ближе я знакомился с ним самим и со всем тем, что было с ним связано, тем больше я убеждался, что графа де Пейрака нужно обезвредить... Кстати, у вашего мужа был еще один враг. Не знаю почему, но его хотел уничтожить даже сам Фуке!

Анжелика заново переживала прошлое. Лоб ее стал влажным.

— Я причиняю вам боль, любовь моя, — король вздохнул. — Бедняжка, простите меня!.. Но я продолжу свой рассказ. Да, тогда-то я и перепоручил все Фуке. Я был уверен, что он доведет дело до конца. Так и случилось. Он знал, как использовать для своей выгоды мстительность архиепископа Тулузского. Да, Фуке умел убирать врагов. Я лишь следил за его методами, а впоследствии, когда потребовалось убрать его самого, воспользовался ими... Я прочитал все материалы по делу вашего мужа и понимаю, чем вы возмущены. Вы говорили об убийстве одного из свидетелей защиты, отца Кирше. Увы, все верно. Все было в руках Фуке и его клеветов. И Фуке очень хотел уничтожить графа Жоффрея де Пейрака. Дело зашло слишком далеко. Потом вы прибыли в Лувр просить о помиловании. Я помню ваше появление так же хорошо, как и тот день, когда впервые увидел вас в платье из золотой парчи... ослепительно прекрасную. У меня вообще хорошая память на лица, а ваши глаза невозможно забыть. И когда, годы спустя, вы появились в Версале, я сразу же узнал вас — хотя вы были представлены как новоиспеченная маркиза дю Плесси-Белльер. Мне показалось, что вы не хотели вспоминать прошлое. И я подумал, что вы простили меня. Неужели я ошибался?

— Нет, сир, не ошибались, — печально ответила она. — И я благодарна вам.

— Неужели вы уже тогда вынашивали планы жестокой мести? Заставить мое сердце разрываться на части — как вы сделали сейчас! — за страдания, причиненные вам ранее?

— О нет, сир, нет! Прошу вас, не думайте, что я способна на такую месть, да еще такую бесполезную.

Король слабо улыбнулся:

— Как хорошо вы видны в своем ответе! Мечь — вообще дело бесполезное, а вы не та женщина, чтобы тратить попусту силы. Тем не менее, вы достигли цели. Вы наказали меня и причинили боль в тысячу раз большую, чем даже могли бы предположить...

Мадам дю Плесси смотрела мимо него.

— Я бессильна перед судьбой. Я бы хотела... да-да, я бы хотела забыть прошлое. Я была молодой, любила жизнь и думала, что останусь верной Жоффрею. Но будущее улыбалось мне, оно манило и соблазняло... И теперь, когда прошли годы, я все еще не могу позабыть прошлое. Жоффрей был моим мужем, я любила его, а вы сожгли его на Гревской...

— Нет, — тихо произнес король.

— Его сожгли заживо, — упрямо проговорила мадам дю Плесси, — хотите вы или нет. И я всю жизнь буду слышать треск дров в костре, разложенном по вашему приказанию.

— Нет, — твердо повторил Людовик, сильно ударив тростью об пол.

На сей раз она услышала. Глаза ее широко раскрылись и в упор глянули на короля.

— Нет! — третий раз повторил Людовик XIV. — Его не сожгли! В тот январский день 1661 года на костре сгорел труп какого-то преступника, которым по моему приказу подменили вашего мужа! В последнюю минуту Жоффрей де Пейрак был спасен. Я сам давал указание палачу — как все проделать и сохранить в полной тайне. Ибо если я и хотел спасти Жоффрея де Пейрака, то вовсе не желал вызволять графа Тулузского! Дело было сопряжено с большими трудностями. Для выполнения плана использовали одну из таверн на Гревской площади — ее подвал связан с Сеной подземным ходом. Утром, в день казни, мои переодетые слуги притащили туда труп в белом саване. Когда же на площадь прибыл кортеж с осужденным, палач завел осужденного в таверну, чтобы смертник выпил свою последнюю в земной жизни чашу вина. Здесь и была совершена подмена. И когда пламя лизало безымянный труп, граф де Пейрак с лицом, закрытым капюшоном, шел по туннелю к Сене, где его уже поджидала лодка.

Король замолчал и, нахмурившись, посмотрел на бледное лицо Анжелики. Потом он с трудом передохнул и сказал:

— Но я не могу сообщить вам, что он жив. Увы, сударыня, никакой надежды нет. Граф действительно мертв. Но он умер не той ужасной смертью, в которой вы упрекаете меня. Он сам виноват в своей смерти. Я даровал ему жизнь, но не свободу. Мои мушкетеры должны были отвести его в крепость, где ему предстояло находиться в заключении. Но он

совершил побег. Это-то и стало его ошибкой. У него не хватило сил, чтобы переплыть реку, и он утонул. Через несколько дней его труп нашли на берегу Сены и опознали. Смотрите, вот документы, подтверждающие, что все, о чем я рассказал вам, является правдой. Вот рапорт лейтенанта мушкетеров о побеге узника и вот акт об опознании трупа... О, Боже! Не смотрите так на меня! Могу ли я поверить, что вы все еще любите его? Невозможно любить человека, которого не видишь много лет, да к тому же еще и умершего. Ах, женщины, как упорно цепляются они за свои мечты! Неужели вы никогда не задумывались над тем, что делает с нами время? Даже если бы вы увидели его снова, вы не узнали бы его... а он не узнал бы вас. Ведь вы стали совсем другой женщиной, а он бы стал другим мужчиной. Я не могу даже представить себе, чтобы у вас не хватило здравого смысла...

— Любви всегда недоставало здравого смысла, сир. Могу ли я попросить вас об одолжении? Доверьте мне документы, удостоверяющие его заключение, бегство и смерть.

— Но зачем они вам?

— Я буду перечитывать их в ночной тишине и горевать в одиночестве.

— Вам не удастся одурачить меня. Вы наверняка что-то задумали. Так слушайте меня внимательно. Я запрещаю вам, — понимаете? — запрещаю покидать Париж без специального на то моего разрешения.

Мадам дю Плесси склонила голову и с мольбой протянула руки к Людовику:

— Прошу вас, сир! Я умоляю вас, дайте мне посмотреть документы! Я обещаю вернуть их вам через несколько дней.

Король пару секунд смотрел ей в глаза.

— Хорошо. Но будьте внимательны и осторожны. Вы имеете теперь право все узнать, раз я сам посвятил вас в тайну. Я знаю, вы будете плакать, страдать и переживать, но зато потом вы станете благоразумной.

Она выхватила у короля бумаги, прижала их к груди, будто драгоценное сокровище, и тихо прошептала:

— От всей души благодарю вас, сир.

Она находилась в таком возбуждении, что казалась невменяемой. Длинные ресницы бросали тени на ее побледневшие щеки, и король не мог видеть выражения ее глаз. Она поднялась, забыв сделать реверанс, и, не замечая ничего вокруг, пошла к двери.

— Что за женщина! — проговорил ей вслед король. — Мила и непосредственна, как дитя, и так упорна в своей любви. Если бы ее любовь была предназначена мне... но, увы! Отправьтесь к вашим мечтам, дорогая.

Анжелика, поглощенная своими переживаниями, не видела, что король тоже поднялся и, прощаясь, протянул к ней руки. И она не услышала, как его губы прошептали ее имя:

— Анжелика!..

Уже в сумерках она пересекла парк. Желая хоть немного успокоиться, она шла пешком, прижимая к груди бумаги и разговаривая сама с собой. Встречные придворные сначала принимали ее за пьяную или помешанную, но, узнав мадам дю Плесси-Белльер, новую фаворитку короля, низко кланялись ей. Она же, казалось, не замечала ни людей, ни деревьев, ни статуй. Она шла с одним намерением — найти тихое и уединенное место. Наконец она остановилась у небольшого пруда. Сердце ее учащенно билось, она задыхалась от волнения и быстрой ходьбы.

Усевшись на мраморную скамью, маркиза принялась читать документы, взятые у короля, но в полумраке буквы сливались. Подняв глаза вверх, она увидела тесно сплетенные друг с другом кроны деревьев.

И интуиция, дремлющая в сердце каждой женщины, вдруг пробудила в ней надежду.

Ведь если он не сожжен на костре, то, может быть, жив и до сих пор... Если судьба чудом спасла его от пламени — неужели она не вернет его ей? Где же он сейчас в этом бескрайнем мире? Он ждет ее, и она пойдет к нему. Если понадобится, она пойдет босая и нищая, метр за метром, пока не найдет его. Злые люди оторвали его от нее, но, к счастью, не отняли у него жизнь. Придет время, когда она отыщет его и со слезами радости припадет к его груди.

Она не могла уже вспомнить ни его лица, ни голоса, но она протягивала к нему руки сквозь пропасть долгих и мрачных лет.

Ее глаза устремились в небеса, где верхушки деревьев раскачивались, тревожимые легким ветром, как водоросли в морской пучине.

И, вне себя от радости и вспыхнувшей надежды, она громко крикнула небу:

— Он не умер!.. Он не умер!.. Он жив!

notes

1

Габриэль д'Эстре — фаворитка Генриха IV

Диана де Пуатье — фаворитка Генриха II

3

Вы говорите по-персидски? (Прим. авторов)

Кифера — остров в Ионическом море. В мифах — остров волшебниц и родина Эроса, бога любви